

Юрий Стрелов

«Он хуже Пугачёва»

**Иркутск
2013**

УДК 821-161-1
ББК 84(2=Рус7)

С 84 Стрелов Ю. «Он хуже Пугачёва»: Художественно-документальный роман о жизни и деятельности Александра Николаевича Радищева на земле Илимской. – Иркутск, 2013. – 420 с.

Автор благодарит районных краеведов Анатолия Степановича Бубнова и Татьяну Афанасьевну Губа за активную помощь в подборе исторических документов и книг в работе над моим романом о Радищеве.

© Ю. Стрелов, 2013

Предисловие

Обязательно кто-то меня спросит:

– Что толкнуло тебя написать такую книгу об этом человеке?

Прежде всего, я хочу ответить словами летописца, иркутского краеведа П.И. Пежемского из его книги: «Панорама Иркутской губернии»: «Если ты сын России, то не лишним будет для тебя знать дела твоих земляков в Сибири; если ты природный сибиряк, то тебе надо знать ещё больше, потому что родился на той земле, где предки твои, первые русские люди, покорили, очистили, прирастили Сибирь к России». Взято из книги А.С. Бубнова «Илимская пашня. Время перемен».

А так как я коренной сибиряк, меня давно заинтересовала судьба великого гражданина России Александра Николаевича Радищева, бунтаря, первого революционера, который несколько лет отбывал ссылку в краю Илимском. Ещё в 1982 году был напечатан мой очерк «Радищев» в четырех номерах в районной газете «Маяк коммунизма». Приходилось долго собирать данные про этого человека. Тогда я понял, что как мало было известно о Радищеве. Но, написал. А вот о его знаменитой повести много написано. Нам известно из всех книг, как его допрашивали, как судили. Всех авторов просто невозможно перечислить.

И вот, когда вышла моя книга очерков, зарисовок «Коршуниха», с моим очерком «Радищев», то я вдруг подумал, а что если продолжить писать об этом уникальном человеке? Но только описать период илимской ссылки. И только тогда я понял, почему многие авторы не взялись за эту тему. Потому что надо было рассказать не только о его жизни в самом Илимске, но и описать деревни и их жителей. Авторы просто не знали эти места, да и не знали, что Радищев побывал во всех деревнях на Илимке до самого его устья. Достиг Тунгуски. (Тунгуской называли нижнее

течение Ангары). Проезжал по Илиму летом и зимой. Об этом известно во всех документах. Это одно дело. Но, главное, надо было автору знать все деревни. Поэтому-то так мало писали о периоде жизни Радищева. Но, только документально и весьма скупо.

До моей будущей книги о Радищеве, я написал книгу «Пашенные крестьяне». Здесь большую помощь над рукописью мне оказали местные жители, неутомимые краеведы Анатолий Степанович Бубнов (ныне покойный) и Татьяна Афанасьевна Губа. Все деревни на Илеме я не знал, хотя тоже путешествовал по Илиму в годы моей молодости. И когда я взялся за работу над романом о Радищеве, мне опять оказали большую помощь краеведы А. С. Бубнов и Т. А. Губа. И мне было немного легче работать, так как я уже многое знал о деревнях из моей рукописи «Пашенные крестьяне». Теперь я понял, что не отступлю. Надо не работать, а вкалывать. Кажется, порой не хватало суток. Путал утро с вечером, и вечер с утром. Иногда мои герои приходили ко мне во сне. Разговаривал с ними.

В моей книге «Пашенные крестьяне» есть вымышленный герой, дух Илима. Он проходил у меня через всю книгу. Он помогал и всячески поддерживал первых поселенцев на Илеме, в этом глухом и погибельном краю. Дух был просто необходим первопроходцам.

Такой герой, илимский дух, появился и в романе о Радищеве. Так уж получилось, что я просто не мог не включить его. В общем-то, единственный герой, мною придуманный. Кстати, он, всегда, появляется во время. Даже предупреждает Радищева о трудной судьбе в будущем.

В предисловии в книге А.С. Бубнова есть странные строки, в общем-то, у серьезного человека: «История развития человечества говорит о том, что более отсталым народностям достаются и более глухие места. Что это значит? Или прав А.Н. Радищев, назвав Илимский край погибельным? Над Илимом висит какое-то проклятье? Что это? Мистика?» Даже такой человек, как мой друг Анатолий Бубнов, который ни во что не верил, вдруг написал такие слова? Что это? Мистика? Работая над книгой о Радищеве, я всё больше задумывался над этой фразой серьезного

человека. А почему я не имею право поразмышлять над странной судьбой великого гражданина Радищева, жившего в погибельном, но странном краю? А может мой герой, таежный человек, не так уж придуман мною? Возможно, он есть? И, живет среди нас дух Илима в образе какого-нибудь человека? Он помогал крестьянам выжить, он поднимал дух крестьянских жен во время войны? Он всячески поддерживал крестьян во время переселения семей в обжитые места, когда затапливали долину Илима? Дух и сейчас помогает илимчанам выжить и выстоять в жестокое и окаянное время дикого капитализма? Он с нами. Надо только поверить в него.

Есть в начале романа отступление в наше время. А почему я не должен отступить, если внутренний мир не изменился? Этикетка вокруг человека за двести с хвостиком лет изменилась, а сам человек никогда. Были и тогда и сейчас стоящие у всякой власти большой и маленькой: мошенники, плутишки, казнокрады, угодники и вертлявые подхалимы. Только сейчас они более изощреннее, хитрее, вороватее и подлее. И в то время и сейчас безбожно обкрадывают несчастную Россию. Только сейчас идут вход миллиарды рублей. Наводняют всё и везде иностранщиной, как и во времена Радищева. Что изменилось? Изменилась этикетка с иностранными словами на всех перекрестках страны. Стоящих у власти господ в душах потемки. Придя в церковь для моды, правой рукой молятся, левой рукой всё гребут под себя, а уста изощряются в словоблудии и туманных обещаниях. И я имел право делать отступления в наше окаянное время дикого капитализма.

Если бы вдруг Александр Николаевич Радищев появился в нашем времени, то он бы написал новую книгу под названием «Путешествие из Петербурга во Владивосток».

Вот такое вот неожиданное предисловие я дал к моему роману о великом гражданине всех времен и народов Радищеве.

«Ты хочешь знать: кто я? Что я? Куда я еду? –

*Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе, и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду».*

А. Н. Радищев

Часть первая

1792. Первый год ссылки

4 января 1792 год. В занесенной снегами долине между горным хребтом и берегом реки Илим, Радищев увидел несколько десятков изб. Они были разбросаны вокруг высокой стены старинного острога.

Радищев только сейчас понял, что хотя провел в Сибири весь 1791 год, настоящая ссылка началась только теперь.

Сопровождали Радищева трое: унтер-офицер и два рядовых солдата. Согласно Иркутской канцелярии Радищева надо было доставить на место ссылки в Илимск, и сдать под роспись приказчику крепости. В остроге ещё находилось несколько полицейских. Они жили в своих домах.

Лошади остановились на краю села. Высокие горы, занесенные снегом избы, два пьяных мужика держали друг друга за грудки, навяли на Радищева унылую тоску. И здесь ему придется отбывать ссылку целых десять лет!

Радищев стоял посреди дороги, и смотрел на окружающую его местность. К нему подошел офицер.

– Ну вот, Александр Николаевич, вы и на месте. Сейчас солдат позовет комиссара, и он покажет вам ваш дом. Как я посмотрю, он должен состоять из пяти комнат. Большой дом. Здесь с вами будет находиться сержант Воробьев. Так указано в документе. Вы уж извините.

Один из солдат побежал в крепость. Теперь надо бы рассказать о сержанте. Всё-таки, этот человек будет находиться при Радищеве, и каждый месяц письменно докладывать в Иркутскую

канцелярию о политическом ссыльном Радищеве. В исторических документах, которые оказались под рукой профессора, доктора экономических наук Шерстобоева Вадима Николаевича, автора двухтомника «Илимская пашня» указывается фамилия сержанта Воробьева, который постоянно надзирал над Радищевым. Вот что там написано: «Сержант Воробьев прибыл в Илимск 15 декабря 1791 года для «присмотра в Ылимском остроге при секретном присмотре Радищева». Происходил сержант Воробьев из солдатских детей города Иркутска. В сражениях не бывал «российской грамоте, читать и писать и другие какие науки не умеет». Деньги и провиант Воробьев получал из Киренска, так как в то время Илимск подчинялся Киренскому уезду. От Илимска до Киренска было пятьсот верст. В то время Воробьеву было пятьдесят лет. Сам Воробьев, по своей неграмотности, давая доверенность на получение денег, сообщал, что отлучаться не может: «Нахожусь в Ылимске по особо данному мне наставлению декабря 15 дня 791 года. За подписанием его превосходительства Лариона Тимофеевича (Нагеля) за присмотром бывшего господина чиновника Александр Николаевича Радищева, коим повелено, чтоб при нем находиться здесь впредь до повеления, с надзиранием, чтоб он в судьбе своей отягощен не был. И при случившихся оказиях о состоянии его к его превосходительству Ивану Альферьевичу (Пилю), равно и к его превосходительству Лариону Тимофеевичу ежемесячно рапортовать. Почему мною то исполнение и чинитца. Подписался сержантъ Никола Воробьевъ».

Во времена Радищева, когда он начинал здесь ссылку, воевод уже не было. Управляли илимской слободой приказчики. Иногда их называли почему-то комиссарами. Илимск к этому времени был захолустным селом из нескольких десятков домов. Так что управляющего Илимским острогом можно называть по-разному. Здесь была одна пекарня, винокуренный и пивоваренный заводы, кабак, конный двор, съезжая изба. Школ здесь не было. Люди были абсолютно неграмотные. Аптек и других лечебных пунктов здесь не было. При комиссаре находился один писарь для составления разных документов.

Ещё находясь в Иркутске, где Радищев прожил два месяца, все имущество и люди, ехавшие с ним в Сибирь, были уже направлены в Илимск. Для жилья там нашелся готовый дом, служивший воеводской канцелярией. Одновременно с ними в Илимск были направлены и мастеровые люди, чтобы к приезду Радищева сделать нужный ремонт дому. Эти работные мастеровые были ссыльные крестьяне. Радищев купил этот дом за десять рублей. Он стоял на краю Илимска.

И вот Радищев в Илимске. Из открытых ворот крепости вышел небольшого роста и кругленький мужичок в шубе.

– Сейчас я вам покажу ваш дом, Лисандр Николаич – сказал мужичок. – Я комиссар в Илимске Иван Григорьевич Неуспокоев. – Там пять комнат. Там уже работают людишки. Проходите ко мне в гости. Там чай горячий есть. Можно и винца подать. У вас, как мне с Иркутска отписали, жена на сносях? Как скоро ждете прибавления? Не надо бы нервничать господин хороший. Не надо.

– В апреле ждем, – ответил Радищев. – Нам бы до места прибыть. Жена болеет.

– Дык, этова, у меня печку истопим, – упрямо твердил Неуспокоев. – У меня банька есь. Не надо нервничать. Не надо.

К приказчику подошел офицер.

– Слушай, господин Неуспокоев, ты, на что здесь поставлен? Принимать гостей. Александр Николаевич торопится в свой дом. Вот иди и показывай.

Приказчик даже выпрямился. Он был возмущен.

– Как вы посмели так выражаться со мной? Я здесь поставлен комиссаром. А оный господин считается опасным преступником. Ссылный он. Это ишо хорошо для его семьи, дом теплый есть. Не надо нервничать. Не надо. Он ссыльный, и некаво мне здесь указывать!

– Слушай сюда, господин Неуспокоев, сейчас я тебя успокою. Сейчас я тебе покажу предписание насчет ссыльного Радищева от самого губернатора Иркутска Ивана Альферьевича Пиль.

В самой крепости был большой воеводский дом, в нем проживал приказчик от Киренска Неуспокоев. Он не всегда здесь жил. Был в разъездах, или в Киренске, где был его постоянный

дом. На левом берегу Илима стояло несколько жилых домов, были здесь основные склады и амбары для хранения зерна, соли и пушнины. Всё это брали от крестьян, как налоги. В одном из домов постоянно жил бургомистр, в другом староста. Они и были главными над складами в приеме и отправке накопленного провианта в Енисейск, а то и в Иркутск. А также этот бургомистр оставался за главного в Илимске и на его землях, когда был в отъезде комиссар (приказчик). За крепостной стеной стояла церковь. Рядом находилась тюрьма. В неё определяли тех, кто отказывался платить налоги. Уплатил налог, тут же отпускали. Здесь не было той жестокости, какая царила в России. Не было здесь и крепостного права. Люди жили свободные. Но налоги надо было платить для государства. Определяли сюда и только что прибывших ссыльных. Но их быстро распределяли по деревням. И никто из них не сопротивлялся. Лучше работать на хозяина, чем сидеть в холодной тюрьме. Некоторые из ссыльных сами становились крестьянами, и даже хозяевами своего собственного земельного участка. У всех был один хозяин – государство, в котором они жили. И этому государству надо было платить налоги. И это устраивало крестьян. В Сибири поощрялось, когда бывший ссыльный становился хозяином. Бывали и побегі. Эти беглецы, в конце концов, становились гулящими или нищими. Таких было немного. В основном, это были одинокие мужчины. Их ещё называли бобылями. Женщины, как правило, после побега мужа или его смерти, выходили замуж за другого мужика. А если оставалась одинокой, хозяйство быстро приходило в упадок. Конечно, если были сыновья, то они продолжали вести хозяйство. Вот такой уклад илимского крестьянина увидел Радищев сразу при приезде в эти глухие места. Конечно, труд местного крестьянина был весьма тяжелым.

Сразу за стенами крепости был дом для приезжих. Это вроде дома крестьянина. Такие дома были и в наше, советское время. И два приличных дома. Один дом имел две комнаты. В одной комнате жил одинокий сержант Воробьев, которого определили на весь срок ссыльного Радищева. В другой комнате жил казачий офицер. Он был тоже поставлен для наблюдения за ссыльными, а также командиром над казаками. Они жили в своих домах. У

каждого из казаков была семья. В другом доме была капитальная стена. В обеих половинах было по три комнаты. В одной половине временно поселялись проезжающие на север знатные особы. В другой половине была канцелярия для писаря, архив, и кабинет приказчика. Здесь же решались разные общественные дела. Принимались жалобы. Эти дома охраняли казаки, как и сам острог.

В повозке была жена Радищева Елизавета Васильевна с двумя детьми от первой жены Анны Васильевны. В приезд в Илимск Кате уже было десять лет, а Павлу девять. Она держала их за холодные ручки.

– Мама, мне холодно, – всхлинула Катя. Елизавета Васильевна была родной сестрой умершей жены Радищева Анны Васильевны. Елизавета Васильевна, была мужественной женщиной. Как только арестовали, Радищева она сразу же взяла на себя все обязанности на детей. И потом они хорошо знали её с малолетства. Старшие сыновья Василий и Николай 16 и 13 лет остались со старшим братом Александра Николаевича с их дядей Моисеем Николаевичем Радищевым. Он увез их в Архангельск. Там он служил директором таможни, и был известным в округе бесребреником, как и его старший брат.

Катя и Павел Елизавету Васильевну сразу стали называть мамой. Так что Елизавета Васильевна Рубановская стала женой Радищева. Теперь они ждали нового прибавления. Елена Васильевна не блистала красотой, даже можно сказать некрасивая, к тому же была рябая и в веснушках. Но была она умной женщиной, чем и привлекла Радищева. Она была доброй и покладистой женой, по-матерински полюбила детей своей сестры Анны Васильевны. Своим поступком мужественной женщины, она покорила сердце Александра Николаевича.

Офицер подал предписание от губернатора приказчику Неуспокоеву. Тот увидел подпись губернатора, и сразу вытянулся.

– А нам сказали, под строгий надзор, – промямлил приказчик. – Государственный преступник.

– Прочитал? Вот и пусть у тебя будет, чтобы оно напоминало тебе о важном чиновнике, который будет отныне жить здесь.

В это время к ним подошел широкоплечий детина.

– Я, однакось, сержант Никола Воробьев. Пришел отметить-ся. Поручения имею надзирать за государственным преступником.

Офицер подошел к сержанту, и поднес кулак к его толстому носу.

– Я те покажу государственный преступник! Я тебе такого покажу, век будешь помнить! Рыло неотесанное! Это ссыльный из уважаемых господ.

– Дык, этова, тово, однакось. Мне предписание дали.

– Господин Неуспокоев, потом прочитаешь ему предписание самого губернатора. А ты, Воробьев, пошел отсюда!

– Куды иттить?

– Иди продолжать пить водку с пивом!

– Дык, этова холодно. Для сугреву маненько лязнул.

Воробьев удалился. Тут же вошел казачий офицер.

– Честь имею. Новиков. Два года состою здесь на службе.

Офицеры состояли на службе от Иркутска на три года. Поллицейские пониже в званиях жили здесь постоянно. Офицеры, бывало, служили в этих местах и до пяти лет. На смену приезжали другие офицеры. У многих казаков также была служба на несколько лет. Некоторые привозили сюда семью. Холостые казаки брали в жены вдовушек, и даже становились пашенными крестьянами. В таком случае казаки уходили со службы.

Тут Радищев увидел, как к ним бежал Дьяконов. В прошлом это был саратовский крестьянин, крепостной отца. Он дал Дьяконову вольную, и назначил к Радищеву камердинером. Степан Алексеевич Дьяконов был предан Радищеву до конца, и поехал с ним в ссылку. Все хозяйственные и разные бумажные дела вел Дьяконов. И когда они прибыли в Иркутск, то Степан Алексеевич вместе с работными мастеровыми людьми и слугами поехал в Илимск, чтобы руководить ремонтом дома для семьи Радищева. Кроме Дьяконова у Радищева были: два женатых лакея, горничная девка, повар и два молодых мужика, всего девять человек. В России они все были крепостными. Они с радостью последовали за своим хозяином и хозяйкой. Теперь они были свободными. Но хозяев своих они уже никогда не покинут. Они останутся с ними навсегда.

По предписанию губернатора Радищеву вменялись рабочие люди. На это из иркутской канцелярии Радищеву выделили деньги. Граф генерал-губернатор Иван Альферьевич Пиль доброжелательно отнесся к семье Радищева. А ещё у губернатора было официальное офицерское звание генерал-поручик. Хорошо Радищева в Иркутске принимал губернатор Ларион Тимофеевич Нагель.

Так что с денежными средствами у Радищева было в достатке. Конечно, это его не радовало. Ссылка на десять лет в самое глухое место в России навевало тоску. Выдержит ли он этот срок? А тут ещё в дороге простудилась и заболела Елизавета. Ещё летом Александр Николаевич в долгой дороге собрал некоторые травы от простуды. Сделал из этих трав лекарство. А ещё в аптеке города Иркутска закупил ценных лекарств. А толк он в них знал. Он сам мог произвести лекарства. Надо вот только дожждаться весны.

– Степанушка, дорогой наш, показывай наш дом, – высунулась из повозки Елизавета Васильевна. – Спаситель наш.

– Александр Николаевич и Елизавета Васильевна, дом вас ждет, сообщил Дьяконов. – Я, как знал, баньку истопил. Венички есть березовые, пихтовые из можжевельника. Чай свежий ждет вас из смородины, брусничника и чаги. Свежую уху приготовим. Заждались вас мы здесь все. Вот только дом-то староватый. Рухлядь полная. Не успеваем печь топить.

– Ничего, Степанушка, ничего, – обнял его Радищев. – Приглядим место, да и начнем строить новый дом. У меня уже проект дома готов. Восемь комнат будет. И тебе будет отдельная комната.

Две повозки подъехали к дому, где поселится семья Радищевых. Все слуги вышли встречать хозяев.

– Работных людей я ещё вчера отпустил, – доложил Степан. – Всё, что нужно, они сделали. Вся надежда на две печи. Дров запасли на всю зиму.

В доме было тепло и уютно. За длинный стол все сели обедать. Александр Николаевич и его жена Елизавета Васильевна сразу постановили: всем слугам садиться за стол вместе с хозяевами. Казалось бы мелочь. Можно было бы мне это и не от-

мечать. Характер этого великого человека складывался именно из мелочей. Какой это барин, дворянин посадит за стол своего слугу? А мелочей этих будет много.

Всю ночь топили печи. А холод проникал, казалось, отовсюду. От печей шел дым. Он расползся по всем комнатам, даже глазам было больно.

Утром Радищев вышел из дома. Кутался в шубу. Её подарил ему губернатор Иркутска Пиль.

Стоял такой мороз, что даже горы на той стороне Илима не было видно. Недалеко он услышал, как треснула земля. Где-то завывала собака.

– Десять лет здесь жить, – прошептал он. – Десять лет. Выдержу ли? Надо чем-то заняться, а то можно и свихнуться. А каково детям?

Смотрел он на дымящиеся трубы, на половину утонувшие в снегу дома, на низкое серое небо, и не знал, что ему дальше делать? А делать что-то надо было. Сегодня пятое января. С этого дня начнется отсчет дней, месяцев, лет в этом отдаленном, глухом месте его жизнь. Шестнадцать месяцев он добирался до этого села. Захолустный, забытый всеми уголок. А ведь он знает, много читал об этом когда-то известном остроге на всю Россию. Великие дела свершались здесь. Отсюда шли великие землепроходцы, путешественники, известные ученые. Радищев всех их помнит. И забыть эти имена нельзя. Именно они расширили просторы России. Ему даже не верилось, что когда-то через этот Илимск шли и даже жили знаменитые люди. Теперь это забытый погибельный край.

Он вернулся в дом. В печке потрескивали дрова. Двое слуг мужчин, которые приехали с Радищевым, обслуживали печи, как могли, утепляли окна, двери, промерзшие углы дома.

За Елизаветой заболели дети. Александр Николаевич сам лечил больных травами и лекарствами, привезенными из Иркутска.

Потом он сел за письменный стол. Разложил бумаги, окунул перо в чернильницу, и на миг задумался. Главное, с чего начать статью? Не мог сидеть без дела. Ещё в Тобольске он задумал написать большой труд о человеческой жизни и его судьбе. Руко-

пись он назвал: «О человеке, о его смертности и бессмертии». Потом отложил начатый лист, и решил написать письмо своему покровителю графу Воронцову Александру Романовичу. Это первое письмо из ссылки. Вот такие отрывки: «Сначала моё пребывание здесь было весьма тягостным, моя сестра уже две недели как болеет и лежит в постели. Дети тоже по очереди болели, хотя и не опасно, а как у меня голова всегда слабая была, я каждый день угораю. Наше жилище тому способствует, а ещё более стужа...» Запомните вот эти слова Радищева «у меня голова всегда слабая была». В конце его жизни слабость эта даст о себе знать. Именно илимский край отложит отпечаток оной слабости, и поставит точку. Из моей рукописи вы кое-что поймете. И ещё. Сестры у Радищева не было. Возможно, сестрой он назвал Елизавету, сестру своей умершей жены Анны Васильевны. Хотя они уже жили вместе. Но по закону православной церкви они не были мужем и женой. И только после венчания они могут называться супругами.

В апреле месяце Елизавета должна разрешиться. Надо было что-то делать.

Александр Николаевич отложил начатое письмо.

– Степан, где ты там? – позвал Радищев Дьяконова. Степан тут же вошел. Значит, что-то важное хочет сообщить хозяин. Все знали, и даже дети, что когда хозяин и отец садится за стол работать, в доме наступала тишина. Все его дети с малолетства привыкли к строгому правилу.

– Степан, как ты думаешь, ты уже несколько месяцев здесь живешь, есть здесь хоть церковь? Надо ведь сходить помолиться за здравие детей.

– А как же, Александр Николаевич, как же без церкви-то? Есть такая. А как же. Ходим и молимся. Она тут недалеко стоит. В ней довольно хороший священнослужитель. Он там с попадьей и детишками и живет. Правда, он не очень грамотен, но службу несет исправно. Здесь Александр Николаевич на сотни километров нет грамотного человека, если не считать трех офицеров. Во всех деревнях люди неграмотные. Вы думаете, что полицейские грамотные? Конечно, нет. Я как-то познакомился с бургомистром Иван Ивановичем Романовым. Умница мужик.

Добрая и гостеприимная семья. Они вас ждут. Вот с ним можно поговорить.

– Мне, Степанушка, с народом надо поговорить. Кто они? Как живут? Вот, что меня волнует.

– Весна придет, потеплеет всё, и поговорите с народом. А сейчас с ними тяжело вам придется.

– Отчего бы это тяжело-то?

– Бани у них топят по-черному, да и в домах копоть ужасная.

– Про бани я знаю, а в домах, почему так?

– Угарно у них в домах. Люди привыкли к угару.

– У нас тоже угарно. У меня голова постоянно от этого угара болит, - печально ответил Радищев.

– Что у нас! Вы бы побыли в оных домах! Дым коромыслом, а они ничего. Возможно, пропитались дымом.

– Ты вот, что, Степанушка, про церковь-то мне напомни. Работать мне надо.

Степан тихо и быстро удалился. С уходом Дьяконова тоска не проходила. Холод, угарный газ, одиночество угнетали человека общественного, любителя побыть в обществе умных и образованных людей. А здесь на сотни километров живут неграмотные люди. Нет свежих газет, журналов, книг. Не с кем поговорить о новых научных трудах. На полке лежали книги и журналы, которые он взял ещё в Тобольске, Иркутске. Он решил их снова перечитать. Здесь были книги по химии, медицине, математике, и другие ценные научные книги. Ещё в Иркутске, где он прожил два месяца, встретился с известным мореходом Шелиховым. Общность интересов Радищева и Шелихова выражалась в том, что оба они активно боролись за развитие русской экономики и укрепление государственной мощи, делая это каждый соответственно своим патриотическим побуждениям и политическим взглядом. У Радищева, борца-антикрепостника, эти интересы исходили из глубокого понимания общественно-политических задач и государственного долга писателя. Шелихов резко выделялся своими более прогрессивными взглядами в среде крупных сибирских купцов. Он умел сочетать торговые интересы компании с разумным освоением новых отдаленных земель, от-

крытых мореходцами в водах Тихого океана, упорно насаждать среди народов Курильских и Алеутских островов русскую культуру и неизвестные им, передовые способы ведения хозяйства. И эти деяния великого морехода Шелихова правильно были поняты Радищевым и верно оценены им. Конечно, Радищев в Иркутске мог бы задержаться и дольше, но его торопил генерал-губернатор Пиль. Было получено предписание правительствующего сената, гласившее: «Упомянутого арестанта Александра Радищева, посредством здешнего нижнего земского суда, отправить в Илимский острог с исправными унтер-офицером и двумя рядовыми солдатами, немедленно на десятилетнее безысходное пребывание в оном остроге...».

Надо еще написать письма друзьям, родным, а главное отправить письмо графу Воронцову. Надо попросить, чтобы он выслал больше книг и журналов по медицине, философии, по минералогии. Радищев составил список нужной литературы.

Теперь надо взяться за детей. Ещё в Иркутске он начал учить Павла и Катю французскому и немецкому языкам. Его дети были послушными и усидчивыми. И хоть это успокаивало отца. Помогала ему в этом и Елизавета. Она прекрасно общалась с Радищевым на этих языках.

– Лиза, - позвал он Елизавету Васильевну, – пригласи ко мне Павла и Катю. Будем продолжать заниматься языками, да про русский язык не надо бы забывать.

Елизавета привела детей. Она сказала:

– С утра я немного с ними занималась математикой.

– Похвально. С этого дня, голубчики мои славные, будем ежедневно, кроме воскресенья, учить иностранные языки, и правописание русского языка. Приняли лекарство?

– Мы вместе его приняли, – ответила Елизавета.

– Горькое оно, – ответил Павел. – Меня чуть не вырвало.

– Оно весьма полезное. А теперь прошу за свои столики, и начинаем заниматься. Лиза, я ещё в Иркутске задумал по-своему составить букварь. Тебе ещё не говорил. А теперь он у меня весь в голове. Каждая буква будет у меня обозначать животный мир, и растения Сибири.

В дверях стоял Степан Дьяконов. Он сказал:

– Получится весьма отменно. Знание русского языка, и одновременно познания животного и растительного мира. Если у меня появятся дети, то я буду учить детей по вашему букварю, а не по принятому в российских школах. Александр Николаевич, пришел слуга бургомистра Романова Иван Ивановича и его жены Авдотьи Никитичны.

– Что ему надо?

– Бургомистр просил разрешения посетить вас, и пригласить к себе в гости.

– Всенепременно приглашай бургомистра в самое ближайшее время.

Дьяконов ушел. Дети сели за столики, специально сделанные столяром по чертежу самого Радищева.

– Ну вот, Лиза, слава Богу, у нас будет уважаемый в Илимске бургомистр, первый гость в этом глухом краю. Надо бы достойно принять гостя. А теперь прошу никому не мешать нам, заниматься.

Елизавета вышла из кабинета Радищева. Начались первые уроки.

Через несколько дней в гости к Радищеву пришел бургомистр Иван Иванович Романов. Толстенький, подвижный мужичок лет пятидесяти. Получил он должность ещё в молодости. Женился на местной крестьянке. Построил дом на левом берегу Илима, завел хозяйство в виде коров и коней. Обработал земельный участок. Выращивал на нем капусту, огурцы. Вот уже много лет он исправно нес службу бургомистра и заведующего всеми складами и амбарами, которые находились на левом берегу Илима. Стояло здесь ещё несколько домов, и жили в нем полицейские.

Радищев и Романов сидели за столом, и пили чай из самовара. Романов говорил:

– Александр Николаевич, как ученому человеку, и государственному мужу и говорю, что есть у нас здесь и купцы. Они закупают у тунгусов и местных охотников пушнину. Есть у нас один человек. Он занимается винным делом. По списку в Илимске на сей год проживает двести пятьдесят два человека. Здесь нет мастеровых, отсутствуют ремесла: свечное, сапожное,

портняжное и слесарное. Нужда в них огромная. Походатайствуйте насчет этих ремесел.

От бургомистра он узнал, что в самом Илимске совсем нет огородов. Здесь даже нет пашен. Единственная небольшая пашня имеется на левом берегу Илима, где бургомистр хоть немного сеет рожь. Здесь она лучше произрастает, чем пшеница. Небольшие пашни, где крестьяне сеют зерно, и выращивают овощи в виде капусты и огурцов в среднем течении Илима. В основном же, крестьяне и казаки занимаются охотой и рыболовством. Хлеб и другие продукты в Илимск привозят из Братска, Енисейска. Радищев даже удивился, как здесь дешевый хлеб и мясо.

– А вот такой свободы в России нет, – тяжело вздохнул Радищев. – Вот так бы жили везде. Да разве дозvoлят такое в России?

Надо заметить одну весьма важную политическую деталь. Люди в Сибири говорили, так:

– У нас в Сибири всё нет так, как у вас в России.

Для народа Сибирь была словно отдельное государство от самой России. Если честно, то и в наше время, мы, настоящие, коренные сибиряки, к коим я сам отношусь, между собою говорим тоже так:

– У нас в Сибири всё не так, как в России за Уралом. Мы называем себя как отдельную нацию – сибиряк. Вот такая наша национальность у коренных сибиряков. И я горжусь, что я настоящий сибиряк.

– Как у вас с новым видом овоща в России картофеля? – спросил Радищев. – Великий Петр привез её в Россию.

– Что-то слышали. Из Иркутска сюда приезжал человек по фамилии Березовский Андрей Иванович. Привозил этот овощ. Но, он плохо прижился. Диковинка для нашего крестьянина.

– В России сей овощ, всё больше распространяется среди крестьян. Доброе подспорье для крестьянского стола, – ответил Александр Николаевич. – Попробуем весной заняться этой весьма ценной культурой. Поймите, Иван Иванович, сей овощ займет после хлеба достойное место. Без картофеля крестьянин не сядет за стол. Это весьма вкусный и калорийный продукт. Я закажу в Иркутск картофель. Попрошу прислать сюда картофеля левода Березовского. Елизавета Васильевна уже привезла кое-

какие семена овощей. Построим теплицы, грядки здесь, в самом Илимске. Земля должна быть здесь добрая. Зачем ей пустовать.

О других хозяйственных делах поговорили. Вроде и настроение прибавилось. А тут ещё один вопрос задал Романов.

– Александр Николаевич, вы человек грамотный, ученый, чтобы вы, если моих двух детишек грамоте поучили. Я знаю, что крестьянских семей недозволено учить грамоте. А мы ведь к крестьянам относимся. Жена у меня неграмотная крестьянка, да и сам я из илимских крестьян выбился в бургомистры. Немного бы вы их научили читать и писать. Я понимаю, что если узнают в Киренске или Иркутске, что вы начали учить крестьянских детей, вас накажут. Хоть немного бы поучить детишек.

Радищев разволновался. Он вскочил, и начал ходить вокруг стола.

– Как вы могли такое сказать? Как могли? Приводите детей. Приводите. Господи, бедная Россия! Какая разница между ребенком офицера и крестьянина? Нет и не должно быть разницы! Дети должны учиться! Понимаете? Не должны, а обязаны учиться!

Романов ушел, а Александр Николаевич всё не мог успокоиться.

– Как же так можно?! Весь здесь народ неграмотен! Дети не учатся! Надо что-то делать в России! Надо менять всю педагогическую систему! Она в корне устарела!

– Я с тобой согласна, Александр. Но нельзя же, так переживать. Своими переживаниями ты ничего не сделаешь. Ты мечтал создать свой букварь, вот и приступай к этой ответственной работе, – успокаивала его Елизавета Васильевна.

Ещё в Тобольске Радищев подробно ознакомился с постановкой народного образования в училищах Тобольска, Иркутска. Радищев правильно оценил положительные и отрицательные стороны школьного дела в Сибири. Образование общественное и частное Радищев считал главным вопросом в государственном устройстве страны. Радищев писал: «Средства к тому довольно разнообразны, и с некоторыми поправками, которые умные начальники могли бы привнести, средства сии оказались бы более чем достаточные». Радищев отмечал три типа школ: казенные

училища, где обучаются дети привилегированных классов; семинарии, в которых изучается латынь и выпускаются люди для назначения их священниками и дьяками; гарнизонные школы, дающие основы грамоты, ученики которых зачастую становятся солдатами. Радищев высказывался против ограниченного, классового набора детей в школы. Он едко замечал: «Почему же сын солдата не может стать священником, когда сын священника становится солдатом. Причина плохого состояния образования кроется в разделении на сословия, которое часто по действию своему напоминает монополию». Радищев осуждал казенную науку учителей-иностранцев. Основой обучения он считал наглядность, отвечающую естественному развитию ребенка, физическое воспитание, практическую применимость знаний. Сторонник такого воспитания, он внимательно следил за педагогическими новшествами Европы. Он написал графу Воронцову, чтобы он выслал ему новейшие труды в книгах европейских передовых педагогов. В те времена жил в Гамбурге известный ученый Базедов. Он проповедовал облегченные методы обучения детей. И Радищев запрашивает у графа Воронцова, чтобы он прислал книгу «Жизнь Базедова». Радищев писал своему покровителю и другу: «Если Европа обязана Руссо преобразованием общих правил воспитания, то несомненно Базедову обязана теми легкими и упрощенными способами обучения даже детей тому, к чему в начале века осмеливались приближаться, лишь в двадцать лет. Сие не значит, что я одобряю огульно все новейшие выдумки для облегчения учения детей. Время покажет превосходство или нелепость способа Базедова; но, на мой взгляд, всякий человек, который действует на состояние умов, должен быть известен». Критически принимая теорию Руссо и Базедова, Радищев создал свою оригинальную, стройную педагогическую систему. Александр Николаевич считал, что главная задача обучения и воспитания состоит в том, чтобы сделать из учеников достойных граждан. Этому он и стремился достичь, воспитывая и обучая сыновей по своей педагогической системе.

– Надо немедленно составлять букварь, - сказал Александр Николаевич. – Будем своих детей учить по нему и детей крестьян.

Он немного стал успокаиваться. Радищев не мог сидеть без дела. Ему надо было что-то делать. Он писал и отправлял письма своим друзьям и родным. У всех просил одно – книги, журналы и газеты. Ничего этого в Илимске не было.

Стали приходиться первые письма от друзей и родных. Подавленное настроение постепенно проходило. К нему возвращалась духовная бодрость, желание работать. Вот что он написал своему покровителю и другу графу Воронцову: «Вот я снова ожил, и силы души моей окрепли, насколько сие возможно. Все скорби пошли ко дну, и вот я, слава Богу, вновь немного возвеселился сердцем, стал спокойнее, и голова моя снова на месте».

В Илимск он привез четыре больших ящика книг. Он интересовался книгами о народном хозяйстве, описании путешествий, философии, трудами натуралистов. Все эти книги ему прислал его друг граф Воронцов. У Радищева теперь была своя библиотека. Ему не хотелось отрывать от жизни, надо было следить за политическими событиями. Он просил написать ему о событиях во Франции, как там развивается революция. Ему прислали газеты. Там было многое, что напечатано о революции. Радищев писал: «Благодаря этим бумажкам я за шесть тысяч верст вижу то, что там произошло, так, как, будто сам при этом присутствовал».

Да, Радищев был первым революционером в России, и это надо признать нашим современникам, которые стали умышленно забывать Радищева. Пытаются не включать его имя в школьную программу. Многих это настораживает. Имя Радищева многие из молодых не помнят. Один из учеников железнодорожной школы номер пять, которой было присвоено имя Радищева, был признан лучшим учеником за 2012 год. В этой школе есть музей имени Радищева. Ученика спросили, кто такой Радищев. И ученик, не задумываясь, ответил:

– Радищев приехал на стройку по комсомольской путевке.

Смешно? Нет, не смешно, а грустно.

Историки, литераторы начали искажать нашу историю, стали в книгах, выступлениях замалчивать имена великих событий и людей, которых знала вся страна. Восхваляют деяния Екатерины второй. А она отправила Радищева на плаху за правед-

ную книгу «Путешествие из Петербурга в Москву». Если бы не известные заступники в лице одного из них графа Воронцова, Радищева бы казнили, или бы забили в подвале известного палача Шешковского. Царица Екатерина не так боялась восстания Пугачева, как революции во Франции. Она знала, что Европа перестраивалась. И Екатерина боялась больше всего именно этого. Так уж получилось, что одновременно шла буржуазная революция во Франции, а тут возникло и восстание под предводительством Пугачева. Тут, конечно, испугаешься. Вот и появились слова Екатерины, что «он хуже Пугачева». Получилось всё словно по какому-то заказу. И вот в наше окаянное время, когда к власти пришла непонятная и подворотня тьма, и возродилась из пепла буржуазия, появились глашатаи. У них стал исчезать Радищев, который первый восстал против буржуазии. У этих глашатаев, воспевающих буржуазию в наших учебниках, в литературе, смазывается имя Ивана Болотникова. Оказывается Степан Разин и Емельян Пугачев были кровожадными разбойниками. Не надо было подниматься против батюшки царя и декабристам. Эти глашатаи воспевают царей и вельмож. Тогда мне вспоминается стихотворение великого поэта Лермонтова на смерть Пушкина: «И вы надменные потомки, известной подлостью прославленных отцов...». Недавно вышла книга Юрия Лужкова, бывшего мэра Москвы. Журналисты взалхб рассказывают, какая это умная автобиографическая книга. Это тот самый Юрий Лужков, который не знал, как его жена Елена Батурина увезла из России несколько миллиардов рублей. И никто её не арестовал. Ну, что же будем теперь ждать, когда Елена Батурина тоже родит уникальную книгу о своей жизни. Может она в ней поделится опытом, как обокрала нашу несчастную страну? Передаст опыт зарождающимся молодым миллиардерам, как умно и незаметно обворовывать народ? В нашей обворованной стране этих миллиардеров хоть пруд пруди. И все эти узаконенные воришки имеют такие месячные оклады, что всем бы хватило денег на целый район, а может и на область. Но, ведь все они жулики. Они все эти миллиарды украли у государства. Как? Очень просто. Разработанные участки, где есть нефть и газ, это собственность нашей планеты. Наша планета распределена

на государства. Один из больших участков находится в ведении России. Следовательно, все места, где есть ценные ископаемые, должны принадлежать государству. В этом государстве живут миллионы граждан. Ископаемые, которые создала природа, не могут принадлежать одному человеку. Ну, например, нефть, газ, золото и другие ископаемые не производились этим человеком. Их создала природа. И люди для своего блага стали пользоваться этими природными дарами. Это дар природы, а не одного человека, который вообразил себя Богом над разными природными ископаемыми. А коль все ископаемые создала природа, а они находятся на участке под названием Россия, где живут миллионы людей, эти богатства должны принадлежать данному государству, и живущим в нем этим миллионов людей. Как же так получилось, что этими богатствами подаренной природой, а не одним человеком, вообразившего себя Богом, стал властвовать один человек? И само государство отступило от натиска и безграничной власти и наглости подобных людей, которые захватили и приобрели в собственность природные богатства, не принадлежащие этим людям. Как же так получилось? Ответ прост. К большой власти пришли новоиспеченные буржуи, сторонники дикого капитализма. Вот они-то и разрешили поделить Россию на удельные княжества. А когда государство распадается на отдельные удельные княжества, такая страна гибнет. Есть исторические примеры. Гениальный полководец Чингисхан наголову разбил русские войска при Калке. Хан Батый также завоевывал русские удельные земли. Удельные княжества было легко завоевать. Под натиском мусульман пала Византия. Не мусульмане её победили. Византию победили олигархи. Это они разграбили великую страну, откуда пошла наша православная вера. Олигархи уничтожили эту страну. Они вывозили свои накопления в другие страны. Сейчас в нашей несчастной России появились удельные княжества. Каждый князь всё тащит и приобретает только для себя. Каждый миллиардер пытается отправлять свои наворованные деньги у государства, приобретенные благодаря собственности планеты Земля, а не собственности вора-миллиардера, ослабляет разворованную несчастную Россию на погибель. И в этой несчастной стране, как и долж-

но, быть, всё больше появляются иностранные названия, товары, книги, фильмы, бизнесмены, а также господа, внедряющие в головы россиян иностранную культуру. Я в последнее время много ездил по стране, и мне стало страшно. Возникло такое ощущение, будто уже и самой России-то нет. Возникло какое-то аморфное государство. Мы только говорим на русском языке, а живем-то мы в непонятном государстве. И это государство уже завоевано другими народами. Интересно, чтобы по этому поводу сказал великий Радищев? Как он выразился, когда читал газеты, и в них узнавал ход революции во Франции, так и побывал бы там. А я бы выразился так вот этим всем удельным князьям и миллиардерам, не надо бы будить голодного медведя, он ведь может долго терпеть, а потом и кости переломает. Есть такое в русской литературе выражение, страшен, бывает русский бунт. Достукаетесь, удельные князья и вору-миллиардеры, ой достукаетесь. И я бы, как когда-то ответил Радищев, «так и побывал бы там».

В апреле 1792 года Елизавета Васильевна родила дочь. Ей дали имя Анна в честь умершей жены Анны Васильевны.

– Ну вот, Елизавета, у нас и дочь родилась. Это наша с тобой дочь. Пора нам идти в церковь крестить дочь. Через месяц букварь будет готов. По нему будем учить и наших детей, и первых детей бургомистра Романова, да и других детей.

В этом же месяце они окрестили дочь.

Букварь был готов. По нему он начал учить грамоте Павла и Катю, хотя они уже сносно читали.

– Читайте букварь, осваивайте его, – сказал отец. – Летом начнете других ребят сами учить.

Весна. С гор сошел снег, земля освободилась от снега. Александр Николаевич сам выбрал удобное место на краю Илимска. На этом месте он начнет строить дом.

Нанял крестьян обработать землю под огород на том месте, где был отведен для Радищева участок под дом и разные постройки. Там, где должен быть огород, рабочие люди стали это место огораживать. Здесь свободно паслись домашние животные. Заказал губернатору Иркутска, чтобы доставили ему плавильные детали для варки железа и меди, разные медицин-

ские принадлежности, какие есть в аптеках. Конечно, он многое, что привез с собой, но этого было недостаточно. В Илимске не было не только какого-нибудь лекаря, но совершенно не было никаких лекарств. Из Иркутска ему прислали кое-какие семена: бобы, горох, дыни, морковь, и даже картофель. Этот ещё трудно приживающийся в России ценный овощ, для Радищева в Илимск привез сам Андрей Березовский. Он первый в краю Илимском картофелевод. Ещё в 1768 году он был послан Иркутской воеводской канцелярией с несколькими мешками картофеля, чтобы рассадить в Илимске и близлежащих деревнях. И вот 27 апреля 1768 года он посадил картофель на той стороне Илима. Он решил посеять картофель, на левом берегу. Решил что на правом берегу, где расположен сам Илимск она может не вырасти, да и скот вытопчет. Посадил он картофель ещё в двух деревнях. Осенью собрал урожай. Небогатый, но всё-таки урожай. На следующий год он посадил все десять мешков. Крестьяне подсмеивались над ним, крестились и плевались на антихристово семя. Илимские крестьяне не понимали значения этого ценного продукта. По всем деревням они продолжали выращивать капусту, огурцы и репу. Немного сеяли рожь, изредка пшеницу. И, вообще не очень любили заниматься огородничеством. Для них главные были рыбная ловля, охота. А ещё занимались извозом. Нанимались сплавать по Илимскому до Ангары, а на лошадях в зимнее время добираться до Лены. Как заметил Радищев, хлеба здесь было в достатке, и он был дешёвый. Зерновые культуры выращивали в деревнях, но мало. В основном хлеб завозили с Ангарских и Ленских деревень.

Березовский был уже стар, но держался молодо.

– Дорогой мой человечиче! – встретил его Радищев, усадил у стола. – Огромное тебе спасибо, что привез мне картофель. Ну, рассказывай, как у тебя с таким трудным делом?

– По ангарским деревням лучше обстоит дело. Там огромные просторы земли. Некоторые крестьяне, да и казаки уже начали рассаживать картофель. Урожаи богатые. На зиму в подполы загружают картофель. Большое подспорье для крестьян. А вот на Илимском не прижился оный продукт. Я отступился. Решили больше не навязывать крестьянину оный овощ. А вот, когда вы поя-

вились в Иркутске, то в воеводской канцелярии решили ещё раз попробовать, но только, чтобы вы помогли. Меня попросили, как главного картофелевода в Иркутской губернии, доставить вам картофель, и объяснить, как его сажать.

– Дорогой Андрей Иванович, я весьма знаком с оным продуктом. Наши кухарки и домработницы Василиса и Марьяна отлично знают, как из картофеля делать блюда, а мне ведомо, как сеять оный овощ. Сколько мешков привез, Андрей Иванович семенного картофеля?

– Пять мешков, – ответил Березовский. – Сейчас мои слуги принесут мешки. Два мешка на семена, а три мешка вам на еду.

– О, Андрей Иванович, это же целое богатство! Пока мы будем здесь жить, мы научим со Степаном илимских крестьян любить картофель, как второй хлеб, рыбу и мясо. Придет время, Андрей Иванович, и крестьянина за уши не оттащишь от одного овоща! Осенью наши домработницы такое блюдо из картофеля приготовят! Дам некоторым крестьянам для эксперимента попробовать. Вот посмотрите, через год или два войдет картофель на поля илимского крестьянина. А вот эти три мешка мы тоже пустим в дело. Дадим людям попробовать. А осень покажет.

Березовский уехал в Иркутск с докладом, что наконец-то, картофель в краю Илимском появится у крестьян.

Данилка Бутаков открыл глаза и скрылся под одеялом.

– Александр, смотри, Данилка ожил!

Александр Николаевич вышел из своего кабинета, вначале взглянул на улыбающуюся жену Лизу, а потом на Данилку.

– Ну, казак молодой, поправляемся? Не прячься от меня, не прячься, достану!

Александр Николаевич подошел к кровати, разыскал под одеялом голову мальчишки.

– Всё хорошо, казак. Всё хорошо Даниил Бутаков. Пойдем завтракать.

Тут же пришли Павел и Катя. Они сдернули одеяло с мальчишки и, сообщая одели. В окно заглядывали ребятишки.

– Вот и друзья пришли к тебе. Сегодня разрешаю навестить. А ну, бегом сюда!

Пять мальчишек, тихонько переступили порог и остановились.

– Так. Все пять. Давайте мыться у раковины. Лиза, друзья, мыло, да будем вместе завтракать.

Лиза налила воду в раковину, и ребята стали мыть свои грязные лица и руки. Катя принесла белые тряпицы.

– Иннокентий Черемных, почему тебя не было на уроках вчера?

Кеша худенький, с глазами-уголками, опустил большую черную голову.

– Его вчера тятя драл, – ответил за него Яша Погодаев, кудрявенький, большеглазый плутишка. Он самый маленький и хитрый.

– Это за что же? – спросила Елизавета Васильевна и побледнела. Веснушки словно расширились. Она всегда бледнела, когда что-то случалось.

– Вы дали Погодаевым катоху посадить, а Кеша не брал катоху. Он не воровал катоху. Погодаев нажалился тятке Кехиному. Кеша не воровал.

Ещё один мальчик Вася Сизых вплотную подошел к Радищеву и прошептал:

– Это я пять катохин украл. Мы на костре катоху жарили. Мы видели, как дедушка Андрей дяденькам показывал, как жарить катоху. Говорил, как её варить надоть. Бабка Евлашиха плевалась на дедушку Андрея, и называла его антихристом. А нам катоха шибко пондравилась. Это я украл катоху. Кеша не виноват. На нас наябидничал, и он мельком взглянул на Яшку.

– Это хорошо, что ты своего друга защищаешь, – громко сообщил Александр Николаевич. Он посмотрел на Данилку. – Твой отец всё промышляет по тайге? Мне бы познакомиться с ним. Он бы показал тайгу. Ты ведь Данилка прямой потом Игната Бутакова, зачинателя железных руд. И вы все, мои славные ребята, корень держите от великих людей, зачинателей края Илимского. Проходите, проходите к столу.

Ребята расселись за стол.

А Данилка Бутаков совсем поправился от простуды. Данилка сорвался с припайной льдины, когда на Илиме шла шуга, и долго барахтался в воде, пока его не вытащили мальчишки.

Данилка горел в огне и почти умирал. Радищев взялся лечить его. Он уговорил мать оставить мальчишку у себя, и мать согласилась. Семья была большая. А когда он стал поправляться, Павел и Катя стали учить его по новому букварю.

– Ладно, ребята, сегодня вы свободны. А завтра сюда, будем учиться, – обещал Александр Николаевич.

Мальчишки ушли. Данилку оставили, ему ещё рано бегать по весенней грязи.

Поздно вечером в окно постучали. Радищев открыл створки. Сняв шапочку, стоял Иван Черемных, отец Кеши, крепкий, скуластый мужичок. Он стоял у окна и топтал ичигами грязь.

– Я однакось, нашшот Кехи...Сынишка, однакось...Мы уважаем тея, ученый ты шибка. Опять же грамоте учишь. Грамота-то тока во вред нам. Мы всю жись здесь живем без грамоты. Крестьяне мы, да работные людишки.

– А бить сына, что это, Иван Иннокентьевич, а?

– Дык, этова, полагается так. Нас били. Дедов били, а пошто я не должен бить сына?

– Это же полное варварство! – возмутился Радищев.

–Александр, – тронула Елизавета мужа. – Не надо. Успокойся.

–Дык, этова, антихриство...Дык, тово, украл ведь у Погодаевых это самое. Тьфу на поганое семя.

– За пять картофелин бить? Да и не он украл. Это же дети, Иван Иннокентьевич. Дети! Как можно так!

– Дык...

– Я уже говорил вам, что не надо бить детей!

– Дык, все бьют...И я бью...Так полагается.

– Вот если ты и твои соседи не будут бить детей за каждую мелочь, и другие посмотрят на вас и тоже не тронут.

– Тронут, Лисандра Николаич, тронут.

– Ох, Иван Иннокентьевич, верю я тебе. Тронут. За этим пришел?

– Слышал, что тышибо лекарь ты славный. Дык вот за тем и пришел. Меньшак захворал. Брюхо крутит, кричит, как оглашенный. Прямо спасу нет, кричит.

– Иди домой, Иван Иннокентьевич, сейчас приду.

Радищев сходил в дом к Черемных. У мальчика было отравление, и он исходил на понос и рвоту. Он до того похудел, что уже ходить не мог. Александр Николаевич дал положенное в таком случае лекарство. Через два дня мальчишка стал поправляться.

Слух о грамотном лекаре быстро распространился по Илимску. К Радищеву стали обращаться люди. Он увлекся медициной. Знания в этой области он подкрепляет чтением специальной литературы. В этом ему помогал его друг граф Воронцов и некоторые хорошо знакомые в Иркутске. Они высылали ему нужные лекарства, и медицинскую литературу.

Вот, что он писал Воронцову: «К моим обыкновенным занятиям присоединилось ещё одно, часто мучительное, но улаждающее в основе своей, занятие, если и не приятное, то милое сердцу моему: я сделался местным лекарем и костоправом. Хотя, в сущности, я лекарь-неуч, но добрая воля моя к сему хоть в части восполняет недостаток потребных к сему знаний, а Ваши милости позволяют мне удовлетворить моим деланиям. Почти нетронутый ящик с лекарствами ныне часто идет в дело».

Жаль, что Радищев не оставил после себя специальных трудов по вопросам медицины. Но смело можно отметить, что перед нами раскрывается облик смелого врача-новатора.

Надо отметить, что Радищев устоял от модных веяний Запада. Свои занятия медициной ему подсказывали собственные убеждения, наблюдения и проводимые опыты. В результате всего этого рождались новые мысли. Он говорил: «Практика – наш лучший наставник». По поводу Западных веяний в медицине, повлиявших на многих лекарей России, Радищев едко писал: «врачи сделались богословами, богословы – философами. Упившись от молодого вина в мудрствовании, они воображают, что свет кружится вокруг них, нимало не подозревая кружения их голов». А ведь новатору в медицине Радищеву в царствовании Екатерины в России было нелегко. Россия была наводнена чужеземными медиками. И только одиночки, как Радищев, про-

кладывали пути к самостоятельному развитию отечественной медицинской науки. Вот в такое время жил великий гражданин России Александр Николаевич Радищев. И весьма обидно и жалко, что это имя стали забывать, а уничтожающего всего передового царицу Екатерину начинают восхвалять и вписывать в историю. Радищев серьезно отнесся к врачеванию, расценивая, как прямой долг быть полезным своему народу в годы тяжелого изгнания.

Радищев не только отмечает наличие тех или иных болезней у сибиряков, но пытается объяснить причины их появления. Он пишет: «Отчего неизвестная болезнь начинает появляться? Климат ли меняется или образ жизни? Сие ещё нуждается в проверке. Если доказано, что климат страны смягчается вследствие возделывания почвы, сумма наших болезней увеличивается по мере того, как мы меняем жизнь суровую и деятельную на жизнь изнеженную и сидячую».

Наступила весна. Там, где Радищев, при помощи его верного помощника Дьяконова и работных людей, поставили ограждения вокруг огорода, появились ростки первого картофеля, на грядках проросли овощные культуры: капуста, огурцы, горох, бобы. Даже проклюнулись ростки дыни. Это вселяло надежду, что к осени он снимет урожай небывалых в этих местах бобов, гороха, дыни. И конечно, будет много картофеля.

Радищев договорился с бургомистром Романовым, офицерами, которые, которые доглядывали за ним, а также с комиссаром крепости Неуспокоевым, чтобы они всячески помогали ему в распространении картофеля по деревням. Конечно, у Радищева было предписание от Иркутской таможни о внедрении картофеля населению края. Радищев понимал, что эта работа будет сложной. После Березовского, когда люди отказались выращивать картофель, больше никто не брался за такую работу. К этому времени по всему югу губернии, по всем волостям, картофель начали выращивать. И только Илимская сторонашка упрямылась. Конечно, в то время и другие были глухие места на севере, где крестьяне картофель не восприняли, как ценный продукт.

– Посмотрите, господа, посмотрите, какое чудное поле картофеля! – воскликнул Александр Николаевич. – А овощи! Овощи! Это же чудо! На этой земле никогда ничего не росло! А вот на тебе! Пошло!

Рано порадовался Радищев. Ударили заморозки, и ростки гороха, дыни и бобов были уничтожены. Выстояли капуста, репа и огурцы. Кстати, ростки картофеля могли бы тоже замерзнуть. Но Радищев ещё в Иркутске от своего нового друга, крупного сибирского ученого и общественного деятеля Эрика Лаксмана, и большого распространителя картофеля в Сибири, узнал, что ранние всходы надо вечерами закапывать. Это и спасло от заморозка первые всходы картофеля.

Вначале Радищев расстроился. Но потом неожиданно улыбнулся и сказал:

– А мы заморозкам объявим войну.

– Как это, Александр? – спросила Елизавета. Дьяконов тоже был в полном расстройстве.

– Против заморозков мы бессильны, Александр Николаевич, - сказал Степан.

– Неправда. Мы победим. Мы одержим победу над заморозками, - упрямо повторил Радищев. А Елизавета уже знала характер своего мужа. Если что-то он задумал и решил сделать, то он не отступит.

– Но как, Александр? Степан прав. Да и вон крестьяне только развели руками.

– Это так, - сказал один из крестьян. Они приехали из соседней деревни, чтобы посмотреть на чудного человека, который не только отменный лекарь, но и впервые за острогом решил посадить какие-то заграничные овощи, и антихристово семя. – Некаво сувать в землю не наше. Не прымат земля ваш дурман. Не мучься, Лисандра Николаич. Все смеются над вами. Личи людей, а эту дрянь брось. Не смехи народ. А ишо вы называете их земляными яблоками. Яблоки нам неведомы, да и ни к чему они нам.

Надо сказать, что вначале картофель называли земляными яблоками.

– Время, граждане крестьяне покажет. Земляные яблоки будут расти здесь на этой земле, - только и ответил Александр Николаевич. Спорить и доказывать он не стал. Бесполезно, да и не поймут люди его. А вот делом он может доказать свою правоту.

Когда пошли в свой временный дом, Радищев сказал:

– Как ещё темен Российский народ, как темен. Сколько надо веков, чтобы разбудить его. А картофель я подарю крестьянам. Я заставлю этот народ полюбить ценный продукт.

– Как же ты, Александр собрался спасти новые овощи? Ты так и не ответил. Как? – спросила Елизавета.

– Очень просто. Я в некоторых местах Тобольска, Иркутска видел, как делали грядки и укрывали их тряпицами. Видел ещё, как укладывали на всходы рамки со стеклом.

– Стекла у нас здесь нет, - ответил Степан Дьяконов.

– А зачем нам стекло? Такая роскошь нам не подойдет. Во многих домах и банях я видел пласты слюды. Мы сделаем рамы, а вместо тряпок, мы вставим слюду. Вот оно и придет спасение от заморозков.

– Да, Александр Николаевич, это будет настоящее новшество в этом краю, - ответил Степан. - На складе у бургомистра и старшины много слюды.

– Вот мы и купим её у местной администрации, - сказал Радищев. – Конечно, в этом году мы уже не успеем соорудить всё это, но за зиму мы подготовим рамы.

В те времена в Илимске, да и в деревнях в окна вставляли не стекла, а слюду. Стекло было не для деревенских изб. Оно было очень дорогое. А вот для своего нового дома Радищев заказал стекло. Его должны доставить из Иркутска.

Неожиданно приехал из уездного города Киренска исправник Ковалевский, а с ним заседатель Деев. Киренск находился от Илимска в 500 верстах. Иногда в Илимск заезжали члены Киренского земского суда. Один из них и был некий Деев, с вечно красным носом, довольно упитанный дядя с подозрительными прищуренными глазами. Он сразу пошел к комиссару Неуспоеву, а вот Ковалевский Николай Андреевич посетил временный дом Радищева. Бургомистр Романов ещё при знакомстве сказал, что Ковалевский добрая душа. Он никогда не повышал

голоса на крестьян и работных людей, а также на ссыльных. А ведь Илимск подчинялся Киренскому уезду. Ковалевский был ответственным чиновником по илимской волости. А Деев был ответственный от земского суда. И он был обязан проверять документы ссыльных. Читать доносы, кляузы на отдельных жителей волости. И, конечно, принимать должные меры.

Радищев и его жена Елизавета пригласили в дом Николая Андреевича.

Когда пообедали, Радищев повел Ковалевского на место строительство нового дома.

– Вот, Николай Андреевич, дом новый будет свой. Весь строительный материал я купил...

– Не надо мне об этом говорить, Александр Николаевич, - прервал Радищева Ковалевский. – Знаю. Это Деев будет интересоваться, откуда столько материала? А ещё и стекло вам только что привезли. Не след вам жить в старом и холодном доме. Не след так жить известному человеку в России.

– А ведь этот Деев доложит в управу, что вы не сразу пришли к комиссару, а ко мне. Не стоило бы так вам рисковать, – сказал Радищев.

– Деев и Неуспокоев давние друзья. Они знают меня. Я со многими ссыльными в Киренске встречаюсь. Жили у меня разные путешественники, исследователи. Я уж привык к доносам. Если сменят меня, то поселюсь на окраине Киренска в своем доме. Я посмотрю у вас ваш огород. Глядишь, что-нибудь увижу у вас для себя полезное.

Радищев привел Ковалевского на свой огород. Кустики картофеля уже ярко зеленили и как бы радовались и купались в солнечных лучах.

– Это и есть земляные яблоки? – спросил Николай Андреевич. – У нас один господин ссыльный Гуштин привез такие яблоки. Когда они вот так же взошли, кто-то ночью их вытоптал. Темен народ. А вы вот не боитесь.

– Боюсь, - честно ответил Радищев. - Весьма боюсь. Днем здесь трудятся работные люди, а на ночь мы выставляем охрану. Как-то приходили две древние бабки. Стояли у огорода, плевались, крестились, называли картофельные початки сатанинским

семем. Разные проклятия говорили. Подойдет время, Николай Андреевич, и картофель займет лучшее место после хлеба на крестьянских столах. А как Гуцин зачинатель картофеля?

– Сдался. Не стал больше заниматься этим овощем.

– Зря. А меня не сломить. Никакие бабки и топтуны не переломят меня. Вот посмотрите, через два, три, четыре, пять лет крестьянин поймет, что без картофеля он не может жить. Под хозяйственным сараем сейчас работные люди копают глубокий подвал. В этих краях, из книг естествоиспытателей я узнал, что земля здесь промерзает более двух метров. А есть места, где есть и вечная мерзлота.

И это, правда. Уже в те времена, Радищев знал, что в наших краях есть места вечной мерзлоты.

Ещё в шестидесятые годы, когда мы строили фабрику, я тогда работал на экскаваторе обратной лопаты. Мы копали траншеи, чтобы сантехники проложили трубы отопления и питьевой воды. В августе ковш моего экскаватора наткнулся на вечную мерзлоту. Хорошо, было бы это летом. Могло быть такое. Но это была осень. Даже ещё не было нормальных заморозков. Сначала я удивился, но геологи мне сказали, что здесь такие места встречаются.

– Глубокий будет подвал? – спросил Николай Андреевич.

– Думаю, что на три метра надо копать. Утеплить хорошо. Сохранится картофель и для еды и для семян.

– Я, почему про это спросил, так, как я задумал взяться с тем господином Гуциным за рассаживания этого ценного овоща. Вдвоем нам будет сподручнее. У вас есть Степан Дьяконов. Он ваш хороший помощник во всех ваших делах. По-вашему методу я скоро поеду в Иркутск, и думаю, что там мне дадут картофеля на семена.

Пришел заседатель Деев с приказчиков Неуспокоевым.

– Всё мудрим, Александр Николаевич, – сказал приказчик.
– Пора бы уж понять и успокоиться. Ничо здесь не растет ваша овощ.

Деев подозрительно щурил глаза.

– Такой богатый гражданин из ссыльных дворян, господ столичных, и вдруг занялись, чёрт знает чем, – сказал он.

– Великий Петр ещё дал указание на рассадку этого полезного для народа овощ, – ответил Радищев.

– Что вы знаете об этом народе? – хихикнул Деев. – Я в Киренске с молоду живу. И знаю что мужику надось. Мяса надо, рыбы да водки побольше. Вот ему что надо.

– Зря вы так, гражданин Деев, зря. Вы ещё не поняли пользу этому продукту, – ответил Радищев.

– Меня не надо учить, господин ссыльный, – перестал улыбаться Деев. – Ишь, задумали какой дом размахнули строить. Деньги некуда девать? Самый большой дом будет в Илимске. Кубышка-то, однако, треснет скоро, вот и соришь деньжищами.

– Гражданин Деев! – повысил голос Николай Андреевич. – Как вам не стыдно!? Есть предписание самого иркутского губернатора Ивана Альферьевича Пиль на строительство такого дома. Александр Николаевич Радищев не простой ссыльный, это известный в России ученый и философ.

Деев при упоминании губернатора сразу стих. Он удалился. Неуспокоев немного потоптался, и тоже ушел в ту сторону, куда скрылся Деев.

– Этот краснорожий толстяк Деев ещё вам потреплет нервов, – сообщил Николай Андреевич. – Взятчик он отменный. Вот посмотрите, деньги начнет у вас требовать. При нем не надо бы лишних слов говорить. Сообщит в земскую управу. А там тоже есть свои Деевы. Да и не спорьте с ним. Опасно.

– О чем мне с ним говорить? – ответил Александр Николаевич. – Требовать у меня деньги? У меня лишних денег нет. Если присылают деньги, то для дела. Он, наверное, думает, если я дворянин и у меня много книг, значит я богатый? Это весьма смешно. В Илимске с меня никто денег не просит. Наоборот. Люди, которым я помогаю в лечении, пытаются что-нибудь принести. Я им объясняю, что лечением я занимаюсь бесплатно. У нас в России лекари, чуть познавшие медицину, берут взятки даже с бедных людей. А после их лечения некоторые люди умирают. Не стыдно этим лекарям брать деньги с человека.

Ещё ранней весной плотники, что были посланы к Радищеву из Иркутска, заготовили лес, ошкурили его, и уложили на просушку до следующего года, когда начнут строить дом. На козлах

пилили из бревен плахи для пола, для разной мебели, отделки. Весь этот строительный материал складировали для просушки. Для фундамента столбы из крепкой лиственницы вкопали. Под одним сараем выкопали погреб до трех метров глубиной для укладки овощей на зиму. Так что уже в первую весну Радищев занялся подготовкой к строительству основного дома. Плотникам он платил деньгами, и повар готовил для них обеды. Плотники и другие подсобные рабочие не жаловались на доброго и щедрого хозяина.

Ковалевский и Деев уехали в Киренск.

– Как редко в конторах остаются такие вот хорошие люди, как Николай Андреевич Ковалевский, – сообщил Радищев жене. – Конторы всё более осваивают такие вот взяточники и воры, как Деев. Бедная Россия. А избавиться от бюрократов, взяточников и воров невозможно. Они, как клещи вцепились в свои должности, не оторвать.

– Александр, там дети бургомистра Романова пришли, – сказала жена, лишь бы муж не стал опять нервничать. Когда Радищев начинал нервничать, он ходил туда-сюда, всё сильнее повышая голос. А в этот момент могут оказаться любопытные люди. Могут и пожаловаться, кому следует. Смотря, какие люди. Крестьянин или казак промолчит. А может кто-то из них и доложит. Деньги никому не лишние.

С детьми Романова занимались Павел и Катя. А он зашел в ближайший дом. Там заболел ещё молодой казак.

– Ну, Петро, что там у тебя? – спросил Радищев. – Выглядишь ты, как настоящий казак. Рассказывай.

Мать Петра, худая и морщинистая не по годам женщина сидела рядом с сыном и плакала.

– У вас, Марья, синяк под глазом. Опять упали на полено? – спросил Радищев. А сам ощупывал тело парня.

– Упала, значь на полено, будь оно не ладно. Язви иво бери! – ответила Марья, прикрывая глаз платочком.

– А полено то называется кулак мужа, – ответил Радищев. – Так. Затвердение. Всё ясно. Опять приступ. Табак листовой, конечно, есть? Сейчас мы тебя полечим. Будем лечить.

Радищев раскрыл свой ящичек для разных лекарств, и достал оттуда всё то, что может помочь страданию от боли парню.

Радищев ещё зимой заметил, что в Илимске многие страдают язвой как люди, так и животные.

Своим пытливым умом Александр Николаевич стремится разгадать её тайну, найти наиболее эффективные способы предупреждения и лечения её. Он писал: «Несмотря на холод, обычная язва продолжает поражать людей и животных, и для сих последних она почти смертельна. Сия болезнь, причина коей неизвестна, несмотря на догадки, приписывающие её укусу насекомого, которого никто не поймал на месте преступления, проявляется опухолью или затверждением, которое образуется в ту самую минуту, когда чувствуется приступ. Если не потерять это место тотчас же аммониевой солью, разведенной в спирте, или не приложить к нему жеваного табаку, болезнь становится опасной, а выздоровление затруднительным. Опухоль увеличивается и не проходит, пульс лихорадочен, под конец воспаление овладевает всем телом, и больной умирает. Люди могут предохранить себя от неё довольно просто. Табак, аммониевая соль, камфара, настоянные на спирте, вот верные лекарства в начале болезни. Она проявляется обыкновенно затверждением, которое образуется под кожей. Это род мозолистого тела, нечувствительного при разрезе; в скорости в нем начинается гангрена, которая передается всей массе крови. Тогда всякая помощь бесполезна, и животное умирает».

В этом же году Александр Николаевич обращает внимание на корь, и задумывается над тем, как предохранить детей от этой страшной болезни.

Радищев обработал рану и у матери парня.

Когда он пришел домой, то сказал Елизавете:

– С этой болезнью мы здесь справимся. В двух домах я обнаружил корь. Страшная детская болезнь. И с этой болезнью надо бороться. А как делают родители? Если кто-то из детей заболел корью, то в этот дом ведут и другие родители. Мол, быстрее переболеет.

И в наше время такое было. В начале войны мы жили в Макарьево на Ангаре. Я и мои два брата и две сестры заболели корью.

В наш дом стали забегать соседские ребяташки. Их направляли родители. Если скорее в раннем возрасте ребенок переболеет корью, то будет всё нормально. А если, мол, взрослый заболит корью, то он умрет. Такое и в наше время было, так что говорить во времена Радищева.

Радищев обращается к последним достижениям медицинской науки своего века, стремясь перенести новейшие методы борьбы с одной болезнью в практику лечения от другой болезни.

«Если прививкой оспы закрывают могилу, где были бы погребены преждевременной смертью столько людей, почему корь, болезнь тоже повальная и весьма опасная, не предупреждается тем же способом. Ах, неужели всегда нужны века, чтобы научить человека быть мудрым!» Радищев придавал большое значение бытовой обстановке. Психическое воздействие на лечение, пользу труда, укрепляло здоровье. В те времена психическому воздействию, как положительному фактору в лечении, врачи почти не придавали значения. Радищев опередил своих современников на целое столетие. Далее он пишет весьма странное письмо. Я долго думал над этим рассуждением Радищева. «Суть мысленности. Действия души». А ведь это тоже связано с медициной. Вот эти строки: «Я не утверждаю, что все болезни в мысленности имеют свое начало, сие было бы нелепо и опытам противоречуще. Но если во множестве неисчисленном оных суть несколько, которые суть мысленности действие непосредственное, то утверждаемое мною уже более нежели вероятно; равно не утверждаю, что на все болезни лекарство существует в мысленности или в душе. Но если имеем примеры явные, что многие единственным и простым действием души были исцеляемы, то кажется, что бы и сии духовные действия достойны равное в диспенсториях заслуживать место, как-то: хина, меркурий и весь прочий аптекарский припас. Если кто спросит у меня: каким образом душа дает болезнь телу, и как она его лечит? Лечит она его, не щупая пульса и не смотря на язык, болезнь же дает, не отравляя». Радищев приводит примеры исцеления от болезней без всякой медицины. Он говорил:

– Верьте, то ведаю из опыта моего, что напряженные духовные силы могут подкрепить расслабленное тело и до известной степени дать ему жизнь новую.

Известно, что с первых дней своей ссылки он с увлечением занимается медициной. До Радищева никто так внимательно не занимался медициной. Надо признать, что Радищев был народным врачом в Сибири. И не знать имя этого великого человека просто стыдно, особенно нам, сибирякам. А называть его человеком, приехавшим на стройку «по комсомольской путевке», просто позор не только для школьника, но и для преподавателей и позор всей нашей педагогической программе.

Граф Воронцов прислал Радищеву нужные книги по геологии Сибири, зрительную трубу, компас и другие нужные инструменты. И вот он был готов отправиться в горы. Он изучает окружающие горы, и пока железной руды не находит. Оказывается, что известковые скалы за Илимском «заклучают в своих трещинах селитру, большею частью в порошке, а иногда в виде довольно красивых игл». Здесь же в горах он изучает растения. Он пишет Воронцову: «Сие удовольствие для меня совершенно ново. Как только я научусь их классифицировать, я начинаю считать себя почти Линнеем, коего, к стыду своему, я знаю лишь по имени». Это был крупнейший шведский естествоиспытатель. Кстати, в своей работе «О человеке, о его смертности и бессмертии», Радищев, здесь в Илимске, часто ссылается на работы Линнея.

Радищев решил на дальнюю поездку до деревни Шестаковой. Он узнал от бургомистра Романова, что когда-то там брали железную руду первые рудознатцы Коршунов и Бутаков. Надо там взять образцы руды для изучения. И потом, он в новом доме соорудит плавильную печь. А на горне можно плавить любую руду. Первый раз он побывал там, где должен быть рудник. Об этой поездке он написал Воронцову. Очень важно напечатать содержание этого письма. А я написал об этом случае, как примерно это произошло. Залежи железной руды люди всячески охраняли. И людей можно было понять. Среди многих крестьян были потомки ссыльных и беглецов с Урала. Люди боялись, что узнав о железной руде, протянутся цепкие руки известных на всю страну заводчиков Демидовых. И крестьяне думали, что

тогда им той свободы, какая у них есть, не видать. Вот это письмо графу Воронцову: «С неделю тому назад мы с сыном отправились туда в лодке; случилось так, что на место мы прибыли глубокой ночью; на завтра, согласно добытым сведениям, я стал осматривать расположение рудной залежи, вернее, небольшой горы, её скрывающей. Покончив с сим делом, я возымел желание взобраться на её вершину, и дабы не заблудиться в лесу, коим покрыта вся местность, я взял проводником старосту той деревни, где мы ночевали и которая отстоит от гор не более чем в полуверсте. Я двинулся в путь в сопровождении моего сына. Но проводник наш, вместо того чтобы вести нас к требуемому месту, заставил нас через дремучий лес и по высокой мокрой траве подняться на весьма крутую гору. Мы и поднялись с отвагой, достойной аргонавтов, а добравшись до самой вершины, оказались в чрезвычайно густом лесу, в коем не было и тропинки. Тогда лукавый поселянин сделал вид, что разыскивает место разведки, и кончил тем, что заявил, будто ничего и не слышал о руде. Пришлось возвращаться, так и не увидев направления рудной залежи и питая себя надеждой, что в другой раз мы найдем лучшего проводника».

На берегу Илима он увидел мальчишку Кеху.

– Кеша, твой отец дома?

– Рыбалит он. Я покажу где.

За Илимском вверх по течению в километрах двух, Черемных ловил рыбу с двумя мужиками. Это их работа, это их жизнь.

– С добрым уловом вас, - поздоровался Радищев.

– Дык, к костру садись, Лисандра Николаич, – ответил Иван Черемных. – А ну, Кешка, домой марш! Матери чо-нибудь бы помог. Неча лынды без дела бить! Марш домой!

– Иннокентий у тебя молодец, – ответил Радищев. – Отзывчивый мальчик. Я его попросил, чтобы он показал, где ты есть.

Кеха побежал в Илимск.

– Чо надось-то, Лисандра Николаич? Дык, чо надо помочь по делу? Поможем.

– Я смотрю, у вас уха готова? Угостите?

Рыбаки сели вокруг костра, а с ними сел и Радищев. Он с удовольствием похлебал уху, пахнущую дымом от костра.

– Мне бы, Иван Иннокентьевич, до деревни Шестаковой добраться на лодке. Я расплачусь с вами деньгами.

– Дык, как я посмотрю, у тебя нет там родственников, – ответил Черемных. – За каким заделем туда? Деньги говоришь? Ты лекарь хороший. Как я могу с тебя деньгу брать? Не смей меня, Лисандра Николаич.

– Говорят там места отменные. И потом, я хочу кое-какой целебной травы набрать.

– Дык, еслив так, то мы мигом. На зорьке и в путь. С ночвой в пути будем.

– Я с собой сына Павла возьму, – сказал Радищев. – Пусть тоже к делу приобщается.

– Дык, этова, можно, однако, парень смышленный. Читает. Я чо хочу сказать-то, Лисандра Николаич, зря вы мово Кешку грамоте учить вздумали. Зря. Евлашиха плюетца.

– Плюетца, старая, – ответил один мужичок. – Эта ваша грамота тока обуза для мужика.

– Она, как я посмотрю, на всё у вас плюется. Слюна-то может и высохнуть от злобы, – ответил Радищев. – Чем будет плеваться?

Черемных неожиданно засмеялся. И мужикам стало весело.

– Мужик ты хороший, – сообщил потом Черемных. – Злая она. Да и колдунья. Мы её боимся. Как взглянет на корову, так и молоко пропало. На кого злая, тока держись.

– Значит, утром отправимся? – переспросил Радищев.

– Утром. На зорьке. Я в окно постучу.

Только чуть рассвело, в окно осторожно постучали. Это был Иван Черемных.

С Иваном оказался ещё один вчерашний рыбак.

– Вдвоем надось. Бечевой пойдем. Теченье на Илимке быстрое. Есть и с ног сбить может, – говорил рыбак Никола.

Глубокой ночью они прибыли в деревню Шестакова. Ночевали у родственника Ивана. Что-то долго шептались они. Но Радищева с сыном приняли отменно. Уложили спать на сеновале. В доме негде спать.

Солнце только что поднялось над горой. Вот где глухомань! Деревня в четыре дома. Старенькие, бедные избы поразили Ра-

дищева. За деревней паслись коровы, лошади. С другой стороны деревни были огороды. Радищев подошел к крестьянским участкам. Капуста и репа росли дружно. За ними раскинулось зеленое поле. Конечно, это была рожь. Пшеницу на Илеме сеяли мало. Вымерзала, а может и просто не родилась. Хотя в это Радищев не поверил. Из канцелярских бумаг он узнал, что первые поселенцы из крестьян и казаков сеяли, как рожь, так и пшеницу. Конечно, пшеница нежнее ржи. Вымерзла раз, другой, вот и отказались от неё.

Черемных и Никола уплыли. Обещались приплыть через три дня. А вот, когда они садились в лодку, Черемных странно улыбнулся и сказал:

– Лисандра Николаич, у нас вот, дык есть подозрения. За травой ты до седа приехал, али как? Чо мы думаем, вам люди не покажут.

Радищев обошел поля. Земля здесь богатая. Пшеница должна дать добрые урожаи.

К Радищеву подошел мужичок в козушке.

– Никола сообщил, ты ученый человек и шибко грамотный. Я здесь староста Василий Шестаков. Рожь добрая ноне будет. За кем приехал? Мальца взял?

– Целебные травы собрать, – ответил Радищев.

– В Илимске есть трава. А ни чо та другое? – спросил староста и хитро улыбнулся. – Боле у нас ни чо нету.

– Ну как, договоримся? Деньги дам.

– Чо деньги? Гумага. Покажу. Лес у нас богатый. Мы там, вдоль речки сено косим на зиму.

Шестаков повел Радищева вдоль бурной речки. (Конечно, это была речка Коршуниха). С Шестаковым пошли два мужичка. Они сказали, что в километре отсюда водятся отменные хариусы.

– Как у вас с урожаем на рожь? – спросил Радищев.

– Рожь родится добрая. Не жалуемся. Налог платим исправно. Можете об этом доложить.

– Василий, дорогой мой человек, я не за этим прибыл сюда. Никому я докладывать не собираюсь. Мне траву целебную надо найти.

– А ишо чо найти? – спросил один из рыбаков. – Знаем мы вас грамотных. Ничо мы не знам про то, чо тее надо. Не знам, и весь сказ.

– В пяти верстах отседа есь земли Литвинцевых и Березовских. Вот у них поспрошай, - улыбнулся староста. – Да и то вряд ли чо скажут. Богатеи они. Из боярских. У них и пшеница родит.

– А почему у вас не родит? Вроде земля у вас богатая. Пшеница-то лучше ржи, - сказал Радищев.

– Рожь завсегда родит, а с пшеницей одна канитель и морока получатца, - ответил староста.

Про Литвинцевых и Березовских Радищев уже слышал от бургомистра и Андрея Березовского. За верную службу казакам Литвинцевым и Березовским даровано звание бояр. Березовские были родственники Андрею Березовскому. Эти заслуженные семьи жили обособленно от Илимска. Надо бы познакомиться.

Рыбаки давно отстали. Тоже о чем-то пошептались со старостой. Какие-то все здесь заговорщики, подумал Радищев.

Вдоль бурной речки прошли верст пять, а может и больше, староста свернул в гору. Поднимались на её вершину. Староста неожиданно исчез. Радищев кричал, звал его, но он словно испарился среди бурелома.

– Как я понял, мы не вышли к заброшенному руднику, – сказал Александр Николаевич.

– Надо бы вернуться, – ответил Павел. – Я слышал, как один рыбак сказал старосте, чтобы он не показывал место рудное. Вот он и сбежал.

Радищев подобрал несколько простых камней, и они стали спускаться с горы. По пути они заметили маленький ручеек, он будто бил из земли.

Попили водицы. Радищев хлопнул в ладоши, и радостно воскликнул:

– Ай, хитрецы! Ай, молодцы! А куда воду денешь? Вода-то железом отдает. Ни сегодня, так и завтра, но я буду здесь. Добуду эту руду! Они хитрее и упрямее меня? Не выйдет. Я упрямее. Мы ещё придем сюда. – И он закричал: - Эй, горы железные!

Я приду к вам! Вы подарите мне хоть один кусочек руды! И мне хватит! Я приду к вам!

В бутылку он набрал воды.

Они спустились с горы, и пошли вдоль речки. Рыбаки уже много наловили хариусов, и, видимо, собирались в деревню.

– Где ваш староста? – спросил Радищев. Он решил тоже схитрить. – Заблудился староста. Мы звали его, кричали. Надо бы поиск организовать? Как вы думаете?

Рыбаки собирали рыболовные снасти, переглядывались и молчали.

– Надо спасти вашего старосту, – твердо сказал Радищев.

– Чо с ним сдеетца? В деревне он, однако, – ответил один рыбак. Другой быстро толкнул его локтем. Оба замолчали.

– Всё ясно с вами. Пойдем, Павел, толку от них никакого.

Радищев с сыном пришли в деревню. При виде их люди скрывались. Видимо, староста успел сообщить им, зачем приехал этот господин.

Через два дня приплывут за ним. Куда девать два дня? Надо бы посетить Литвинцевых. Радищев увидел, как один рыбак готовил лодку к отплытию. Он подошел к нему и быстро сказал:

– Успокойся, рыбак, я не за рудой прибыл сейчас сюда. Да и какая может быть руда у Литвинцевых? Доставь нас до них. Я дам денежку.

Мужичок потоптался немного и ответил:

– Я сам от Литвинцевых. Работный я человек. А чо у тебя в котомке-то?

Радищев показал камни.

– Зачем тебе обыкновенные камни? – спросил мужичок.

– Это лечебные камни, – ответил Радищев. Что он мог ответить? Эти камни он исследует в своей маленькой лаборатории. В них он должен найти подтверждение того, что на этой горе есть железо. А вода подскажет ответ.

К вечеру они добрались до деревни Литвинцева. Здесь жил настоящий хозяин. Маленькая, но ухоженная деревня. Она резко отличалась от деревни Шестаковой. В деревне было всего пять домов. Но они были большие и крепкие. Здесь были поля ржи и пшеницы. Картофеля здесь, конечно, не было.

Встретил их хозяин деревни Игнат Дмитриевич Литвинцев, крепкий мужичок. По его скуластому лицу и немного раскосыми глазами Радищев понял, что кто-то из его предков был тунгусом.

– Вчерась Кузька приплыл из Шестаков, и доложил, что важный гость прибыл в края наши, – сказал Литвинцев. – Мы уже в нашем глухом крае знали про вас, господин Радищев. Но я не думал, что придёте к нам. Проходите в гости. Говорят, травы разные собираете? А ишо сказали, руду ищите? Не советую. Я человек прямой. И говорю правду. Не ищи. И никто не покажет.

– Даже вы, Игнат Дмитриевич?

– А чем я лучше, однако, других? Неведомо мне.

– Спасибо за прямой ответ. Не будем об этом боле говорить, – ответил Радищев. – Вы молодцы! У вас пшеница растёт. А у соседей её нет. Что так?

– Раз на раз не приходится. Климат у нас суровый. Не каждый же год пшеница не даст урожай. Ну и что? На другой год даст урожай. Но зато у нас рожь завсегда родит.

– Земляных яблок у вас нет. Значит, картофель называется. Что так? Березовский Андрей вам ведь привозил. Что так?

– Привозил. Гадость это. Наши отцы без вашего картофеля, однако, жили, и ничо жили. И мы проживем. Наши старики недовольны.

– Плюются? – улыбнулся Радищев.

– Бывает такое, если раз кто скажет о нём.

– Игнат Дмитриевич, вы понятливый человек. Хозяин в этом краю. Боярин. Как же вы так? Во всей европейской части России картофель пошел в крестьянские поля. Дворяне и бояре крепко насаждают этот ценный овощ в народ. Вы знаете что. Приезжайте к нам осенью, и попробуете оный овощ. И вы поймете, отчего вы нос воротите.

Они прошли в добротный дом хозяина. Радищев заметил, что в этом лучшем доме в деревне нет книг и журналов. Он сказал:

– Я попробую вам прислать книг.

– Зачем мне они? Читать я не горазд. Не учился. Да и некавды. Все мы в работе, да в заботах.

– У вас я посмотрю, дети есть. Букварь могу прислать.
– Не надо. Это тока обуза. Некаво нас учить. Мы без всякой вашей грамоты толк в жизни знам, – резко ответил Литвинцев.
– Вон какое хозяйство у меня. Двадцать коров, десять лошадей. Есть куры, гуси, овцы. Сами себя кормим и одеваем. Катаки сами катаем. Одежду разную с купцами заказываем. Обмен ведем на мёд, масло, шкуру, ну и всё другое. Да и сами наши бабы одежду ткут. Льна у нас много. Ваша ученось, однако, нам ни к чему. Мы и без неё грамотные.

– А как же с деньгами?

– Чо с деньгами. Это мы разумеем. Нас купцы не омманут. Мы сами каво хошь омманем.

На другой день один из рыбаков на лодку взял Радищева и сына. Александр Николаевич был в расстройстве.

– Боже, несчастная Россия. Когда же в ней появится просвет? Нельзя же так! Как можно так жить в такой темноте!

Рыбак возразил.

– Как в темноте? Вечерами лучины жжем. Сало в чашках жжем. Светло. Бабы вечерами песни орут. Заслушася.

Когда Иван Черемных причалил лодку с Радищевым, то их встретил сержант Воробьев.

– Тово, однако, как ево, потерял я вас. Ишшу вас, а вас нету. Собчать надось. Отпишу в Киренск, чо Радищев не соблюл, а отбыл кудатось.

– Всё нормально, гражданин Воробьев, всё нормально. Рыбачить мы ездили с Иваном Иннокентьевичем.

Черемных показал Воробьеву свежую рыбу, которая ещё трепыхалась на дне лодки.

– Добрый улов наловил Лисандра Николаич, - сказал Черемных.

– И то, правда, - смягчился Воробьев. – Тама и господа офицеры миня трясли, кудась девался господин Радищев? Пойду, доложу. Рыбу ловил.

Когда Воробьев ушел, Радищев сказал:

– Спасибо тебе, Иван Иннокентьевич. Добрый ты человек. А вот детей не надо бы бить.

– Дык, этово, как ево, все бьют. И меня били.

– Заладил ты своё, Иван Иннокентьевич. Не надо бить.

Черемных только пожал плечами. Будет бить. А потом он схватился.

– Что это я, Лисандра Николаич?! Рыбку-то возьми! Свежая рыбка.

– Вот за рыбку спасибо. Вот от неё не откажусь. Мои горничные Марьяна и Василиса в самый раз приготовят рыбку на ужин.

Черемных помог Радищеву донести до дома камни, воду и рыбу.

– Останься у меня на ужин, Иван Иннокентьевич.

– В доме дела. В пади надо готовиться на покос. Лето зиму кормит.

– Марьянка! Василиса! – закричал Радищев, – рыбку я для вас доставил! Ужин добрый будет!

Из дома выскочили довольно ещё молодые и расторопные девки. Подхватили мешок с рыбой, и потащили в дом. Тут же им помог нести мешок один из слуг, муж Василисы. Второй слуга, который также вольно поехал в Сибирь тоже был женат. Его жена Марьяна, не задумываясь, поехала за мужем. Они взяли пример со своей новой хозяйки Елизаветы Васильевны Рубановской. А ведь это тоже были мужественные женщины. Со всем недавно вышли замуж, и поехали за своими мужьями в неизвестность. К великому сожалению история фамилий и имен этих мужественных молодых женщин не упоминает. А давайте в память о них мы дадим им имена. Возможно, и я уверен, что у них были дети. И кто знает, может кто-то из потомков этих женщин, первых женщин, которые добровольно прибыли в эти глухие края, живет в нашем районе.

– Завтра с утра займусь камнями, Лиза.

И он рассказал, какие хитрые жители деревни Шестакова. Ничего не рассказали о руде, и заброшенный рудник не показали.

Радищев мечтал построить добротный дом. Сам составил проект дома. Надо было сложить две большие печи, и чтобы они не дымили. Должна быть спальня, чайная, большой кабинет с библиотекой, кладовая, гостиная и столовая, а также две комна-

ты, где жили женатые лакеи. Рядом с домом должны быть баня, а за нею кухня. За домом надо было построить сарай для сена и для коров и лошадей. Радищев решил сам иметь этих животных, чтобы было своё молоко и творог. А лошади будут для вспашки земли под картофель, и для выезда в соседние деревни, когда наступит зима.

Степан Дьяконов по согласию Радищева тоже решил построить себе рядом небольшой дом.

– Я буду с вами всегда рядом, – сказал Степан. – Семей заведу, да и останусь здесь навсегда. Два работных мужика, что прибыли с нами, решили тоже не возвращаться в Россию.

– Я их понимаю, – тяжело вздохнул Радищев. – Надо с корнем уничтожить крепостное право. В России этих парней сразу возьмут в кабалу. Или пойдут в разбойники. А здесь они построят себе дома. Вот и начнется их род на этой стороншке.

И вот наступила осень. Урожай на картофель уродился отменный. Он пригласил Ивана Черемных отведать свежего картофеля. Сначала Иван даже возмутился:

– Дык, нам неведомо это зелье. Евлашиха говорит, что это послание антихриста. Этова, как иво, нельзя. Плюетца старая ведьма. Людей на тя натравливает.

– А ты попробуй. Я ведь вот употребляю, и вся моя семья, и все дворовые едят оный продукт. И ничего. Хвалят.

Радищев едва усадил Ивана за стол. Марьяна и Василиса приготовили жареный картофель на свином жире. Долго Иван упирался. Он видел, как уплетали картофель слуги Радищева. И вот Иван решился попробовать неведомый продукт.

Он встал из-за стола, и неожиданно погладил себя по голове.

– А рогов-то нет, – улыбнулся Иван. – Евлашиха говорила, что рога будут у того, кто хоть чуть попробует антихристову еду. Я ишо никаква такое не ел. Если нет рогов, то надоть садить это самое?

– Сажать надо, обязательно сажать! – воскликнул Радищев. – Всем говори об этом, Иван Иннокентьевич! Всем! Всё врет ваша Евлашиха! Если сама она попробует приготовленную картофель нашими мастерицами, замолчит.

– Александр Николаевич, это все сделал ваш повар Кузьма. Мы тока помогали, - призналась Василиса.

– А ваши женские руки разве не помогали? – спросил Радищев. – Теперь вы можете своим мужьям готовить разные блюда из картофеля.

Иван всё это слышал. Спросил:

– Дык, а разве ишо можно чота из неё делать?

– Можно, Иван Иннокентьевич, можно. Много блюд можно приготовить из картофеля. Наш повар Кузьма все эти блюда знает. Вот и Марьяна с Василисой многое, что узнали.

Озабоченный Иван ушел из дома Радищева.

К вечеру пришел местный священник Ларион. Его приход в церкви был в Илимске. А сам он жил в деревушке Поповой из трех домов в двух километрах вверх по течению Илима. Там у него был свой участок.

– Я крестил твою дочь Анну, а ты даже не соизволил посетить мой дом, каква проплывал мимо.

– Извини, батюшка Ларион, извини. Было весьма рано. На днях я к вам прибуду.

– Могу с тобой поделиться. У меня в подворье есть и коровки и лошадки, ну и другие живности. Ты человек шибко ученый. Шибко много думаешь. Чота там сочиняешь на бумаге. А вот ответь мне, божий человек, почему так темен человек? На сотни километров вокруг нет грамотного человека, чтоб можно было толково поговорить о жизни, о его душе.

– Но ведь ты, батюшка Ларион тоже грамотен. Читаешь, наверное, книги, какие. Вот видишь, уже есть, один грамотен.

– Я сам постиг грамоту. Приход у нас пришел от нашего предка. С самим Ермаком он шел в Сибирь. Вот до сих мест дошел. Так мы и живем в своей деревне. На мне, однако, всё и завершится. Две дочки замуж вышли за крестьян. Два сына у меня. Старший сын непутевый он. А малец, чо с него взять? Пять годков ему. Я, да и работные люди ведем хозяйство. А сын наметился удрать в Иркутск. Раз там побывал, и захотел в Иркутск, и в казаки там податься, да в Аргунь уйти.

– А чем я тебе могу помочь, батюшка Ларион? Как я понял, сына твоего уже не удержать.

– Да не в сыне дело, - ответил Ларион. - Чо случится со мной, то кому передать приход в Илимске?

– А я тут причем? Это надо решать дела с Иркутским преосвященным архиереем Вениамином.

– Вы позаботьтесь об этом нашем приходе. У вас есть связи с Вениамином. Он о вас хорошо отозвался при встрече с вами в Иркутске. У меня есть и намеченный мною преемник, мой двоюродный брательник священник Семен Попов из соседнего прихода. Он тоже от нашего предка пошел. У него дом стоит в деревне Протасовой, что в двадцати семи верстах от Илимска вниз по Илиму. В его приход вписаны ближайшие прихожане из деревни Литвинцевой и Оглоблиной. Литвинцева совсем рядом с Протасовой. А до Оглоблиной тоже рукой подать. Далее там другой священник Даниил на деревни Березняки, Уфимцева-Чукчина, Игирма, Вологжина.

– Вы, я, как понял, всех местных священников знаете по Илиму?

– Знамо знаю, до самого устья.

– Как я понял, все деревни на Илиме, это, как одна большая деревня. Может, мне с вашим сыном поговорить?

– Не уговорите. Но, попытаться надо бы.

– Вам ещё жить да жить, - сказал Александр Николаевич. - Что вы себя так рано хороните?

– Душа изболелась, Николаич. Когда душа начинает болеть, это очень плохо. Сам и причащаюсь и молюсь постоянно, не могает. Скоро буду собороваться в путь к Богу.

– Может, я, чем могу помочь? – спросил Радищев.

– У меня одна забота, сын непутевый. Кому хозяйство оставлю? Нам и фамилию-то дали из-за нашего предка попа Агафона от самого Ермака.

– Давайте я вас послушаю, - предложил Радищев.

– Не след священнику обращаться к лекарю душу лечить. Я уж так, как-нибудь. Я сына пошлю к вам. Он всё о вас знает. И стремится познакомиться с вами.

На следующий день к Радищеву пришел сын священника Николай Попов. Крепкий, с румянцем во всё лицо ещё совсем молодой паренек.

Он сразу заинтересовался библиотекой.

– Стока книг у вас. Мне стока заиметь! – в восхищении воскликнул парень.

– Читать умеешь?

– Откеда мне читать? Одни молитвы тятя заставляет читать и говорить. А я хочу, как вы, много читать. Уеду на днях в Иркутск, а там, на Аргунь подамся, в Даурию. В казаки пойду.

– Кто же отцу помогать будет? – спросил Радищев.

Парень осторожно и с любовью трогал книги.

– У меня есть сестры с мужиками. Вот и пусть хозяйничают. А как мне научиться хорошо, читать?

Радищев дал ему букварь, «Московские ведомости», «Политический журнал».

– Вот если вот это всё одолеешь, то можешь свободно читать любую книгу.

Парень обрадовался и довольный пошел в свою деревню.

Александр Николаевич сказал Елизавете:

– Парень не годен к церковной службе. Его тянет к знаниям. А что он возьмет в глухой деревне? Пусть читает.

Радищев узнал, что Николай Попов с попутным обозом уехал в Иркутск.

Радищев с семьей и все дворовые слуги отправились в ягодные места. Надо было разную ягоду заготовить на зиму. Брали и грибы на засолку. Для этого дела он нанял двух местных жителей. Они и показали добрые места ягоды и грибов. А надо сказать, что Илимская пойма всегда славилась мошкой. Помню, когда мы начали строить город с палаток в конце пятидесятых годов, нас заедала мошка. Каждый плотник имел специальную шляпу с сеткой. Лицо и руки мазали какой-то вонючей мазью. Самолет «кукурузник» часто летал над стройкой и над глубокими долинами и травил тайгу газами. Ходила машина, как водовозка, и выпускала из этой бочки едкий газ. Мошка лезла всюду. Умудрялась пролезть под тугой ремешок для часов. Мошка, была настоящим бичом для строителей. Были такие молодые люди, что не выдерживали такого натиска, и уезжали со стройки. А если ещё возникала от этих укусов аллергия? А многие товарищи выстояли. И я могу только представить те времена, когда в

Илимске отбывал ссылку Радищев с семьей! Сетки тогда тоже шили. Платочек подвязывали на шее, а спереди для зрения вшивали небольшую сетку, сплетенную из конского волоса. И этот платок, и сетку вымачивали в дегте, коптили в дыму. Немного и на какое-то время отгоняло мошку. Эта кровососущая тварь жила до больших заморозков. На смену мошке в дома входили тараканы. Это ещё был один бич для людей. Прокопченные дымом от печей стены и всё вокруг мало помогало вывести этих нахлебников. В доме был слышен шум от этих тварей. Их выводили так. В самые лютые морозы дом оставляли, и переселялись к знакомым или родным. Через три, а то и пять дней вселялись. Через месяц опять появлялись целые армии тараканов. Откуда они только лезли было непонятно. Радищевы два раза морозили дом. Семью Радищевых приютила семья Прейн. Дом из двух комнат этих добрых людей стоял сразу за острогом.

Бывало, я часто по молодости ходил в тайгу за ягодой. И видел тараканов в тайге. И все-таки, это, как и мошка, и комары лесные насекомые. Я уверен, что такой, как естествоиспытатель Радищев, понимал, откуда шли тараканы. В доме вымораживали тараканов, а часть их уходила под пол, углублялись в талую землю, под корешки, и засыпали там на время.

Наступила зима 1792 года. Радищев вместе с охотниками ходил в горы, в тайгу на лыжах.

Как-то раз он пошел один. Ружья с собой не взял. Он дошел до бьющего из земли ручья. Он слышал от людей, что в этом ручье вода особенная, вкусная. Летом и осенью ему не было времени взять эту воду на анализ. Дело в том, что у многих жителей Илимска была болезнь зоба. Просто так зоб не должен появиться, а тем более у многих. Даже некоторых жителей зоб просто душил. Люди умирали от недостатка воздуха. Неожиданно у Радищева возникла мысль, а не ручей ли этот виноват?

Радищев набрал воды в бутылку, попробовал. Вода отличалась от речной воды. Действительно, вода была вкусной. Пьешь, и ещё пить охота, хотя и весьма холодная. Скоро ручей перемерзнет, и Радищев успел набрать водицы для анализа.

И тут только он увидел здоровую рысь. Она сидела на поваленном дереве и внимательно разглядывала странного человека без ружья.

– Безоружен я, хозяйка тайги, – сказал он. – Наверное, у тебя есть рысьята? Зачем они мне? Я пойду своей дорогой, а ты своей. Поняла?

Голос у Радищева был мягкий и мирный. И рысь, видимо, это сразу поняла.

– На всякий случай я здесь взял калач и кусок мяса. Думаю, что тебе пригодится.

Он снял с плеч котомку, и достал калач с мясом. Рысь не убежала. Она наблюдала за человеком. Любопытство взяло верх. Ещё от матери она знала, что нет злее в тайге животного на двух ногах. Этот двуногий зверь несет для них смерть. Его в тайге все боятся. И вдруг рысь встретила чудного двуногого зверя, который не собирался её убивать.

Радищев положил калач и мясо рядом с собой.

– Сама поешь, и детушек покорми, – сказал Радищев. Он надел лыжи, и пошел по своему следу в Илимск. Он оглянулся. Их взгляды встретились. Как показалось Радищеву, взгляд рыси был осмысленный, даже удивленный. Конечно, ему так показалось.

И тут я вспомнил, когда читал письма Владимира Ульянова (Ленина) своей будущей жене Надежде Крупской. Письма эти были напечатаны в одном из томов. В этом письме Ульянов с умилением писал, как они с одним мужичком попали на остров. И как милосердный и добрый Ульянов палкой бил зайцев. И набил их на полную лодку. Как он с восторгом и восхищением писал об этом. Ульянов не превратился в деда Мазаю. Этих двух великих людей, настоящих революционеров в душевном понимании нельзя сравнивать. Один был добрейшей души человек к нуждам простого крестьянина, а другой жестокий и бездушный товарищ к крестьянину, да и к любому человеку. А о животных и говорить бы не надо.

После этого случая, Радищев стал ходить на лыжах недалеко от Илимска только с ружьем. Ему передали, что иногда может появиться медведь-шатун. Радищев ходил с ружьем, но, ни разу,

ни в кого не выстрелил. Он видел много зайцев, лисиц. Выходили на него и олени и сохатые. Порой ему казалось, что лесные животные понимали этого мирного человека. Они подпускали его близко, и словно заигрывали с ним.

Радищеву нравилось такое общение с животными. Он брал с собой сухари, соль и укладывал всё это на поваленное дерево. А, когда приходил на это место на следующий день, ничего этого не было.

Как-то Радищев пошел на лыжах в тайгу. На краю Илимска ему встретился один казак.

– Лисандра Николаич, чо там тебе делать в тайге? Не стреляешь, не бьешь дичь. Не разумеют тебя люди. А када люди не разумеют, подозрение бывает. Все знают, ты лекарь отменный, детей грамоте пытаешься чужих учить. Ну и лечи людей. А зачем так ходить в тайгу. Чо ты там потерял? Да и бабка Евлашиха недовольна. Всяко говорит на вас. Да и детей не надо бы учить. Всё зря. Обуза. Как говорит ваш хранитель сержант Воробьев, чо вы переучились. Вот и мучаетесь от переучення.

В своей маленькой лаборатории он стал изучать воду из того ручья. И пришел к неутешительному выводу. Воду эту пить нельзя. В основном эта болезнь распространена среди детей. Отчего она образовывается? Эта ключевая вода, содержала известковые частицы, пристающие в горле. Постепенно накапливалась, и образовывался зуб. Надо предупредить людей, чтобы эту воду не пили. На это есть река Илим. В будущем люди перестали пользоваться той водой, и наросты стали уменьшаться, а потом и вовсе исчезли.

Заканчивался 1792 год. Так мало сделано за этот год, думал Радищев. Он писал письма своим друзьям, чтобы присылали ему свежие книги, журналы, газеты. Просил присылать ему лекарства, медицинские приборы.

Он продолжал работать над трактатом о человеке. В свободное время, а у него его было мало, он ходил на лыжах в тайгу.

Часть вторая

1793 год. Второй год ссылки

Новый год встречали за одним столом. Семья Радищевых, и все работные люди. Пришел бургомистр Иван Иванович Романов, жена Авдотья Никитична и двое детей. Они учились у Радищева грамоте.

На новый год потеплело. Шел обильный снег. Ребятишки катались на санках. Не уступали им и парни с девушками.

После небольшого застолья все вышли на улицу. Дворовый мужик запряг коня Гнедого в сани-розвальни, и сам Радищев решил управлять конем. Все уселись в сани набитые соломой.

– А ну, парни и девушки, и вся ребятня цепляйте свои санки к нашим саням! – закричал Радищев. – Будем кататься!

Как показалось Радищеву, что даже Гнедому понравилась вереница саней. Он весело заржал и побежал вдоль улицы. Длинный хвост из множества саней, извивался и скрипел. Стоял такой радостный визг и смех, что люди выходили из всех домов и смотрели на движущееся по улице небывалое чудо. В этом заснеженном и унылом краю такого чуда ещё не бывало. На краю Илимска он развернул коня, и продолжили путь до другого конца. Люди выстроились вдоль улицы и тоже что-то весело кричали. Парни, девушки, дети и даже взрослые всё просили и просили, чтобы Радищев не останавливал коня. Ещё долго веселая, живая и смеющаяся вереница двигалась с одного края Илимска до другого и обратно.

Потом Радищев остановил Гнедого, подошел к коню, погладил его, и дал ему кусок сахара.

– Заслужил, коняга, заслужил. Ты хорошо поработал. Будет тебе хорошая и добрая чаша овса, – сказал он коню, а ко всем так обратился: – Хватит мучить лошадь. Он устал. Он тоже отменно встретил новый год. Ему тоже будет хорошее застолье.

Все весело расходились по домам. Некоторые уходили с неохотой. Хотелось ещё погулять. Но Гнедой устал. А деревенские

люди умели понимать тех животных, которые были у них во дворах. Ценили их и всячески берегли. Да и в тайге крестьяне лишнего зверя не убивали. Отстреливали только для пропитания. Это был не писанный закон крестьянина. А чтобы палкой бить, например, на острове бедных зайцев только ради удовольствия такого я не слыхивал от крестьянина. Они говорили так, или этот человек весьма жестокий или психически больной.

Александр Николаевич вставал рано. Сам заваривал себе кофе. Потом садился за стол в своем кабинете и работал над рукописью. Одновременно он работал над поэмой «Ангел тьмы», и «Сокращенное повествование о приобретении Сибири», «Письмо о китайском торге». Он сел за работу над крупным по объему трактате «О человеке». Этот трактат полно раскрывает философские воззрения Радищева, поражает, прежде всего, широтой его образованности и разносторонних знаний. А ведь Радищев был одним из образованнейших людей своего времени. Свои обширные познания в области истории и философии, в области физиологии, анатомии, химии, физики, ботаники и минералогии он обобщил в трактате «О человеке», сделав их острым и сильным оружием в борьбе за передовое, материалистическое мировоззрение.

О писательском труде он писал: «Весьма полезной был бы труд писателя, показавшего нам из прежних деяний, шествие разума человеческого, когда сотрясший мглу предубеждений он начал преследовать истину до выпренности, и когда утомленный, так сказать, своим бодрствованием, растлевать начинал паки свои силы, томиться и ниспускаться в туманы предрассудков и суеверия. Труд сего писателя бесполезен не будет: ибо, обнажая шествие наших мыслей к истине и заблуждению, устранил, хотя некоторых от пагубных стези и заградит полет невежества...». За этот труд Радищев и начал работать над рукописью.

Радищев стремился сделать трактат общедоступным. Радищев избрал для него живую повествовательную форму беседы со своими друзьями, с которыми он разлучен ссылкой.

Его трактат о человеке начинался так: «Нечаянное моё переселение в страну отдаленную, разлучив меня с вами, возлюбленные вы мои, отъемя почти надежду видеться когда-либо с

вами, побудило меня обратить мысли мои на будущее состояние моего существа, на то состояние человека, когда рушится его состав, прервется жизнь и чувствование, - словом, на то состояние, в котором человек находится будет или может находиться после смерти...».

Этот трактат состоял из четырех частей. В первой части Радищев ставит основной вопрос: весь ли человек умирает, или же дух человека бессмертен? Он пишет, что человек умирает весь. Во второй части он подходит, как материалист. В третьей части он говорит о бессмертной душе. В последней части он рассматривает, как о бессмертии человека, его души. Просто, все его части в его трактате, это его личный философский взгляд на человека.

Задача человеческой мудрости, так говорил Радищев, чтобы опытом и наблюдений глубже и шире познать мир материальных тел.

Радищев писал в трактате: «Удалим от нас все предрассудки, все предубеждения и, водимые светильником опытности, постараясь, во стезе, к истине ведущей, собрать несколько фактов, кои не могут руководствовать в познании естественности».

Радищев утверждает единство материи: «Возари на всё, окрест тебя живущее: простри любопытство твоё и на то, что мы почитаем неодушевленным от камня до человека, коего состав столь искусственен, в коем стихии являются в толико различных сложениях, в коем все действователи, в природе известные, суть сложенные воедино, являют организацию превыше всего, чувствам нашим подлежащего от камня до человека явственная постепенность, благоговейного удивления достойная, явственная сия лествица веществ, древле уже познанная».

Философская мысль Радищева, приводит его о единстве тела и души.

Радищева страшит мысль о полной гибели. Он ищет утешения в вере в бессмертие души, в надежду на встречу с дорогими людьми в «ином мире».

Есть в трактате удивительные строки, меня они глубоко потрясли. Вообще, надо сказать, что, именно в Илимске он более всего увлекся работой над трактатом о человеке. Хотя он был

окружен семьей, но он глубоко страдал от одиночества, от своей ненужности для своей страны. И чтобы не углубляться всё глубже и глубже в одиночество, он брался за любую научную работу. Во всех письмах к родным и друзьям он просил и просил, чтобы ему высылали книги, журналы, газеты. Чтобы высылали ему новинки по химии, физике, литературе, минералогии, философии. Почему он так увлекся над этим трактатом? Его можно было понять. Здесь он понял, наблюдая человека по пути в Илимск, и теперь находясь здесь, что такое человек во всех его жизненных ситуациях. Радищев шел в народ, ближе с ним знакомился. Он никем не гнушался. Как мог, помогал больным, наблюдал за судьбами. И, возможно, всё это подтолкнуло Радищева приступить к работе после знаменитого Путешествия над своим огромным материалом. А ведь, когда он вернулся в Россию, он навсегда отложил эту рукопись о человеке. В Илимске его можно было понять. Порой он в душе метался, искал выход в своих философских размышлениях. Есть такие строки в начале его трактата: «Не удивляйтесь, мои возлюбленные, что я мысль мою несусь в сторону неведому и устремляюсь в область гаданий, предложений и систем; вы, вы тому единственною виною. В необходимости лишиться, может быть, навсегда надежды видеться с вами, я уловить хочу, пускай, не ясность и не очевидность, но хотя неправдоподобие или, же токмо единую возможность, что некогда – и где не ведаю, облобызаю паки друзей моих и скажу им (каким языком – теперь не понимаю): люблю вас по-прежнему. Может быть, я заблуждаюсь, но заблуждение сие меня утешает, подавая надежду соединиться с вами...».

Радищев не забывает, прежде всего, что он пленник, и что он теперь должен влачить безрадостную жизнь в глухом сибирском остроге, среди гор и тайги, среди мошки и тараканов. Он писал Воронцову, что сам человек, это «общественное существо», и создан для того, чтобы жить в обществе себе подобных. Он даже написал как-то с усмешкой, что живя в обширных лесах Сибири, он кончит тем, что сделается счастливым человеком – встанет на четвереньки.

– Что будет со мной? – задавал он себе вопрос. Он смотрел на людей и вспоминал памятные слова Данте: «Оставь надежду»

всяк сюда входящий...» Порой его мучила тоска по России. Вот что он написал в печальном стихотворении в Илимске:

*Скитаться по лесам, в пустынях осужденный,
Претящей власти отовсюду окруженный.
На что мне жить, когда мой век стал бесполезен?
Душа моя во мне, я тот же, что я был!*

Ещё в том первом году ссылки он задумал поездку вниз по Илимю до самого устья. Ему захотелось познать этот народ, с которым ему придется жить много лет. И вот этот момент настал. Он сообщил об этом губернатору Иркутска Ивану Альферьевичу Пилю, и тот дал на это разрешение. О такой поездке должны знать и местные власти. Он не собирался сбежать. Из своих родных он никого не возьмет. Хотел взять с собой Павла, но Елизавета отговорила. Мальчик мог дорогой простудиться. Александр Николаевич обещал сыну, что весной обязательно возьмет. Радищев планировал по деревням вести пропаганду на посадку картофеля.

В дорогу отправилось в путь две повозки. Они были крытые, и чем-то напоминали кареты. На днище повозки уложили толстый слой соломы. Для лошадей взяли три мешка овса. А сеном поделятся в деревнях крестьяне. Кроме Радищева его должны были сопровождать: слуга Радищева, он же конюх Петр, муж Василисы. Я уже писал о них. Молодожены добровольно поехали за Радищевым в Сибирь. А также один офицер Кондратьев и один солдат Сидоров.

Радищев взял с собой собственные буквари, разные лекарства, книги, журналы, газеты. Одну повозку он занял вместе со всем скарбом и своим слугой Петром. В другой повозке устроились офицер, солдат и разная провизия для себя и коней.

Прибежал провожать сержант Воробьев. Он запыхался.

– Пошто без меня! Я досматриваю и докладываю! Я должен ехать! Буду жаловатца!

Кондратьев подошел к нему, и сунул ему кулак под толстый нос.

– Я те пожалуйсь, морда стоеросовая! Александр Николаевич получил разрешение от самого губернатора. Теперь я отвечаю за его безопасность! А ты иди в кабак и жри свою водку с мочеными огурцами!

– Дык холод, одкако, – тихо ответил Воробьев. Потом немного подумал и спросил: – А чо ишо делать? Чо мне отвечать согласно предписанья?

– Так и отвечай, как есть. Неуспокоев тебя успокоит. Вместе с ним накатайте ответ. Я в ответе. Вот вам двоим и весь ответ.

Маленький обоз тронулся в далекий путь. Сопроводить его вышли: Елизавета Васильевна, Павел, Катя, Дьяконов со всеми слугами. На руках у Василисы была завернута в шубку его дочь Анна. Проводить в далекий путь по Илимю пришло и несколько крестьян и казаков, которых он лечил. Ну, конечно, здесь же были девчата, парни и ребятишки.

– Как министра провожают, – улыбнулась Елизавета.

– Министра края Илимского, – горько ответил Радищев. Он закутался в овчинную шубу, и скрылся в повозке.

К вечеру они прибыли в деревушку Протасову. Повозки встретил священник Семен Попов.

– Не удивляйся, Лисандр Николаич, вчера охотник Федька Лыков сообщил, чо к нам едит господин лекарь.

– Быстро у вас слух разносится.

– По всему Илимке слух идет о тебе, как о добром дохтуре и человеке. Проходи в дом мой. Горница готова для дорогих гостей. На днях тараканов выморозили. Это же не тараканы, а настоящая божья кара, прости меня Господи! – сказал он так и неистово перекрестился.

– Литвинцева у вас недалеко? – спросил Радищев.

– Всего четыре версты до неё. Успешь там побывать, Лисандр Николаич.

В деревне Протасовой было всего двенадцать домов. Дом священника Попова отличался от всех избышек. Добротный, крепкий дом с капитальной стеной, разделяющий его на две половины.

– У вас тут кругом горы, – сказал Радищев.

– Илим почти весь в горах. Землицы маловато для посева зерновых, Лисандр Николаич. Но от хлеба мы не страдаем. С Ангары завозим хлебец-то, с Ангары. И ржаную муку завозим, да и пшеничную привозим. Не голодаем.

Все вошли в дом. Жарко натоплены печи. Пахло печеным хлебом. На столе лежали горкой калачи.

В детстве я часто бывал в деревнях. Да и парнем попадал в деревни. Калачи в русской печи, это самый главный продукт крестьянина. Я до сих пор люблю запах и вкус калачей. К сожалению, калач вышел из моды крестьянина. В магазинах если появляются калачи, хотя это редко бывает, запах и вкус современных калачей не сравнить с настоящим крестьянским калачом. Возможно, люди потеряли рецепт калача, этого удивительного ни с какой современной стряпней несравнимого продукта.

Радищева с его командой поселили в отдельной половине. Александр Николаевич поехал по деревням не ради прогулки.

Когда все устроились. Пришел священник Попов.

– Чо вам надо, вы скажите, Лисандр Николаич, - сказал Семен.

– Летом сажали картофель?

Священник от такого прямого вопроса даже растерялся.

– Не думали вот. У нас ведь на наших огородах акромья капусты, огурцов и репы ничо нету. Рожь сеем. У нас ведь, деревенские сплошняком охотники, да рыбаки. Мяса у нас вдоволь. Рыба всяка есь. Чо нам ишо надо? Пушнину сдаем купчишке Никанору с Илимска. Он нам за это чо надо привозит. Налог мы исправно платим в острог. Я доглядываю.

– У вас должен быть в деревне староста.

– Какое был! Он в прошлом годе ишо отдал Богу душу, царствие ему небесное. Вот я и священник, а заодно и староста. Под рукой у меня, как у священника таки деревни: Протасова, Литвинцева, Оглоблина. Даниил-то Попов, брательник мой шибко худой. Просит Илимск взять. Надоть будет, однако, взять. Сынт-то его, Николка, на Аргунь наметил бежать. Непутевый сын у него оказался. Книжки-то оне не тово...А в деревнях-то наших везде есь старосты.

Семен начал мяться, глаза отвел в сторону.

– А причем здесь книги? – спросил Радищев. – Разве плохо быть грамотному человеку? Пусть себе учится, если есть у него желание большое.

– Всё так, Лисандр Николаич, всё так. Это вам быть надо шибко грамотным. А Николке-то ни к чему. Научился, мал мало читать молитвы, и то ладно. Книжки-то могут и не к добру привести человека. Вот вы... Ладно, Лисандр Николаич, чо у нас думаете делать-то?

– Я вас спросил Семен Кондратьевич насчет картофеля. А вы ушли от ответа. По всей России крестьянин начал сажать этот ценнейший продукт. И вам бы надо взяться за дело. Даже от ангарского крестьянина отстаете.

– Как ево, этово, тово, темнота у нас. Чо сделаешь? Куда денешься от нашей темноты? Никуда.

– Где вы собираетесь молиться-то?

– Как ево, тово, домик тут мы оборудовали. Жил там бобыль. Умер он в прошлом году. Вот мы там и собираемся.

– Много людей собираются-то?

– Как вам сказать. Мало. Здесь крестьянин и казак народ странный, однако. Вроде иконы есть в каждом доме, а вот плохо молятца. Каждый крестьянин на свой труд надеитца. Охотник Федька Лыков так сказал, чо для него Бог, это, как повезет на охоте.

– Дети у него есть? – спросил Радищев.

– Мал мало меньше. Шесть детей. Кормить-то надо их, одевать. Вот Федька и говорит, чо ему некавда молиться. Семейю кормить надобно.

– А собратъ-то можно крестьян в твой молельный дом?

– Дык, этова, как ево, тово, можно. Соберу. Твое имя здесь все знают. Как же, лекарь, однако.

– Собери, Семен Кондратьевич, собери людей.

Слух быстро пронесся по деревне, что к ним приехал ученый человек. Хотя он и ссыльный, и пошел против царицки, но мужик он умный, да ещё и лечит людей.

На другой день люди собрались в жарко натопленный, бывшего бобыля дом, где Семен устроил церковь.

А перед тем, как собраться людям, к Радищеву в этот дом, пришел обросший мужчина с зубной болью.

– Чем лечил зуб свой? – спросил Радищев.

– Дык этова, как иво, вином. Не помогает. Бабка Кузмичиха заговаривала зуб. Не помогает. Спасу накакова нету. Болит, хоть на стену лезь.

Радищев осмотрел зубы больного.

– Два зуба надо удалять.

– Дык, этова, надо так надо. Ты человек ученый. Учился много. Дерьгай проклятуших, не дна имя не покрышки!

У Радищева были нужные инструменты. Он удалил оба гнилых зуба. Наказал мужику, что надо бы каждое утро чистить зубы, да и рот бы надо после еды полоскать.

– Дык, этова, тово, ты человек умный. Учился много. Тебе знать лучче чо мне надоть. Тока мы люди шибко темные. Не обучены, так зубы чистить. Да и засмеют меня. Скажут мне, чо я тоже стал грамотный шибко. Я уж так, как нибудь проживу. Засмеют. Тебе хорошо, ты человек переученный. Тебе можно.

Мужик ушел. Вот и потянулись люди к дому- церкви.

– Вся деревня тут, - сказал Семен. – Молиться будем, али как? Люди иногда приходят в церковь, и молятся исправно.

– Вначале помолимся, а потом и поговорим.

Радищев давно заметил, что сибиряки приходят в церковь и молятся, как бы по старой привычке. Все их предки молились. Ведь все эти уже коренные сибиряки, потомки бывших каторжан, преступников, ссыльных. Все они надеялись только на себя. Как кому повезет.

Помолились. Радищев не собирался читать людям лекцию. Он просто хотел поговорить с крестьянами. Ему хотелось ближе узнать илимского крестьянина. Стоять перед ними и говорить умные слова? Таким методом ничего не добиться. Надо быть ближе к людям. Он прошелся между сидящими на лавках крестьян, и сел между двумя бабками. Он понимал, что от этих бабулей много зависит. Бабули и в наше время дотошные и всё знающие, что творится в подъезде и даже в многоквартирном доме. Они знают каждого соседа до седьмого колена. Они четко знают, кто встает ночью и сколько раз ходит в туалет. Знают, у

кого ночью горит свет. Это вызывает бабулей на подозрение и больной интерес. Всё видят, всё знают. Если идешь мимо скамеечки, на которой сидят вечные бабули, ощущаешь, будто тебя просвечивают насквозь. Придя в свою квартиру, хочется встать под холодный душ, после этого высунуть голову в форточку и выть на луну. Порой мне, кажется, что они точно знают, в каких чирках ходила моя прабабушка.

– На что жалуетесь, красавицы? – спросил Радищев.

Одна бабуля с маленькими и хитрыми глазками ответила:

– Ты, милочка, не гоношись шибко-то. Мы и так можем. Без тебя жили, и будем жить. Чо знам, то и знам. Люди судачат, что ты нам сатанинские яблоки привез. Не надоть нам ейных яблочек. Мы и других яблочек не ведали, и ни к чему они нам, яблочки-то. Те яблочки на деревьях растут. А эти в земле. К тем мы не приучены исти, а этих сопсем не надо. От дьявола они. Не надо нам их. Не надо.

– Не надо, – повторила вторая бабка хриплым голосом. Радищев понял, что вторая бабка больная. Он встал. Поклонился бабке и сказал:

– У вас температура. Надо бы вам дома сидеть. Горло болит и жжет?

– Болит и жжет, – тихо ответила бабка. – Морозко шибко здесь.

– Попробуем вас полечить, – сказал Радищев. Потом обратился к священнику. – Семен Кондратьевич, вы здесь пока ведите молитву, а мы с больной пойдем в ваш дом.

Радищев повел женщину в дом Семена. С собой он взял и хитроглазую бабку. Там он принялся лечить больную.

– Я вас до утра никуда не отпущу, – сказал Радищев. – А вы бабка Матрена будете вот этой мазью натирать свою подругу Авдотью.

Радищев объяснил, как и что делать. Заставил бабку Авдотью полоскать горло. А потом ушел в молельный дом.

Он понял, что его люди ждали. Он стал рассказывать, что по всей России, почти в каждой деревне выращивают картофель. Он красочно рассказал, что можно приготовить из этого ценнейшего продукта. Закончил он так:

– И в этом вашем темном краю картофель займет достойное место на вашем столе. Порой он вам заменит даже хлеб. Весной я привезу вам картофель на семена.

Когда он стал говорить о том, что надо детей учить грамоте, то он понял, что между ним и людьми встала стена непонимания.

Один из крестьян так выразился:

– На кой нам эта обуза? Мы и без неё жили. Ты человек ученый, добрый, грамотный. За свою грамоту и попал в наш край. А если мы будем грамотны, нас тоже, однако, могут законопатить ишо подальше. Ты уж сам будь грамотный, да нас боле не смущай.

Потом разговор перешел на огородные культуры, охоту, рыбалку. А когда Радищев снова перешел на посадку картофеля, все снова замолчали. Здесь он почувствовал, что в вопросе о картофеле вести разговоры можно. А вот насчет грамоты надо бы повременить.

Помню, как однажды моя мама рассказывала, как в их деревне после революции, и когда на селе устанавливали советскую власть, создавали пункты по ликвидации неграмотности. Их так и называли ликбезы. Заставляли приходиться на занятия и учили грамоте. И это был уже двадцатый век. Деревня в России была неграмотная. А о какой грамоте можно вести разговоры во времена Радищева? Можно только представить глухие деревни, например, на Илимее! И вы, читатель, представьте реальную обстановку того времени. Представили? Ну, и, слава Богу. По выражению Радищева, это был «Погибельный край».

Утром бабка Авдотья выглядела вполне здоровой и даже помолодевшей. Да и какая она бабка! Ей было не более пятидесяти лет. В наше время такие овдовевшие бабули ищут для себя ещё молодых мужей.

Её усадили за общий стол. Она сидела рядом с Радищевым и пила чай из самовара, да ещё с сахаром.

Когда она собралась уходить, то сказала:

– Спасибочко, добрый человек, побегу к Матрене. Полечил бы ты её, Лисандра Николаич от зла. Всё у неё не так, то не эдак.

– Горе с этой Матреной, - согласился Семен. - Всех на чонибудь баламутит. Спасу от неё нет. В церковь, считай, не ходит. Глаз у неё глазливый.

– Это уж другое дело. Здесь никакие лекарства не помогут. А вот ваше выздоровление, Авдотья, возможно, и стронет её психологию к лучшему. Идите к ней, Авдотья.

Пожил Радищев в этой деревне четыре дня. Люди шли к нему с разными вопросами. Некоторых он лечил. И сам учился у них. Узнал, как при помощи каких-то трав можно остановить понос, как лечат глиной простуженные ноги. Всё записывал в свою тетрадь.

А вот когда он покидал деревню Протасову, его провожали почти все жители. Принесли сушеного мяса, копченой рыбы, банки меда, свежего вина, творога, сметаны, калачей.

К нему подошла Авдотья и благословила его. В толпе он увидел и бабу Матрену. На этот раз он не увидел той недоверчивой хитринки в маленьких глазках.

А букварь он, всё-таки, подарил священнику Семену.

– Пусть читают по букварю. Ты же умный человек, Семен Кондратьевич. Священник не должен, а обязан быть грамотным человеком. Весной привезу книги.

Вот и деревня Литвинцева. Семен Попов показал дом самих Литвинцевых. Добротный дом с разными хозяйственными застройками стоял на краю деревни, в которой было всего пятнадцать домов. Как потом оказалось четыре дома пустовали. Людей было мало в этой деревне. Когда жилой дом заполняло полчище таракан, люди на несколько дней заселяли нежилые дома.

За ворота вышел встречать Радищева хозяин усадьбы. Ещё при царе Петре всех Литвинцевых за хорошую службу произвели в бояр. Одни имели усадьбу выше деревни Шестаковой, а другие построили усадьбу ниже Илимска. Первые поселенцы выбрали землю богатую природным черноземом. Здесь они выращивали не только одну рожь, но и пшеницу. В хозяйстве у Литвинцевых были коровы, козы, овцы, свиньи, куры, а также кони на выезд и рабочие. Здесь жил настоящий хозяин.

Радищев сразу понял, хотя Иван Прокопьевич и боярин, но грамоту он знает плохо. Те бояре, что честно служили царю, ушли в историю. Он слышал о них, что это были весьма грамотные люди. Деревня сделала своё дело.

– О, сам Радищев, тово, как ево, решил посетить нас. Надолго к нам? – спросил Литвинцев. Но Радищев уловил в его голосе недовольство, и даже раздражение. Выпятив живот, он почти напирал на Радищева. Да, это не тот Литвинцев, что жил выше деревни Шестаковой. – Всё катаешься? Всё не успокоишься? Пора бы уж уняться. Занимай дом пустой.

– Спасибо, Иван Прокопьевич, спасибо. Мы здесь ненадолго.

– И некаво здесь долго ошиваться.

Радищев решил ответить:

– Мы немного поошиваемся и ушьемся отсюда. Не будем вас раздражать своим присутствием высоко поставленного боярина.

– Так-то вот, однако, тово. Некаво здесь выкаблучиваться. Народу здесь нет. Все при работах заняты.

Офицер Кондратьев подошел к Литвинцеву, и уперся кулаком в его живот.

– Слушай меня, бочка из-под вина, ты как принимаешь уважаемого человека на Илеме? Его сам губернатор Иркутска уважает. Я нахожусь при Александре Николаевиче и не позволю винной бочке так говорить об этом человеке. Мы и так к тебе не зайдем в дом. Мы зайдем лучше к последнему крестьянину, но не к тебе.

Прибежал староста. Он велел всем путешественникам следовать за ним.

Радищева и его людей поселили в небольшой дом.

– Семен, ты, однако, был третьеводни. Чо так опять зачистил? – спросил староста у священника.

– Как зачистил? Сопроводить дорогого гостя до вас, апосля до Оглоблиной. Всё это мой приход. Да видно здесь не охочи нас принимать.

– Каво чичас соберешь-то? Каво? Некаво. Кто на охоту пошел, кто рыбалит. Меня вот намеренно выбрали старостой. Мужиков я нанял за сеном съездить, - продолжал говорить староста.

– Кто есть, тот и будет. На ночь-то домой придут. Вот и пускской приходят в церквушку. Истопить бы её надо, Иваныч.

– Это запросто можем, - ответил староста. Он позвал проходившего мимо мужика.

– Степан, беги к церквушке, да натопи печь. Гости приехали с попом.

– А чо он приехал? Третьеводни был.

– Поговори мне ишо! Знатный гость из городу приехал к нам. Мозги вам прочищать!

– Чо мне прочищать? Чо? У меня всё в мозгах нормально. Голова тока болит со вчерашнего.

Радищеву староста сказал:

– Вчерась они борова зарезали. Наотмечались. – А Степану крикнул: - Потом на опохмелку дам.

– Вот этоь другой разговор. Я мигом стоплю печь.

Вольный народ здесь живет, подумал Радищев. Такого в самой России нет. За такие ответы Степан заработал бы кнута, а то что-нибудь и похуже. Вначале, пока он ехал по Сибири, всё удивлялся этому вольному сибирскому народу. Потом привык. Никакого здесь не было чиновничества, подобострастия, подхалимства. Вот бы этому народу ещё дать грамоту, образование и не узнать бы эту матушку Сибирь. Радищев понимал, что нужны века, чтобы разбудить этот великий народ. И пока он здесь, он будет стараться, хотя бы детям помочь одолеть безграмотность. Конечно, он не показывал виду, что он нервничал, переживал, глядя на бегающих ребятишек. Он видел этих крестьянских детей, которые лет с десяти уже помогали родителям по хозяйству. Книг в домах не было. Ни дети, ни взрослые не умели читать и писать.

У старосты Романова была средняя для деревни семья. Сам Романов, мужчина лет пятидесяти, жена Аксинья, двое уже взрослых сына и одна дочь. У сыновей были построены рядом два дома с хозяйственными постройками. Дочь была замужем за казаком, и они жили в Илимске. У сыновей были дети. Все

полевые и другие работы Романовы и бояре Литвинцевы вели сообща. У нас в Сибири, насколько я знаю от родителей и деда с бабкой, так было заведено.

На другой день к дому, где остановился Радищев, шли люди. Александра Николаевича это удивило. Литвинцев говорил, что людей в деревне нет. Значит, обманул. А тут люди стали приходить. То, что было в России, здесь шапки не снимали при барине, и не кланялись.

Они заходили в дом, немного стояли у порога, и уходили. И только один охотник, когда вошел, то бросил к ногам Радищева несколько беличьих шкур.

– Сколько я тебе добрый человек должен? – спросил Радищев.

– Мой подарок для твоей бабы, - громко ответил охотник. – В Илимске есть Яшка гнусавый. Он сошьет шубку для твоей бабы. Яшку там все знают.

– За что такое добро для моей жены?

– Ты есть добрый человек. Людей лечишь за просто так.

– Спасибо тебе за белки. У тебя дети есть?

– Как же. Само собой есть. Грамоте их учить не надо. Для нашего таежного человека тока обуза. Брось. Не надо.

И охотник вышел.

Приходили и другие люди. И каждый чего-нибудь приносил.

Мимо дома проходил сам Литвинцев. Радищев вышел к нему навстречу:

– Иван Прокопьевич, не будем сердиться друг на друга. Я вас понимаю. Я ссыльный, а вы боярин. Уму разуму у вас поучусь, глядишь и поумнею. Иван Прокопьевич, как так получилось? Людей в деревне было мало, а тут вдруг такое нашествие? Вас, возможно, люди послушались.

Литвинцев вроде живот подобрал, но грудь выпятил, и голловку вскинул. Важный вид принял боярин.

– Оно, конечно, тово, этаво, надо умно подходить к людям.

– Вот люди и пошли, - ответил Радищев, а самого смех разбирал, глядя на важный вид боярина.

Солидно прокашлявшись, Литвинцев ответил: - Понять можно. У нас ведь никогда не было человека ученого. Какой он? Надо бы посмотреть. Быстро разнеслось везде. Ученый человек приехал.

- Значит, ради любопытства, - сказал Александр Николаевич. - Я такой же, как все люди.

- А ишо ты дохтур. Тока некоторые скисняются. Ну, я пошел. Мне надо за порядком следить. Староста может, где не доглядеть.

Пришла женщина с девушкой. Мать держала её за руку.

- Проходите к столу. Чай будем пить, - пригласил Александр Николаевич гостей.

- Нам бы посоветоватса, - сказала женщина.

- Что же вам надо? Говорите.

- Нам бы этова, без всех надо бы.

- На улице сегодня тепло. Снег идет. Пойдемте на свежий воздух.

Они вышли на улицу.

- Какой же вопрос вас мучает? С дочкой что-нибудь?

- С дочкой.

- Что же у неё болит?

- Ничо у неё не болит. Дай Бог ей здоровья. Здоровая она, негодница.

- Как понять? Если она здоровая, то я здесь причем?

Женщина стала переступать в больших серых катанках, и крутить головой.

- Здоровая-то девка здоровая, тока ремня ей мало.

- Вот это лишнее. Она уже взрослая. Зачем же её бить ремнем?

- Мы с мужем били её, не помогают. К бабке Евлашихе в Илимск возили. Не помогают.

- Я-то что могу сделать? Вас я не пойму. Что от меня требуется?

- Вразумить её надоть. Потолковать, как следоват. Уму разуму чобы набралась. Вы человек вумный, в городе учились. Книжки читаете. Вон даже переучились, ежели к нам попали. Вы всё знаете. А ей учеба ни к чему.

– Вы, пожалуйста, говорите, что мне делать надо?

– Как чо? Вразумить её.

– Так. Это уже что-то любопытно. Учить её? Но ведь вы сами только что сказали, что её учить не надо. Как вас понять? Хорошо. Я согласен. Оставлю вам букварь. И начнет ваша дочь читать книги.

– Свят, свят, свят! – воскликнула женщина, и стала неистово креститься. – Куда мы потом с этой переучкой денемся. Её же куда-нибудь ишо дальше за эти вумные книжки и законопатят! Не надо вашего, как ево, тово, как ево, будь он неладен! Тьфу, какая напась, язви её эту, как её, книжку.

– Букварь? Читать начнет. Перед ней раскроются новые, неведомые ей горизонты.

Женщина подняла руки и воскликнула:

– Умоляю! Христом Богом прошу не надо её книжки этой и не надо её никакова ризонта. Я к вам с просьбой пришла, а вы мне про книжки. Смеетесь с меня? Не стыдно, а ишо вумный ученый!

– Как я понял, мы с вами друг друга не поняли. Конкретно, что вы от меня хотите? – повысил голос Радищев.

– Дык, этот проклятущий Федька Оглоблин из деревни Оглоблиной ишч чо удумал, ни дна ему, ни покрышки! А она, дура щастя свово не понимает.

Радищев стал успокаиваться. Он понял, в чем причина такого длинного и непонятного разговора.

– Разве это плохо, что ваша дочь выйдет замуж за Федьку с соседней деревни? Вы радоваться должны. Этот Федька так уж плохой, если его выбрала ваша дочь?

– Федька хороший, и он добрый, работающий. Мне не нужен ваш Степка! – неожиданно громко закричала дочь.

Мать даже подпрыгнула. Она чуть не выскочила из катанок. Они, видимо, принадлежали мужу.

– Как ты с матерью так заговорила! Рядом побыла с ученым, и сразу поумнела? Отец опять за ремень возьметца! А вы, ученый человек, а ишо так говорите! Не нужон нам ваш Федька! Не нужон!

– Понятно. Вот теперь понятно. Вы хотите отдать её замуж за неведомого Степана. А я здесь причем? Она полюбила Федора, вот по любви пусть и женятся. Что здесь непонятного? Вот и всё разумение.

– Да не нужен нам Федька Оглоблин! Ей Степка нужен!

– Здесь я бессилён. Любовь двух человек великая сила. Против такой любви я бессилён.

Мать вроде стала успокаиваться.

– А ишо вумный человек, а бестолковый.

– Пожалуйста, объясните мне бестолковому человеку, почему вы хотите выдать замуж за Степана, а стоите против Федора. В чем причина? Мне просто стало любопытно. Причина?

Мать немного потопталась, оглянулась, и тихо сообщила:

– Чо с Федьки-то взять? Ничо у них нету. Рыбак он...

– Он и отменный охотник, - вставила дочь.

– Не перебивай мать. А Степка, как ни говори, славный парень. Он этово, тово, как ево, сын нашего старосты. Дом у них добротный. Хозяйство бравое. Одних коров десять штук. Красуля должна вот отелиться. Восемь свиней. Уже поросятки бегают по загону. Степка глаз на тебя положил.

– Пусь он свой кривой глаз на поросят положит! – крикнула дочь.

– Ну и что он косой? Женитца на тебе и сразу глаза выздоровят. И сам староста Кузьма Иваныч не против вашей свадьбы. Оне уже с твоим отцом магарыч выпили.

– Значит, сосватали её? – строго спросил Радищев.

– Сосватали, а вот она ерепенится чота? Свадьбу назначили. Вы бы уж вразумили её на свадьбу-то? Хотя, как я поняла, вы против её счастья.

– Я никогда против счастья не иду. Но силком вести дочь под венец это уж слишком.

– Ясненько. А я-то думала, вы меня поймете. Ни черта вы не поняли. А ишо, говорят, вы вумный ученый.

– Бедная Россия, - только и сказал Радищев. Мать плюнула под ноги Радищеву, схватила дочь за руку и повела вдоль улицы. Такое везде было. Ещё в нашем веке родители продолжали ломать судьбы влюбленных. В конце пятидесятых годах мы с

моей будущей женой начали встречаться. Родители Шуры были против нашей встречи. И решили они выдать Шуру за богатого деревенского парня. А я был, как говорится гол, как сокол. Жил, где придется. Накануне назначенной свадьбы Шура сбежала ко мне. Если бы нас поймали, то меня бы покалечили. Мы скрывались. Голодали. Жить негде было. Хотя мне и выделили квартиру, и зажили мы отменно, но я так и не был нормально принят в семью Шуры. Пришлось уехать на стройку. Жили с Шурой и маленькой дочкой в палатке. Но мы выстояли. И жили мы дружно и счастливо. Так что на Руси, да и везде всегда такие трагедии случались.

Что мог сделать Радищев? Читать мораль? Бесплезно. В наш-то век читать морали таким родителям тоже бесполезно, а тем более в то время, да ещё в таком глухом краю.

Когда Радищев вошел в дом, Семен сказал:

– Я знаю, о чем там вели разговор. Дочку выдадут замуж за Степана. Придется мне их венчать. Не первый случай. Смирится девка, смирится.

– Конечно, жалко влюбленную пару, но ничем уж не поможешь.

На другой день они направились до деревни Оглоблиной.

Здесь было восемнадцать домов. На краю деревни их встречали крестьяне.

– А в Литвинцевой нас так не встречали, - сказал Семену Радищев. – Как ты думаешь?

Попов немного помолчал, но ответил:

– Знамо дело. Сам Литвинцев не простой крестьянин, а боярин. Знай, мол, наших. Я тоже, мол, не лыком шит.

– Мы были в гостях у другого Литвинцева Игната Дмитриевича. Он совершенно другой человек.

– Разные оне, разные. У этого гонору много. Гордыня его замучила. Поэтому и народ не вышел. Апосля уж стали собиратца. Здеса староста добрый человек. Хотя из купцов этот Лыков, но поговорить с ним можно.

К Радищеву подошел крепкого сложения мужчина лет тридцати.

– Вот и вы к нам в гости. Проходите дорогие гости. Самовар уж ждет всех нас.

Вошли в добротный пятистенный дом. Ребятишки шмыгнули на полати, будто их и нет вовсе. Кстати, не, только, в деревнях, но и в городе, когда приходили гости, дети прятались так, чтобы их не было видно. Вспоминаю своё детство в моем родном шахтерском городке Черемхове. Нас было у отца с матерью шесть детей. Если приходили гости, мы прятались на полатах. Сейчас, как я заметил, все дети лезут к столу, и берут то, что им вздумается. И всё внимание на них. Мои собственные дети дочь и сын в таком случае не лезли за стол. Они хорошо знали, что это неприлично.

Когда пили чай, Александр Николаевич спросил про некоего рыбака и охотника Федьку влюбленного в девушку из соседней деревни. Лыков ответил:

– Хворает он горячкой. Весь в огне.

– Что с ним случилось? – быстро спросил Радищев.

– Шел он с охоты по берегу Илима. Парнишки ездили на санках с горки на лед. А там недалече была полынья. Вот один вместе с санками и угодил в полынья. Ну, Федька и бросился вытаскивать парнишку. Мальчонку-то вытащил, и тот ничо. А сам Федька-то и взял и простыл. Вот и бьется в лихорадке. Ханет, однако, парень-то. Ханет. Жалко парня. Хозяйственный парень-то. Отец на охоте погиб, а мать вот осталась с ними куковать. Вот Федька-то и робит на всю семью. Старшой он, однако.

Радищев выслушал Лыкова, и вылез из-за стола. Он взял с собой ящичек, и попросил Лыкова показать дом Федора Оглоблина. С Радищевым пошел его слуга Петр.

Парень метался и бредил. Радищев с Петром раздели парня догола. Радищев применил разные только ему знакомые мази, заварил травы. И вдвоем взялись растирать всё тело.

– Вот это питье давайте ему постоянно, - сообщил матери Радищев. – Его организм обезвожен.

Радищев и его слуга Петр ночевали в доме Оглоблиных. Под утро Радищев заснул у стола.

Днем Федор затих, и уснул нормальным и крепким сном.

– Велите ему пока не вставать. Вечером я зайду. Вот этот напиток, чтобы он пил. Вот этот порошок, чтобы запивал напитком пять раз в день. Завтра ваш помощник по хозяйству будет на ногах.

– Какой он мне помощник, - вскинула худые руки мать, и прошептала: - Он сам наш хозяин и кормилец. Марьянку-то из Литвинцевой выдают за косоного Степку. За богатого выдают. А мы что? Бедные люди. Куда мы до них? Страдалицу выдают за нелюбимово. Вот Федя-то и переживает.

– Слышал, слышал, как он звал её, - ответил Радищев.

– Федя-то что удумал! Выкрасть её удумал. Тада мы сопсем пропадем. Замордуют нас эти староста и сам Литвинцев. Как есь замордуют. Что мы тада без Феде делать будем? Тада хоть ложись и помирай с голоду. Может, отговоришь иво от этого. Ты человек вумный, ученый знать, Уговори.

– Попробую. Но не обещаю, что он послушает меня.

Вечером они со Степаном пришли в дом Оглоблиных. За столом, за самоваром сидели: мать, Федор, и все ребятишки.

Как только вошел Радищев, ребятишки бросились на полати.

– Ну, как герой? Вижу, вижу, идешь на поправку. На рыбалку и охоту пока не надо ходить дня на три.

– Не надо, - быстро ответила мать. – Пока у нас всё есь. Шкурки беличьи онданим Лыкову, а он нам муки с мешок дас. Ничо. Проживем.

– Спасибо вам, Лисандра Николаич, - ответил Федор. – Шкурки у меня. есь. Я их меняю у купца на муку, масло, на крупы. Ружье он обещал мне из Енисейска привезти. Это ружье у меня ишо от деда осталось.

– Привезет тебе, Федор ружье Лыков. Привезет. Я его попрошу привезти тебе такое ружье, какое тебе надо. Что нужно, заказывай. Привезет.

Александр Николаевич завел разговор о его невесте Марьяне. Может, не надо связываться со старостой. Да и сам Литвинцев может ввязаться. Опасно. Федор молчал. Радищев понял, что парня не отговорить от необдуманного поступка. Потом он, как бы, между прочим, проговорился:

– У меня есь зимовьюшка. Про неё никто не знает.

Радищев и Петр ушли от Оглоблиных. Дорогой Радищев сказал:

– Натворит бед парень, ой натворит. Как ему помочь, даже не знаю.

– А мне так, Александр Николаевич, пусть будет так, как будет, и как задумал этот бедовый Федька.

– Ой, Петр, беда будет. Надо бы нам на время остаться. Помешать мы ничем не можем. Ладно, пусть, как будет. Ты, Петр, прав.

Лыкову и Семену Радищев сообщил, что ему бы хотелось здесь задержаться. Захотелось самому рыбу половить.

Лыков и Семен обрадовались. Как же, сам ученый решил остаться. А слух о Радищеве покатился по всем деревням Илима.

Радищев, Петр, офицер Кондратьев и даже солдат Сидоров ловили рыбу. Лыков приказал двум работным показать рыбное место.

– Всё, Петр, кажется, началось, - прошептал он своему слуге.

Две повозки остановились напротив того места, где рыбачил Радищев. Из саней вышло сразу десять мужиков. Впереди шли: сам Литвинцев, за ним, видимо, староста и его сын Степка.

Все остановились. Литвинцев подошел к Радищеву.

– Доброго улова, Лисандра Николаич, - громко сообщил Литвинцев. А вот староста и Степка не выдержали. Староста закричал:

– Где этот мерзавец, Федька, сукин сын!?

– И кто спрятал мою невесту, собачий потрох!

Литвинцев преградил путь двум разъяренным отцу и сыну.

– Погодьте бушевать, погодьте. Лисандра Николаич, ты лечил Федьку. Вылечил. Ты с ним валандалился шибко, однако. Вот оне и сердчают. Ты скажи, куда они спрятались?

– Уважаемый Литвинцев и уважаемые другие господа, я не пойму в чем дело? Кого и куда кто спрятал? Вы объясните мне яснее, в чем я виноват? Парень проявил геройский поступок. Спас малыша. Парень очень простыл. Я его лечил. Не надо было

лечить? Так я вас понимаю? А так, как я доктор, то было бы с моей стороны преступлением, если бы не вылечил парня.

– Лучче бы он сдох, и меньше было бы с ним мороки! – крикнул Степка. – Отвечай, сучий потрох!

– Если спрятал, законопачу! – крикнул староста.

Тут выступил вперед офицер Кондратьев. Он поднес кулак к Степкиному носу.

– Ты кого это так назвал? В острог захотел? Я тебя быстро туда засажу! Уважаемого ученого оскорблять не позволю. Его сам губернатор Иркутска оберегает от таких чертей, как вы! Я вам здесь покажу, как оскорблять человека! Я сам тебя законопачу!

– Но он знает, где Федька! – завизжал Степка.

К толпе прибежал Лыков и Семен. Стали собираться зеваки.

– Вы чо, мужики, ошалели?! - повысил голос Лыков. – А вам, господин Литвинцев не стыдно толпу сюда пригнать. Я за Ликсандра Николаича головой ручаюсь! Не ведает он ничо нашшот вашего Федьки. Он вылечил ево. Вот и весь сказ. Караулить надо было невесту-то! Караулить! Вот и проморгал. И на позор пришел! Не стыдно? Нет у нас вашей невесты! Где нам знать, куда они ушли! Неведомо! Федькина она таперича невеста, да и жена тоже.

– Апосля и обвенчаю любезную пару, - тихо ответил Семен.

– От позора уезжайте в свою деревню.

В толпе зевак раздалась смешки.

Повозки удалились из деревни. Радищев откровенно растерялся. Люди подходили к нему и почему-то кланялись. А мать Федьки подошла к Радищеву и попыталась поцеловать его руки. Он едва отстранился от неё.

Когда люди разошлись по домам, Радищев у Лыкова спросил:

– Что я такого сделал, что они мне кланялись? Молчат и кланяются. А тут ещё руки целовать? Я это никогда не любил.

– Из уважения к вам, - ответил Лыков. – Вы не вмешались в поисках жениха и невесты. Значит, вы на стороне влюбленных.

– Я всегда поддерживаю настоящую и чистую любовь. Но целовать руки никогда себе этого не позволял. Вы позволяете такого безобразия?

– Мать можно понять, - ответил Лыков. – Не позволял.

– И я не позволяю целовать мне руки, - ответил Семен. - В России это принято, а у нас здесь такое не позволено.

Кстати, а в наше время такое отклонение бывает даже в нашей глуши. Есть у нас довольно молодой иеромонах. И я увидел такой неприятный для меня случай. Одна из моих знакомых, уже пенсионерка, интеллигентная, культурная высокообразованная гражданка бросилась навстречу к этому иеромонаху, схватила его грязные руки, и стала неистово их целовать. Целовала и даже причмокивала. Я хорошо слышал эти горячие поцелуи. В тот момент, мне стало неприятно, и меня чуть не стошнило. Одна из женщин плюнула и громко сказала:

– Бедная, Феня, до чего достукалась! Как же так можно посреди улицы, среди народа слюнявить грязные руки?!

Оказывается и в наше время такое дозволяется посреди улицы? Возможно, я что-то не понимаю. Я тоже с самой молодости глубоко верующий человек, но чтобы на виду у народа неистово целовать руки? От такого упражнения меня увольте. Я так и не мог понять, что это было? Показуха? Но зачем? Какой в этом смысл? Показать всем, какая она верующая? Тогда она не внимательно прочитала Библию. Иисус Христос говорил, что не надо бы показывать себя на народе, как он верит в Бога. Закройся в своей квартире и молись, чтобы тебя никто не видел. А ещё молятся в церкви, там можно и руки целовать, если уж тебе так хочется руки лобызать. Церковь, есть церковь. Там и все таинства и молитвы происходят. Храм для этого и существует, чтобы там молиться Богу, и просить у него прощения за свои грехи. А то, что он нам отпустит или не отпустит наши грехи, это дело самого Бога. Повторяюсь, я глубоко верующий человек, но то, что сделала высокообразованная Феня, на такое не пойду. Я бы посоветовал этой Фене снова и снова перечитать Новый Завет Библии. Хотя эта Феня кое-куда пошлет меня, и скажет о моих заблуждениях, гордыне и странностях. Ну да, Бог с Феней, а я, как знаю.

Радищев со своей командой собрался продолжить путь до деревни Березняки. Семен Попов сообщил:

– Там вас встретит священник Даниил Перфильев.

– Староста в той деревне Игнат Романов, - сказал Лыков.

Кто был свободный от рыбалки и охоты, люди вышли провозжать обоз с ученым человеком. Радищев, всё-таки, вручил по букварю Лыкову и Семену Попову.

– Пусть хоть дети ваши научатся читать, - сказал на прощание Радищев. – Это полное безобразие быть абсолютно безграмотным. Детей хоть пожалейте.

Обоз из двух повозок тронулся в путь. Ещё было светло, когда показалась деревня Березняки. Их уже встречали. Познакомились. Впереди зевак вышли вперед староста Романов и священник Перфильев.

– Вам дом приготовили, - сообщил староста. – На стол уже бабы кое-чево сгоношили. Тепло там. В нем казак жил. Подался в Енисейск. Дом свободный. Тараканов выморозили.

Радищев насчитал в этой деревне всего пятнадцать домов. Ещё в Иркутске из документов Радищев обнаружил разницу поселений на Ангаре и на Илимe. На Ангаре деревни были в основном крупные, с богатыми зерновыми полями, много разного скота, домашних птиц. Почти во всех деревнях уже появилась новая культура – картофель. Его засыпали в подвалы для сохранности на всю зиму. А вот на Илимe эта культура не прижилась. Зерновые поля маленькие, бедные, в основном из-за того, что Илим зажат высокими горами. Да и люди привыкли жить охотой и рыбалкой. В документах отмечалось, что народ темен, абсолютно безграмотен. Не так верит в Бога и молится, а как верит только в себя. И вот эта поездка подтверждала, что писалось в документах о деревнях и народе края Илимского. Не зря Радищев жаловался в письмах к друзьям и своему другу графу Воронцову, что это погибельный край. И нужны века, чтобы разбудить этот глухой край. Радищев одно понял, что люди на Илимe ещё живут тем, что им доставляют с Ангары муку и другие нужные продукты. Как говорится, шел обмен пушнины на продукты, инструмент. Кстати, с тех далеких времен почти в каждой деревне были специалисты по катанкам, ичигам, чир-

кам и другой меховой одежде. Да и ткали сами на разную одежду. Вот это всё было на Илимке весьма развито. Это показывает то, что в наших местных музеях все подручные инструменты сохранились.

Когда Радищев и его люди расположились в доме, пришли в дом староста Романов и священник Перфильев. Староста оказался коренным илимчанином, а вот Перфильев прибыл в этот край из-под Иркутска.

Перфильев сразу доложил:

– Меня с Иркутска сюда направили на три года. Потом я снова вернусь в село Макарьеву на Ангаре. Там у меня своё хозяйство и приход. Пока у меня там брат в приходе. А я вот с женой и детьми пока здесь живу. Ещё год осталось здесь куковать.

– А мои предки всегда жили здесь, - сказал староста.

– Мне говорили, что где-то здесь недалеко есть деревня Романова? – спросил Радищев.

– Где-то тридцать верст до Романовой. На пятой деревне отсюда она и стоит, - ответил староста. – Наши предки оттуда пошли.

– Чем вы занимаетесь? Какое у вас хозяйство? – спросил Радищев. Во всех деревнях, где побывал Радищев, это были его главные вопросы.

Оба мужика переглянулись, сели на лавку, а потом уж ответил староста:

– Ну, это, как иво, охотимся. От охоты есть мясо, пушнина. Меняем вот, однако, на хлеб и всё остальное. Рыба есть. А что нам ишо надо? Ничо. Живем вот, однако. Голода у нас нет. Живем не хуже других.

– Изредка молимся, - ответил Перфильев. – На Ангаре больше верующих, а здесь шибко мало ходят молиться. Хотя у всех есть иконы. С России привезли.

– На людей не надось бы обижатся, - сказал Романов. – Некавда здесь человеку молиться. Некавда. То в тайге он, то рыбу ловит, то в отъезде до Енисейска за разными товарами и мукой. Бывает, что и молится. А как же. Труженик он, человек-то здесь. Налог мы платим справно. А как же.

Они опять переглянулись, и староста тихо сообщил:

– Правда, есь и тово, как ево. Иногда купчишки заезжие нас обманут на пушнине. Это есь, чего греха таить. Есь. Не без этого. Вот у вас есь ахфицер. Доложит ишо куда надо. И законопатят нас, куда не надо. Вот мы и помалкиваем нашшот этих купчишек с Киренска.

Кондратьев даже встал с лавки.

– Если ты думаешь, если я офицер, то, значит, я доносчик? Я сам не люблю эту породу людей. Да и Александр Николаевич человек высокого слова. Что там у вас случилось?

– Говори, господин Романов, говори, - сказал Радищев. – Здесь все люди надежные.

Мужики снова переглянулись. На этот раз Перфильев говорил:

– Иванычу здесь жить. А меня защитит Иркутский приход. Меня они здесь поставили. Мы, коль относимся ишо и к Киренску, то оттуда иногда заезжают по нашим деревням киренские исправники. Пытаются грабить илимского крестьянина. Особливо посылает для сбора лишнего налога своих мерзких людешек главный киренский исправник Деев. Када кто-то из них поивлятса, то люди прячутса куда попало.

– Слышал про такого, - ответил Радищев. - Недобрый человек.

Кондратьев даже кулаком приложился к столу.

– И я наслышан. Редкая сволочь. Взяточник он отменный. Самый богатый господин в Киренске.

– Бедная Россия. На взяточниках она стоит и на мошенниках. А как извести эту заразную болезнь мне неведомо, - ответил Радищев.

– За это вы и пострадали, Александр Николаевич, - ответил Кондратьев, и тяжело вздохнул. Сел на лавку. - И ведь невозможно вытравить эту вечную заразу.

– Не вытравить, не вытравить. Потребуется века, чтобы уничтожить эту мировую и заразную болезнь. Эта эпидемия, возможно, когда-нибудь будет уничтожена.

Ошибся, великий мыслитель Александр Николаевич Радищев, крепко ошибся. Эту заразу каленым железом не вытравить. Эта болезнь, как бактерия, во все слои общества проникла. Она

заразила всю нашу планету. Эпидемия на взятки и воровства распространилась до самых верхов. Ведь те же миллиардеры, это, прежде всего профессиональные воры. В государственную думу рвутся не за тем, чтобы помочь государству, а к денежной кормушке. Не отстают от них и те все депутаты областей и районов. Воруют у государства все должностные господа всех заводов и фабрик. Начиная от районных депутатов и заканчивая депутатами государственной думы, думают только об непомерно высоких окладах. И всем им, скопом, плевать на заботу о государстве и о народе. Россия одна из богатейших стран на нашей многострадальной планете, а по бедности из-за этих воров с государственным уклоном, твердо обосновались в сотне среди бедных стран. Наши президенты и председатели правительства по-деловому и красиво изощряются в словоблудии и обещаниях. Так что великий мыслитель Радищев крепко ошибся в своих мечтаниях. Хотя мечтать никому не мешает. Радищев мечтал свергнуть царское самодержавие и построить справедливое государство без насилия над человеком. Мечтал уничтожить крепостное право. Мечты остались мечтой. Казалось бы, крепостное право было уничтожено, но только на бумаге. Оно не уничтожено. Оно осталось. Большевики обещали крестьянину дать землю. Но не дали. Крепостное право возродилось в новой оболочке. Продразверстка, лагеря. Не каждый мог выехать за границу. За прогулы, за подобранные колоски, за анекдоты, отправляли в лагеря. За многое, что бросали в тюрьмы. Нельзя было критиковать райком партии и самого секретаря райкома партии. И ещё. Многие про это забыли. Перевод на другую работу не давали. Мог только рассчитаться. При этом человек полностью терял северный стаж. Всё терял. Северные надбавки надо было зарабатывать с нуля. Это был настоящий крепостной произвол над личностью человека. Рабочий человек становился послушным, боязливым и нужным для господина начальника. Угодничество и подхалимство разрушало страну. Кстати, любой начальник мог свободно переходить из одной организации в другую организацию, а северные не терялись. Это был социально-бюрократический строй с уклоном в буржуазию. Забыли об этом страшном указе. Какой-то сволочной мерзавец придумал

такое издевательство над простым человеком. Это было в нашей стране настоящее крепостное право только в пользу советских буржуев. А в колхозах ещё похлеще придумали, как больнее ударить по крестьянину. У колхозников не было трудовых книжек. Как убежать из колхоза? Просто бросали всё и бежали. Например, парни после демобилизации из армии по комсомольским путевкам уезжали на стройки. А вот девушки старались выйти замуж за какого-нибудь строителя. Вся наша страна была затянута колючей проволокой крепостного права. Не лучше стало и при новых буржуях, но уже в капиталистической стране. Почти все советские буржуи, в том числе коммунистические лидеры всех рангов быстро переоделись в капиталистическую форму современного буржуа. Ещё стали наглее и вороватее. Как грибы-поганки после дождя появились свои миллиардеры и миллионщики. И все они стали в наглую обворовывать Россию.

Мои друзья и товарищи по литературному цеху подумали о моей очередной блажи, что я взялся писать о Радищеве. Этот неутомимый Стрелов мог бы продолжать писать о первых строителях великих строек, о комсомольцах-добровольцах, о заключенных, которые строили железную дорогу от Тайшета до Лены. Мог бы продолжать писать свою фантастику. Хотя и в этой фантастике идет борьба за справедливость, за свободу человека от капиталистического гнета, и вообще за спасение человечества, за его чистые помыслы. Имя Радищева для меня, как символ борца за справедливость. По духу он намного роднее для меня любого моего близкого товарища. И порой во мне возникает такое чувство, будто я рядом с ним. И я не могу не писать об этом великом Гражданине России.

– Скоро посланцы Деева сюда приедут, - сказал староста Романов. – Скажут ишо, чо мы с вами якшались.

– Но ведь вы есть староста! – повысил голос Радищев. – Кто же кроме вас должен нас встречать? Местные собаки? Хотя все они почти на охоте.

– Им нет разницы. Доложат.

– Я с ними буду вести разговор, - резко ответил Кондратьев.

Радищев и его спутники на другой день в сопровождении священника Даниила Перфильева отправились в деревню Уфимцева. Находилась она от Березняков где-то около шести верст.

И вдруг лошади стали фырчать, беспокоиться. Остановились и стали топтаться на одном месте.

Перфильев сказал:

– Где-то недалече волки. Надо лошадой придержать.

Кондратьев, Петр и солдат Сидоров взяли лошадей под уздцы. Вышли из своих кибиток и Радищев с Перфильевым. Они тоже придерживали рвущихся лошадей. Потихоньку продвигались по немного накатанной дороге.

– Я их шумну, - сказал солдат Сидоров.

– Давай Сидоров шумни их, как полагается, - ответил Кондратьев.

Солдат взял ружье и быстрым шагом устремился по дороге.

– Это первый раз нам попались волки, - сказал Радищев.

– Так уж повезло, - ответил Перфильев. – По всей долине Илима этих волков тьма тьмушая.

– Да и по долинам Ангары не меньше, - ответил Кондратьев.

– Чуть, какая скотина отойдет за поскотину, тут её волки поджидают.

– Почти из каждой деревни мужики собираются отстреливать волков. Кучу настреливают. А они будто и не убывают.

Сидоров три раза выстрелил в воздух.

Постепенно лошади стали успокаиваться. Можно продолжать путь.

Недалеко от деревни их встретило несколько мужиков.

– Мы тут услышали выстрелы, - выдвинулся один мужчина с длинной бородой. – Мы поняли, однако, чо вы едите к нам. А я староста здесь. Смех один, а не староста деревни. Восемь дворов здесь. Так себе деревня. А главный всё равно нужен. Вот меня и поставили. Охотник я, какой из меня староста. Завтри ухожу на охоту. Пушнину требуют с Илимска. Через пять ден в Енисейск надо ехать. Хоть разорвись.

– Отовсюду требуют? – спросил Радищев.

– И не говори, Лисандра Николаич, и не говори. В Енисейск надо, в Илимск надо. В Киренск надо. Оттуда уже посланник

был. В Иркутск надо. Хоть разорвись, а пушнину давай, мясо от тайги надо. Ладно, хоть ишо тайга не оскудела. Кормит она нас. Илим кормит нас. А за всё с меня старосты требуют. Вот, однако, и вертишься, как рыба на сковородке.

– Значит, тайга ваша кормилица? – спросил Радищев.

– Она, родимая, она, да ишо Илимка славно помогает. Пойдемте в мой дом, гости дорогие.

В те далекие времена тайга кормила людей. И в реке Илим было много рыбы. А сейчас вряд ли тайга прокормит человека. Всё из неё выхлестали, всё выгребли. В конце пятидесятых годов я ещё совсем молодым приехал в этот таежный край. Недалеко от палаток я слышал свист рябчиков, голоса многих таежных птиц. После работы я отошел на сто метров от палаток, чтобы собрать грибов на поджарку. В десяти метрах показались дикие олени. Пошел глубже в тайгу, и встретил четырех сохатых. Надо сказать, что в те времена Илимский край славился черникой, не говоря о голубице, бруснике и смородине. За черникой приезжали сюда даже с Красноярского края, из Иркутска. Успокойся, читатель, такого богатства в нашем краю уже нет. На таежного зверя и дичь, развелось столько охотников, что по количеству они, переплюнут количество зверей и дичь. Да и чернику надо долго и упорно искать. Всё выхлестали совками, всё выгребли. Теперь я могу хорошо представить илимского крестьянина в те далекие времена. Действительно, староста прав. Тайга и река Илим были кормильцами жителей таежного края. Всем всего хватало, и для загребущих рук из центра, и крестьянин не голодал. Радищев об этом пишет. Если бы крестьянин голодал, Радищев обязательно написал бы в своих письмах. А он писал, что крестьянин на Илеме не голодал. Как можно голодать в таежном краю? Конечно, попадались и лодыри. Они всегда и во все времена были. Без них и в наше время не обойтись. А в те времена эти люди становились нищими, гулящими людьми. Конечно, были и обстоятельства не зависящие от человека, когда приходилось становиться нищим или гулящим человеком. Как по книге академика Шерстобоева «Илимская пашня» таких людей были единицы. Тогда крестьяне как могли, помогали этим обездоленным людям.

Вошли в просторный дом. Хозяйка довольно шустрая женщина поставила на стол деревянные чашки с душистой похлебкой, отдающей ароматом свежего мяса. А надо сказать, что в те далекие времена ставилась одна большая чашка. И все тянулись к ней с деревянными ложками, чтобы чаще и полнее зачерпнуть ложкой кашу. Основная еда крестьянина была, конечно, каша. Варили и сибирскую похлебку из свежего мяса. А вот если подавали чашки к столу, это только тогда, когда бывали гости. Для пузатого самовара всегда были готовы лучинки из березы и лиственницы. В наших сибирских краях это самые жарко устойчивые деревья. И этот самовар всегда ставился на стол. Чай пили всей семьей. Такие застолья я помню с детства в нашей коренной деревне Стрелова, в селе Макарьеве на Ангаре, а также в шахтерском городке Черемхове. Если был сахар, то каждому давали по маленькому кусочку. Можешь сразу съесть, а можешь его мусолить, запивая душистым чаем. Сейчас такого душистого чая во всех магазинах не найдешь. Был сухой, плиточный чай, а ещё был грузинский чай. И вот этот грузинский чай был самым душистым и вкусным. Запах от него можно было унюхать ещё на улице. Вот это был настоящий чай! Мне неизвестно, да и, конечно, никто не знает, какой чай был во времена Радищева. Из редких источников можно попытаться описать такой чай. В своей книге «Пашенные крестьяне» я попытался описать такой чай. Разные травы, которые знали только местные крестьяне, шиповник, ветки смородины, и её корни, а ещё березовый гриб (чага) шли для приготовления чая. Всё это на долгую зиму сушили, а потом подвешивали в мешочках от грызунов. Я и такие мешочки помню. Возможно, а скорее всего так, и заваривали чай во времена Радищева, да и раньше.

С удовольствием похлебали горячую и ароматную похлебку, а потом на столе появился и пузатый самовар.

– Может, вино подать? – спросил староста Белобородов. – Вчерась с Илимска привезли. Передали нам, чо гость добрый у нас будет.

– Погодим. Давайте чайком побалуемся, – ответил Радищев. – Вечером и попробуем свежего вина.

Во время чая Радищев задавал вопросы. Многое что его интересовало. Он не ради прогулки поехал по деревням, что расположились вдоль реки Илим. Что нужно запоминать, чтобы потом записать, не смущая людей. Радищев заметил, что здесь люди в отдельных разговорах весьма осторожные, особенно тогда, когда он начинал спрашивать что-нибудь о железной руде. Говорили, что ничего об этом не слышали и не знают. На весну он наметил путешествие к деревне Шестаковой. И все-таки надо бы найти рудник, где первые рудознатцы Коршунов и Бутаков добывали и плавил руду. Теперь он не стал задавать таких вопросов, чтобы не раздражать людей. Он интересовался бытом крестьян. Как и чем живет простой человек? Какие он имеет огородные культуры. Радищев обязательно много и красочно описывал о новом на Илеме овоще картофеле. Да, это был по-настоящему первый картофелевод на Илеме. Андрею Березовскому не удалось внедрить картофель на Илеме. Исправник Ковалевский Николай Андреевич из Киренска говорил, что в деревнях на реке Лене уже засевают поля картофелем. А вот на Илеме он ну ни как не приживался.

– Господа, за картофелем великое будущее, – сказал собравшимся Радищев. – Как бы крестьяне в деревнях не сопротивлялись, картофель будет на Илеме. Вот и в вашей деревне, я говорю вам, господа, ведите пропаганду этого полезного овоща. Помогите мне в этом сложном вопросе.

Староста и священник обещали, что весной они обязательно, хотя бы на своих участках посеют картофель.

Радищев давал каждому священнику и старосте по самодельному букварю. На что староста Романов ответил:

– Понимаю ваше стремление на учебу. Особенно наши некоторые бабки на дыбы встают. На картофель плюют. Говорят, что это всё от дьявола. Буквари не нужны. Один вред от них. Мол, ваш ученый Радищев от переучения сюда сослал, чтобы маненько дурь вышибло.

– Разве это плохо, чтобы знать, что в мире делается? – психанул Радищев. – Детей учить надо!

Представил я в тот момент Радищева, и мысленно мне даже стало жалко его. Он увидел не только погибельный край, он

увидел темноту народа, абсолютную безграмотность. Ему ещё хватило мужества вести пропаганду картофеля. Хватило мужества собственноручно составить облегченный букварь, да ещё в несколько экземпляров, чтобы раздать их по всем деревням на Илимке. Надо было говорить, убеждать. Можно только представить, сколько надо было иметь энергии, вымотанных нервов.

А ведь и в наше время я встречал людей, которые вообще не читают ни книг, ни газет. Они считают героев рассказа Аркадия Гайдара «Чук и Гек» иностранцами. А ведь слово «переучился» дошло и до нашего времени. Таких, как я, любителей читать русскую и иностранную классику, считают «переучками». Хотя к этой категории людей меня нельзя отнести, потому что я всего на всего бывший бродяга и окончил Горьковские университеты. Просто я архи много читал и читаю. Потому что я считаю, что книга – чудесное и великое изобретение человечества. И без книги я просто не представляю дальнейшую жизнь современного человека.

Сценка из далекого времени перекочевала в наше время. Казалось бы, ничего не изменилось со времен Радищева. Конечно, уже двадцать первый век, и кое-что в нашем русском языке появилось много нового. А вот главная суть, о чем я хочу поведать – невежество и безграмотность остались. И если бы вдруг появился Радищев, то я уверен, ему стало бы плохо. Почему? Привожу небольшую сценку.

С моим другом Александром Веревкиным мы прогуливались по аллее. Веревкин весьма культурный, интеллигентный и высокообразованный человек. До пенсии трудился в тресте «Коршуновстрой» главным инженером. В нашем маленьком городке есть небольшой лесок, где поставлен памятник илимским партизанам. Навстречу нам шел хорошо знакомый нам товарищ. Когда-то он работал со мной в одной бригаде плотников.

– Всё гуляете? – спросил он и криво улыбнулся. – Я вот по делам иду. А вы, два переучки всё гуляете без дела? Над вами все смеются. Всё умничают? Нехорошо. Будьте как все. Каки-то книженции печатаете. Не стыдно? Я вам все ишо хотел сказать про это. Некаво умничать. Я вот не умничал шибко, а у меня всё есь. И ордена у меня есь и медали разные. А у вас у обоих

никаких наград нет. У меня квартира в четыре комнаты, сделал евроремонт. Две дачи, три машины, два гаража. Всё у меня есть. А у тебя Стрелов ничо нету. А ишо в газете работал. Там умных не быват. Все придурки. Все вы переучились, вот и выпендриваетесь. Тока гумагу мараете. А почему? Потому что ты, Стрелов, настоящий придурок. Я вот ни книг и ваших газет не читаю. А умнее вас обоих. Давно хотел с вами вот так поговорить. Хватит умничать. Пора бы уж на старости лет за ум взяться.

Смотрю, Александр начал нервничать. Я взял друга под руку, и стал подталкивать, чтобы он вместе со мной пошел дальше. Но, Александр хотел, видимо, возразить знакомому товарищу, что мы не придурки. Если бы мы были придурками, то нас бы определили в психиатрическую больницу. И я хорошо знал, что с такими товарищами спорить нельзя. Себе только во вред. А когда мы пошли, то я решил подать голос.

– Ты так и не прочитал про Чука и Гека? Про Каштанку тоже не читал? Почитай.

Товарищ, как и должно, быть, крикнул:

– Некаво мне здесьа каких-то иностранцев сувать! Кака ишо там Каштанка? Всё мудришь? Как был нищим всю жись, так и остался нищим! Вот и вся твоя мудрость.

Так что и в наше просвещенное время есть вот такие товарищи. Возможно, они букварь читали, а вот «Родную речь» вряд ли.

На следующий день скромно так приходили полюбопытствовать крестьяне. Поятят у порога и уйдут. Правда, один мужичок потоптался, да и насмелился спросить:

– Этова, как ево, ну, однако, правда ли нет, от самого дьявола ты чо та там привез? Я, сумлеваюсь, чо от дьявола. Кто иво видел? Я нет. Одна бабка Прасковья видела. И то я сумлеваюсь. Как от дьявола-то? Чота иво не вижу.

– Всё врет и выдумывает ваша бабка Прасковья, – засмеялся Радищев. – Выдумщицы у вас ваши бабки. И вам всем головы морочат. Картофель уже есть во всем мире, и даже в деревнях на Ангаре и на реке Лене.

– Я и то думаю, раз ученый человек, как он может дружить с дьяволом? С собой иво привез? – спросил мужичок и тоже засмеялся.

– Вот вам, лично, я пошлю с вашим старостой этот продукт. Осенью вы поймете, что он вам понравится. Он заменит вам многие продукты и ваши каши из тыквы. Вот как вас звать величать?

– Так этова, как иво, Иван. Оглоблин. Отец мой Игнат Оглоблин.

– Вот что, Иван Игнатьевич Оглоблин, вам лично я пошлю картофель на семена. Вы уж не подведите меня. Осенью вы будете благодарить за мой гостинец.

– Я и то думаю, чо надо помочь господину ученому. Я ведь, этова, как иво, не верю этим зловредным бабкам. Никада не верил. Нет этим бабкам ни дна, ни покрышки. Всё им не так, всё им ни эдак.

Утром Радищев и его спутники отправились в деревню Игирму. Она была недалеко от Уфимцевой. По дороге их встречали на санях-розвальнях два мужика. На таких санях обычно возили сено. Радищев и его спутники сошли с саней, чтобы встретить подъезжающих к ним лошадей.

Священник Даниил Перфильев сказал:

– Как я заметил, на санях сидит староста в Игирме Прокопий Романов. А с ним Яшка гнусавый.

– У него такая фамилия? – спросил Кондратьев.

– Фамилия не знаю. Все ево так кличут. Гнусавый. У нас в деревне как? Ишо в детстве, как назвали, так до смерти он таперича будет гнусавый, – ответил Перфильев.

– Разве так можно? – спросил Радищев.

– Так принято в народе, – ответил солдат Сидоров.

– Может и мне уже дали какое-нибудь название? – спросил Радищев и засмеялся.

Перфильев кашлянул, перекрестился и ответил:

– Так этова, как иво, дали. Ну, это самое, дохтур, враг царицкин. А ещё это самое, тово. Не обижайся, Лисандра Николаич, дали. Я против, но дали. Переучка. Так некоторые болтают, чо,

мол, переучился, вот и доседа турнули. Шибко, мол, умный стал, вот и тово, сюда этова, как ево. Вот.

– Ну, что же, значит, заслужил этот негодник переучка, – ответил Радищев. – Переучился, значит, этот Радищев. Так ему и надо.

– В обчем-то, Лисандра Николаич, тебя люди уважают.

Тут подъехали к ним два мужика. Сошли с саней. Один из них сказал:

– Я здесь староста Прокопий Романов.

Радищев давно отметил про себя сибиряков. Многие из них отличались от жителей России, тем, что при встрече с дворянином не снимали шапки и не очень любили кланяться.

– А с вами, что за молодой человек? – спросил Радищев.

– Конюх наш и возница Яшка гнусавый, – ответил староста.

– Значит, Яков. А кто отец, и как его фамилия?

Романов оглянулся на Яшку и пожал плечами. Ответил:

– Дык, этово, как иво, Яшка, да и всё. Он почти не говорит. Такой характер. Ещё мальчонкой, как-то летось ево подобрали. На лодках поселенцы на Якутию шли. В Илимске загуляли у кабака, да и забыли мальчонку. Уехали. С Илимска его подобрала бабка Авдотья, добрая душа. Вот и вырастила парня. И фамилия нет. Хороший парень, отменный конюх и возница. До Енисейска купцов с товарами туда-сюда возит. Тем и живут с бабкой двоечком. А летось ловко на лодчонках и карбасах управлятся на порогах.

Все поехали в деревню. Здесь Радищев насчитал восемнадцать домов. Как понял Радищев, такая деревня считалась на Илимке большой.

– Мы вас определим к бабке Авдотье, – сообщил староста. – Она просила к ней доставить ученого господина.

– Я буду не один, – ответил Александр Николаевич.

– Она уже знает. Когда-то этот дом построил купец Новоселов. Долго жил. Потом он уехал в Россию. Набрал денег, да и уехал с семьей. Авдотьи дом оставил. Она той семье преданной была. Заслужила. Дом большой, с капитальной стеной. В одной стороне вы будете жить, а в другой бабка. Забавная бабка, скажу я вам. Парни и девки забегают туда вечерами на сходки. Всех

бабка Авдотья принимает. Ткут там и вяжут, пока чо та там болтают и поют. У нас девки-то отменные певицы.

– Послушать бы их не мешало, – сказал Радищев.

– Как раз седни они и собираются.

У дома встретила их бабка Авдотья, в длинной телогрейке, на ногах мужские ичиги. На голове шапка. Мужик и мужик.

– Проходи, дорогой гость, проходи, гостем будешь. И вы все проходите, чо уж, гостями будете. Печь натопили славно. Проходите.

Вошли во вторую половину дома. Тепло. Самовар на столе.

Вечером Радищев услышал шум за стеной. Это собралась молодежь. Александр Николаевич пошел к бабке.

Девки, да молодые жены пришли с прялками. По углам специально прибитые короткие доски. На них расставлены чашки с жиром, в них фитили. Зажигали их. От них шел свет. Такие чашки с жиром были и в наше время в деревнях. Я помню такие чашки.

На головах женщин разноцветные платки, а в волосы вплетены яркие ленты. Все эти украшения купцами доставлены из Иркутска. Россия тогда вела торговлю с Китаем. Радищев активно переписывался с Иркутской администрацией, и внимательно следил за торговыми отношениями с Китаем. Даже давал рекомендации, как вести торг с этой восточной страной. Даже граф Воронцов просил Радищева, чтобы он докладывал ему о связях России с Китаем. Так что Радищев ещё занимался и международными делами.

Все женщины, как обычно обуты в катанки. А мужчины ещё носили и ичиги.

Были здесь, конечно, и парни. В те времена в деревнях ещё не знали, что такое табак.

Радищеву очень хотелось послушать, как поют женщины в деревнях. Он хотел записать хотя бы одну песню.

И вот девчата и молодые жены запели. Вот одна из песен, какую потом записал Радищев.

Ой! Милая моя!

Милovidная моя!

*Не садись подле меня.
Не гляди, друг, на меня.
Я рада б не глядеть, глаза мои глядят,
Во совете жит хотят.
Советным, советно, советнешенько.
Я поставлю бел шатер
При дорожке, при пути,
При всей красоте, при ямской слободе.
Попрошу я у молодца в головушке поискать,
Черны кудри расчесать.
Стала девица искать,
Молодец стал засыпать
У девицы на руках,
На золотых перстнях.
Проснулся, пробудился, право нету никого:
Ни девицы, ни шатра, ни дуба-столба,
Ни дуба столба, ни вита кольца,
Ни вита кольца, ни добра коня.*

И вдруг Яшка гнусавый заиграл на балалайке. Радищев слышал, как играют некоторые мужики на балалайках, но, то, что выделявал Яшка, такое чудо Александр Николаевич и не слышал и не видывал. Балалайка в его руках пела. А ещё Яшка и присвистывал. Потом парни пошли плясать под звуки балалайки. Тогда Радищев подумал вот о чем. А ведь в этом темном и глухом народе в этом погибельном крае такие скрываются таланты. Глухая ещё необжитая Сибирь, а ведь в ней, конечно, появятся и выдающиеся личности. Пока ещё этот народ скрытный от уже давно обжитой России. И в этой России, особенно в погрязших в роскоши главных городах и в этих двух столицах, Москве и Санкт-Петербурге совсем не знают и не ведают о народе живущим в неведомой для них Сибири. А если разбудить эти огромные, Сибирские просторы? Да, для этого нужны века. К великому сожалению, нужны века.

Потом женщины повели хоровод. Взяли и Радищева под руки, и он с удовольствием подчинился. Он рядом увидел ра-

достные, счастливые лица. Оказывается, среди них есть удивительно красивые женщины...

Далеко за полночь он вернулся к своим спутникам. Они уже давно все спали. Он долго лежал на спине, и в слюдяное окно смотрел на полную, но тусклую луну, и думал о народе населяющем этот край. Как многого этот народ не знает. Дать бы ему образование, и этот народ преобразовал бы Сибирь. Конечно, этот великий ученый и мыслитель думал так о нашей Сибири и о нашем народе. А если бы он оказался в наше время, и встретился бы с взрослым человеком прочитавшим букварь, но не одолевшим «Родную речь» и не прочитав судьбу Каштанки, а Чука и Гека приняв за иностранцев, а лучший ученик года в нашем районе, ответил, что Радищев приехал на нашу стройку по комсомольской путевке, Александр Николаевич вернулся бы в своё время.

Утром к Радищеву пришла бабка Авдотья.

– Ты во чо, милоч, не сумлевайся, я тебе помогу с твоей работой о мудреном овоще.

– Овощ этот называется картофель.

– Знамо дело. Мы с Яшей устроим её на добрую землю. Я уж пробовала её, када здесь бывал Андрюша Березовский. Скусный овощ. И в чугуне варил, и на костре жарил. Немного сеяли. Тока какой-то змей всё истоптал. Будем с Яшей караулить. Староста поможет. Он добрый. Молодежь поможет. Есь у нас бабки зловредные. Я, милоч, другая. Я имя все тада рога поотшибаю. Ты, милоч, не сумлевайся. Шли этот овощ. Да поболе шли.

Радищев поговорил со старостой о том, как посадить в этой деревне картофель. Староста обещал разработать землю под этот ценный овощ.

Утром, когда взошло солнце, Радищев и два охотника пошли в сосновый бор на лыжах.

Удивительная красота открылась здесь Радищеву.

Один охотник сказал:

– В этом бору, однако, мы собираем бруснику целыми бочками. Замораживаем на зиму.

На столе у крестьян в деревянных чашках всегда стояла ягода брусника. Он видел её в небольших бочонках. Хотя сахар здесь

был довольно дорогой, но он был почти у каждого крестьянина. У проезжающих купцов пушнину меняли на сахар. Радищеву понравились мерзлые куски засахаренной брусники.

Солнечные лучи словно играли на золотистых стволах огромных сосен. Между двумя соснами Радищев увидел двух оленей. Они стояли и смотрели на людей.

– Стрелять будете в этих красавиц? – спросил Радищев. – Жалко такую красоту убивать.

– Мы в них стрелять не будем. Это самки. Мать и дочь.

– А как же мясо?

– Молодого самца можем стрельнуть. Но самок мы, однако, не трогаем.

Через некоторое время они вышли на большое стадо диких оленей. Два выстрела, и два оленя уткнулись мордами в снег. Радищев не мог смотреть, что потом делали охотники. Он решил вернуться в деревню. Он не обвинял охотников в убийстве двух оленей. Он не имел право их обвинять. Это их жизнь. И потом, они знают, в кого стрелять, и в какой сезон это делать. Для этих деревенских людей тайга их кормилица.

Радищев вернулся в деревню. Он сказал своим спутникам:

– Если бы вы знали, какая это природа! Какой это сосновый бор! Он в солнечных лучах словно купается в золоте.

На другой день они собрались ехать в деревню Вологжину. Их сопровождал священник Даниил Перфильев. В этой деревне его последний приход. И вдруг к ним напросилась ехать бабка Авдотья.

– У меня там дела. Да и деревня-то с нами рядышком. Глядишь я с вами-то и помолодею. Надось кой с кем встретиться. Потом, Лисандра Николаич поймешь и докумекаешь. Ты человек переученный, поймешь.

На краю деревни их уже встречали. К Радищеву подошел коренастый мужчина. Видимо, кто-то из его родителей был бурят или тунгус. А надо сказать, как у нас на Ангаре, на Лене, в том числе и на Илиме, наши предки часто женились на бурятках, тунгусках и на сибирских татарках. В основном ведь ссылали, и гнали на каторгу мужчин. Русских женщин в этих глухих краях

не было. Брали в жены аборигенов. Так что мы, коренные сибиряки не чисто русские. В нас много намешано братской крови от местных народов. Поэтому мы часто говорим о себе насчет национальности, мы есть сибиряки. Это наша главная национальность.

– С приездом к нам, господин Радищев, – громко доложил мужчина. – Я, однако, здесь староста Кузьма Белобородов.

С ним было три мужика в овчинных шубейках. Как заметил Радищев, на Илеме мужчины в зимнюю пору надевали овчинные шубы до колен, или телогрейки. Из наблюдений Радищева телогрейки были в то время. Их носили, как мужчины, так и женщины. Женщина всегда остается женщиной. В праздники и по воскресеньям девушки и молодые жены любили наряжаться в разные цветные одеяния, в основном из шелка. Навешивали на шеи цветные бусы. Все вот такие наряды были из Китая. В те времена, как писал графу Воронцову Радищев, шла активная торговля с Китаем. У нас почти всегда были нормальные отношения в торговле с этой восточной страной. Моя бабушка Максимова иногда рассказывала, как она «ходила» в Китай за разными товарами и разными другими диковинками. Именно «ходила», а не ездила. Так было принято говорить. А шелк, кстати, был лучший товар. И у нас он шел по высокой цене. Так что и прибыль была хорошей от этого «хождения» в Китай.

Староста Белобородов пригласил всех в свой дом. Радищев обещал старосте, что они через день будут возвращаться в Илимск. У Радищева там много работ, да и должны придти письма от друзей, родных, газеты, книги, кое-какие лекарства.

Бабка Авдотья пошла к знакомой бабке. Когда староста узнал, что Авдотья пошла к той бабке, сообщил:

– Насколько я знаю Авдотью, там будет пыль до потолка. Наша-то бабка Параська чистая ведьма. Горе с ней. Дарья ей опять мозги вправит на место. Я тут кое-какие газетки имею. Правда, я читаю маненько, так она как-то схватила у меня газетку-то и давай топтать, да приговаривать. Это говорит всё от дьявола. Я знаю, Лисандра Николаич, ты там буквари возишь? Детей вразумлять вздумал. Не выйдет. До вашего букваря добиретса. Стопчит.

– А я тогда кто для неё?

Староста помялся немного, но ответил:

– От самого дьявола посланник.

– Вот она где полная темнота, – проворчал Кондратьев. – Высечь бы её розгами, сразу бы поумнела!

– Не поумнеет, – ответил Радищев. – Такие вот бабули всегда были и всегда будут. Их главная работа – сплетни.

Как точно сказал Радищев. Такие бабули и в наше время есть. Они не перевелись и не улетели на другие планеты. Они среди нас живут себе, да сидят днями и вечерами на лавочках. Всё видят и всё знают. И обсудят тебя до седьмого колена.

На другой день пришла бабка Авдотья. Улыбалась бабуля.

– Подогрела Параську? – спросил Кондратьев. – Может ей розог всыпать?

– Не надось, я ей кое-что сказала. Язва она отменная. Ну, ничо, я ей завсегда мозги чищу. Ты вот чо, Лисандра Николаич, присылай эту свою, как её, картоху. Ты вот чо, Кузьма, картоху-то сам посади. Я ей вправила мозги. У меня она шибко не забалует. Я апосля, весной-то к вам приеду. Ишо вот чо, Лисандра Николаич, книженцию-то свою для детишек оставь Кузьме. Пусть детишки балуются с буквамками-то.

И в наше время тоже есть такие передовые бабули. Я их много встречал. В нашем маленьком городке, который мы когда-то ещё молодыми хотели назвать городом Радищев, есть такие бабули. С ними интересно поговорить на любую тему.

Через день Радищев и его спутники возвращались в Илимск. Александр Николаевич уже начал тосковать по почте.

– Зимой легче добраться до устья Илима, – сказал Александр Николаевич. – Говорят там осетр и стерлядь водится. В следующий раз мы обязательно доберемся до устья Илима. Ещё увидимся.

В Илимске он с жадностью стал разбирать почту. Ему привезли из России письма, книги на разные темы, научные журналы и газеты.

К нему шли на прием больные люди с Илимска и с других близких деревень. Он с увлечением занимался медициной. Он становился первым народным врачом в Сибири.

В будущем, сын Радищева Павел в одном из документов сообщает: «Жители Илимска прибегали к Радищеву в случае болезни. Он лечил удачно. Так, между прочим, вылечил он молодого крестьянина Фому. Фома был из другой деревни; молодой человек высокого роста, недурен лицом, благонравный и любезный человек. Занимаясь звероловством, как и большая часть жителей Илимска и других селений, он ставил ловушки и однажды, пошедши их осматривать, был настигнут сильным морозом и не мог скоро добраться ни до жилья, ни до зимовья. Все члены у него были отморожены. Он сделался, неспособен к домашней работе. Отец привез Фому к Радищеву, который сначала усомнился его лечить, но, однако же, принялся, и мало-помалу после долгого лечения ему удалось поставить Фому на ноги».

Радищев лечил и душевнобольных людей. Даже сделал несколько хирургических операций. В его кабинете были разные целебные травы. Он из них делал лекарства.

Надо сказать, что именно Радищев, а не прославленный доктор Дженнер, явился пионером оспопрививанием в Сибири. Вот что писал по этому поводу сын Павел: «Он сам прививал оспу своим детям, рожденным в Сибири, и детям илимских жителей».

Как и положено тогда в царской России, приоритет Радищева, как основоположника оспопрививания остался незамеченным. Невнимание к пионеру оспопрививания в России вызвало справедливое возмущение у русских людей. В 1896 году Омская газета «Степной край», писала: «Мысль об оспопрививании родилась не в Англии, но у нас, в Сибири, в Илимском остроге, где в конце XVIII века проживал известный автор «Путешествия из Петербурга в Москву».

Опыты, проводимые «государственным преступником» Радищевым в глухой Сибири не могли получить широкой огласки. А ведь от оспы вымирали целые волости. Императрица Екатерина II вместо поощрения русских врачей, успешно прививавших оспу, вызывала из Англии специальных оспопрививателей и щедро награждала их за работу. Опыты с оспопрививанием, проводимые Радищевым в Илимске, таким образом, остались в

тени. Они не были освещены в печати и не получили заслуженной оценки общественного мнения России и Европы в те годы.

В письмах Радищева можно найти много характеристик тех или иных болезней, распространенных в Сибири, с указанием прямых рецептов, как с ними нужно бороться.

Жила в Илимске семья Прейн. С семьей Радищевых они дружили семьями. Павел Прейн помнит, как в детстве прививал ему оспу Степанушка Дьяконов, бывший в то время самым популярным врачом на реке Илим. А ведь этот Степанушка научился этому важному делу у Радищева. Отец Павла Прейн хорошо знал Александра Николаевича, и рассказывал сыну, как Радищев лечил илимских жителей.

Разве не обидно было русским врачам, что так поступали с ними? Конечно, обидно. В России почему-то всегда больше всего обращали внимание на за границу. А давайте подумаем о нашем времени. Прошли века. Что изменилось в этом заграничном вопросе? Ничего не изменилось. Почти по всем телевизионным каналам гоняют пошлые иностранные фильмы. Кругом иностранные названия учреждений. Некоторые должности сразу и не выговоришь. Кругом маркетинги, или ещё сложнее названия. Детский магазинчик назвали Бэби, а можно было просто назвать матрешка. Даже в глухой деревне в доме крестьянина ведут евроремонт. Что это? Подражание Европе или кому? Деревенская бабка мне ответила: «Окей». А с днем рождения уже поздравляют на американский мотив. А то мы Екатерину ругаем, что она обращала внимание на разных ученых из Европы. А в наше время все смотрят за границу, и в мозгах русского народа выстраивается полный евроремонт. Я долго мучился, многих спрашивал про этот ремонт, так мне толком никто не объяснил. Значит, такой ремонт делают в Европе? Или как? Как понять? Был я в одной деревне, и спросил бабку про евроремонт, какой ей в доме делал приезжий из маленького городка в Сибири её сын. Бабка мне так ответила:

– А хрен его поймет чо это такое. Окна какие-то вставили, потолок чем-то залепили. Наверно, однако, на западе такое творят.

И сын её, слесарь-сантехник толком мне не ответил:

– Все делают, вот и я решил матери сделать евроремонт.

Бедная Россия. Все что-то творят, а что сами не знают что творят. Так вот и живем и творим, А что творим? А хрен его знает, что мы творим. Раскрыв рот, смотрим вот на запад и творим в своих мозгах евроремонт. Вот вам и весь ответ, дорогой читатель.

И вот пришла долгожданная весна.

Как и в прошлую весну приехали из Иркутска плотники и приступили к строительству дома для Радищева. Два сарая ещё в прошлом году были готовы. Загорожен загон для скота. Радищев купил у жителей трех лошадей и трех коров. Две лошади будут рабочими. Надо будет пахать землю, привозить сено, воду из Илима. А вторая лошадь для выезда. Он любил погарцевать на коне, зимой детей и жену покатать на повозке по Илимску. На участке появились и куры.

Плотники соорудили теплицы, сделали рамы со слюдой. Теперь никакие заморозки не страшны. Люди приходили и смотрели на неведомое чудо. И даже некоторые подсмеивались. Мол, этот ссыльный ученый совсем ума лишился.

А Радищеву хотелось добраться до железной горы. Найти там рудник. Как-то вечером, ещё не село за гору солнце, Радищев пришел на берег Илима. У костра сидели парни. Он подошел к ним, присел на бревно.

Один из парней спросил:

– Лисандра Николаич, был он тоже один ссыльный из Иркутска. Он нам сказал, что есть такие звезды, а на них люди живут. Они же на землю не падают. Как так можно? Я сказал об этом комиссару Неуспокоеву, а он велел меня высечь, чтобы я не умничал. Он мне сказал, что от книг один вред умному человеку.

– Прав тот ссыльный. Везде есть жизнь. А, возможно, ещё лучше, чем у нас.

И Радищев стал рассказывать о других мирах, о других странах, и крупных мировых событиях. Но вдруг все насторожились и встали. По берегу шел человек с котомкой за могучими плечами. Человек был высокого роста, твердо шагал. Он шел уверенно и что-то бубнил.

– Это сам Кузьма Бутаков.

Радищев встал, он давно хотел встретиться с этим человеком, Вот кто покажет залежи руды. Бутаков подошел, остановился, расставив ноги в огромных ичигах. Большая борода лежала на мощной груди. Он стоял и молчал. Радищев пошел к нему навстречу.

У Бутакова было несколько братьев, и все они жили в разных деревнях. А этот Кузьма шастал по тайге, выходил один на один с медведем. По деревням и в Илимске Кузьму все побаивались. Он был свободный человек, и не признавал никакой власти над собой. Он потребовал, чтобы его семью не облагали большими налогами. Его семья свободная. Он запретил жене работать на кого-либо. Кормились охотой и рыбалкой. Поговаривали, что он оттрепал за бороды Неуспокоева и одного полицейского за то, что они искали Бутакова, чтобы привлечь его за неуважение к местной власти. При этом он сказал, что он может всех государственных людей посадить в свою котомку и бросить в берлогу к медведю.

– Здравствуй, Кузьма Бутаков. Я очень хотел поговорить с тобой.

Бутаков задрал голову и начал громко смеяться, и всё его мощное тело тряслось и шумело одеждой из шкур. Этот смех можно было услышать на краю Илимска. Даже собаки не лаяли, видимо, и они знали этот смех. Затем Бутаков прекратил смех, и уперев кулаки в бока, наклонился к Радищеву.

– Впервые вижу человека без дрожи в поджилках. Уважаю, друже. Перевелись на нашей земле казаки. А тебя знаю. Наслышан. Сынка мово грамоте учишь. Супротив царички пошел. Уважаю. Я сам себе царь, атаман и поп. А ты чо хошь от меня, друже.

– Особый разговор нужен.

– А ну, геть отседова, – махнул он рукой на парней, а те будто этого и ждали. Будто и не было их.

Бутаков и Радищев сели у костра. Бутаков не снимал котомки и даже лямки не тронул. Радищев понял, что Бутаков ненадолго пришел в Илимск, и что разговор должен быть коротким.

– Кузьма, выручи меня. Ты знаешь места здешние. Мне надо выйти на залежи железной руды.

– Не може, друже, – спокойно ответил Бутаков, глядя задумчиво на огонь. – Не можно.

– Один из твоих предков хорошо знал место рудное. И он плавил железо. И даже делали инструмент из железа. И в те времена твои предки помогали ему, как могли. А ты мне помоги.

– Не можно. Ты хороший человек, я знаю, уважаю тебя и хотел увидеть. У меня нет близких друзей. А вот ты близок, стал, може потому, чо сына мого уму-разуму учишь. Учи, друже, низко тебе поклонюсь. И родом своим горжусь, и почитаю их, и за упокой водку и вино пью када надо. Не можно. Начиркашь гумагу о руде и поедешь в Россию. Узнают людишки темные и придут сюда, и зачнут драть горы да людей забижать. А там и сами Демидовы прознают. И спросят люди друг у дружке, кто этоь накапал? Скажут люди – Бутаков Кузька. Плевать мне зачнут в след, проклянут. А я бедных не забижаю. А богатым всегда хорошо и шибко сладко. Прощевай, друже. Пойду бабе своей шкурки ондам, да с семьей повидаться хочу. И уйду я в тайгу. Обещал охфицер поднять всех полицейских в Илимске, да усмирить меня, да некоторых моих гулящих. Тайга-то наш дом родной. Она кормилица наша. Прощевай, друже. А на другое не можно.

Бутаков пошел в сторону своего дома.

Радищев ещё походил по берегу Илима, и тоже пошел домой. И, всё-таки, он найдет эти залежи железной руды. Да, крепко напуганы люди на Илеме. Даже независимый, свободный Кузьма Бутаков не пожелал показать рудное место.

Радищев решил ещё раз попробовать пробиться к руде. Он снова обратился к рыбаку Черемных.

– Иван Иннокентьевич, мне бы до деревни Шестакова добраться. И ещё. Покажи мне места сенокоса. Я хочу взять такой участок. Я приобрел хозяйство.

– Покажем, Лисандра Николаич, как же, покажем. Понимаешь, како дело.

– Понимаю. Изрядную помочь сделаю. Устрою пир горой.

– Это друго дело, однако.

Потом он подозрительно посмотрел на Радищева и спросил:

– А чо там в Шестаках делать-то? Деревня, как деревня. Чо там делать? Невидадь какая. Деревня.

– Вы здесь живете, и для вас весь этот край, как ваш дом родной. Но коль мне придется, возможно, как я посмотрю, остаток жизни здесь прожить, то я должен знать свой такой вот обширный дом.

– Это дело, – сказал Черемных, и вроде успокоился. – Надо дом свой родной знать. Да и ученый ты. Всё надо знать.

Он оглянулся и понизил голос.

– В остальном я те не помочник. Договорились?

– Договорились. Завтра утром мы с Павлушей придем на берег Илима.

– Твой сержант Воробьев за нами зыркает, – хихикнул Черемных.

– Пусть зыркает. У меня есть предписание самого губернатора Иркутска на то, чтобы я осваивался в этом краю без препятственно.

Утром Александр Николаевич с сыном Павлом пришли на берег Илима. Павлу в это время было уже десять лет. Их уже ждал Черемных.

Подошел к ним и сержант Воробьев.

– Вы уж, Лисандр Николаич, будьте осторожны. Я в ответе за вас. Как бы чо там не случилось. Может мне с вами поехать? Мне же за вас попадет.

– Господин Воробьев за мной многие следят. Смотрят за мной: офицер Кондратьев, солдат Сидоров, поручик Неуспокоев. Да и у некоторых других господ глаза на месте. А лодчонка наша троих не выдержит.

– У тя, Воробьев, одно пузо, чо твоя бочка с капустой. Сразу нас потопишь, – хихикнул Иван.

– Поговори мне, сучья вымя, я те, морда, ишо покажу, где раки зимуют! – заревел Воробьев.

– Успокойся, Николай, успокойся, – сказал Радищев. – Вам нельзя так напрягаться. Лицо багровым стало. Давление у вас подпрыгнуло. Как приеду, приходи ко мне. Немного полечу тебя от такого давления.

Воробьев стал успокаиваться.

– Спасибочки, Лисандра Николаич. Вы я знаю, добрый человек. Но у меня служба. Я обязан, куда надо докладывать. У меня же семья. Кормить надось ишо двух короедов.

– Понимаю, весьма понимаю. Всё будет отлично.

И вот они втроем поплыли вверх по Илимю. Гребли поочередно. В одном месте течение реки было быстрое. Шли бечевою.

Прибыли в Шестаково вечером.

– Иван Иннокентьевич, ты отправляйся домой. Через три дня приплывешь.

Черемных тут же отплыл.

В деревне был новый староста. Тот от запоя умер. Радищев объяснил новому старосте, что Радищев ученый, и ему нужны редкие, целебные травы по берегам бурной речки. Староста долго молчал. Потом ответил:

– Ну, этова, как ево, однако, траву, то это можно. Про тебя-то разговор шел. Добрый человек. Не лиходея какой. Дам я те двух мужиков. Оне охотники знамо. У нас есть бабка Лукерья. Она травы собирает. От всево лечит. Да вон она идет. Я скажу мужикам.

И староста засеменял вдоль грязной улицы. По дороге ковыляла сгорбленная и худая бабка. Она приближалась, и всё больше наклоняла седую голову, приложив к глазам ладонь лодочкой.

– Я боюсь её, – прошептал Павел.

– Старость не надо, сын, бояться. Языка от таких бабулей надо стеречься.

Бабуля подошла к Радищеву и остановилась.

– Ктой такой и чей будешь-то, божий человек? – спросила она скрипучим голосом.

– Траву вот целебную приехал собирать, – ответил Радищев.

– Ась? – спросила она, и приложила ладонь лодочкой к уху.

Радищев закричал:

– Траву целебную приехали собирать!

– Ась? Ничо не слышу.

Александр Николаевич заметил, что глаза у бабки прищуренные и хитрые.

– Некаво базлать на всю ивановскую. Некаво. Знаю я твою траву. Сама соберу. Лекарь нашелся. Знаю я тя. Знаю. Слухом

земля полна. Мне самой травка нужна. Некаво её тута собирать. Тута я про травку одна знаю. Вот и лечу народ с божьей помощью. И некаво лезть ко мне. Некаво. Изжай в свой Илимск, и некаво людей смущать.

Сказала бабка так, и даже не перекрестилась. И пошла она своей дорогой, что-то ворча себе под нос.

Павел ещё маленький, десять лет недавно исполнилось, а заметил.

– А бабка-то в Бога не верит. Упомянула Бога, а не перекрестилась. Как так можно?

– Можно, Павел, можно. Таков уж здесь народ. Как полагается, иконы есть, почти на три и четыре деревни есть свой священник, а не глубоко верят. Они только верят в себя, и в свой труд. Так уж у них заведено с далеких времен, когда на Илим пришли первые казаки, ссыльные, бывшие каторжане. Им было не до веры, лишь бы выжить и выстоять. Так и пошло. Так и осталось всё детям и внукам. И потом народ этот недоверчивый, скрытный, и даже с хитринкой. Прежде чем ответить, долго думают, как бы ни то сказать.

Они остановились у крайнего дома. Показалась на крыльце женщина, но тут, же скрылась.

– Боятся нас, - ответил Радищев.

– Староста может не дать людей, - сказал Павел.

– Даст людей, - ответил отец. - Он прекрасно знает, что и до него дошло предписание губернатора, чтобы всячески мне содействовать в любых моих путешествиях.

По улице шли два мужика. Остановились напротив Радищева.

– Что делать-то, куды идти? – спросил один из них. В руках у них рыболовные снасти. – Там как раз хорошо идет хариус. Ты будешь травку искать, а мы рыбалить. Али ишо чо искать? Еслив чо искать, мы это самое, как иво, тово, уйдем. Староста так нам сказал.

– Травку искать, - ответил Радищев.

– Травку? А в прошлом годе мужики сказали, чо ты чога ишо искал, в земле ковырялся, - сказал другой мужик. - Нихорошо амманывать, нихарашо.

– Идемте, мужики, идемте. Мой сын тоже с вами рыбку половит. Места у вас здесь изумительные. Посмотреть хочу на природу вашу.

– А чо её смотреть? Природа, да природа, - ответил мужик, и недоверчиво улыбнулся. – Ладно, идем. Там посмотрим.

Они пошли вверх по течению бурной речки. В те времена, возможно, эта речка имела другое название. Это нигде не указано. А вот когда народ назвал её Коршунихой, тоже неизвестно.

Долго шли. Странное ощущение испытывал Радищев рядом с этой рекой. Будто кто-то звал его идти всё дальше и дальше. Он чувствовал, что сегодня он найдет железную руду.

Подшли они к очень высокой, густо заросшей темным лесом горе. Радищев стал подниматься в гору. Тут он наткнулся на едва заметный ручей. Встал на колени, и зачерпнул ладонями воду. Попробовал. А потом тихо Павлу сообщил:

– А вода-то, Павел, имеет железный вкус.

– Чо там нашел? – спросил один из мужиков.

– Травку тут одну нашел, - ответил Радищев.

– Ну и славно. А мы тавда пошли рыбалить, - сказал другой мужик. И они стали спускаться с горы к реке. Радищев стал подниматься всё выше и выше. Едва заметный ручей исчез.

– Где вот теперь искать? – сам у себя спросил Александр Николаевич.

Они сели на поваленное дерево. Надо немного отдохнуть, и снова продолжить поиск железной руды. Сегодня он не уйдет отсюда, пока не найдет руду, хотя бы кусок.

Из леса вышел старик с окладистой седой бородой, с котомкой за плечами. В руках длинная палка. На конце насажен клинок.

– Можно с вами маненько посидеть? – спросил он. Сбросил котомку, а палку положил рядом.

Помолчали. Потом дед сказал:

– С Илимска, знать ты с отпрыском?

– Откуда знаешь дед?

– Мне ли не знать. Тайга она всё знает. Она знает доброго и плохого человека.

– Как может тайга знать, когда человек не всё знает, - ответил Радищев. Дед его заинтересовал.

– Мне ли не знать, - повторил он опять эти слова. - Не скажи, добрый человек, не скажи. Человек не всё знает, это, правда. А вот тайга чувствует зло и добро.

– И что она сейчас чувствует?

– Ты добрый человек. Наслышан. Не за травкой ты пришел сюда. Не за травкой.

– И зачем же я сюда пришел?

– Мне ли не знать, Лисандра Николаич? За железной рудой ты пришел.

– Откуда тебе знакомо моё имя?

– Знакомо. По тайге шум прошел. Мы ведь, люди илимские живем в большом доме. Ещё в прошлом годе ты здесь шастал. Тока тебя мужики обманули. Не туда завели.

– Ты дед знаешь рудное место. И мне не покажешь.

– Тебе покажу. По ключу ты правильно пошел. Покажу. Доброму человеку как не показать? Покажу. Возьмешь руды сколько надо.

– А что вдруг ты, дед, такой щедрый? Могу дать денег. Хворь какая есть, попробую полечить.

– Знаю. Ты добрый лекарь. Тебе нужна руда. Мог бы не показать. Голову бы тебе, как те мужики в прошлом годе, закрутил. Боятся люди одного. Придут промышленные люди, и начнут копать гору. Демидова все знают. Длинные у него руки. И до этих гор может добраться.

– А ты не боишься дед? Проклянут тебя люди. Я уж сам как-нибудь найду руду.

– Не найдешь. Мне ли не знать? Не найти тебе руду. А я тебе подскажу. А люди не узнают, чо это я тебе показал, где есь руда. Наивен человек, так как он темен. Невозможно скрыть то, что уже всем известно.

– Узнают, - ответил Радищев.

Дед неожиданно засмеялся.

– Ладно, пора мне идти по делам. Откуда они могут знать? Я живу в зимовье далеко отсюда. Другие узнают люди после нас с тобой.

– А как же тогда обо мне узнал, что я сюда приеду? Что-то ты, дед хитришь? Как узнал?

– Мне ли не знать? Всё о тебе знаю.

– А как тебя звать всезнающий дед?

– Зачем тебе знать? Обыкновенный дед. Таежный. Просто я илимский дед. А зови меня просто таежный дед. Прощевай. А руда у тебя под ногами. Её здесь много. Немного отойди и найдешь.

Дед скрылся за деревьями.

– Странный дедушка, - наконец-то подал голос Павел.

– Настоящий таежный дед, - ответил отец. – Как говорится, любому мозги заморочит.

Они немного поднялись, и увидели небольшую яму. Но в ней росли елки. Радищев догадался, что когда-то на этом месте, возможно, добывали руду. И вдруг он увидел кусок железной руды. Дождь, ветер оголил этот кусок коричневого кусок руды. Радищев встал на колени, и бережно поднял его. Тяжелый кусок почти чистого железа.

– Спасибо таежному деду, - радостно сообщил Александр Николаевич.

– Он будто из сказки пришел к нам, - сказал Павел.

– Это просто обыкновенный дед, - ответил отец. – Слух обо мне уже везде прокатился.

Радищев кусок руды положил в свою котомку. Так он собрал ещё несколько кусков. И пока он их укладывал, он чувствовал на себе чей-то взгляд. Ну и дед, подумал Радищев. Чего теперь ему прятаться? Сам ведь подсказал, где находится руда, а сам прячется.

Когда они стали спускаться к реке, Радищев крикнул:

– Спасибо тебе таежный дед!

И эхо покатило по тайге, и казалось, будто кто-то повторял слова Радищева.

Вышли к бурной речке. Мужики увидели, как тяжело шел Радищев, и бежать.

– Пусть бегут, а то, что мне надо я взял. Пришлось впервые в жизни пойти на обман. И всё это ради науки. Мы ещё найдем серебро и медь. Край этот, Павел, ещё покажет себя своим

скрытым богатством. Многое, что есть в этой ещё нетронутой глуши.

Они вышли к деревне. Никто их не встречал, словно все спрятались от Радищева.

Радищев и Павел подошли к тому месту, где должен пристать Иван Черемных. Придется ночевать на берегу. Даже ребяташки не подходили к ним. Они набрали на ночь сушняка, на костре вскипятили воду, и заварили таежный чай. Сухое мясо и хлеб у них был.

И тут пришел староста. Он сел на бревно. Молчал.

– Садись с нами чайком побаловаться. Сахар у нас есть, - сказал Радищев. – И нечего на нас сердиться.

– А как не сердиться? Мне здесь жить. А вы уплывете, - ответил староста. – Говорил за травкой приехал. А сам чо сделал?

– Что я сделал плохого? Что? Ответь, мил человек, ответь.

– Чо отвечать? Чо? Амманул всех нас. Мы ещё с наших дедов никому место не показывали. Да и никто шибко-то и не интересовался. Спрашивали, а все молчали. А ты вот полез. Хотя я понимаю. Губернатор отписал. Но про это место не написал же! Так зачем полез?

– Пойми, староста, пойми. Я бы не взял руду, после меня придут люди.

– Пусть придут. Это после нас. А пока мы живы, не можем казать. Понаедут тут людишки и зачнут тут всё ломать. И нас в рабы отпишут руду добывать, как на Урале. Вот люди и боятся. Людей наших тоже надо понять.

– Ничего вы не скроете. Ничего. Многие уже знают. Ведь добывали здесь железную руду известные рудознатцы Коршунов и Бутаков. Я документы видел. Инструмент они отменный делали. А потом вдруг ваши деды испугались. Я думаю, что руки Демидовых до этих гор не доберутся. Слишком все это далеко и невыгодно. Нечего бы вам бояться. Очень нескоро придут сюда люди. Живите себе спокойно.

Как понял Радищев, старосту он не убедил. Мужик махнул рукой и пошел к деревне.

Утром прибыл Черемных, и они отправились до Илимска. Черемных всё поглядывал на тяжелую котомку, потом не выдержал и спросил:

– Этова, как ево, тово, понимаешь, однако, руду наломал, Лисандра Николаич?

– Наломал. Для дела она мне нужна. Для дела.

Черемных хмыкнул, криво улыбнулся и сказал:

– Сам искал, да нашел? Никто тебе про неё не сказал?

– Не сказал. Сам нашел. Станный народ. В Илимске, да и в той же деревне Шестаковой стояли плавильные печи. Славно плавил добротное железо. Свой инструмент был. Ничего из железа не заводили. Всё сами кузнецы делали. Никого не боялись первые поселенцы, основатели всего илимского края. Честь им и хвала. Зачем сейчас кого-то бояться? Не тронут вашего железа, хотя об этом Демидовы давно знают. Невыгодно добывать это железо. Такая даль. Глухой угол. Вывозить отсюда руду уральским заводам невыгодно. Себе дороже. Вот об этом я и всем говорю, чтобы не боялись прихода сюда промышленных людей.

Он не сказал Черемных о небольших залежах серебра и меди. Отбывал в Илимске один ссыльный. Он наткнулся на это серебро. Радищев наметил свой путь до того места. Потом он найдет и медь.

И вот он Илимск. Здесь плотники трудились на строительстве большого дома. В теплицах уже зеленели разные овощи. На картофельном поле веселила глаз ботва картофеля.

Только что с Лены прибыла научная экспедиция капитан-лейтенанта русского флота Иосифа Беллингса. Он был назначен царицей Екатериной начальником астрономической и географической экспедиции, ставившей своей целью пройти в Берингово море и к северо-западным берегам Северной Америки и исследовать северо-восточные берега Сибири. Беллингсу удалось доплыть до залива святого Лаврентия. Часть экспедиции продолжала свои исследования на море, а другая часть с Беллингсом во главе, сухим путем исследовала Чукотскую землю. Экспедиция составила описание Охотского моря, Алеутских островов и берегов Америки. Встреча с этими людьми была большой радостью для Радищева. Он пригласил их в свой дом, и они про-

жили у него целых двое суток. Он внимательно слушал рассказы участников экспедиции. Об этом Илимском крае эти люди почти ничего не знали. Их интересовали дальние земли. И они удивились, что, как много об этом народе узнал великий изгнанник Радищев.

Не только эта экспедиция проходила через Илимск до Енисейска. Многие караваны ученых, купцов, ссыльных и каторжан проходили через этот «погибельный край». Никто просто так не проходил мимо дома Радищева. Да и многие из всех этих людей знали, что здесь живет известный в России ученый, писатель, бунтарь. Всех приглашал он в свой дом. Обогревал их, угощал, чем мог. Но были и такие господа, особенно представители какой-нибудь администрации, в основном конторские, полицейские, едущие на службу на север. Они старались миновать усадьбу Радищева. Заезжали прямо к приказчику Неуспокоеву. Радищев мог заговорить и с каторжанином. На двух телегах везли на север трех каторжан.

Так получилось, что первый конь, почувя лошадей Радищева, остановился и подал голос. Александр Николаевич, при помощи Елизаветы Васильевны быстро собрали узелок, где были калачи, сухое мясо, рыба, сало, и вынес, чтобы передать его каторжанам. А надо сказать, что в Сибири, не знаю, как на западе России, всегда было принято угощать каторжан, как говорится, что Бог послал. Полицейские уже знали про усадьбу ссыльного, которого изгнала из Петербурга царица. И боялись изгнанника, как огня. Они начали стегать коня, но тот почему-то зауросил, бил ногами, весь изгибался и не желал идти. Радищев подошел к первой телеге. На ней сидел каторжанин в длинной изодранной телогрейке. На голове рваная тряпичная шапка. Один полицейский встал напротив Радищева, и сурово сдвинув косматые брови, которые почти закрыли глаза.

– Не можно. Приказ. Не можно.

– Мне надо передать людям кое-какие продукты. Имей сердце.

И вдруг полицейский чуть слышно пробормотал:

– Не можно. Сержант доложит. Меня накажут. А у меня семья. У меня у самово брат в кандалах на Урале руду долбит. Я знаю тебя. Мы знаем тебя. Приказ.

– Постараюсь, чтобы тебя не наказали, - тихо ответил Радищев. Потом крикнул: - Господин сержант, конь встал оттого, что это я ему приказал остановиться. Я знаю лошадиный язык. Мне надо передать узелок каторжанину.

Сержант перестал хлестать коня, и медленно стал продвигаться к Радищеву. Остановился.

– Приказ проходить мимо. Я солдат. Мне дал приказ охфицер в Енисейске.

– А мне дали на то приказ от губернатора и генерала Иркутска, не чинить мне препятствия в разговорах с каторжанами, и передавать им узелки с едой.

Сержант при упоминании генерала вытянулся и разрешил подойти к каторжанину.

Радищев передал каторжанину узелок и спросил:

– На этой повозке ты один, а на той двое. Так уж ты опасен?

Каторжанин узелок принял, встал, гремя кандалами, и низко поклонился Радищеву.

– Давно хотел лицезреть человека великого и нужного для России, чем сто чиновников и помещиков. Горбунов я, Сидор, сын священника Ивана Горбунова из-под Новгорода. Там когда-то воевал царя Иван Болотников.

– Чем ты провинился так, Сидор Иванович перед властью, что те двое сидят без кандалов, а ты в них?

– За тебя, Александр Николаевич угодил я в немилость властям.

Радищев удивился. Как это можно за него так пострадать?

– Не может такого быть, Сидор Иванович! – воскликнул Радищев. – Я уж два года, как по Сибири мотаюсь. Мне неведомо твоё имя. Как можно так? За что такая немилость?

– Я только окончил духовную семинарию, а тут мне попала ваша почти истрепанная книга «Путешествие из Петербурга в Москву».

Радищев продолжал удивляться.

– Этого не может быть. Многие мои издания уничтожены.

– Мне неведомо. Но один бродячий, гуляющий человек, бегущий от властей, передал мне ту книгу. Человек бежал к Белому морю. И стал я читать. Потом я стал рассказывать многим о той книге. Не беспокойтесь, Александр Николаевич, я надежно закопал ту книгу под стеной старой крепости под Новгородом. Пусть теперь крепость охраняет ту книгу. А меня схватили, пытали, ломали и жгли. Не сказал я ничего, где спрятал ту книгу. А говорил я, что просто мне об этом поведал человек, который ушел на юг к казакам. Вот и определи меня в далекую Якутию на десять лет каторги.

Радищев был очень удивлен. Значит, о его книге знают не только его друзья и недруги, но знают и простые люди. Радищев уверен, что и на каторге Сидор Иванович Горбунов не успокоится.

Повозки продолжили путь. Долго стоял Радищев, и смотрел в след уходящим повозкам. Он пришел домой и всё рассказал Елизавете. Он нервно ходил по кабинету и говорил:

– Вот видишь Лиза, в народе знают о моей книге. И это дает мне ответственность не сдаваться, не впадать в уныние, а работать, работать. Мы ещё посмотрим кто кого. Моя книга и в будущем найдет своего читателя.

Радищев долго не мог успокоиться.

И в наше время есть такие люди, которые забыли этого человека. Есть даже лучшие школьники, при вопросе, кто такой Радищев, отвечают, что это был человек, который приехал на стройку по комсомольской путевке. А ответ простой. Такое у нас стало школьное образование. Мы стали забывать свою родную историю. И от этого мне становится горько и обидно. Именно это меня и подстегнуло начать писать о Радищеве, когда он отбывал ссылку в Илимском краю.

Пришло время сено косить, и сушить его. Радищев сам любил косить сочную траву. Он выбрал доброе место вниз по Илимму в десяти километрах от Илимска, сразу за речкой Зырянкой, впадающей с правой стороны в Илим. Ему помогли свои работные люди. Сушили. И вот надо было вывозить готовое сено на участок. Для этого были специальные плоты, на них и при-

возили сено при помощи людей и лошадей. А на участке закладывали его в стога. Для всего этого нужны были специалисты.

Сам Радищев, Степан Дьяконов пошли по Илимску, чтобы нанять рабочих людей. Здесь нужны опытные люди. И такие нашлись.

Для помочи Радищев закупил несколько ведер вина, напекли пирогов, сварили щи с мясом и кашу. За два дня с вывозкой сена и укладкой его в зароды справились. Теперь можно было и погулять. От такой работы, чтобы помочь Радищеву люди шли охотно. Здесь были и женщины и девушки.

Потом пели песни, плясали. Веселье было слышно на другом краю Илимска. Вот, например, девчата и молодые женщины пели такую песню.

*Посылал же меня свекор
С полуночи по воду, –
Калина, Малина!
С полуночи по воду
С золотым кубцом.
Калина! Малина!
Уж и я ли молода
Непослушлива была, –
Калина! Малина!
Непослушлива была,
Не послушалася, –
Калина! Малина!
Узелочек завяжу,
В уголочек положу.
Калина! Малина!
Узелочек-ат лежит,
Узелочек-ат дрожит.
Калина! Малина!*

Слуга Радищева Петр начал плясать. Ну и другие парни, и мужики пошли в пляс. Да и молодухи не выдержали, вошли в круг. Потом Петр взял свою балалайку и начал такие мелодии выводить, что и сам Радищев, да пожилые бабки и мужики пу-

стились в плясовую. Люди сбежались со всего Илимска посмотреть на такое бурное веселье. Пришли: приказчик Неуспокоев, с того берега прибыл бургомистр Романов, офицер Кондратьев с солдатом Сидоровым, полицейские. Даже сержант Воробьев, придерживая живот, начал топтаться после того, как пропустил полную чару вина. Даже все собаки, свободные от охоты прибежали посмотреть на такое гулянье. Да, глядишь, кто-нибудь и косточку им бросит. Не знаю, как на западе России, но у нас в Сибири, по рассказам дедов и отцов и матерей, бывали такие помочи на строительстве домов или ещё чего. Потом, как правило, устраивалось доброе угощение. Потом плясали, пели, потом начинались разборки, споры, кто кого уважает или не уважает, порой переходило в драки. Женщины, как всегда в таких случаях таскали друг друга за волосы. Потом опять мирились, клялись в вечной дружбе. Всякое было.

Я уверен, что такие потасовки и в те времена были. А куда без них на Руси денешься?

Заготовка сена прошла. Некоторые овощи стали поспевать. Люди приходили к участку Радищева и любовались теплицами, ярко-зелеными кустами окученного картофеля. В специально загороженном месте у огромного сеновала и амбара для зерна ходили коровы, лошади, козы, овцы, куры и даже гуси. Росли стены большого дома. Уже привезли из Иркутска стекла для окон. Столяры сделали рамы, двери.

Бригадир и мастер над всеми работными людьми, специально посланный из Иркутска, доложил Радищеву:

– Александр Николаевич, к октябрю месяцу будете справлять новоселье в новом доме.

– А вот через месяц вы мне приготовьте место для моей кухни. Соорудите там плавильную печь. Мой проект есть у вас. Степан остается за меня. А мне надо отправляться до деревни Аталоновой.

Бургомистр Иван Иванович Романов выделил Радищеву двух рабочих людей. Он опять же взял с собой Ивана Черемных. Тот даже с радостью согласился сопровождать ученого человека. Как заметил Александр Николаевич, Черемных даже немного изменился. Заважничал перед селянами. Как же он теперь на одной

ноге с человеком, которого уважает сам губернатор Иркутска. Некоторые селяне и даже с других деревень стали обращаться к Черемных, чтобы он поговорил с Радищевым по поводу какого-нибудь земляка. Теперь для некоторых крестьян Черемных не просто Ванька Рябой, а Иван Иннокентьевич. А рябой ему дали такую кличку, что всё его лицо было изъедено оспой. Многие на Илимке болели оспой. И Радищев усиленно работал над препаратом против этой страшной болезни. Многие умирали от такой болезни. Выдерживали только весьма здоровые люди. Он видел умирающих детей, и ничем не мог помочь. Люди знали, что он что-то там изобретает против болезни, и молили Бога, чтобы он дал крепкого здоровья ученому лекарю. Здесь не могли помочь бабкины заклинания против болезни.

Даже Бабка Евлашиха как-то пришла к огороду Радищева, и долго смотрела на чудный и неведомый до этих пор огород. Она смотрела и не плевалась. Радищев подошел к ней и сказал:

– Евлампия Кузьминична, не сердитесь на меня. Я всё делаю для пользы человека, для его блага. Обещаю, при первом урожае я вас лично приглашаю к столу отведать дары первого урожая.

Её лицо скривилось, и было непонятно, сердится она или так улыбается.

– Евлампия Кузьминична, вы отлично справляетесь с акушерством. Наслышан, наслышан.

– А чо это за камуха такая? – проскрипела Евлашиха.

– Понятно. Вы отлично принимаете детей от рожениц, - ответил Радищев.

– Как ево, мудрено говоришь, лекарь. А мы люди простые. Ты и говори просто. И не надо бы здеся выпендриваться передо мной. Принимаю детей, как же. Ты вот чо, дохтур, думай чёрт ученый и переученный. Думай. Люди мрут от этой болезни, как мухи. А выжил, рябой стал, как Ванька Рябой. Шибко стал Ванька Рябой нос драть. Ну, ничо. Побудет с тобой, глядишь, и маненько поумнеет. А ведь был дурак дураком. Стал икшаться с тобой и стал Иван Иннокентьевич. Глядишь переумнеет, как ты, и сошлют чёрти чо куда Ваньку Рябого.

– Не сошлют. Он и так живет в ссыльном крае. Некуда слать более.

– Знамо некуда, Придумают. Там люди сидят шибко вумные. Придумают. Хозяин ты шибко добрый. Вон как размахнулся. И дровишек навез на зиму. Думай, дохтур, шибче думай.

Дрова он ещё в феврале заготовил. Знающие работные люди вывезли хлысты из тайги, и на огороде приготовили дрова, уложили в три поленницы. За лето высохнут. Отдельно приготовили дрова из березы и лиственницы. Дуба здесь нет. Заменяет лиственница. Только из этих двух деревьев получится жаркий древесный уголь. В те времена только из них и плавилы железо и другие металлы.

Сыну Павлу отец сказал:

– Собирайся сын в поход. Серебро будем добывать для плавки.

Про серебро Радищев узнал ещё в Иркутске. Несколько лет назад, когда молодой Андрей Березовский был на Илимe, и пытался первым в этих краях посеять картофель, с ним в одно время приехали в эти края первые геологи. Слух о серебре ещё прознали первые казаки от тунгусов. Покопались геологи, а с ними были и пронырливые промышленные люди, и отступились от этих гор. Серебра было слишком мало для промышленного производства.

И вот теперь Александр Николаевич, решил найти это серебро. Он верил геологам. Просто ему хотелось найти его, и хоть сколько-нибудь доставить в Илимск. В доменной печи он узнает его качество. Можно будет попробовать вылить из него кружки, и другую посуду. Да и в целебных делах серебро играет не последнюю роль. Надо обязательно его добыть.

Наутро они отправились вверх по Илимe на двух лодках. Проплыли Шестаково. Он видел, как две женщины перекрестились.

– Крестьяся, - засмеялся Черемных. – Ума у баб сопсем нет. Апося нас придут людишки с кайлами. Во будет шуму на всю ивановскую!

– Придут людишки, да ишо как придут, - ответил солдат Сидоров. По приказу Кондратьева он тоже поехал с Радищевым, чтобы оказать помощь. Даже сержант Николай Воробьев попы-

тался влезть в лодку, на что провожающий их офицер Кондратьев сказал:

– Никола, ты же лодку потопишь.

– Я по приказу Деева должен быть при Радищеве, - ответил Воробьев.

– А по моему приказу оставайся здесь. Сидоров будет рядом с ним. Я знаю, что ты хочешь. Да серебра там столько, сколько надобно этому загребущему Дееву, нет. Радищеву нужен этот металл для научных целей. Успокойся. Так и доложи по начальству. На меня сошлись.

И вот Радищев и его сопровождающие прибыли в деревню Литвинцева. Здесь Александр Николаевич был ещё в прошлом году. Хозяин крепкого подворья встретил Радищева радушно.

– С чем пожаловал в наши края, Александр Николаевич? Знаю. Ты уже добыл железную руду. Чем я тебе могу помочь?

– Игнат Дмитриевич, нам надо добраться до деревни Аталонова.

– До неё где-то десять верст, ответил Литвинцев. – Деревушка так себе. С правой стороны там скалы. В распадах смородины черной хоть ведрами черпай. Сладкая смородина. Чо там ишо? Не ведаю, но разумею.

– Вот про что ты разумеешь, Игнат Дмитриевич, то мне и надо.

– Ишо при отце моем, царствие ему небесно, бывали здесь с Иркутска люди ученые, да работные людишки. Искали там серебро.

– Ну, ты-то знаешь про серебро. А что не берешь его?

– А на кой ляд оно мне нужно? Куды мне его? Куды?

– Потихоньку, да помаленьку, да наскреб на житье, - ответил Радищев.

Остальные стояли рядом и слушали. Никто не вмешивался в разговор.

– А чо с нево делать? Кузни у меня нет. Ну, наломал бы ево, и куды я с ним? Куды? У меня и без нево всё, однако, есть. И мне и так хорошо. Живем подальше от начальства.

– Мне серебро нужно не для богатства, Игнат Дмитриевич, не для богатства. Да и бедные здесь залежи. Мне нужно для науки. Познать его хочется.

– Понимаю, Лисандр Николаич, понимаю. Если бы не понимал. И железо ты брал для учености. Тока люди-то не соображают, зачем ты лазил по горам-то? Темен народ, темен у нас народ. Помогу, чо не помочь. А серебро у меня есть. Как же, есть.

– Для красоты? – спросил солдат Сидоров. – Чо с него здесь взять? Так, для безделушек.

– О, солдатик, и не скажи! – воскликнул Литвинцев. – мне оно нужно для другова дела, для нужнова дела.

Литвинцев оглянулся и крикнул:

– Федька! Федька, Клин сукин ты сын, где ты? Подь сюда!

Из амбара выскочил ярко рыжий парень. Казацкий колпак, обшитый какими-то шкурками, едва держался на затылке. К широкому ремню пристегнута сабля.

– Опять пристаешь к Настенке?

– Чо вы, Игнат Дмитриевич, я просто делаю ухаживанье к этой девке. Ничего срамнова в мыслях ни-ни. Мы просто шептались.

– Ладно. Иди и скажи Матрене, пусь стол готовит для дорогих гостей!

Федька побежал к дому.

– Прежде чем сесть за стол, я вам кой-чево покажу. А потом расскажу про серебро. Дивный металл я скажу вам, Лисандр Николаич, если к нему с умом подойти.

Собак загнали в конуры. Гостей провели на огромную веранду. Там стоял длинный стол. Три молодые женщины в длинных китайских сарафанах носили еду на стол. У всех девушек на шее и на голове разноцветные ленты. Китайские товары и до таких вот глухих окраин в Сибири добрались.

– Я вот о чем у тебя хотел спросить, Игнат Дмитриевич, – сказал Радищев, когда все расселись за стол. – Напротив деревни Шестакова, на той стороне Илима, несколько домов стоит. Кто там живет?

– Это вотчина боярина Березовского. Нашим предкам Литвинцевым и Березовским было дано сее звание. Заслужили наши предки потом и кровью от царя-батюшки Петра Алексеича.

– Это понятно. Так что приготовил нам необычного, Игнат Дмитриевич? – спросил Радищев.

Федька принес большой глиняный кувшин и поставил его на стол. Девки тут же черпали обыкновенную воду деревянным черпаком и разливали по кружкам.

– Пейте, дорогие гости водичку. Потом всё скажу.

Вода была холодненькая, но с каким-то вяжущим вкусом.

– Можно было бы чем-нибудь и другим угостить, – проворчал Петр.

– Выпили? А таперича слушайте. В оной воде побывало серебро. Оно много чо умет. А ишо мы эту воду привезли от черной воды. Смешали её с серебром.

– Вот! – воскликнул Радищев. – Ведь я мог бы сразу догадаться! Здесь у вас никто не болеет зобовой болезнью. Я что-то о ней слышал в Иркутске. Здесь побывали первые геологи, и они всё это узнали от тунгусов. Когда-то об этом узнали первыми тунгусы. Геологи писали, что у той речки черной. В ней много йода. Вот бы эту воду да в Илимск доставлять. Лучшее лечение от зоба. И про серебро немного знаю. Оно очищает организм от некоторых зловредных микробов.

– У нас здесь никто животами не страдает, – ответил Литвинцев. – А ещё есть добрый источник, если от деревни Шестаковой подниматься по бурной речке верст на двадцать, то там есть источник. Можно вылечить почки.

Прав был боярин Литвинцев. Такой источник у нас был. Я даже это место знал. Он находился недалеко от железорудного карьера, сразу за платиной, за городом Железногорском. Когда-то, еще в молодости я работал на землеройном, строительном экскаваторе. Как-то зимой мы ставили обегашую шестерню. На снег я положил старую телогрейку и лег на ней спиной, чтобы снять шестерню. Долго пришлось возиться. И я простудил почку. Лежал в больнице. Потом начали колики. Поехал в Иркутск, а там обнаружили, что у меня уже в почке появилось шесть небольших камней. Мне дали путевку на Кавказ, в

знаменитый Железноводск. Камни, как были в почке, так они там и остались. С экскаватора я ушел и устроился слесарем-сантехником по обслуживанию насосных станций и подземной тепловой магистрали, идущей на город. Как-то мы с мужиками решили попить чай. Я пошел к недалеко от плотины бьющий из земли ручей, чтобы набрать воды. И вот когда вода закипела, то она начала пениться и понесло от неё тухлятиной. И вот тогда один старый рабочий обругал меня, и сказал, что воду надо было брать из рядом бьющего источника. А рабочий знал про мою болезнь. Он сказал:

– Слушай меня, Стрелов, внимательно. Зачем тебе зря тратить деньги на какой-то Кавказ. Начни с сегодняшнего дня пить вот эту воду. Пей столько, сколько она в тебя влезет.

Вроде я ему не поверил. Разве можно верить какому-то заброшенному источнику? Разве можно его равнять с источником на Кавказе? Но решил попробовать. И начал пить. Через месяц у меня боли прекратились. И в Иркутск я не поехал. Зачем? Воду я пил в течение месяца, как на курорте. Это было в далеком 1967 году. Камни куда-то испарились. И больше они меня не мучили. Как ты думаешь, читатель, есть этот источник сейчас? Его нет. Сначала там построили теплицы. Людей к этому источнику не стали пускать. А потом и вообще его завалили. У нас это так делается. А ведь могли бы люди здесь лечиться, и никуда не надо было ехать.

Радищев решил посетить эту черную речку, и найти серебряную разработку геологов.

Литвинцев велел Федьке собираться в поход с Радищевым.

– Он хорошо знает это место, - сказал Литвинцев.

Когда Федька пошел собирать свои вещички, Радищев спросил:

– Клинь что это? Фамилия такая?

– Это так кликают его. Потом узнаете отчего. Лихой казак. Семья здесь у нас из казаков. За лошадыми смотрят.

Рано утром они отправились на лодках вверх по течению.

– У меня своя ветка есь, – сказал Федька. – Она у меня любую воду клином возьмет.

Веткой казаки называли легкие лодки. На них ездили на рыбалку, или в гости к невесте, на вечерку в другую деревню погулять.

Когда солнце повернуло на другую сторону Илима, они прибыли к деревне Аталонова. Эту деревушку можно было и заимкой назвать. Всего-то было шесть крестьянских домов. Наверное, все жители вышли посмотреть на людей.

– Встречайте, отшельники, гостей из городу! А то сидите здесь, чо медведи в берлоге! – закричал Федька. – Вас клином надо отседа вышибать до людях. Как бирюки засели здесь!

– За то от властей подальше, – пробурчал маленький и весь заросший мужичонка в рваном зипуне. Это в виде накидки из домотканого сукна. Не знаю, как где, а у нас на Ангаре такие странные одежды называли ещё поддевкой. Разные одежды и называли по-разному. Помню, мой дед Стрелов носил барчатку. Кожаная куртка мехом внутрь, стянутая на поясе. Всё это ушло в далекое прошлое и в историю.

– От власти никуда ни денешься, Хмырь! – ответил Федька. Хмырь выступил вперед, домотканую шапчонку не скинул. Даже приосанился. Хмырь чем-то даже Радищеву понравился. У многих илимских людей он заметил на лицах, в разговорах, скрытность и недоверие к новому человеку. И вот он встретил здесь, в абсолютном глухом краю двух откровенных людей со странными кличками. Клин и Хмырь.

Радищев не любил клички. Человек, это не животное, пусть даже такая вот глухомань, но должно быть человеческое имя.

– Простите, мил человек, как ваше имя? Мне как-то неудобно вас чем-то называть. И кто здесь у вас за старшего? Староста кто?

Хмырь ещё сделал шаг. На ногах длинные ичиги, закрывающие колени. Тонкие кожаные ремешки поддерживали голенища, и привязаны к кушаку.

– Как ево, этово, звать-то меня как? Дык этова, как ево, Афоня. Как ишо? Афоня.

– Значит, Афанасий. А отца, как звали?

– А зачем тебе мой отец? На кой ляд он те нужен? Давно схоронили. На погосте он, стало быть. Степаном звали. И чо?

– Афанасий Степанович, кто у вас староста?

Афоня разгладил жиденькую бородавку, переступил с ноги на ногу, и ответил:

– Дык, этова, однако, я не староста, а главный здесь. Народ меня выдвинул. А чо надо-то? От Илимска приплывали за налогом. Всё выгребли подчистую, сволочуги стоеросовые! – повысил он голос. – Нет, имя ни дня и не покрышки! Купчишки напропалую пытаются нас обмишурить. Кругом и вокруг нас дергают, зверье ненасытное. А ты, Федька Клин болташь, чо мы медведи. Говори, да не заговаривайся! Каки мы медведи? Мы вон в каку глушь попали, и здесь нам життя не дают.

Дворянства в Сибири не было, Но зато свирепствовала администрация округов. Например, киренские купцы творили произвол. Они разъезжали по своему уезду, а в те времена Илимская сторона отходила к Киренску, и взыскивали с крестьян огромные долги. Жители становились неоплатными должниками. Входили в полную кабалу к купцам. Киренские купцы, не считаясь ни с чем, немилосердно взыскивали долги с крестьян. Радищев писал: «Они разъезжали по деревням на крестьянских подводах без платежа прогонов, нахально, бессовестно обманывали крестьян в своих обязательствах поставлять им съестные припасы, притесняли и обижали инородцев, условленною между купцами и чиновниками торговлею и ясачными». Такое творилось по всей Сибири. Дорогой читатель, вам ничего не напоминает такое нахальное безобразие к бедному крестьянину? А ведь в нашей стране была продрозверстка. Приезжали безграмотные комиссары на подводах и всё выгребали из сусеков зерно. Наш литературный вдохновитель, руководитель радио и литературного объединения на строящемся городе Железногорске, наша вторая мать Лидия Ивановна Тамм рассказывала нам о тех комиссарах. Это были профессиональные лодыри. Уездная власть, будем называть районная власть, назначали их уполномоченными по изъятию излишек зерна и других продуктов и скота у кулаков и подкулачников. Выгребали у всех. Даже на семена ничего не оставляли. Потом многих из этих крестьян ссылали в Сибирь. Они не были подкулачниками, это были нормальные крестьяне. Мой дед Максимов, отец моей матери, был

расстрелян комиссарами прямо во дворе. Он не хотел отдавать зерно, которое оставил на семена. Ссылать было некуда. Они были коренными сибиряками. Когда-то наш предок был сослан в Сибирь в кандалах. Он был в войске Степана Разина. В бедной, несчастной России всегда такое было. Меня уже ничем невозможно удивить. Наглые администраторы всегда были. Они и сейчас есть. Многие из них наворовали у государства и превратились в миллиардеров. А ведь они опять же обворовали народ. Я уже писал об этом. Нет смысла повторяться. А повторить очень хочется. А начальники фабрик и заводов для себя устроили такие оклады, что даже в таких денежных цифрах можно запутаться и окосеть. Радищевские времена. Что изменилось? А ничего. Только вывески поменялись. Блудливые миллиардеры, зарвавшиеся депутаты, начальники заводов, комбинатов и фабрик научились ласково улыбаться, красиво, туманно болтать перед телевизором. Вот и всё. Человеческая сущность не изменилась.

В письмах к друзьям Радищев выступает против администрации, к которой относятся купцы, потому что они настоящие угнетатели крестьянства. В своих доводах о торговле с Китаем, он ищет выгоду для крестьян и звероловов. Радищев пытался в своих письмах подействовать на графа Воронцова - руководителя торговой политики, чтобы изменить её в нужном направлении для России. Во многом письма Радищева подействовали на администрацию Петербурга. Ещё в конце 1792 года возобновилась торговля России с Китаем. Кое-какие товары попадали и в Илимск. Вот поэтому на некоторых молодых людях появились китайские одежды из шерсти и шелка.

И здесь, на Илеме есть вот такие люди, как Афанасий, по прозвищу Хмырь.

– Уж ты, должен знать, где есть старые раскопки серебра. Откуда-то же вы взяли серебро? – спросил Радищев.

– Знамо знаю. Как же. Я добывал то серебро. Покажу. Что не показать-то. Дмитрич, кавда идтить-то?

– С позаранку-то и отправляйтесь на здоровье. Покажи, как же. Кто против-то? Никто. Бери сколь надо, Лисандр Николаич.

– А я чо не знаю? Я тоже знаю, где лежит то серебро, - с обидой в голосе ответил Федька.

– Вот вы и покажите нам, где оно лежит, - сказал Радищев, чтобы не обидеть Федьку. – Как же! Такой лихой казак и не знает? Знает.

А Федька возьми и скажи:

– Я даже там с тунгусами встречался. Их как-то амманули купчишки. Водки привезли и упоили тунгусишек. Они имя задарма и пушнину-то ондали.

– Это добро мы не взяли с собой, - строго ответил Радищев. – Хотелось бы с ними встретиться. Ведь это их родина. Ах уж эти купцы. Везде они одинаковые. На обмане и живут, особенно киренские.

Утром небольшая экспедиция отправилась в тайгу. Они шли к горе. Видны были скалы.

К вечеру они подошли к заросшей мелким лесом расщелине между двумя небольшими скалами.

– В этой яме и есть серебро, - сказал Афоня.

– Я забирался ишо выше, - вставил Федька. – Там богаче серебро.

– Чо ты мне говоришь! – возмутился Афоня. – Здесь лучше серебро!

– Чо лучше, Хмырь, чо лучше-то! Там лучше! - закричал Федька.

– Нет здесь лучше! - заупрямился Афоня.

– Хватит спорить! - прервал парней Радищев. – Никто не знает, где лучше. Залежи могут там или тут богаче. Всё находится под глубоким слоем скал. Скрыто от глаз человека. Давайте так. Разводим костер у реки. Надо наловить свежей рыбы. Сварим настоящую уху. А часть рыб можно поджарить на огне. Давай, Степан, займись этим делом. Крупа есть. А парни рыбу поймут. Ну а я пройдуь немного по распадку до другой расщелины.

– Я с тобой пойду! – ответил сын Павел.

– Ты, Павел, оставайся со Степаном. А можешь и рыбу ловить.

– Я пойду рыбу ловить, - ответил Павел.

Радищев взял ружье, и стал подниматься по распадку. Здесь он заметил густые кусты черной смородины. Должно быть, её здесь будет много.

Он нашел вторую расщелину. Сел на поваленное дерево. Недолго так сидел. На это же дерево кто-то сел. Он повернул голову, и узнал того деда, который указал ему, где он мог бы найти железную руду. На ногах его длинные ичиги с ремешками, привязанными к поясу, и вся одежда на нем меховая, на голове колпак обшитый белками. За спиной паняга. Это такая доска с петлями из кожи для груза. Как и в тот раз в руках длинная палка. На конце привязан клинок. Как понял Радищев, это его оружие, и посох.

– А где твой дом, дед?

– Дом-то где? Так уж тебе, мил человек, интересно? Зимовья мой дом. Серебро пришел на этот раз искать? А чо его искать? Оно у тебя под ногами. Федька с Афонькой много чо здесь знают.

– Ты и парней оных знаешь?

– Как мне не знать? Знамо дело, чо знаю. И о тебе много наслышан. Тайга мне много чо нашептала про тебя.

– И что же она тебе, дед нашептала?

– Нашептала, однако, нашептала. Супротив царички пошел, вот она тебя и загнала до этих мест. А серебро тебе надобно не для богатства. Изучать будешь.

– И это знаешь? Ну и дед! Как же твое имя дед таежный?

– А так и кликай меня таежным дедом.

– Значит, ты из беглых? Не бойся. Не выдам.

– А я никак не боюсь. Тайга мой дом родной. Прощевай, Александр Николаевич. Мы ишо с тобой маненько встретимся.

Он встал и быстро скрылся в тайге. Станный дед. Настоящий, коренной охотник. А сколько их бродит по тайге, и ничего и никого не боятся.

Он спустился к костру. В котле варилась уха. На металлических прутьях жарилась рыба.

Павел был возбужден.

– Я двенадцать рыбок поймал! – громко сообщил он.

– Это правда, - ответил Федька. – Лучче нас клевало у нево. Настоящий должен быть рыбак.

Потом он спросил у парней про странного деда. Парни переглянулись. Ответил Афоня.

– Как вам сказать. Он редко кому кажитса. Не знаю, почему вам казался. Не знаю. Он скрытный дед. Дед ведун. Все ево боятса. Говорят, чо он везде может казатса.

– А как его звать-то? Должно же быть у него имя.

– А кто ево знат? Никто не знат откуда он и кто он? Не знаю, - ответил Афоня. – Тока боле не надо бы с ним встречатса.

– Почему? Просто любопытный дед.

– Не надо бы, да и всё.

Спали у костра.

Утром пошли к расщелине. Стали вырубать кустарник, потом копали. И вот наткнулись на ершистые куски серебра.

– Такое серебро? – удивился Павел. – Простой камень.

– Не простой камень, Павел, не простой. Обмыть его, отчистить, обстучать. И заиграет оный металл, - ответил Радищев. Его лицо сияло. Наконец-то он нашел серебро. Конечно, геологам надо верить, что здесь его мало. Но для научной работы Радищеву и этого куска хватит. Степан ещё вытащил кусок металла. В общей сложности нашлось шесть кусков добротного серебра.

– А я ишо и для нас найду серебро, - сообщил Федька. - А то у нас ево маловато.

– Ну а у нас оно рядом, так завсегда можно наломать, - ответил Афоня.

Спустились к реке.

– Парни, вы пока здесь отдыхайте, чего-нибудь сварите. У нас всякой еды достаточно, - сказал Радищев. – А я пройдуся по тайге. Говорят, что здесь недалеко эвенки чум свой поставили.

– Чум у них называется просто дю, - сообщил Афоня. – Они здесь недалече устроились. А в обчем-то все они перебрались на север. Поближе к якутам. Приходят они к нам, русским, за товарами. Обмен делают. Они нас называют по-своему. Лучи, значит, русские.

– Может, толмачем пойдешь со мной? – предложил Радищев.

Афоня затряс руками, отвернувшись стал возиться с ремешками, что поддерживали голенища ичигов.

– Там мне делать нечево! И не упрасивай.

В это время Федька стал смеяться, а сквозь смех сообщил:

– Ему там кости переломают! Он под шубенку к ихней девке полез. Едва он ноги унес оттэда.

– Чо ржешь, как наш Гнедой при виде кобылы, а еслив я женитса задумал на Бимбе.

– Так надо было сватов засылать, а зачем же насильно полез, - сказал Радищев, и тоже засмеялся.

– Вам чичас смешно, а тада мне было ни до смеху. Да и Бимба мне свои глазки строила.

Он бросил возиться с ремешками, и лицо его ещё более зарыжело, он весь сиял, даже одежда на нем зашумела.

– Красавица она. Шибко мне понравилась. Да и глаза у неё не шибко узкие. Смугляночка, что спелая смородинка. Глаза у неё, так и светятса. Возьми в руки самую крупную смородинку, да посмотри её на свет, там она вся играет. Так и Бимба. Она шибко ждет меня.

Радищев положил руку на плечо Афони.

– Учиться бы тебе парень. Ты всё так точно замечаешь. Надо же, так сравнить. Читать хоть умеешь?

– Неа. Где мне читать. Работа. Кони меня ждут.

– У меня там, в котомке остался один букварь. Я тебе потом покажу на буквы. Ты парень сообразительный. Быстро поймешь. Тебе понравится читать.

Федька продолжал смеяться. И смеялся он надрывно, и нервно теребил молодую ещё смолевую бородку.

– Ученым будет Афоня Хмырь! Не смехи, Афоня! Твой Гнедой будет над тобой смеятса!

– Не надо бы так смеяться над товарищем, - нахмурился Радищев. – И тебя, Федор научу читать.

– Мне без надобности. Мне и так хорошо. Всё это баловство. Не смехи нас, Лисандра Николаич, не смехи. Всё это для нас

тока обуза. Ишо переучитса Афонька Хмырь, и сошлют сопсем к тунгусам. Вот там и встретишь свою Бимбу.

И он продолжал нервно смеяться. В это время все мужики, какие были здесь, молчали. Радищев понимал их. Всё то, что вносил он в народ, для этих людей было в новинку, и пугало.

А вот в наше время, что пугает некоторых не любителей читать? Я только приведу один случай, хотя их было порядком.

Встретился мне один товарищ. Когда-то мы с ним вместе приехали на стройку. Работали в одной бригаде плотниками. Свою необразованность я заполнял кучами книг. Вечерами и ночами зачитывался русской и зарубежной классикой. Вникал в героев книг, вместе с ними переживал и влюблялся. Тот товарищ, назовем его тоже Федей, после работы балдел на кроватях, потом на диване, До боли в глазах смотрел в телевизор. Потом пасынковал помидоры, растил поросят до нужного веса, продавал сало и мясо таким придуркам, как я.

Как-то он встретил меня. Уперся в меня брюхом и сообщил:

– Ну и чо тебе дали твои книги? Всё чота читаешь, чота там чиркаешь. Фельетоны чиркал на умных людей. Меня зацепил. Умных людей обижаешь. Не стыдно? Брось. Не смехи. Возьмись за ум. Некаво людей умных смущать. От твоего переучения тока полная обуза. Брось. Ведь тебя уже и садили и ссылали. Я бы вас всех чиркунов в этом городе куда-нибудь бы сослал, где Макар телят не пас. Над вами же все умные люди смеются над чиркунами. Брось, и сразу поумнеешь.

Более двух веков прошло, когда жил Радищев. Психологически ничего не изменилось. Вывеска только поменялась, а суть осталась. Феде всегда были и они остались. На луну они не улетели. Они живут среди нас. Современного Федю я спросил про Каштанку и Ваньку Жукова. Он мне ответил:

– Ты не трогай мою собаку. Пальмой её звать. Поумнел шибко? А чо ты спросил про Ваньку Жукова? Он вовсе не Ванька, а Витька Жуков. Был он отменным сварщиком. Чичас он бизнесмен. У него недалеко от меня дача. Недавно на развод я у него купил двух поросят. Я тоже чичас с женой бутик купили. Бизнесменом тоже решил стать.

Вернемся во времена Радищева.

Павел хотел пойти с отцом, но он велел остаться с мужиками.

Радищев перешел маленькую и бурную речку, и увидел три чума. Рядом с ними ходили люди в куртках из меха.

Радищев подошел к крайнему чуму. Его встретил широкоплечий и низкорослый эвенк. Голова непокрыта. Волосы на пробор от черноты блестели на солнце, лицо широкое, глаза прищуренные.

– Чо надо дялви лучи? Меня понимай? Тебя мы знай. Ты аяма дялви.

Рядом возник ещё один эвенк. Молодой, расторопный в тонкой рубахе из оленя. У эвенков она называется пыжица. Радищев кое-что уже разобрался в эвенкийском языке. Аяма, это хороший. Дялви, это хороший человек и годен в товарищи. Эвенки не каждого русского человека называли товарищем.

Молодой эвенк на чисто русском языке заговорил:

– Это наш вождь, князек наш Илтик. Его далекий дед водил лучи, русских на большую реку Лену, по-нашему Елюэне. Он многих водил. Ему хорошо платили, водкой угощали. Шибко его русские уважали. Первым казакам дорогу казал. Сын ево тоже был Илтик, мой ама Илтик, и меня назвали в честь первого деда Илтик. Мой отец ходил на бири Иоандзэн.

– Что за река такая? И что это такое бири?

– У вас она называтса Енисей. Бири, это, по-вашему, река.

– Ты хороший толмач. Как долго вы здесь будете? Ама, это, значит, отец?

– Отец. Зачем тебе знать, хороший человек и товарищ?

– Почему я хороший? Может я плохой человек.

– Хороший. Тайга наш дом. Мы всё про тебя знаем. Ты аяма, хороший лекарь. Аяма, значит хороший ты.

– А как же у вас называли вот этот Илим?

– Урман. Эта речка шибко дикая. А урман мы зовем глухую тайгу. Мы туда свой дю, чум, не ставим. А первые казаки назвали Ылымкой. Ылым назвали. Сказали, чо где-то у них в горах есть такая речка Ылым. А мы ишо Ылым назвали Элыме.

– Вот сколько названий заслужил суровый Илим. А теперь вот его называют мягче, Илим. Есть на Урале такая речка с таким названием. Вот первые казаки и назвали её в честь той речки.

– Наш этыркэн, наш дед, смотрит на тебя. Говорит, чо ты добрый человек. Но в тебе тоска завелась. Шибко плохо тебе добрый человек.

Тут только Радищев увидел старого эвенка, сидящего на оленьей шкуре. Из-под седых и косматых бровей на Радищева смотрели маленькие и строгие глаза. Радищев теперь обратил на них внимание. Они словно притягивали его к себе. Дед весь был одет в оленьи шкуры.

Радищев подошел к деду, поклонился ему, поприветствовал. Он что-то сказал на своем языке.

– Этыркэн сказал, чо тебе шибко плохо. У тебя много булэ-шэл. Врагов у тебя много. Шэвэн лечить тебя будет. Бубен стучать будет, дым пускать будет. Шэвэн, это шаман. У тебя большой умай. Дух у тебя больной. Ты сядь на шкуру, сиди и молчи.

Перед Радищевым положили оленью шкуру. Он сел на неё, и как показали, чтобы положил руки на колени. Радищев понял, что сейчас появится шаман с бубном и начнется камланье. На русский перевод - шаманить.

Из чума вышел полуголый шаман, но с колпаком на голове, обделанный соболем. Шаман был весь вымазан разными красками. Он походил вокруг Радищева. Потом подошел к костру, и стал вокруг него бегать, прыгать. Он что-то выкрикивал, хрипел, стонал. Потом он опять подошел к Радищеву, и положил свои руки на его голову. Что-то кричал. Радищев не верил в шаманизм. И был впервые на таком обряде. И вот Александр Николаевич почувствовал, как его потянуло на сон. Он всячески боролся, чтобы не уснуть. Но сон одолел его. Он очнулся. Лежал на шкуре, накрытый медвежьей шкурой. Ему было тепло и хорошо.

Он сел. Ему поднесли глиняную чашку с душистым, таежным чаем. Он был горьковатый с кислинкой. Сахару в нем не было.

Рядом появился толмач Илтик.

– Напиток делал сам шэвэн. Медвежьей шкурой накрывают тока тех, у кого больной умай. Медведь сильный, умный. Он вернет умай в тебя.

Радищев попил напиток, поблагодарил всех, и решил пойти к своим товарищам. Но тут вспомнил про Афоню.

– В деревне есть парень Афоня...

При этом имени, Илтик даже вздрогнул, лицо его искажилось.

– Нам не надо дарить Бимбу Афоне. У неё есть Чулымэ. Он ей жених. Мы уходим далеко. Мой отец сказал, что зимой мы придем в Илимск. Он тебе доброго оленя подарит.

И тут Радищев ещё задал один вопрос.

– В тайге я встречал странного человека. Вы знаете его? Кто он?

Илтик, как показалось Радищеву, даже немного испугался. Потом очень тихо ответил:

– Не надо о нем говорить. Он всем нам аяма ака. Это хороший и добрый дядя тайги. Мы, однако, немного знаем о нем, но не видим. Наш этыркэн видел его. Больше никто не видел. Ака живет тайга. Он со зверями разговаривает. И вот с тобой, добрый человек говорил. Ты добрый и хороший аяма, человек.

Радищев вернулся к товарищам. Павел бежал навстречу.

– Ты долго не был. Вот только Афоня сказал, что ты какой-то обряд

будешь делать.

– Павел, надо всё испытать.

Тут подошел и Афоня.

– Я сразу понял, что тебя зашаманят на шэвэнгэдэке.

– А что это за слово такое?

– У них так отборное место под шамана называются. Мою Бимбу видел,

Лисандр Николаич? – спросил дрожащим голосом Афоня.

– Возможно, чего-нибудь шьет.

Он не стал смущать Афоню, что Бимбу готовят отдать за Чулымэ. А тем

более они собрались перекочевать в другое место. Не надо бы волновать парня. Мало ли, что ему взбредет в голову.

Теперь у Радищева было всё то, что надо было для его плавильной печи. Потом он набрал воды в бутылки из маленькой речки, дно у которой было черным. Потом он вскарабкался ещё на одну скалистую гору. Здесь тоже когда-то трудились геологи. Он понял, что здесь есть небольшие залежи олова. Но ему уже этого много не надо было. Для образца он взял и пробы на олово. Пригодится. Может он в этом месте больше никогда не будет. Его встретил Петр. И они вместе спустились с горы.

Ночевали у костра. Ужин из жареной рыбы, ухи и копченого мяса подаренного эвенками получился отменным. Александр Николаевич достал из котомки букварь, и стал показывать буквы Афоне. Федька скривился и хмыкнул:

– Книгочей нашелся.

Рано утром они отправились в Илимск. Кстати, на прощание Радищев подарил Афоне букварь. Сказал:

– Афанасий, слушай меня. Никого не слушай. Будут насмешки. Будут. Я знаю. Учи букварь. Читай. Ты поймешь, что чтение книг – это великое наслаждение. Одолеешь букварь, приезжай ко мне. И я тебе дам книги.

В Илимск они прибыли к вечеру. Ну и нюх у сержанта Воробьева. Он сидел на бревне на берегу Илима.

– Слава те, Господи! – радостно воскликнул сержант. От него несло вином. – Тревожился за вас, Лисандр Николаич, шибко тревожился. Маненько от тревоги вянца мякнул. Ну и хорошо, ну и славно, можно и в трактир на радостях сходить.

– А брюхо твое не треснет? – засмеялся Черемных.

– Посмейся мне, посмейся. Сам ведь не прочь в трактир заглянуть. Вот и смейся. Беспокойство сниму. Мне надо потом и доложить. Всё в порядке.

– Зайди в трактир, сержант, зайди. Всё у меня в порядке. Не сбежал.

Петр и Черемных помогли Радищеву донести тяжелые котомки до новой усадьбы. Всё пока уложили в амбар. Как только кузница будет готова, Радищев приступит к плавке разных металлов.

Стены дома и рамы были уже готовы. Столяр сказал, что стекла, он уже заготовил по размеру, но вставлять ещё рано, можно разбить.

Вот и пришла осень. Вроде прошли дожди, и установилось вёдро. Помогал и полуденник. У нас в Сибири так называли южный ветер. Он помог собрать знатный урожай картофеля и разных овощей.

Как по заказу набежали люди посмотреть на земляные яблоки. Слуги Радищева развели костер в центре картофельного поля. Потом на угольях жарили картошку. Много нажарили. Принесли соль.

– А ну, люди добрые, соседи мои милые, подходите и угощайтесь. Поверьте мне и моим работникам, что в это время нет вкуснее ничего на свете, как есть этот земной продукт!

Первым подошел Иван Черемных. Покатал горячий клубень на ладонях, и как делал Радищев, ножом обскоблил золу и черноту. Разломил на две части, и посолил. Понюхал, подумал, и стал есть. От жареного картофеля далеко разносился вкусный аромат.

Черемных съел картофель. Лицо его сияло, как начищенный самовар. Он поднял руки, и всем показал большие пальцы.

– Вот это да! Вот это яблоки! Ай да, Лисандр Николаич! Век не забуду такого угощения! Вкуснятина! Ажно ишо захотелось! Кто болтал, чо это ведьмятские яблоки? Кто? Этова болтуна и накормить надо таким яблоком!

Люди несмело подходили, несмело брали клубни, и несмело начинали есть. На их лицах расплывались улыбки, лица словно просветлели. Прошла хмурость. Хмурость, я давно заметил, не дает лицу света.

Люди сидели на земле, и ели картофель. Смеялись друг над другом, потому что почти у всех на лицах заметны следы сажи.

У заплота остановилась бабка Евлашиха. Кто-то проворчал:

– Принесла нелегкая...

Радищев встал с земли и подошел к Евлашихе.

– Проходите, пожалуйста, проходите. Откушайте великолепный продукт. Поверьте мне, это не дьявольский продукт.

Она неожиданно улыбнулась.

– Знаю. Чо зря болташь. Знаю. Дай попробовать.

Все замерли, когда Радищев поднес Евлашихе готовый к употреблению клубень. Она перекрестилась, что-то пробормотала и стала есть. Все смотрели на неё. Когда она доела картофель, то неожиданно ответила:

– А кто болтал, чо это дьявольский яблоч? Мол, он от самого дьявола! – повысила она голос. – Никаво не слушай, Лисандра Николаич, никаво. Меня слушай. Ты сади этот яблоч, и выращивай его на радость людям. Ты дай этим всем оболтусам яблоч семена. Глядишь и я приспособлюсь к нему.

– Спасибо вам, дорогая Евлампия Кузминична, спасибо. Мы вам земельку-то весной и вспашем на лошадке. Семена вам дам. Вы ещё всем неверующим в этот продукт носы утрете!

Мужики встрепенулись, повеселели, разговоры начались. Александр Николаевич просто весь сиял. Хоть что-то ещё он сделал для этого забитого и темного народа. Конечно, разговор об этом разнесется по всему краю Илимскому.

Наступила глубокая осень. Выпал первый снег, и не растаял. Радищев и все его домочадцы перебрались в новый дом. Он оборудовал для себя свой кабинет. Расставил по полкам книги, журналы, газеты. Там, где у него заработала кузница с плавильной печью, рядом устроил лабораторию.

– Ну, с Богом, - сказал он и перекрестился. – Давай, Степанушка, помогай. Раз ты задумал здесь остаться после моей ссылки, тебе и быть здесь хозяином.

Степан Дьяконов тоже засучил рукава и стал готовить обчищенную железную руду на плавку. Радостно потрескивали лиственничные и березовые дрова.

– Я представляю, Степанушка, как начинали именно в Илимске варить железо первые рудознатцы Коршунов и Бутаков. Как я понял, все о них забыли, что именно с них и началось то, что сейчас мы с тобой продолжим их великое начинание. Эти имена нельзя забывать. Их имена ещё вспомнят потомки, когда начнут добывать железную руду промышленные люди.

Началась работа. Вот и готово первое железо. Он отнес готовые плавки в лабораторию. Там он тщательно стал его изучать. И вот он воскликнул:

– Степанушка, да это же высшего качества железо! Я ещё не встречал такого высокого качества одного металла! Сейчас из него можно ковать что надо! Представь, а я чувствую, те горы полны железной руды, если она выходит наружу. А что там, в глубине? Великое будущее ждут эти края. Потомки этих темных, недоверчивых и скрытных людей будут добывать эту руду! А теперь подавай мне серебро. Ну, этого металла здесь мало. Но, что-то, же мы с тобой сделаем. Например, первые серебряные ложки, кружки. Да мало ли что можно из него сделать. Не будет же оно у нас так валяться. За работу, Степанушка, за работу.

Наступила зима. Радищев на лыжах уходил на реку, в горы. Он не мог просто так сидеть у печки. Кажется, ему не хватало суток. Он был в постоянном движении. Успевал читать пришедшую литературу, писал письма Воронцову, родным и друзьям. Он всячески гнал от себя тоску по Петербургу, по родным местам, по встречам с друзьями. Здесь ему не с кем было поговорить о политике, химии, об общественном положении в России.

Несколько раз в Илимск приезжал Афоня. Букварь он одолел, и Александр Николаевич начал ему давать читать газеты. Парень оказался способным. Он свободно вычислял числа, какие ему задавал Радищев, решал задачки.

– Вот что, парень, я напишу просьбу в Иркутское духовное училище, самому архиерею Вениамину. У нас ведь детей бедных в такие училища не принимают. По моей просьбе и по просьбе священника Семена Попова тебя примут на учебу. Тебе необходимо учиться. Собирайся в Иркутск. Там тебе дадут место при казенном училище. Я тебе выделю денег.

Афоня уехал в Иркутск. От него пришло письмо, что его приняли. Он сдал вступительные экзамены на «отлично».

Александр Николаевич прочитал письмо, и не нашел в нем ошибок. Елизавете он сказал:

– А сколько ещё таких ребят живет по деревням, как Афоня, способных на учебу, талантливых и, возможно, будущих ученых, как великий Ломоносов. Бедная Россия, когда она проснется от невежества и лени. Ведь они есть рядом, только стоит приглядеться, и найти такого парня. А у нас только и смотрят

на границу, и тащат оттуда, кого и не надо бы тащить. Только себе во вред.

В конце декабря в Илимск приехали на оленях тунгусы, те самые, у которых он был за деревней Аталоновой. Несколько чумов они установили в тайге в километре от Илимска.

Молодой толмач Илтик пришел к Радищеву. Он сообщил новость, которая удивила Александра Николаевича. Перед тем, как уехать в Иркутск, Афоня встретился с Бимбой, и она убежала к Афоне. Вместе уехали в Иркутск. В письме Афоня ничего об этом не написал. Боялся, что тунгусы приедут в Иркутск и расправятся с молодыми.

– И что вы теперь будете делать? – испуганно спросила Елизавета. Васильевна. – Вы ведь не сделаете им что-то дурного. Ведь это любовь.

– Мы изгнали её из нашего рода навсегда, и никогда не примем в свой род, - ответил Илтик.

Елизавета Васильевна перекрестилась и сказала:

– И, слава Богу. Пусть живут. Он будет учиться, и её грамоте будет учить. Разве это плохо? Александр, ты уж напиши архиерею Вениамину, чтобы её не притесняли. И фамилию возьмет русскую. У нас ведь не только крестьянских детей не учат, но и инородцев даже на порог не пускают. Бедная Бимба. Достанется ей. Мне её по-человечески жалко.

– Нам её не жалко. Её хотели отдать за нашего. А она сбежала.

– Илтик, ты совсем не знаешь, что первые казаки, крестьяне и ссыльные за неимением русских женщин, брали в жены ваших девушек, - ответил Радищев. - И жили счастливо.

– Я слышал. С радостью отдавали девушек за русских. Но Бимбу готовили к свадьбе! Она сбежала.

Во двор к Радищевым привели молодого оленя. Отец Илтик поклонился и сказал:

– Подарок молодой олень, хороший человек.

Молодой Илтик с салазок снял целую тушу оленя.

– Подарок тебе от нас.

Слути унесли тушу во двор.

– Пойдем в наш чум. Там ждет тебя наша старая шэвэн.

– Колдунья меня там ждет?
– Зачем шэвэн обижать? – нахмурился Илтик.
– Извини меня, Илтик, я не обидел твою шэвэн. У нас так называют людей, кто этим делом занимается.
– Мы знаем. У вас таких бабушек могут камнями забить. У нас они, эти шэвэны в почете. Мы их слушаем. Они нам правду говорят.

– Хорошо, Илтик, пойдем в ваш чум.

Там, где жерди сходятся шел дым. Жерди опоясаны отделанной оленьей шкурой. Внутри чума пространство полностью устлано шкурами. И сами тунгусы все были в куртках из шкур. Даже шапки из шкур. В чумах не было никаких досок. Посредине чума целыми сутками горел костер. Шкуры лежали на снегу. В чуме стоял едкий дым. А также всё было пропитано человеческим потом, оленьими шкурами, и водочным перегаром. Дети были на улице, они играли с собаками. В чуме лежали в повал трое тунгусов.

Радищев понял, почему они лежали без движения, но спросил:

– Днем любят поспать?

– Они вчера водку пили у купцов. Соболя отдали за водку. Проснутся. Мы будем их ругать. Купцы ваши шибко хитрые. Обманули аму и ака.

Радищев хотел спросить про значение непонятных слов, но Илтик ответил:

Отец мой и дяди. Родные дяди.

Радищев уже знал, что тунгусы падки до водки. Я жил какое-то время среди якутов. Они тоже падки до водки. До тех пор могут пить пока не упадут.

У костра сидела старая шаманка. Среди шаманов бывали не только мужчины, но и женщины. В основном, как и должно быть, они отличались от мужчин тем, что умели колдовать, заговаривать разные болезни, предсказывать о будущем, знать прошлое про того человека, который пришел к ней. Илтик сообщил, что ей, наверное, около ста лет. Ещё в молодости она ослепла. И с тех пор она стала шаманкой и ведуньей. У неё на коленях лежал небольшой бубен. По-русски она совершенно не говорила.

Павел попросился придти в чум с отцов. Радищев ответил:

– Я представляю, что творится в этом чуме. Ты маленький ещё. Тебе не выдержать того, что ты та увидишь и услышишь.

– Выдержу, - твердо ответил Павел.

Шаманка ударила тонкими, и темно коричневыми, морщинистыми пальцами по бубну. Лицо у неё в глубоких и темных морщинах, но среди них он увидел следы оспы. Яблоки глаз были белыми, и вращались в такт ударов бубна. Она закричала слова, которые были мне знакомые. У якутов такие же слова. Они могут кричать и петь эти слова на разные голоса. Это что-то похожее на длинную песню. Вот эти слова. Конечно, я бы их пропел, как должно быть, но написать эти слова довольно сложно. Попробую описать.

Огекай, огокай!

Эгекай, огокай!

Огокай, иегокай!

Иегекай, огокай!

Вот примерно так поется эта песня. Эта песня очень длинная, но может быть и короткой, это от настроения огокающего певца. Я сам исполнял эту песню среди якутов. Конечно, гласные буквы можно долго тянуть, это у кого какой голос. А так, как в юности я хорошо пел, то отменно пользовался гласными буквами. Мне даже самому нравилось ехать верхом на лошади в степи и огокать. И якуты часто просили меня хотя бы ещё раз поогокать. Именно вот такое слово и употреблялось среди якутов, огокать и поогокать. Много якутов собиралось вокруг меня, а я вибрирующим на разные тона голосом исполнял эту песню. А так, как у нас отца не было, и у матери нас было пятеро, а я был старшим сыном, то, в общем, то, я неплохо и зарабатывал на этой песне. Нам несли масло, хлеб, мясо, муку. До этого мы голодали, а тут ожили. Потом мне один якут сказал, что слова эти вроде нашей молитвы к Богу. Просят прощения у Господа Бога за свои грехи. Так что я своей песней вымаливал прощение у Господа Бога. И я тогда ещё сильнее старался огокать. Даже сейчас, если бы меня попросили, я бы с удовольствием исполнил бы эту

песню-молитву на якутском и тунгусском языках. И сейчас, бывают моменты, когда мне бывает слишком тоскливо и грустно я тихонечко, чтобы никто не слышал, огокаю. А с годами я всё чаще и чаще огокаю.

Шаманка ударила пальцами по бубну и старческим голосом огокала. На её одежде бряцали разноцветные пластинки из железа и меди. На шее крупные маленькие бусы. На лбу и щеках едва проглядывалась татуировка. Во все времена среди диких народов татуировка была в моде. Она носила какой-то своеобразный смысл для данного молодого человека. А иногда они просто ещё мазали лица разноцветными красками. Тунгусы хорошо знали места разноцветной глины. Они знали все места, где есть железо, олово, серебро и золото, знали полезные источники и грязи, потому что тайга это был их родной дом.

Молодой Илтик сообщил Радищеву про один источник, который полезен для глаз. И он находится где-то недалеко от деревни Игирма. Радищев решил побывать у этого ручья. Когда он был в деревне Аталонова, и посетил тунгусов, он обнаружил речушку, где дно было черным. В свою лабораторию он привез бутылку той воды. В неё оказалось много йода. В тех местах люди не болели зобами. Вот бы оттуда возить воду в Илимск и другие деревни, где люди страдают этой болезнью.

Потом она перестала огокать, затряслась, вскинула голову, и стала что-то говорить. Молодой толмач Илтик переводил.

– Тоска гложет тебя, господин хороший. Но тебя ждет освобождение. Тебе, господин, будет шибко плохо. Хорошее тебя не ждет. Плохо тебя ждет. Сын твой будет богатый и умный. Жди, господин новых детей.

– Каких детей? – переспросил Радищев. – У меня и так их пятеро. Куда их больше? Врет твоя шаманка.

– Шэвэн никогда не врет, – обиженно ответил Илтик. – А ишо она говорит, не ходи туда, где тьма.

– Что это? – спросил Радищев. В это время Павел выскочил на свежий воздух, потому что его стало тошнить.

– Не знаю. Говорит, чо туда никто не ходит. А если кто туда пойдет, то его заберет лесной харги. Леший по-русски. Шибко плохой харги.

– А где этот лес?

– Она говорит, далеко отсюда. Надо идти по Илиму, потом по другой реке. Не надо туда ходить господин хороший. Шибко там плохо. Мы тот лес обходим. Один наш Урбан ходил туда. Пришел шибко плохой. Голова шибко больной. Шибко дурак стал Урбан. Чота видит плохое, кричит. Летом ушел в лес урман со всем. Урман шибко плохой лес.

Надо было уходить. Кружилась голова, тошнило, и глаза от дыма щипало до слез.

Радищев вышел на свежий воздух, и стал часто и глубоко дышать. Как же они в таких условиях живут, подумал он. До этого народа цивилизация, возможно, дойдет через многие века.

К нему подбежал Павел.

– Как они живут так? – спросил сын.

– Это их жизнь со дня рождения. Иной жизни они не ведают, - ответил отец. – Не надо им мешать так, жить. А вот Бимба это совсем другое дело. Она уже никогда не вернется в этот чуждый и дикий для неё мир.

Когда они подошли к дому, то увидели двух незнакомых лошадей, запряженных в небольшую карету. Кто-то важный пожаловал в гости к Радищеву. Они вошли в светлый и теплый дом. Печи жарко натоплены. Навстречу выбежала раскрасневшаяся служанка Василиса с самоваром.

– Гость у нас, Александр Николаевич, добрый гость из Киренска.

Радищев сразу догадался. Конечно, это приехал исправник Николай Андреевич Ковалевский.

За столом сидел Ковалевский. Здесь же находились: Елизавета Васильевна, бургомистр Илимского острога Иван Иванович Романов, его жена Авдотья Никитична и Степан Дьяконов.

– Ты уж, Александр Николаевич, извини, нагрязнул вот без предупреждения, - сказал Ковалевский. – Служба. А заседатель думы господин Деев направился прямо к приказчику острога Неуспокоеву.

– Сейчас мы организуем самовар. Василиса и Марьяна уже гоношатся насчет угощенья. Повар Кузьма сейчас нам приготовит пирожки со свежим мясом из оленятины. В гостях у тунгу-

сов был. Целого оленя подарили. А среди коров у меня ходит живой олень. Подарок от них.

– Эх, Александр Николаевич, Александр Николаевич, наши купчишки совсем спаивают тунгусов. Да ещё безбожно обманывают этот темный народ. С бедных крестьян семь шкур дерут, - говорил Ковалевский. – Совсем наши купчишки обнаглели, а с ними и выборные господа из думы, вроде Деева.

– А вы, куда смотрите в вашем уездном департаменте по полицейскому надзору? – спросил Радищев. Он снял свою шубу и сел рядом с Ковалевским. Он вытирал слезы платочком.

– Что с вами, Александр Николаевич? Чего вы плачете? – спросил Романов, и вдруг даже засмеялся. – Знакомый мне запах от вас идет.

– В чуме был. Дыму наглотался. Вот это я понимаю жизнь. Пьяные тунгусы валяются в чуме. Ужас.

– От вас долго не будет уходить этот запах, - сказал Ковалевский. – Я два раза в чумах побывал.

Петр принес самовар. Василиса и Марьяна принесли два больших серебряных подноса. На них большой горкой лежали румяные пирожки. Ковалевский потрогал подносы и спросил:

– Свежее кованные подносы. Нашел серебро. Молодец.

– Отменное серебро, но не промышленное. Так, для частного производства. Жене бусы сделаю. Это всё мелочь. Вот это серебро будет годно для лечения язв на теле. Сейчас вот его изучаю для чего оно ещё годное.

– Воду от его настоя пью от желудочной боли, - вставил Романов. – Я как-то заболел желудком. Так вот попил воду, настоянную на серебре, и боли прошли.

– Всё это потом. А сейчас будем пить чай с оленятиной, - сказал Александр Николаевич. – К обеду будет наваристый суп тоже из оленятины. Ну, и ради гостей, будут наполнены чарочки с наливкой из ягод.

За отдельный стол усадили детей. Ковалевский привез с собой десятилетнего сына.

После того, как поднялись из-за стола, Ковалевский засобирался в дорогу.

– Мне надо ехать в Иркутск на доклад. Специально сделал большой крюк. Александр Николаевич, мне всё некогда. Совсем замотался. Жена у меня не очень в грамоте сильна. А сын у меня Санька, как я вижу, парень будет сообразительный. Научи его. Пусть у тебя поучится. Я тебе денег на каждый месяц отложу.

Александр Николаевич замахал руками.

– Да вы что, Николай Андреевич, как можно. Мне это будет в радость. Он будет заниматься с моими детьми.

– И мои дети сюда на учебу приходят, - вставил Иван Иванович Романов.

– Пусть остается,- твердо заявила Елизавета Васильевна. – Наоборот, чем больше занимающихся будет детей, тем больше у них будет соревнования между собою. Через год вы своего сына не узнаете. Любую книгу будет свободно читать. И математику одолеет.

Ковалевский уехал в Иркутск. А Радищев передал ему письма для губернатора, графу Воронцову и друзьям. Направил сделанные им анализы руды железа, и серебра. Написал, что край Илимский богат разными целебными источниками, которые необходимо изучать, и направлять сюда научные экспедиции.

Так заканчивался старый год.

Радищев и Степан готовили выездных лошадей для новогоднего праздника.

Часть третья

1794 год. Третий год ссылки

Двух коней Степан запряг в две длинные салазки. На них уехала вся семья и дворовые слуги. Приехал с семьей и бургомистр Романов с семьей. И поехали с песнями и со свистом до конца Илимска. Ребятишки и молодые люди брали санки, цеплялись к салазкам Радищева, и длинная вереница, похожая на огромного извивающегося змея катила по длинной улице с одного края до другого края. Приехали в Илимск из соседней деревни Поповой, и тоже зацепили свои салазки к веселой веренице. А ещё недалеко от дома росла ель. Надо было её нарядить. Надо напомнить, что новогоднюю елку ввел в России царь Петр первый. В этот день надо было наряжаться и веселиться.

Потом, когда накатались, то начали кружиться вокруг елки. Игрушки на елку делали из картона и красили всей семьей со слугами. На елку развесили разноцветные китайские ленты. Елка выглядела красивой, нарядной. День был теплый, немного шел снег. Девчата и молодые женщины вели хоровод, под бала-лайку плясали. А потом начали петь.

*Кузнецкая улица грязным была грязна,
Грязным грязна был грязнешенька,
Одно место было сухошенько.
Против широка двора
Собраница собрана,
Собраница собрана,
Молодцов стоит толпа.
На них серы зипуны, шелковые кушаки,
На них шапочки соболю, верхи бархотные.
Неподалеку, в улице стоит девок хоровод.
Стоит девушек маленько,*

*На них юбочки аленьки,
Исподницы-то строчены,
На руках перстни злачены.
Акулина несчастлива,
Полтора рубля скопила,
Сарафан себе купила.
Оне режут и кроят,
Всем остаточки делят:
Поповским дочерям,
По шелковым рукавам,
Ямицицким дочерям,
Им по бравым рукавам,
Крестьянским дочерям,
По посконным рукавам.*

Вдовица Миланья, развеселая дама, на красоту её и румяное лицо не только казаки заглядывались, но и офицеры, затянула вдовью песню.

*Ночесь кроватушка пустым была пуста,
Пустым пуста была пустешенька,
Без мила дружка, без Иванушки,
Без сердечного, без заречного,
Без Алешеньки, без Надеженьки.*

И вдовица Миланья пустилась в пляс. К ней подбежал Александр Николаевич и тоже начал плясать. Тут уже все не удержались. Жаркая вдовица схватила за руки Александра Николаевича, и перед ним лихо отплясывала, да шептать успевала:

– Хоть ты и ученый шибко Лисандр Николаич, а есть ты мужик. А мужик ты бравенький да мил лицом. Все вдовицы во всей околотке заглядываютца на тебя. Зови меня просто Мила. А твоя Лизавета смотрит на нас, да ревность в ней сидит. Такого бравенького мужичка отхватила, как не ревновать?

Александр Николаевич не смотрел на Елизавету, да и где её можно увидеть, если вокруг пляшут и танцуют люди. Кругом

разноцветные ленты болтаются. Но Александр Николаевич ответил вдове:

– Давайте не будем обсуждать такую болезную тему на виду у народа. Успокойтесь, Миля, на нас смотрят. Есть два бобыля, вот и займитесь ими.

– Фи, как смешно! – засмеялась Миланья. – От этих бобылей, как от козла молока! Не смешите меня! Дайте я вас расцелую!

Александр Николаевич молча, прервал разговор тем, что едва отнял свои руки от цепких горячих рук вдовицы. Но, кто теперь знает, как он отнимал от вдовицы свои руки? И что потом было, нам неизвестно. История об этом умалчивает. История в таких случаях бывает хитрая штука... Радищев, наконец, был просто человек, как настоящий мужчина, как все в таком случае. Вот вам и весь ответ. Бывает, что перед иной женщиной мы, даже самые сильные духом, бываем податливые, как воск. Вот вам ещё один ответ.

Нельзя сказать, что ему, как любому мужчине, было неприятно слышать такие слова вдовицы. Если бы я сейчас написал, что он возмутился, то я бы написал не правду. Вот только принародно пойти на такое, это было бы уж слишком для известного уже на всем Илимее человеке. Конечно, принародно такие вещи не делаются. Это уж слишком. Любил ли Радищев свою Елизавету, мы этого не знаем. Известно лишь, что любовь у него была к умершей Анне Васильевне. Если современники писали, что он был мил лицом, это факт. Он к тому же был и мастер слова. Это надо не забывать. А, как известно все женщины любят мужчину не только за его вид, но у них ещё и слух великолепный на мужские слова. По этому поводу я знаю один странный случай из советского времени. Как-то отмечали какой-то советский праздник. За столом рядышком с одним довольно таки миловидным мужчиной села развеселая и жаркая вдовица. Наклонилась она к нему и зашептала знакомые в таких случаях слова:

– Хоть ты и руководитель, а есть мужик. А мужик ты бравенький и мил лицом. Многие женщины на тебя заглядываются. Разрешите тебя поцеловать.

Ответственный руководитель от смущения закашлялся и весьма отменно покраснел, но ответил:

– Как можно, как можно? Как вам не стыдно, как вам не стыдно? Я ведь семьянин. У меня есть жена. Это одно. Но главное, я всё-таки, коммунист.

Оказывается, звание коммуниста, оказалось выше семейной ячейки. И такие вот редкие экземпляры попадались в лихое советское время люди. Поверьте мне, это факт. А другой коммунист выше рангом хранителя чистоты коммуниста, и семейной ячейки, поступил иначе.

История, я уже писал, штука хитрая. Давайте всё это оставим, как было в то далекое время. Конечно, многое изменилось, только внутренние человеческие страсти и потребности остались непоколебимы с самых древнейших времен. Вот это уж точный факт. Здесь и хитрости никакой не надо. По себе знаю.

Радищев задумал продолжить путешествие по Илимским деревням. На хозяйстве он оставил Степана Дьяконова. С ним на этот раз поедет другой офицер. Кондратьев уехал в Иркутск. Его смена закончилась. Приехал другой офицер по фамилии Пономарев. Он взял с собой нового солдата Игнатова. Сержант Воробьев вроде обиделся.

– Лисандра Николаич, вы меня опять же не берете? Как же так? Я должен быть с вами. Чо мне в Киренск докладывать? Вы ведь надолго чичас уезжаете.

– Наметил путь от деревни Прокопьева до деревни Погодаева. Захотелось увидеть красную гору. На этот раз восемнадцать деревень посету. А на следующий раз и до устья Илима доберусь. Оттуда так и быть, потом привезу для тебя осетра. Там его говорят много.

А офицеру Пономареву сказал:

– Буду думать, почему осетр и стерлядь не желают заходить в Илим.

Как показалось Радищеву офицер Алексей Пономарев человек начитанный, образованный.

– Я думаю, что всё дело в воде. Я сюда несколько раз приезжал. С Енисейска товары купчишки возили, да и ссыльных доставляли до Лены. Вроде река чистая. И рыбы здесь много, а вот эти две рыбы отчего-то не желают дальше устья заходить. Что-то им мешает.

Две лошади были запряжены в две крытые повозки. Набросали много соломы, чтобы теплее было. А ещё укрылись шубами, и поехали до деревни Прокопьева. С Радищевым опять поехал Петр. Он и управлял первым конем. Вторым конем управлял один из казаков Кондратий Лыков. Как оказалось он родом из Большой деревни из старинной казачьей семьи. Сейчас он был на службе. Он ещё был молодой, но надо было помогать родителям, имеющим большую семью. А напросился он, надеясь, что господин денежек к его служебным деньгам добавит.

Все деревни проезжали, и не останавливались. Здесь Радищев бывал. В дома он не заходил. А встречали его люди у каждой деревни. На ночь останавливались только в деревне Березняки, чтобы накормить и напоить лошадей, согреться горячим чаем, да и вообще отдохнуть.

Вскоре показалась деревня Прокопьева. Встречал его местный священник Варфоломей. Широкая и длинная ряса накинута прямо на телогрейку.

Он поклонился Радищеву и сказал:

– У меня довольно большой приход в несколько деревень.

– И до какой деревни твоя вотчина, отец Варфоломей?

– Последняя моя деревня Погодаева.

– Вот как раз до неё мне и надо добраться. Там говорят места отменные.

– Когда-то там недалеко был общий погост на все деревни. Недалеко от Нижне-Илимска. Всех усопших туда свозили зимой и летом.

– Про это я слышал. Но такого нигде не было.

– Не было, - повторил Варфоломей. – У нас здесь на Илеме все деревни, считай, как одна деревня. Все друг друга знают.

Деревня небольшая, всего-то десять изб.

– До Романовой, считай, рукой подать, три версты и не более, продолжил Варфоломей. - Я сам-то с семьей живу, считай, в деревне Погодаева. А сюда прикатил встретить тебя.

– Вот как у вас быстро разносится слух, - улыбнулся Радищев.

– Это так. Считай, все деревни об этом знают до самой деревни Симахиной. Как дорогого гостя, считай, будут встречать

люди. Иногда проезжают и знатные люди, ученые, грамотные, книги читают. А такова человека, как вы, считай, ишо не было. Вот какая задача. Ведь такой человек! Добрый, отзывчивый, лечить может, к людям относится хорошо. Пошто так наша царицка доседа вас направила? Понимаю. Оклеветали люди подлые, вот и попали сюда. Может, не надо было переучиваться? Как ведь на это посмотреть. Я ведь тоже читаю. У меня под рукой Библия. А как же. Читать, считай, надо для моего дела. А начал бы читать другие книги, да ишо шибко непонятные. Вот, считай, и переучился бы я. А куда слать меня? К тунгусам от этого переучения? Были у нас тут два ссыльных. Они тоже шибко переучились. Книги читали непонятные. Вот их сюда и прислали. Померли они здесь, царствие им небесное. Мне отпевать их пришлось. Неушто вам непонятно, чо не надо бы переучиваться. Однако, как я разумею, в России не любят переученных господ. Вот и шлют их в Сибирь.

– Эх, отец Варфоломей, не в этом дело. В России много образованных и умных людей. Никто их не шлет в Сибирь. Есть институты, университеты. Есть профессора. Есть великие ученые, писатели, философы. А в Сибирь попадают те, кто начинает выступать против явного произвола к народу со стороны правительства.

В разговор вмешался офицер Алексей Пономарев. Он осторожно взял под руку Радищева и спокойно сказал:

– Успокойтесь, Александр Николаевич. Здесь убеждение бесполезно.

И он тут же обратился к Варфоломею.

– Чем вот так долго нам объяснять, лучше покажите нам, где нам остановиться.

– У нас есть пустой дом. Мы там натопили печь. Тараканов там нет. Выморозили проклятущих. А то ведь життя от них нет никакова. А вон и староста бежит, едва не спотыкатца.

К ним подбежал маленький узколицый с жиденькой бородачкой мужичонка в зипуне нараспашку.

– Однако мы вас заждались, ишо вечор думали, придудете. Матвейка я, на деревне заглавным назначили.

– Староста, значит, ты? – спросил Петр.

– Да какой я староста? Так. Назначили главным на деревне.

В это время к ним подбежала шустрая женщина растрепанная и без платка. Громко начала кричать:

– Господин хороший, ты высоких господ знаешь! До каких пор проклятушие купчишки будут у нас у всё выгребать. Как от мошки и тараканов нет от них спасения! Помоги нам. А чо, Матвейка? Чо он сделает против этих кровососов! До него Гринька сиплый был. Сняли. Не угодил. Таперича и Матвейку съмут. Мясо давай имя. Рыбу давай. Соболя и белку давай. Всё им давай, и всё им проклятушим мало!

– Помолчи, баба! – завизжал Матвейка. – За молчи, Агашка, замолчи. Ни твоего ума дело. Мы здесь сами разберемся.

– Как же разобрались! – кричала Агашка. – Все бабам рты закрываете. Толку от вас, мужиков накакова нету! Терпела, терпела. А таперича не желаю терпеть. Ты, Лисандра человек шибко ученый, вот и разберись с этими купчишками. Життя от них никакова нет.

– Так уж всё разбирают? – спросил Радищев.

– Все. Малось оставляем на еду. Так-то мы не голодаем. А как же. Мы на соболя хлеб с Енисейска берем. Это у нас ешь. Остальное подчистую. А ишо мужиков обманывают. Водкой поят. Защиты никакой нет от них, проклятуших.

– Чем же я могу вам помочь? – спросил Радищев.

– Дык. Этова, ты шибко вумный. Грамоту знашь. Мы люди темные. Начиркай куда надо бы. Пусь нам продых дадут.

Радищев обещал написать такое письмо губернатору Иркутска.

Их поселили в пустой дом.

Радищев не мог успокоиться после разговора с первыми людьми из этой деревни.

– Какая неприглядная наглость! – возмущался он. – Тунгусов обманывают безбожно! Крестьян обманывают и обкрадывают совершенно. До каких пор такое будет длиться?

Офицер Пономарев просто ответил:

– Не надо бы возмущаться, Александр Николаевич. Это длится всегда на Руси. И всегда такое будет. Никто ни тунгусу, ни крестьянину не поможет. Так устроен наш мир. И вам его не

переделать. Вы уже пробовали. И что получилось? Оказались здесь, а могло и хуже быть. Успокойтесь.

– В европейских странах полыхают революции, - ответил Радищев. – Ни Пугачева она испугалась, она испугалась Французской революции...

Пономарев быстро подошел к Радищеву, и прикрыл ему своей ладонью рот.

– Умоляю, Александр Николаевич, умоляю, ни слова более. Ни слова. А если бы кто другой был на моем месте? Ни слова. Вот здесь, в этом доме есть люди, которые вас глубоко уважают. Успокойтесь. Вы думаете, что некоторые из наших офицеров думают иначе? Думают. И только. А вы создали целую книгу об этом. Как вас можно не уважать. Вы первый подняли голос. А мы молчали, молчим и будем молчать. Мы есть другие. Умоляю. Ни слова более.

– Ладно. Уговорили, - ответил Радищев, и стал успокаиваться.

В «Письме о китайском торге», Радищев пишет: «Все сибирские крестьяне один из 100 или 200 живет не в долг, другие все наемники и работают на давших им задатки. Всю свою добычу закупают заранее, а корыстолюбивые и немилосердные торговщики пользуются трудами и ими обогащаются».

Конечно, Радищев обращался в Иркутск о творящих безобразиях со стороны купцов. Но, что мог сделать губернатор, если так было по всей Сибири? В самой же России было намного хуже.

Например, историк Сибири А. Щапов, описывая сибирское общество тех лет, когда в Сибири жил Радищев, писал: «В Иркутске богатое и сильное купечество составляло, можно сказать, могущественную буржуазную, капиталистическую олигархию. Оно заправляло всеми общественными делами, составляло главную, господствующую силу городской думы и магистрата. Взаимная связь и солидарность буржуазных интересов усиливала их общественную гегемонию. Составляя городскую смету, дума самовольно измышляла стеснительные и неопределенные установления, вроде взимания штрафа за какую-то потаенную торговлю с купцом и иного звания людей. В силу этой статьи

прикрывались незаконные поборы думы, тягостные для небогатых торгующих людей. Так, взыскивались пошлины с крестьян, торгующих сельскими произведениями, без всякого законного основания облагались сбором иногородние, поселившиеся в городе, с чего-то устанавливался сбор с приезжающих извозчиков и с нагружающих у речного берега судов». Ведь илимские крестьяне были вынуждены отправлять некоторые добытые им в тайге меха, пойманную рыбу, и другие сельские продукты в виде овощей, какие произрастали на Илимке в Енисейск или Иркутск, чтобы там купить для себя кое-какие товары. Там на них накладывали невероятные налоги, а купцы бедных и безграмотных крестьян безбожно обманывали.

Конечно, Радищев понимал, что ничем помочь этим крестьянам не может. Порой у него нервы были напряжены до предела. Возможно, что ему хоть немного везло, так как его в это время окружали добрые и понятливые люди. И ещё, он всячески избегал тех людей, которые стояли хотя бы у маленькой власти, но в любой момент готовые возвыситься над ним, унижить его, оскорбить, сочинить клевету. Он их чувствовал, и никогда с ними не спорил, и не доказывал свою правоту. А вот местных крестьян он хорошо понимал, и как мог, помогал им, сочувствовал в их беде. Он старался сблизиться с ними, познать их жизнь, быт. И крестьяне отвечали ему своей взаимностью. В каждой деревне его встречали с радостью. Он всегда с ними разговаривал, стараясь не возвыситься над ними, не оскорблял за их непонятливость и полную неграмотность. Но всегда обращал внимание на то, чтобы детей учить грамоте. Пропагандировал те овощные культуры, как картофель, показывал, как устанавливать теплицы. И, конечно, как мог, лечил людей. Именно здесь в Илимске, он в своей лаборатории нашел бактерию оспы, и первым в Европе стал бороться с нею. Первыми прививки он сделал своим детям, потом и окружающим людям в Илимске. И вот он впервые решил делать прививки во время этой поездки. Забегу вперед. После него, кто проезжал илимские деревни, никто здесь оспой не страдал. Его преемник Степанушка Дьяконов на Илимке продолжал заниматься прививками от оспы.

Слух прошел по всем деревням Илима, что умный лекарь лечит людей от оспы. И люди шли к нему в дом, где он и делал эти прививки.

– Отец Варфоломей, я оставлю тебе свой букварь. Сам почитай, да ребятишек, кого надо научи читать, – обратился к священнику Радищев.

Утром они отправились к деревне Романовой. Священник Варфоломей поехал с ними.

– Теперь я с вами, считай, до своего прихода в деревню Погодаева доеду.

Деревня Романова находилась недалеко от деревни Прокопьева.

Здесь уже Радищева встречали. У крайнего дома стояло четверо мужиков. Посредине здоровенный дядя в нагольном полушубке. Ребятишки катались на самодельных деревянных санках с горки.

Дядя представился:

– Михей я Игнатьев. Главный в деревне. С приездом вас, Лисандра Николаич. Через три дома дом стоит готовый для гостей. Тараканов там нет. Выморозили всех чертей занудных.

В деревне Романовой было двенадцать домов.

Вошли в теплый и уютный дом. Как и везде во всех домах стоял древесный дым.

– Как я посмотрю, у вас здесь есть место для посева зерновых культур, – сказал Александр Николаевич.

– Этова, как иво сеем, как же. Рожь сеем. Да и пшеничку сеем, – сообщил Михей. – Растет родимая. Ноне добрый урожай был. Вот тока узнали эти, как их, с Киренска, понаехали с гумагами. Много увезли. Потом мы и успели зерно свезти в Иркутск. Одежку надось бы людям. И там нас оманули. Правда, одежку выторговали. Успели. Эти лихоманки-купчишки те ишо бестии. Ни дна им и не покрышки. Так вот и живем, Лисандра Николаич. А, в обчем-то, мы не голодаем, слава Богу. Рыба у нас есь. Ягода разная есь, грибы, орехи, капуста, огурцы... Орех мы ишо возим в Иркутск, и меняем на разные товары. У одного китайца шелк берем на орехи. Живем.

– Вам бы ещё на этих свободных полях картофель посадить, - вставил Александр Николаевич. - Ваши столы бы ломились от этой ценной пищи.

Михей почесал редкую бороденку и ответил:

– Знамо дело. Слышали. Скусная эта самая. Надо попробовать.

– Весной мы вам доставим семена. Наши знатоки покажут, как за нею ухаживать. И что можно из неё готовить. А теперь соберите людей. Будем делать прививки от оспы.

– О, это с большим удовольствием. Мучает она нас. Половина деревни рябая, а умерло сколько, жуть! Знаем, знаем, ты лечишь от неё людей, - сказал Михей.

Люди один за другим шли в дом к Радищеву. Михей обещал посадить картофель.

Выехали утром. Вдали были видны две деревни на противоположных берегах Илима Корабельщикова и Ярская.

– Надо же, так близко деревни расположены друг от друга, - сказал Радищев.

– Считай там подряд идут деревни Зырянова, Перетолчина, - ответил Варфоломей. – А там рукой подать, считай подряд идут деревни Коновалова, Пушмина, Грекова. Там против друг дружки стоят деревни Белобородова и Панова. Потом деревня Макарова. Друг против дружки Заусаева и Куклина, Черемнова и Игнатьева. Друг против дружки стоят Нижнеилимск и Погодаева. Моя там родина. Там есть красная гора.

– Говорили мне о ней. Хочется побывать там, - ответил Радищев.

– Мы ту гору называем красный яр.

Остановились в деревне Корабельщикова. Здесь люди шли с обеих деревень. В каждой деревне пустовал дом, порой и два дома. Деревни были небольшие. В Корабельщиковой было десять домов, в Ярской восемь.

– Годков двадцать назад совсем народ, считай, вымирал от проклятущей оспы, - тяжело вздохнул Варфоломей.

– Знаю, - ответил Радищев. – Эту заразу ни жара, ни мороз не берет. По Сибири бывало, целыми волостями вымирали люди. Оспа докатилась и сюда.

– И не говори, Лисандр Николаич, и не говори. Я тогда молодой ишо был. Чо меня не взяла и не ведаю до сих пор. Тунгусов кучи вымерло. И теперь их болезнь косит почем зря. Ты уж, Лисандр Николаич, позаботься о бедном народе. Они ведь люди ещё темнее нас. Они не жалуется. Терпят. А чо сделают их шаманы? И шаманы умирают. Тунгусы частенько у нас бывают.

Люди шли и шли на прием к Радищеву. Обещали посадить картофель. Вечером он собрал людей в один дом. С двух деревень собрались всего около тридцати человек, но не более. Грустно стало Радищеву. Вымирает деревня. А ведь именно деревня всегда была, есть и будет кормилицей Сибири и всей России.

Так думал в то время Александр Николаевич Радищев о бедной и несчастной деревне. Чтобы он сказал, если бы увидел нашу деревню в двадцатом и начале двадцать первом веке? Тоже бы ужаснулся. И деревню сейчас не оспа выкосила, а законы и равнодушие к деревне. Сначала большевики обещали крестьянам свободные земли. Не дали эту свободу. Крестьянина закабалили. После революции был голод, не урожай. Потом началась продразверстка. Перечислять нет смысла, какие беды валились на головы крестьянина. После буржуазной революции девятости первого года деревни стали задыхаться, исчезать с лица земли. Я проехался по многим областям Сибири, и пришел в ужас. В советское время ещё как-то работали колхозы, давали отменные урожаи. Стали жить нормально, у многих появились свои машины. О кабальных условиях я не буду писать. Я уже об этом писал. Просто колхозник был крепостной в этой стране. Как правило, из армии ребята не возвращались в колхозы. И в советское время бывали черные года, когда полки в магазинах были пустые. Люди метались по области, чтобы найти кусок мяса. Сейчас, где когда-то хоть немного колосилась рожь, росла пшеница, пасется частный скот. В деревнях гонят самогон. Деревня спивается. Коллективные хозяйства во многих областях исчезают. А если появляется частник, и начинает иметь свое хозяйство, налогами затравят. К примеру, возьмем наш Нижнеилимский район. В нем я живу уже пятьдесят пять лет. Одно время работал в районной газете «Маяк коммунизма». Весь район объездил. После глупого необдуманного затопления илимской

пашни, колхозы исчезли. Появились совхозы. Но это были уже не колхозы. Было сельское хозяйство, но уже не то, что было до затопления. А тут пришла к власти буржуазия. По Радищеву мы знаем, что собой представляет буржуазия. Всякие хозяйства исчезли с лица земли. А ведь район как-то снабжал себя сельскими продуктами. Теперь разные продукты завозят спекулянты, по-современному они называются бизнесмены. Так теперь всё устроено, что без этих господ мы умрем с голоду. Как и во времена, Радищева буржуазия везде пришла к власти. Спекулянты, то бишь бизнесмены, как и в далеком, времени купчишки, как их называл Радищев, обдирают народ. Со времен Радищева ничего не изменилось в бедной и несчастной России. Правда, эти купчишки, ставшие миллионерами и миллиардерами, вроде стали культурными, интеллигентными, образованными людьми, научились красиво, долго и непонятно говорить, а главное обещать. Это их лозунг. А главная задача, чтобы пробиться в депутаты, получить неприкосновенность, за которую они голосовали обеими руками, и ногами, и вырвать из государства непомерные оклады. Вот их главный лозунг. А то, что болтают, что пекутся о народе, дорогой мой читатель, в это не верьте. Купчишки во все времена, в том числе и в наше время, о народе не пеклись и не пекутся. Наши правители из правительства, наши сменяющие друг друга президенты, как Медведев и Путин, как и в прошлом советском союзе, наши генеральные секретари, а ещё раньше цари, делают вид, что пекутся о народе. Это неправда. Никто ни о ком не печется. Всё это ширма. Главная их задача - урвать для себя непомерные оклады. А потом помогать купчишкам, ещё больше разбогатеть. Каждый год увеличивается число миллиардеров. Я уже в этой книге писал об этом. Повторяться нет смысла. Вот о ком наши президенты пекутся. Вот это и есть настоящая правда современных капиталистов и буржуев. Я вполне уверен, что если бы на всё это взглянул Радищев, то он бы ужаснулся. И тогда он написал бы новую книгу, но более страшнее, ну, например он её бы назвал так: «Путешествие из Санкт-Петербурга до Владивостока». А потом бы снова почил. Наши капиталисты, которые стоят у власти, это духовно падшие господа. Возьмем недавний пример. На всю страну, да и на весь

мир наш президент объявил, что он разводится со своей женой. То, что они говорили, всё не так. Я видел глаза президента. Безразличный стальной взгляд. И только едва заметная улыбка затаилась на его стальном лице. Я видел её глаза, и мне было жалко эту женщину. Что-то другое она не могла сказать. И правильно сделала. Мужественная женщина. Произошло что-то новое, как в постсоветском пространстве, так и в наше капиталистическое время. Духовно падшие правители. Президент России Путин это подтвердил на всю страну. Он дал повод для продолжателей такого поступка. Наш мир поворачивается негативной стороной ко всему нормальному человечеству. О какой духовности может идти речь, например, во Франции, где утвердили закон об однополых браках. О какой духовности может идти речь, если будут воспитывать детей в такой семье. О какой духовности может идти речь, если и в нашей думе найдутся духовно падшие мерзавцы, которые будут ратовать за такой закон. А ведь найдутся. О какой духовности может идти речь, если молодые особы в главной церкви России устроили дикие танцы. А ведь нашлись защитники среди интеллигентных, образованных, известных в стране людей. Хотя в интеллигентность этих господ я не верю. О какой духовности может идти речь, если президент страны заявил такое. Мы помним, в общем-то, не доказанный поступок президента США Клинтон с Моникой Левински. Ведь дело доходило до импичмента. Небывалый случай. А у нас в России ничего, как с гуся вода. Ни один мускул не дрогнул на его лице. А как церковь на это смотрит? Промолчат. Будут искать оправдания. Как я посмотрю, что наша церковь уже не отделена от государства, она накрепко срослась с государством. Будут осуждать этот поступок? Нетушки. Шалите, товарищи. Себе же хуже будет. Не будут осуждать. Какой может идти разговор о несчастной деревне, и заросших полях, когда личное перебарывает всё государственное. Там уже не до деревни. Давайте-ка лучше вернемся к Радищеву. Это будет как-то честнее и чище, чем болтовня об однополых браках, разводах, обещаниях и клятвах, в которые в народе уже не верят. И даже смеются. А когда народ смеется над своими главными греховодниками, обманщиками и обещающими, такой народ не сломить. Во все века в России

всегда приходили к власти такие вот господа, но они не сломили главную душу простого народа. Я верю, что у этого народа всегда была, есть и будет главная душа. Она только глубоко спрятана. Но, не дай-то Бог, её оттуда выпустить. Интересно, чтобы сказал великий Радищев, мой вечный кумир. Догадываюсь, о чем бы он сказал и поведал. Так давайте вернемся к нему. А в это время Александр Николаевич отправлялся до деревни Зыряновой и Перетолчиной.

Недалеко была видна какая-то деревня.

– Деревня Зырянова. А почти рядом деревня Перетолчина, - сообщил Варфоломей.

В деревне Зыряновой было двадцать домов, а в Перетолчиной двенадцать.

– В Зыряновой стоит четыре дома пустых, - с печалью в голосе сообщил Варфоломей. - После оспы народ ещё не прибавился. Дети пачками умирали. Не успевали рожать наши русские бабы. К вашему приезду люди приготовили дом.

– Сообщите людям, чтобы с обеих деревень приходили все на прививку. Особенно пусть ведут детей.

В пустом доме уже суетились женщины вокруг стола. Ставили в глиняных чашках душистые и румяные пироги, была здесь рыба жареная, маринованная и копченая. В чашках краснела мороженая брусника. Были здесь и грибы, соленая капуста. Стопкой лежали калачи.

– Дорого гостя мы вот так встречаем, - поклонилась ему с нежным румянцем на гладких щеках молодая женщина.

– Лушка! – крикнул от двери только что вошедший мужчина в длинном зипуне. Мужичок смахнул шапчонку, и пышные, кудрявые волосы рассыпались по плечам. Был когда-то мужчина красавцем, но оспа уничтожила эту красоту. – Мотри мне! Не балуй!

А Радищеву тихо сообщил:

– Какой год уж вдовица. Лушка Перфильева. Мужиков не хватает. Вот она и бесится. Я здесь на две деревни староста. Наум Карнаухов.

– По батюшке-то как? – спросил Александр Николаевич.

– Этова, дык, Лука, однако. А чо?

– Значит, Наум Лукич.
Карнаухов замахал руками.
– Зачем меня так, ядрена матрена, я и так тово. Наум. Просто Наумка.
Говорил он, сбрасывая с себя зипун.
– Это вам, с городу так можно, ядрена матрена. А мы народ темный, нам и Наумка в самый раз.
– Разбалакайтесь, Лисандра Николаич, - подскочила к нему Лушка.
– Лукерья, остынь, - басом ответил Варфоломей.
Радищев сбросил с плеч шубу, и её тут же подхватила Лукерья и побежала в дальний угол, чтобы повестить её на гвоздь. Варфоломей разгладил бородавку и тихо сообщил:
– На две деревни грамотна. Всю Библию читает свободно. Умная баба. Вот её бы старостой-то назначить, да баб к власти не полагается пускать.
– Ну и выбрали бы её старостой, - ответил Радищев.
– Нет у нас такова закона, - ответил Варфоломей.
– У нас в России царица женщина, да ещё и не одна, - упрямо ответил Радищев.
– То царицка, а то какая-то баба. Не полагается. Ну да ладно. Пойдемте к столу.
После застолья, уже к вечеру пришли в дом люди. Оказывалось, в этом большом доме иногда вечерами собиралась молодежь на сходки. Девки пришли нарядные, все в лентах китайских, парни в новых ичигах, в шелковых рубашках подпоясанных широкими кушаками. Нашелся и гармонист и балалаечник. Девки принесли прялки. Все расселились на лавках. И вязали и тут же щелкали орехи. Играла гармоника, брэнчала балалайка.
Лукерья затянула песню:

*Ой! На горе дуб, дуб,
Что бела береза,
Промеж дуба и березы
Река протекала,
Речка, речка глубокая,
Вода студеная,*

*Нельзя, нельзя воды пить,
Нельзя почерпнуть,
Нельзя, нельзя жену бить,
Нельзя поучать,
Я бил жену один час,
Сам плакал неделю,
Сушил, крушил ясны очи
По четыре ночи,
Издержался, истратился,
На разные лекарства.*

– Ну, лихоманка! Ну и Лушка! – кричали девки. – Так мужику и надо! Некаво бабу бить! Некаво!

Потом начались танцы. Для Радищева такие танцы непонятные. Похоже на какой-то хоровод.

К Радищеву подскочила Лукерья, схватила его своими цепкими горячими руками и повела в круг.

– Пошто такой стеснительный ученый человек? Если мы люди темные, то и сторониться нас надобно?

– Варфоломей сказывал, что ты Библию читаешь?

– Как же, читаю. Грамотна. А вдруг я переучусь, как ты, Лисандра Николаич? Чо со мной будет? Куды меня сошлют? Дале бы некуды.

– Не сошлют. Это со мной так случилось. Тебе, Лукерья и Библии достаточно. Тебе детей надо рожать. Найди путнего мужика, да и нарожай ему кучу детей. России, как никогда нужны сейчас дети.

– А такого мужика, как ты, Лисандра Николаич, нет вовсе во всей околотке. Полюбил бы ты меня? Али как?

– Скорее всего, али как, - улыбнулся Александр Николаевич. - Пойдем, Лукерьюшка плясать. Гармонист плясовую начал.

Радищев и Лукерья пустились в пляс.

Когда все расходились, то Лукерья Перфильева приблизилась к Радищеву и прошептала:

– Приезжайте к нам летом. Я вам здесь такие места покажу в нашем лесу, ахнете!

Ревновала ли Елизавета Васильевна молодых к мужу? Как и любая женщина, если мужчина красавец, да ещё умеет складно говорить. Но, она не подавала вида, что ревновала. Однажды, когда зашел разговор о ревности жен к мужьям, она сказала: «Что мне за нужды, если моему мужу нравится какая-нибудь девушка, если он её любит. Он не может любить больше меня. О, если б он её любил больше меня, вот это было бы мне больно». Такие слова этой мужественной и терпеливой женщины говорят о многом. Конечно, ревновала, и во многом догадывалась, но терпела. А так, как он был человек благородный, и человек чести, как муж он любил её, но, как мы знаем, не больше первой жены Анны Васильевны. А если честно, он был просто мужик, вот вам и весь ответ. Но надо ещё не забывать, что семья для него главное пристанище. Ведь Елизавета Васильевна всему потакала мужу, а это многое стоит. И ради него продать всё, что она имела, взять его детей на воспитание, и поехать в далекую Сибирь? Такую женщину не бросают. Ну, а на остальное, как уж получится...

На другой день в дом к Радищеву шли и шли люди. Он всем прививал оспу. Люди шли к нему со своими болячками, за советом. Он пытался всех как мог лечить, внимательно выслушивал, давал советы.

Далее Радищев поехал до деревень Коновалова, Пушмина и Грекова. Остановился в деревне Пушминой, она находилась между двумя деревнями. И люди могли приходиться сразу и с тех двух деревень.

Недалеко он видел дома двух деревень находящихся друг против друга.

В Пушминой они остановились тоже в пустом доме.

Пришел староста. Его сильный голос сразу не понравился Александру Николаевичу. Он староста сразу на три деревни.

– Раздавайтесь, Игнатий Петрович, - приказал Радищев. – Будем ваш голосок лечить. У вас и с бронхами не порядок. И это надолго. Когда я уеду, то будешь продолжать в течение недели принимать ту микстуру, какую тебе оставлю.

– Я водкой теплой пытался лечиться, - сообщил староста. - Не помогает.

– Водка внутрь, при вашей болезни – яд. А вот горячую водку с медом в самый раз. – Но совсем немного.

Варфоломей занялся своим делом. Люди шли в молельный дом. Кстати, священник взялся в этом доме вести пропаганду картофеля. А надо сказать, что ещё долго после царя Петра первого возникали картофельные бунты. Народ не воспринимал этот заграничный земляной яблочек. Такие бунты бывали и в Сибири. Народ ещё не понимал, что в Россию был доставлен ценнейший продукт, который порой в голодные годы будет спасать людей от голодной смерти. Понемногу его стали кое-где выращивать. И он, как не странно, стал давать богатые урожаи. Например, впервые он появился под Иркутском. Картофелеводы стали появляться и по всем деревням на Ангаре. Крестьяне, наконец, поняли великое значение этого земляного яблока. И вот, наконец-то, с трудом, в последнюю очередь и на Илеме появились небольшие картофельные поля. А главным распространителем был, конечно, Александр Николаевич Радищев.

Вечером в дом пришла бабка. Села в уголок.

– Проходите к столу, чаевничать будем с сахаром, да со свежими пирогами, - пригласил бабку Александр Николаевич.

– Спасибочки, добрый человек, спасибочки, - ответила она, и скинула с себя телогрейку. А под ней китайский халат зеленого цвета.

Присела к столу. Радищев налил ей в чашку душистого чаю, пододвинул серебряную вазочку с кусочками сахара.

– Меня кличут все Меланья. Сахарок-то я маненько возьму, - сказала она. – Мне ведь шибко ндравится сахарок-то. Одна живу. Откеда у меня сахзар-то будет? В прошлый месяц ко мне заезжала бабка Авдотья с Игирмы. Ты у неё жил на постое. Помочь тебе надо с этой-то, с яблоками. Шибко чудное название. Помогу. Пойми, сынок, бабки-то многие шибко вредные. Авдотья это летось яблоки посадит в землю. И я посажу. А куда все денутся. Будут садить. На Ангаре уж многие садят. А мы чем хуже? Ты, сынок, не сумлевайся. Посадим. Говорят, чо это яблоко уж больно скусное.

– Вкусное, бабушка Меланья, весьма вкусное. Хлебу не уступит.

– Вот я и пришла к тебе, чтобы сказать про такое. Не сумлевайся. А к голосу Авдотьи многие бабки прислушиваются.

– У нас, в Илимске, есть бабка Евлашиха. Начала мне помогать. И ведь народ стал к ней по-другому прислушиваться, - ответил Радищев. – А как она воевала против меня! А сейчас помогает. Картофель пробовала. Понравился.

– Авдотья рассказывала.

– И про это уже всё знаете?

– Как же сынок, как же! У нас по Илимку быстро слух разносится. Все о тебе всё знают. Спасибочки за чай. Я уж пойду.

Радищев отсыпал бабке в карман несколько кусков сахара.

Бабка ушла, а Радищев был очень доволен.

– Вот, господа, ведь всего одна бабка, а как всё просто получилось.

Офицер Алексей Пономарев ответил:

– А я этих бабуней всегда боялся. Всегда их сторонился.

– Колдуньи они все, - решительно ответил солдат Игнатов.

– Это так, - ответил Радищев.- Главное, надо найти к ним ключик.

– У нас в Большой деревне тоже есть бабка, - вошел в разговор молодой казак Кондратий Лыков. – Она всякие заговоры знает. Колдунья, вот и всё. Так, когда до Белобородовой и Пановой поедем, Лисандр Николаич? Рано коней запрягать?

– В версте отсюда две деревни подряд, - сказал Петр. – Так как? Утром запрягать?

– Поедем к деревням Белобородовой и Пановой, как светло станет. Они ведь рядом. Тут хоть пешком иди, - ответил Радищев.

Утром они уже были в деревне Белобородовой. Их встречали люди. Возможно, с обеих деревень. Как и в других деревнях, и здесь нашелся пустой дом. Радищев заметил, что все деревни на Илимке небольшие. Лишь в одном Илимске было пятьдесят домов. А население по списку бургомистра Романова вместе с детьми жило пятьсот двенадцать человек.

В Белобородовой было тринадцать домов, а в Пановой десять.

В доме было тепло и чисто. Женщины постарались накрыть стол. Посредине стоял пузатый самовар. То, что было на столе и не надо бы перечислять. Одни и те же продукты, что крестьянину и казаку дает река и тайга. В темных бутылках, конечно, было вино и водка.

– Для сугреву бы немножко мякнуть, - потер руки казак Лыков.

– Успеешь, - строго ответил Пономарев. – Лучше вон с Петром коней распрягите, да сена дайте.

– И то, правда, - ответил Петр. – Пойдем, Кондрат во двор. Сначала коней надо ухаживать, а потом уж о себе подумать.

– Да я просто хотел маненько лязнуть, и сразу же к коням, - обиделся Кондратий. Они вышли во двор. Варфоломей вышел за мужиками. А несколько человек толклись у входных дверей и не насмеливались войти в дом. Две женщины продолжали из кухни носить угощенья.

– Дорогие, дамы, - обратился к ним Александр Николаевич. – Хватит бегать. Итак, всего достаточно. Спасибо вам за такой труд.

– Наш староста, Петруха, постарался, - ответила одна их кухарок.

Радищев раскрыл дверь, и пригласил людей войти в дом. Мужики вошли, и остановились у порога. Вперед вышел мужичок на кривых ножках. Для маленького роста у него были большие катанки. Наверное, бабушка была тунгуской, подумал Радищев.

– Проходите, люди добрые, - раскинул руки Александр Николаевич. – Вы здесь хозяйева, а я ваш гость.

– Так вот, как ево, однако, я здесь на две деревни выбранный народом, - ответил мужичок, сбрасывая с себя старенький полушубок. – Маненько вот собрали кой-чево.

– И не надо было ничего собирать, - строго ответил Радищев. – Мы кое-чего с собой привезли.

– Обиделись, Лисандра Николаич? Мы ведь от души старались. Гости дорогие приехали к нам. Решили к нам заглянуть. Небогато живем, но гостей завсегда встречаем.

Радищев улыбнулся, и спросил:

– Киренских купчишек и других купчишек тоже так вот встречаете?

Мужичок склонил голову, и стал меховыми рукавицами сметать снег с катанок. Молчал.

Из кухни подала голос одна из кухарок

– Этим купчишкам бы ни дна и не покрывки! Всяку еду мы от них прячем. Скажут ишо, чо хорошо и сытно живем, да зачнут с нас требовать для своих брюхов. Как появятся они в деревню, знай, зачнут требовать налог. Стараются всё выгрести подчистую.

– Елешка, ты хоть помолчала! – крикнул мужичок. – Мало ли чо подумают про нас! С ними охфицер. Мало ли чо удумают! Лисандра Николаич-то хоть и переученный человек, но свой.

Алексей Пономарев даже топнул ногой, и резко ответил:

– Если вы думаете, если офицер, так сразу же побежит докладывать? Не всяк офицер таков! Тоже есть среди них сознательные люди. Разве мы не понимаем жизнь крестьянина? Навидались. Знаем. Да и солдат Игнатов из самой крестьянской семьи. Да и наш казак тоже местный. Из Большой деревни.

Угощение было на славу. Кто с какой деревни шел к Радищеву, он не обращал внимание. Все знали, что приехал добрый доктор, который лечит всех от оспы, особенно детей. При упоминании насчет картофеля уже все молчали, только согласно кивали головами. И было непонятно, согласные они сажать картофель или же против этого земляного яблока. Были ещё крестьяне, которые с недоверием относились к новому и неизвестному продукту. Он вспомнил слова Андрея Березовского. Кстати, и на Илимке были случаи, когда бунтовали крестьяне против картофеля. Такое здесь тоже было. А где его не было? По всей России возникали картофельные бунты. Андрей рассказывал, как в одной деревне, одного из картофелевода избили до полусмерти. И Березовскому доставалось. На Ангаре его чуть вилами не закололи. И здесь, на Илимке из двух деревень его прогнали пинками и кулаками. А коль на Ангаре стал внедряться земляной яблоч, да ещё пошел слух о том, что этот яблоч весьма вкусный, и даже может заменить многие каши и хлеб, то уже при встрече с Радищевым стали осторожно выслушивать. А

как заметил Радищев, что народ на Илеме более недоверчивый к разным переменам, да ещё скрытный, то пропаганда картофеля должна идти на фактах, а не на словах. Вот он и угощал картофелем этой осенью всех крестьян, которые приходили к нему в дом. А коль илимские деревни так близко расположены друг к другу, и составляли, будто одна большая деревня, то слух о картофеле уже прокатился по этой огромной деревне. А молчание крестьян, когда он говорил о картофеле, могло выражать только одно – сомнение. А сомнение, это не отрицание. Тем более, что уже в некоторых деревнях картофель будут сажать. Осенью будет урожай. А любопытные и недоверчивые крестьяне из других деревень придут попробовать на вкус этот продукт. Радищев не обижался на некоторых сомневающихся и недоверчивых крестьян и казаков. А если пришло время для сомнения, это считай половина победы.

Он ещё Степану Дьяконову и жене Елизавете говорил:

– Время, время работает уже на нас. Насчет картофеля мы разбудим мужика. Андрей Березовский дал этот росток, а мы его вырастим и пожнем.

К вечеру пришел Варфоломей.

– И молитву читали вместе. Двух малышей окрестил с Божьей помощью. Про вашего картофеля, считай, много говорил. Слушали. Спрашивали. Есть, правда, сумлевающие. Ну, это так. Куда они денутся? А вот, с грамотой дело сопсем плохо. Не хотят, считай, слушать меня. Одно тряндят, детям работать надо. Некаво учится. Глядишь, кто переучится, да и сошлют туда, где хмарь таежная.

– Века, господа, века нужны, чтобы эту глыбу недоверия к образованию столкнуть, - с печалью в голосе ответил Радищев.

– А чо такова? – засмеялся казак Лыков. – Я сопсем не учился, а живу нормально. Эта учеба тока для меня станет обузой.

– А я вот иногда думаю так, навроде все люди одинаковы, головы у всех одинаковы, а все разные, - серьезно ответил солдат Игнатов. – И ничо здесь нет смешнова, Лыков. Вот был у нас в деревне Макарьева на Ангаре Ванька Рыжий. Кличка такая у него была. Голова здоровая, чо твой бочонок из-под меда. А дурак дураком. Вот я мотрю, у нас у всех головы одинаковы. А

ум-то у нас у всех разный. Лисандра Николаич, куда это в вашей голове всё вмещается? Вы человек ученый. Учились много. Ну, маненько и переучились, и вас от этого сюда загнали. Но, вы умный человек. Интересно для меня шибко. У всех у нас головы одинаковы, а ум-то у нас у всех разный. Вот я и об этом думаю. Вот чичас думаю о звездах. Мотрю ночью на небо и страх берет. Чо там? Потом думаю ишо вот об чем...

Он задумался, и стал смотреть в потолок, будто рассматривал там звезды.

Лыков перестал смеяться, и, открыв рот, с удивлением смотрел на солдата. С удивлением на него посмотрел и Пономарев. Степан смотрел на Радищева, и ждал, что он ответит. Варфоломей перекрестился и сказал:

– Сын мой, запутанно измышляете, считай, сложные вопросы бытия. Просто почитайте Библию, и ни о чем не надо бы вам думать. Вы очень сложно ставите вопросы для вашего, считай, низкого происхождения и вашей неграмотности. Вам бы надо бы исповедаться. Как вы на это, смотрите господин Радищев?

Пока все говорили, Радищев ходил вдоль стола. Из кухни выглядывали кухарки. Молчали. На лавке сидел и староста. Он только вертел головой.

– Ни в объеме головы зависит наш разум, - ответил Радищев. - Человек, дорогой Игнатов, не может переучиться. Это полная неправда. Недоучки бывают. Хотя они имеют и образование, но они есть недоучки. Вам этого не объяснить. Все беды в стране от них. От них я и попал сюда. Они есть и всегда будут. Про звезды ты хорошо сказал. Тебе бы, солдат Игнатов учиться надо. Хоть что-нибудь читаешь?

– А как же! В Иркутске газеты читаю. Их трудно взять. Сержант узнал, чо я газеты читаю, бил меня по лицу. Два наряда заработал. Вот сюда отправил меня. Я из крестьян. Мне не положено учиться.

– Какое безобразие! – воскликнул Радищев. – Какое свинство! Бедная Россия! Когда же ты проснешься от тьмы и невежества?

– Александр Николаевич, - тихо сказал Пономарев.

– Ладно, ладно, чего уж там. Ты вот что, солдат Игнатов, хочешь научиться нормально, читать?

– Всей душой, но мне не положено. Опять сержант захочет меня бить. Не надо бы мне умничать.

– Я тебе дам один журнал. Если ты его одолеешь и что-то в нем поймешь, проэкзаменую тебя, математику одолеешь, и пойдешь ты в старшие классы. Буду настаивать перед губернатором Иркутска.

– Не положено мне. Я крестьянин. Не положено мне умничать.

– Заладил своё не положено, да не положено! – повысил голос Пономарев. – Тебе дело умный человек предлагает, а ты что кочевряжиться начал? Пока ты со мной и в моем подчинении, буду следить за твоей учебой.

Казак Лыков продолжал хихикать. Потом сказал:

– Мне совсем нет охоты читать. Пробовал. Спать захотел. Наше дело у казаков и крестьян хозяйское, а читать, это для нас полный вред и обуза.

– Кондрат, а разве тебе не интересно, например, узнать, как живут люди в Европе, что происходит во Франции, в Турции, в Африке? – спросил Александр Николаевич.

– Зачем? Чо делается в Африке? Зачем? Я не знаю африканского языка. Зачем мне всё это знать? Вот мой конь Савраска чога захандрил, вот мне надо знать. Знать кака погода будет завтри? Вот про это мне надо бы знать. А чо там в Африке делается, мне это сопсем не надо бы.

Радищев понял, что здесь спорить нет смысла. Ведь умный народ, сообразительный, но абсолютно безграмотный. И ещё он заметил, что если только кто начал немного читать, над ним начинают подсмеиваться. Священника не трогают разными оскорблениями и насмешками. Все знают, что священник людям читает Библию. Значит, ему так положено.

Пономарев решил спросить у Лыкова.

– Значит, вам всем читать не положено?

– Да, это так. Был у нас в деревне Зыряновой полудурошный парень. Филька пономарь. Из церкви не вылазил. Всё читал. В Илимск ездил, и там читал. На звезды глядел. Говорил нам, чо

там где-то люди есь. Все над ним смеялись. Дурачок, чо с нево возьмешь. И ругали его, чобы не умничал, и били ребята, и на лавке ремнем пороли, не помогало. Смех один, да и тока. Кричал, чо земля вокруг солнышка вертится! А мне, зачем это? Вот, напридумал чего тот дурак!

– Ну и где этот человек? – осторожно спросил Александр Николаевич.

– Как где? Взял и повесился. Ево отдельно под горой схоронили. С землей сравняли. Некаво умничать. Будь как все и не умничай. Перемудрил, вот от перемудрости и совсем спятил, вот и повесился. Видите ли, земля вертится! Смех, да и тока!

Радищев застонал, и тихо вымолвил:

– Бедный мальчик. Бедный мальчик. А сколько таких есть в несчастной России! Как же не шуметь, господин Пономарев? А? Надо же будь как все.

– И то, правда, - ответил Лыков. - Некаво умничать и умных людей смущать.

– Ну, мне пора, - встал с лавки староста. - Чичас к вам, Лисандра Николаич люди пойдут. Я уж пойду. Ни об том разговор пошел. Непонятки пошли. А у меня порой от таких непоняток бывает в глазах рябь, а в груди томление. И ты Кондрашка сам тут разговор запотееял о непонятках. Помалкивал бы от таких слов. Ни твоево ума дело. Умничать начал? Нехорошо.

Лыков даже вскочил, да шапчонку об пол ударил.

– Я умничать!?! Это Филька пономарь умничал! А я-то чо? Я как все. Я сопсем читать не умею. Да мне это без надобности такая дурь, да сплошна обуза! Это ты шибко зауничал, вот тебя в старосты и выбрали?

– Я зауничал?! – закричал староста. – Меня люди назначили. Я умею хозяйство вести, вот меня и приметили люди. Я тоже, однако, читать не умею, и чо? Это вон солдат надумал умным стать и не быть как все.

Солдат Игнатов тихо и скромно так ответил:

– А я не желаю быть как все. Я читать буду много, и писать научусь. Учиться хочу. Пусть меня бьют, стегают ремнями и вожжами, а я буду читать.

Староста и Лыков стояли друг против друга, так и застыли, словно две статуи. Они ошалело смотрели на солдата. Рты настежь.

Игнатов встал и пошел к двери.

– Петр, надо бы лошадок покормить.

Сказал так и вышел во двор. Петр, молча, схватил шапку, на ходу набросил полушубок и тоже скрылся за дверь.

Наконец староста отпрянул от Лыкова.

– Чо мы с тобой, Кондрат, чо мы с тобой? Тут вон как дело обернулось.

– Он чо, солдатик-то? Чо с ним? – подал голос и Лыков. – Он сказал, он ни как все? А как ишо быть-то? Как? Спятил чо ли?

– Он не спятил, он, считай, прозрел, - тихо ответил Варфоломей. – Библию ему дам читать.

– Вот это солдат Игнатов! – воскликнул Радищев. - Нет, есть ещё что-то в глубинах России. Есть. Есть ростки. И это меня должно радовать. Даже здесь, в погибельном краю есть зачатки! Есть! Надо только во время эти зачатки полить живой водой. Господин Пономарев надо потом подумать, чем мы можем помочь парню.

Староста подал голос.

– Мы люди темные, неграмотные шибко, нам и так хорошо. Так людей звать, Лисандра Николаич?

– Ну, я пойду, - неожиданно тихо сказал Лыков. Помочь коной покормить.

Староста приблизился к Радищеву, шапчонку мял в руках, и всё хотел что-то сказать.

– Приглашайте людей, - сказал Радищев.

– Вы бы, Лисандра Николаич, этово, как ево, тово. Мы люди темные. Вы уж с народом-то мягше бы. Не поймут ведь ваши загогулины в словах, - насмелился сказать староста, и засмутился. Голову опустил.

– Люди меня всегда понимали, и здесь поймут. Это мы тут с вами немного кое о чем поговорили. Рябь прошла и томление прошло?

– Рябь прошла, а вот томление немного осталось, - скромно ответил староста. – Стаканчик пропущу, да бабу свою уму разуму поучу, вот и томление пройдет.

– Вот это ваше, - ответил Радищев и улыбнулся. – Только жену бы не надо бить. А за что будете её уму разуму учить? Если не секрет.

– Какой секрет?! – крикнул староста. – Какой секрет! Баба-то моя чо удумала, язви её возьми! Гринька мой сын-то старший был в Илимске и видел этот ваш проклятуший букварь у детей бургомистра Романова. Подавай ему, лешему, тоже букварь. Ну, я ему и показал ремень...этот букварь. А баба моя одурела. Подавай Гриньке букварь! Ну, я и поучил её уму разуму. Не надо бы шибко умничать. Лисандра Николаич! – неожиданно взмолился староста, и жидкую бороденку чуть не в грудь Радищеву приставил. – Ты человек шибко умный и даже переучился много. Все тебя любят и уважают. Посеем ваши мудреные яблоки, посеем, будь они не ладные, но не надо детишкам эти заученные буквари сுவать. Не берите на свою душу грех. Не надо. Мы извечно жили в темноте. Над вашими букварями все умные люди смеются. Вот и солдату голову заморочили. Не надо детишек баловать своим переучением. Вот и моему Гриньке с бабой головы заморочил. Мне хозяйство надо держать, кто мне помогать будет? А если Гринька зачнет на звезды заглядываться? Какой позор?

Староста оторвался от Радищева, согнулся и пошел к выходу.

Радищев сел на лавку, и схватился за голову.

– Боже мой! – простонал Александр Николаевич, - Боже мой!

– Александр Николаевич, - подошел к нему Пономарев. – Что вы хотите от бедного крестьянина? Такой народ легче обмануть, что и делают купчишки и администрация. Своим букварем вы хоть что-то делаете для этого несчастного и темного народа. Спичка в темную ночь, и больше ничего.

– Поверьте, господин Пономарев, пламя будет, - простонал Радищев. – Будет пламя. Я верю в этот народ. Проснется этот народ когда-нибудь.

– Что-то мне плохо верится о его пробуждении, - ответил Пономарев. – А пока, люди просятся на прием к великому на Илимс вичу.

И люди входили на прием.

На другой день они выехали тогда, когда ещё было темно. На этот раз они решили не останавливаться в деревнях, а ехать до деревни Погодаева. Как сказал Варфоломей, до неё не более двадцати двух верст. Люди из шести деревень сами к нему приедут. Да и в Погодаева у Варфоломея заканчивается приход.

И всё равно, во всех деревнях его встречал народ, просили остановиться. Он им объяснил, чтобы они приезжали в деревню Погодаева, так как в Илимске его ждут дела. Да и нельзя ему, как ссыльному долго отлучаться.

И вот деревня Погодаева. На другой стороне Илимса расположена Нижне-Илимская волость. Там было около тридцати домов. Солидная деревня, можно сказать почти уже село.

В деревне Погодаевой было пятнадцать домов, из них три дома пустых. Но Радищев по настоянию местного старосты Прокла Слободчикова, проживающего в Нижне-Илимске поселился в одном из пустых домов в этом довольно большом на Илимс селении.

Слободчиков был старостой до деревень Пановой и Белобородовой. Прокл считался в своем округе грамотным человеком. Он мог по слогам читать Библию. И даже постоянно читал и этим гордился одну газету, выпущенную ещё в 1788 году. Как она сюда попала, он толком не помнит. Вроде какой-то ссыльный забыл.

Как «полагается» накрыли стол с илимской снедью.

– Не надо бы такой обед устраивать, - сказал Радищев.

– Так у нас полагается встречать дорогих гостей. Я не хуже тех старост, что встречали тебя. А чем я хуже? Я вот вычитал в одной газете, как встречали в Иркутске дорогого гостя из Китая. У нас, правда, нет такого угощения, но мы тоже не лыком шиты.

Радищев не стал спрашивать старосту, в какой газете он «вычитал»? Когда подъезжали к деревне Погодаева, Варфоломей

немного рассказал о чудачестве старосты, помешанного на той единственной газете.

– Вы уж, Александр Николаевич, пожалейте мужика. Пусть перед вами поумничает. Хозяин он добрый, хороший, но вот иногда умничает. А люди это у нас не любят. А он не понимает, что над ним подсмеиваются. Кто-то доложил в Илимск в администрацию, что староста стал размышлять и рассуждать ни как все. Наверное, его сменят на того, кто не умеет размышлять.

Варфоломей, прежде чем сесть за стол, что-то начал шептать на ухо старосте. Даже пальцем ему погрозил. Мол, не умничай и не рассуждай. У старосты было обидчивое лицо. Видимо, ему хотелось поговорить с умным человеком на вольные темы.

В общем, обед прошел в полном молчании.

Как и во всех деревнях, Радищев принимал крестьян. На лошадах и пешком прибывали люди. Приходили даже за советом. Одна въедливая бабка, Радищева уже предупредили о ней, спросила:

– Мялок, а ты от хвори лечишь?

– Хворь бывает разная. Например, что у вас болит?

Бабка хихикнула, а маленькие глазки недоверчиво и зло разглядывали Радищева.

– Хворь на душе еслив поселилась, как с ней, мялок?

– Тоской называется такая болезнь, - ответил Александр Николаевич. - Разные подходы необходимы к такой болезни.

– Неведомо тебе о той болезни, неведомо, а я завсегда такую болезнь вылечу.

– И как же вы лечите, если не секрет? – тихо спросил Радищев, усаживая бабку на лавку. – Садитесь, пожалуйста. Поучите меня, негодника, как изгнать тоску из человека. Поучите.

Бабка снова захихикала, и погрозила кривым пальцем.

– Некаво меня сомущать на мой секрет. Боле меня никто не знает. Я знаю. А ты вумный ученый, а не знаешь.

– Где мне знать? Не знаю. Поучите меня.

– Секрет. Не знаешь, а чо берешься лечить? Чо? А знаешь ли ты. Я знаю ишо, как от дури лечить.

– Что-то новое для меня. Что это?

Бабка даже выпрямилась на лавке. Она уже не хихикала. Глаза раскрылись, и в них полыхала злоба.

– Вот. Не знаешь, а людей лечишь. Я этова старосту Прошку от дури вылечу. Он у меня затихнет. Ночью не станет на звезды глядеть. А ты этим людям тока потокаешь. Ничо, он у меня поумнеет вскоре. Я из него эту дурь-то вышибу. Брось дохтур людей смущать на какие-то там книжки. Дурман всё это, от савомо дьявола. Мотри. Хуже будет.

Она топнула ногой, и встала. Пошла к двери. Оглянулась.

– Мотри. А то и из тебя дурь-то вытравлю. А в тебе, как я погляжу дури-то шибко много. Сразу полегчает и в голове и на душе. И хворь уйдет. Мотри.

Люди молчали. Варфоломей неистово перекрестился.

– Ведьма она, чистая ведьма, Александр Николаевич. Её многие боятся. Сделает так, что корова не даст молока. Всё может. Боюсь я за нашего старосту. Взъелась она на него. Читать ему запрещает. А ишо чо она натворила! Наш староста ваш картофель летось посадил у себя на огороде. Пришла на огород, плевалась, а потом и прокляла картофель. Не выросла картофель. Староста у нас хотя и грамотный, но упрямый. Он хочет привезти семена во все свои деревни, и вырастить назло колдунье картофель.

Одна из женщин подала голос.

– Она у нас такая. Ночами на погост ходит. С духами разговариват. Мы её все боимся.

– Люди добрые, будьте смелее, - обратился к народу Радищев. – Вас столько много по всем деревням. Бойтесь одного человека. А на картофель просто был не урожай. Может, дождя мало было. Всякое бывает. Главное, нельзя сдаваться. Я же вот не испугался её. И вы не бойтесь. Ваш староста Прокл Слободчиков весьма умный мужик. Не слушайте тех людей, кто на него льет напраслину. Он ведь для вас старается. Защищайте его. А эту вашу бабку саму надо лечить от тоски и разной там хвори. Надо ещё посмотреть, как она живет. Возможно, что-то в её жизни случилось нехорошее, вот она и стала такой.

Люди шли и шли в дом к Радищеву.

Утро. Александр Николаевич вышел во двор. Только что взошло солнце и его первые лучи уперлись в крутую противо-

положную гору, и свободные от снега красноватые полосы, похожие на красные китайские ленты, засверкали, заискрились, и будто ожили.

– Какая красота! – воскликнул Александр Николаевич.

– Это наш Красный яр, - ответил Варфоломей. – Глаз радует. Там люди берут глину для печей и замазки щелей, если такие появляются.

Я несколько раз бывал в селе Нижнеилимск, и видел эту гору. Красота. Кстати, ещё в молодости я некоторое время жил в Якутии. Недалеко от города Олекминск тоже есть такая красная гора. И местные люди так и зовут эту гору красным яром. Возможно, что первые казаки назвали на Илимe этот обрыв красным яром. Петр Бекетов основал город Якутск, но он основал и город Олекминск. Скорее всего, эти казаки и олекминскую гору назвали красным яром.

Радищев прожил в Нижне-Илимске три дня. Он возвращался в Илимск. Он скучал по новостям из Иркутска и из России. Он обещал, что доберется до устья Илима. Местные охотники говорили, что недалеко от устья сохранилось зимовья от первых казаков.

– Я должен пройти весь Илим до устья зимой и летом. Коль я здесь живу, то обязан побывать в исторических местах, где проходили и некоторое время жили великие землепроходцы, - сказал он Пономареву.

– Хоть бы меня не отозвали в Иркутск, - с сожалением ответил Пономарев. – Мне бы хотелось с вами побывать вот так вот, как вы проходите деревни. С вами я многое чего познал. Кого ещё пошлют.

– И мне бы хотелось с вами, - ответил солдат Игнатов.

– Тебе надо бы учиться. Я сообщу о тебе губернатору.

На другой день они выехали почти без остановок в Илимск.

Несколько дней он разбирал почту. Сын Ковалевского учился с детьми. Но, как заметил Александр Николаевич, к учебе сынок относился прохладно. Своих детей он готовил в университет. Они учились прилежно, и уже свободно писали и говорили на французском и немецком языках. Талантливые дети росли у

Александра Николаевича. И он гордился ими и был весьма доволен.

И вот пришла ещё одна весна. В конце апреля он посадил картофель на большом поле. По его примеру уже несколько семей на своих участках ответили под новый на Илиме продукт. На той стороне Илима был огород у бургомистра Романова и у двух полицейских. Рядом с церковью посадили картофель семья Прейн, Черемных, и ещё несколько крестьян. Даже сама Евлашиха наняла трех мужиков, чтобы ей вспахали землю под картофель.

Как всегда Александр Николаевич встал рано, сам заварил себе кофе. Было утро 10 мая. Этот день навсегда запомнил Радищев. Об этом дне он даже сообщил своему другу графу Воронцову.

Встал он рано ещё от того, что во дворе завывали две собаки. Кот Барсик выгнул спину, пошипел немного и стал громко мяукать и тереться о ноги хозяина.

– Иди на кухню, там тебя накормят, - сказал Радищев, и с кружечкой вышел во двор, чтобы узнать, отчего это псы завывали?

В стойлах стучали копытами и пытались вырваться во двор три коня.

– Волки или медведь вас всех напугали? - спросил он сам у себя.

Во дворе был Петр. Он сказал:

– Тут что-то другое, Александр Николаевич.

Волнение животных передалось и Радищеву. Да и вообще, что-то взволновало Александра Николаевича.

Радищеву показалось, будто под ним дрогнула земля. Он увидел, как собаки, поджав хвосты, спрятались в будки. Кони сбились в угол сарая и хрипели.

Из дома выскочили Елизавета Васильевна, Василиса и Марьяна.

– Александр! – закричала жена. - Со шкафа вся посуда упала на пол! Стены дома шевелятся! Это землетрясение!

У соседнего дома развалилась труба, и кирпичи с грохотом начали скатываться по дранке. Две ели, что стояли рядом с домом Радищева закачались, будто кто их пытался вырвать с корнем. Под ногами Радищева гудела земля и шевелилась. На

укатанной дороге образовалась трещина в земле. Длилось это недолго. Наступила жуткая тишина. Такое ощущение, словно Радищев оказался в каком-то замкнутом пространстве. Не слышно человеческих голосов, не слышно животных. Наступило время, когда пел красавец петух Магомед. Но он тоже молчал. Не было видно и кур. Молчала тайга. И только одна мошка не утомилась. Когда за горами скроется солнце, и тогда начнет успокаиваться мошка, но с приходом вечера оживут комары.

– Вот это трянуло, - сказал Петр.

– Можно представить, что было на Байкале, - ответил Александр Николаевич. Женщины стояли на крыльце, и, видимо, боялись войти в дом.

– Не надо бояться. Это дом деревянный. Ничего страшного. Это отголоски от Байкальского землетрясения, - сказал он.

Больше не трясло. И тут он увидел, как к его дому начали приходить люди.

– Лисандра Николаич, чо это было? – спросил один мужичок.

– Впервой на своем веку такое было чудо, - сообщил ещё один мужичок.

Появилась бабка Евлашиха. Она перекрестилась, и ближе подошла к Радищеву.

– Век живу, а такой напасти не было. За великие грехи нас Бог наказывает. Моя коровка Красулька, чо дичка, молочка не дала седни. Вот ты нам втельмяшил эту саму посадить. Посадила. Может, за это нас Бог карает? У себя на огороде много чо слюдой накрыл с рамками. Чота черное пьешь кажна утра. Чо это? Ты человек вумный, много переученный. Вразуми нас бестолковых. Чо этось было? Кака это на нас напась нагрянула, да трянуло?

– Объяснять долго, но я попробую.

Он стал говорить, что на Бакале это часто бывает. И вот волна по земле докатилась и до этого края. А Бог здесь не причем. Такова природа. А закончил он так.

– Как жили вы, так и продолжайте жить. А за грехи наши мы перед Богом ответим на том свете. И каждый из нас будет отвечать за грехи свои отдельно. Так что, дорогие мои соседи, идите по домам, и не волнуйтесь. Вот видите, я ведь не волнуюсь. А

ваша Красулька к вечеру даст вам молочка. Просто она, как и вы, испугалась.

Люди стали расходиться.

Потом Радищев проворчал:

– Опять картофель виноват. Мой кофе помешал. И обижаться на этих людей бессмысленно. Новое всегда настораживает. А ведь были картофельные бунты в России. Вроде стали понимать необходимость одного овоща.

Кони стали успокаиваться, вышли к кормушке с сеном, вылезли из будок собаки. А вот и заголосил петух Магомед. Петушиную песню где-то подхватил и другой петух. Ожил Илимск. В тайге прокуковала кукушка. Послышались голоса ворон. Запели на разные голоса и другие птички. Ожила и тайга. И, кажется даже и мошки прибавилось.

Александр Николаевич представил город Иркутск. Там крепче досталось, особенно каменным домам. Радищев сел за стол, и стал писать письмо Воронцову. В письме сообщил, что и на Илеме 10 мая было землетрясение.

В теплицах все овощи, какие Радищев посеял, дружно всходили и веселили глаз.

В кузнице он работал весь день. С одним из местных казаков, который знал толк в подковах, Радищев и этот кузнец начали готовить подковы. Их обычно доставляли из Иркутска. А Радищев впервые после первых рудознатцев Коршуновым и Бутаковым, на Илимской земле, стал ковать подковы и гвозди для них из местного железа. Слух об этом прокатился по всем деревням. И некоторые крестьяне стали заказывать подковы у Радищева. На что, однажды, он не выдержал и ответил:

– А с чего я должен ковать эти вам подковы, если крестьяне, которые знают, где находится заброшенный рудник, прячутся.

Один крестьянин обещал показать тот рудник. Радищев тут же ответил:

– Спасибо вам за ваше укрывательство. А немного мне помог таежный житель. Так он себя обозвал.

Крестьянин, это заметил Александр Николаевич, испугался. Сказал:

– Он вам показался?! Он редко кому кажется. Знать, можно казать тот рудник, если там был таежный дед.

Радищев давно хотел узнать про странного таежника. Спросил:

– А кто он, этот дед? Почему он один живет в тайге?

– Почему один? Тайга его дом. Он никогда не выходит к людям. А боле я ничево не знаю.

Радищев снова наметил путешествие за рудой. Теперь ему должны помочь люди найти тот рудник, где брали железо первые рудознатцы.

И всё-таки, ни работа, ни книги, ни семья не могли рассеять грусть. И эту не проходящую тоску он и пытался заглушить разными путешествиями, лазанием по горам, работа в лаборатории, в кузнице. Старшие сыновья писали мало. Мать лежала разбитая параличом, ослеп отец. Граф Воронцов ещё в конце 1792 года ушел в отставку и поселился в своем имении Андреевском. Воронцов переписывался с Радищевым через иркутского генерал-губернатора. Теперь новые книги уже приходили редко. Письма из России всё приходили реже. Вот одно из писем Воронцову: «Я стараюсь рассеяться, хожу по окрестным горам, рассматриваю их строение, стараюсь приобрести некоторые минералогические знания. Но всё, же печаль, по выражению одного латинского поэта, следует за мною».

А тут как-то приехал из Киренска заседатель думы Деев, исполняющий обязанности пристава. Как и всегда, он прибыл в дом к поручику Неуспокоеву. После горячего приема у поручика Деев пришел к Радищеву.

– Вон, какой домина отгрохал. У ссыльного не должно быть стока денег. Ты есть обныковенный ссыльный, и у тебя нет прав на такой размах хозяйства. В обчем так, скажу тебе, господин ссыльный, починай кубышку! Не жадуи. Имей совесть. Поделись своим богатством. Даже купчишки со мной делятся. А ты кто такой? Преступник. Против царицки пошел. Слышал, слышал, твою защитничка Воронцова по шапке дали. Скоро и до губернатора доберутся в Иркутске. Короче. Открывай кубышку! Там в ней денег немерено. Открывай, говорю!

– Откуда у меня лишние деньги? Дом построен на средства жены. Иркутская канцелярия помогла, дай Бог им всем здоровья.

– Жена? Не смейся. Над вами все смеются. Вы ни есть муж и жена. Вот так. Преховодники вы есть. Вот кто вы есть. Открывай кубышку, и мы это дело замнем. В Киренске надо вам повенчаться. Я договорюсь с киренским священником. Ему тоже надо бы открыть кубышку. Он это дело любит. У меня времени нет. Открывай, давай.

– Я ещё раз повторяю. У меня для вас нет денег. Имейте совесть. Вы ведь при должности. И вашему священнику передайте, нет у меня денег. И не вам говорить об этом.

Деев от волнения затрясся. Лицо его побагровело. И он, что есть силы, закричал:

– Совесть? Это у тебя нет совести, государственный преступник! Да у меня есть должность! А у тебя должность тоже есть. Преступник. Поразвел здесь хозяйство. Денег у него нет! Не смейся. Я тебе устрою жизнь! Законопачу в острог! Имею на это полное право. На тебя уже доносы идут. Людей заставляешь размышлять! Неположено! Некаво учить этих безмозглых крестьян! Неположено!

В это время пришел офицер Алексей Пономарев с солдатом Игнатовым. Пономарев подошел к ревущему и топающему ногами Дееву, и взял его за горло.

– Я тебе покажу острог! Нажрался и полез брать взятку? Это я, как офицер на военной службе, поставлен сюда, следить за порядком. А порядок нарушен. Киренский заседатель думы, а также исполняющий обязанности пристава в отъезде по государственным делам беспрерывно пьет и дебоширит. А главное, требует взятки. Сам нарушает должностной порядок. И господин Деева пора определить самого в острог для остуды.

Деев стал успокаиваться. Начал оправдываться.

– Мне было указание от думы, немножко поприжать господина Радищева. Он ведь ссыльный. Государственный преступник.

– Всё. Надоел ты мне. Иди и проспись, и мы с тобой ещё поговорим.

Деев ушел. А Пономарев тяжело вздохнул и сказал:

– Не понял он, и не поймет. Но жалобу на меня накает. Ваши защитники постепенно удаляются от занимаемых должностей. У Екатерины теперь новый фаворит некий Зубов. Откуда он взялся на нашу голову? Он теперь всем во дворце управляет, а не царица. Он уже стал генералом. Многих твоих друзей сместил, а кого и в крепость заточил.

– Куда же Россия катится? – простонал Радищев. – Не надо было бы вам за меня заступаться. Я бы как-нибудь отделался от него. Вам теперь плохо будет.

– Ждите, и вам будет плохо, Александр Николаевич. Меня отсюда попросят. Загонят в Якутию. Не дай-то Бог, какого-нибудь служаку пришлют. Всё тогда. Кончится ваша вольница.

– А пока буду путешествовать по Илимским горам.

Встретился ему Иван Черемных. Пожаловался.

– С глазами худо стало. Надо бы на Игирму смотаться.

У Ивана слезились и гноились глаза. Помню, когда я жил среди якутов, у некоторых болели глаза. И болезнь эту называли трахома. Не знаю, как её называют медики, но в народе эту болезнь называли трахома.

– Почему в Игирму? Там ведь нет врача. Мне надо посмотреть и определить вашу болезнь.

– А зачем? Тунгусы туда ходили. Потом наши деды туда ходили. Глаза лечили в ручье.

Радищев сразу заинтересовался.

– Я с вами туда поеду. Когда отправляетесь?

– На зорьке и отправимся.

Чуть рассвело, и Радищев пришел на условленное место. Его уже ждали три мужика.

– У вас тоже глаза болят? – спросил Радищев.

– Пока ещё нет. Но режет, и чешутся, - ответил один из них. - Мы были в Шестакова. Там началась эта болезнь. Вот мы и заразились.

На легких лодчонках, которые называли здесь ветками, они отправились в Игирму. После полудня они прибыли в деревню. Но не стали задерживаться. Ветки вытянули на берег, и отпра-

вились в тайгу. Долго шли. И вот, наконец, один из мужичков сел на колодину.

– Кажись, однако, мы на месте.

Рядом протекал едва заметный ручей. В метрах десяти от ручья, стояло зимовья. Возможно, ему сто лет, а может и больше, подумал Радищев. Крыша из дранок, и там росла трава. На стенах обосновался мох и лишайник.

– Ишо первые казаки здесь зимовьюшку поставили, када узнали, чо вода полезна для глаз, - ответил Черемных. – Можно от дождя укрыться.

Радищев попробовал воду. Холодная обыкновенная вода. Мужики стали мыться. Потом развели костер. Приготовили отменную сибирскую похлебку.

Мужики постоянно подходили к ручью и промывали глаза. Пробовал и Радищев. И ему показалось, что зрение у него улучшилось.

– Сюда охотники приходят. Зрение лечат, - сказал Черемных.

Ночевали в зимовье. Днем он зашел далеко в тайгу, и решил попить воды в одном ручье. Она показалась ему не вкусной.

Когда он пришел к зимовью, и рассказал о том ручье, мужики сказали, что от той воды можно вылечить от болей желудок.

– Вот это край! – только и сказал Радищев.

Да, действительно это был уникальный край. Я уже писал, как вылечил почки от камней. Мой друг, краевед и автор книги «Илимская пашня. Время перемен» ныне покойный Анатолий Степанович Бубнов и мой консультант по этому краю, рассказывал о том ручье, где когда-то лечили глаза. Восстанавливали зрение, лечили от трахомы и другие глазные болячки. Были источники, где вылечивали даже язву желудка. Тогда я не мог понять, почему люди едут на Кавказ? Я ездил, и мне не помогло, а здесь был ручей рядом с городом, и я вылечился. Столько денег люди увозили на Кавказ! Природа хорошая? Да у нас тайга намного красивее. Источники намного полезнее хваленых кавказских. Много было разных источников. Много. И вот в советское время понаехали в наш край люди из западных республик. Им было не до источников. Рубили, пилили, гусеницами тракторов мяли

землю, а с ними источники. И эти источники сами собой стали исчезать. Возможно, испугались варваров с запада. Я ходил по тайге, и уже не находил эти источники. Они скрылись в глубинах земли. Тысячами кубометров леса увозили в республики. Тайга наша стонала и плакала от нашествия варваров. О каких источниках может идти речь? Этим западникам было плевать на чужую тайгу. Главная задача, как можно больше урвать и уничтожить всё, что остается после них. О тех источниках и ручьях, и даже маленьких речках только и осталась в памяти старожил. Молодое поколение ничего не знает. Мы, которые ещё жили в те благословенные времена девственной тайги, уйдем из этого мира, а молодежь и совсем не будет знать, что было в этой тайге, на этой земле Илимского края. Я хоть немного, в основном через Радищева, поведаю в этой книге, что здесь было, и что навсегда исчезло. Конечно, обидно, что молодые люди не интересуются своей историей, и какой у них интерес к каким-то полезным ручьям, если для некоторых учеников Радищев приехал на стройку по путевке. Вот мне и захотелось создать такую книгу, где показать уникального русского человека побывавшего в этом «погибельном» краю. И что он не по путевке сюда приехал, а был сослан, как государственный преступник. И что он сделал очень многое для местного народа. Я не буду перечислять, что он сделал. Моё дело показать в его делах этого уникального человека. Вот это моя главная задача.

Через три дня у мужиков глаза стали прежними. Радищев был поражен. Он ходил у ручья и всё восклицал:

– Удивительно! Какая богатая всем земля.

Радищева вообще поразила Сибирь, когда ещё он ехал по ней шестнадцать месяцев. Ещё из Тобольска он написал письмо Воронцову. Вот его содержание: «Какая богатая своими естественными произведениями страна, эта Сибирь! Нужны ещё века, но когда она будет населена, она предназначена играть со временем великую роль в летописях мира».

– Надо, непременно надо оповестить население об этом ручье! – воскликнул он.

Они вышли к деревне Игирма. Здесь их встретил встревоженный крестьянин. Он только, что подогнал лодку к берегу.

– Чо с тобой, Никитка? С лица сопсем спал? – спросил Иван Черемных.

– И не говори, Ваньша, и не говори. Один вот приехал. Один.

– Ну и чо, и чо чо один? На рыбалу я один бываю. Ну и чо тут такова?

– Да не на рыбалу мы ездили. У меня в Тубе живет брательник, да у Мишки брательник. Вот мы в гости-то и смотались. Брательник-то у Мишки новый дом самустился ставить. Мы и поехали помочь крышу поставить, да Мишка печь слепил. Он отменный печник. Он у нас отменный печник. На Илимке-то все ево просят печь русскую слепить. У вас в Илимске печи лепил.

– Помню, помню, - ответил Радищев. – Он у меня две печи поставил. Залюбуешься. Так что дальше-то было?

– Чо было, то и было, Лисандра Николаич, чо было. Исчез Мишка-то вместе с Пашкой на речке Тубе.

– Утоп, чולי? - спросил Иван и перекрестился. И другие мужики перекрестились. – Оне плавать умеют. Утонуть в Тубе, это же смех да и тока. На Илимке утонуть, это ишо другое дело, а на Тубе смех один. Нажрались чо ли?

– Какое нажрались? Ушли оне в урманиху. Зачем оне пошли туда, убей, не соображу. Пашка сманил Мишку туда идтить. Он, эдакий негодник. Лисандра Николаич, этот Пашка всё хотел с вами встретиться. Ночами, када были на рыбалке, так он всё на звезды мотрел. Мы ево отговаривали. А он кажный раз упрявился.

– И что с ними случилось? – спросил Радищев.

– Чо случилось, вот то и случилось, - ответил Никитка. - Ушли оне в урманиху и сопсем потерялись там. Ведь даже старики говорили, не надо туда ходить. Там люди совсем исчезают, или приходят, а потом умирают. Бредят всё. О чем потом говорят и не понять. Такое говорят, будто совсем переучились и одурели от переучения.

– А что это за урманиха? - спросил Александр Николаевич.

– Самые глухие и страшные места в тайге, - ответил Черемных. – Урман называли наши старики. А мы чичас называем попростому – черная тайга.

Кстати, и, сейчас, настоящие таежники называют глухие и непроходимые места в тайге – черная тайга. Вот это название перешло и в наше время.

Вот бы мне туда попасть, да хорошо узнать, в чем дело, подумал Александр Николаевич. Поговаривали, что такое место есть где-то на Урале. Неужели, подумал Радищев, здесь есть ртуть? Кажется, что здесь многое что есть. Нужны века, чтобы сюда добрался промышленный человек. А то, что здесь есть множество целебных источников можно и устроить лечебницы.

Мечты Радищева остались мечтой. Ничего здесь не построили, не стало целебных лечебниц. Всё уничтожили приезжие варвары с юга нашей страны.

Радищев спросил:

– Далеко отсюда?

– И не вздумай туда идти, Лисандра Николаич, – замахал руками Никитка. – Сопсем мужики там пропали. Десять дней их уже нет. Всё. Пропали. Сгинули в глухой тайге. Старики говорят, что там есь такой нехороший ручей. Вот от него идет вся беда для человека. Тунгусы далеко обходят то место. Туда на водопой не приходят звери.

– От устья Илима где-то полста верст. Отсюда шибко далеко, – сообщил Иван Черемных. – Лучче домой погребем.

Радищев решил всё-таки, побывать хоть на немного у того ручья. Не мог он оставить то место без исследования. Летом или осенью он на лодке доберется до устья Илима. И навестит тот ручей. Доберется он до устья Илима и этой зимой. И летом там побывает. Ему надо понять, почему стерлядь и осетр не входят в реку Илим. Для него это была новая загадка, и он обязан её разгадать.

И вот они снова в Илимске. Зеленая ботва картофеля веселила душу Радищева. В теплицах росли дыни. Будет урожай. Люди приходили смотреть на такое новшество на Илеме, как теплицы. По их примеру что-то похожее стали устраивать: бургомистр Романов, соседи Прейны.

Картофельная ботва появилась уже где-то на огородах у десяти домов. Проезжий купец сообщил Радищеву, что почти по

всем деревням появились огороды с картофелем. Правда, их было мало, но они появились.

– Вот Елизаветушка, хоть что-то мы делаем полезное для илимского крестьянина, - сообщил он жене.

– Много, весьма много ты делаешь для этого забитого темной народа, - ответила Елизавета.

– Только обидно будет то, что всё забудут люди, - с печалью в голосе ответил Александр Николаевич. – Придет время забвения. И даже никто не вспомнит моё имя.

– Есть такие дела, которые даже время не сотрет из истории.

Здесь была права Елизавета Васильевна. Его имя останется в веках, правда, не для всех. К великому сожалению не для всех. А пока он не мог сидеть без дела. В его кузнице закончилась железная руда. Надо было отправляться в деревню Шестакова. Ему хотелось найти заброшенный рудник. В прошлый раз он наткнулся на разработку железной руды. Но ещё должен быть рудник. Там он узнает богатство той горы.

Он поговорил с бургомистром, чтоб он выделил ему рабочих людей. Радищев чувствовал, что на этот раз он выйдет к руднику. Теперь он знал путь до той горы. И ему не нужно будет брать проводника.

Приказчик Неуспокоев узнал о намерении Радищева снова отправиться на поиски железной руды. Пришел к дому.

– Не можешь унять, Лисандр Николаич? - с ехидцей в голове спросил приказчик. - С Киренска приедут на досмотр господа от администрации. Чо я им скажу? Ссылный Радищев снова запотел ехать за рудой?

– Я ведь не для себя стараюсь, господин комиссар. Для народа надо кое-что ковать. Люди ждут. И потом, надо бы в Илимске, как в далекие времена, построить настоящую кузницу и плавильную печь. Ведь когда-то здесь славно варили железо. Всё делали сами. Ничего из железа не завозили. Сейчас ничего здесь этого нет. У меня хоть маленькая плавильная печь и кузница, но хоть что-то делаю.

– Э куда хватил! Не ндравится это народу. Недовольны люди, чо ты там по горам шастаешь.

– Тогда почему оттуда приезжали люди ко мне и просили подковы. Как это понять, господин комиссар?

– Не бери меня за горло. Жалуются и всё тут.

– Так я же и для вас сделал подковы из того железа. Славное железо.

Неуспокоев почесал красный и толстый нос, солидно крикнул, прокашлялся.

– Ну, этово, как ево, с меня ведь спросят, - понизил он голос.

– Так и объясните полезность оногo мероприятия.

– Закрутил мне мозги. Ладно. Езжай. Воробьеву скажу, что ты отбыл по государственным делам.

– Вот это правильно, - ответил Радищев. - Именно вот это мероприятие и есть государственное дело.

Рано утром на двух лодках Радищев, а с ним четверо рабочих отправились до деревни Шестакова. Павла он не взял. Он поручил ему заниматься с детьми по букварю.

В Шестакова их никто не встречал.

Мужики выгнали лодки на берег, и тут только подошли двое крестьян.

– Ефремка, ты чо это к нам? - обратился крестьянин к одному из рабочих. - Прошлым летом был на свадьбе у мово кума.

– Сопровождаю вот, ученова Радищева доседа.

– Понятно. Чо не понятно-то? Понятно. Извиняй, Лисандра Николаич, мы заняты работой. Показать не можем, чо тебе надо.

– И не надо, - быстро ответил Радищев. – Я-то место хорошо знаю. И много после меня приехало промышленных людей?

– Дык, тово, как ево, никаво не было.

– Так чего бояться? Я один сюда ходок.

– Я понимаю. Привычка. Понаедут люди. А какие люди, нам неведомы. Распознают о том месте. Да и зачнут ковыряться в горе. И нам ни какова жигтя не будет. Замордуют нас, как у Демидки.

– О, мои хорошие, передайте людям от меня, чтобы жили вы спокойно. При вашей жизни и при ваших детях и внуках никто не придет сюда. Очень далеко вы живете от России. И меня не бойтесь. Что я один вам сделаю? А то, что здесь есть руда в

России давно известно. Только невыгодно отсюда возить руду в Россию. Там рядом, на Урале есть руда. Успокойтесь. Вас никто не тронет.

Радищев и его работные люди пошли вдоль бурной речки к горе, в которой, как предполагал Радищев, должен быть рудник.

Их догнал маленький мужичонка с растрепанной бородежкой. Одежка на нем вся рваная. Из стареньких ичигов торчали большие пальцы.

– Я с вами надумал увязаться, - сообщил он. - Емелькой меня кличут.

Один из работных ответил:

– Знамо дело. Емелька-дурачок. Кто ж тебя не знает. Всяк знает. Чо тебе надо? Беги домой, а то от старосты деревни попадет.

– Ну, так чо? К ремням я привышний. Не боюсь. Я знаю, то место, Лисандра Николаич. Таежного лешака видал. Чай с ним пил.

Мужики даже остановились.

– Ты болтай, да не заговаривайся, - проворчал один из мужиков. И все трое стали озираться. – Чо с тобой говорить? Об чем это с тобой дураком лешак говорить будет?

– А вот и говорил. И вам не скажу.

– Поумнел шибко? – тихо сказал мужик. - Староста-то быстро вышибет из тебя последний ум. Если читать начал, так сразу и поумнел?

– Пойдемте, пойдемте, нечего стоять. Нам надо к вечеру на ночевку определиться, - сказал Радищев. – Рыбы наловить. Уху сварить надо.

На этот раз мужики пошли неторопливо, да на гору, что справа поглядывали.

– Емельян, ты с лешаком говорил? А кто это? – спросил Александр Николаевич, хотя и знал кто это. Таежный человек.

– Как кто? В тайге он живет. Я его не боюсь, а все боятся.

– Дурак ничего не боится, - ответил мужик.

– Ладно, Емельян, мы потом с тобой поговорим о таежном человеке.

Вскоре Емелька махнул рукой вправо. Над ними высилась высокая гора, покрытая черным лесом.

– Там есть место, где есть ваша руда. Все туда боятся ходить.

– А ты не боишься? – спросил мужик.

– Не боюсь. Я ишо в детстве там прятался от старосты, и от отца. А чтоб туда не ходил, они меня ремнем пороли, и в подвал садили. А я темноты не боюсь. Все дети боятся, а я не боюсь. Ничо я не боюсь. И читать книжки не боюсь.

– Где же ты книжки берешь? – заинтересовался Александр Николаевич.

– Это мой секрет. И староста бил, и отец бил, и все меня дразнят дурачком, и бьют, а я не покажу те книжки никому.

– Не зря ты из дому убежал, - съехидничал мужик. – Книжки читать?

– А может и книжки, а может чо и другое, - зло ответил Емелька.

– От родителей не надо было бы убежать. Они ведь твои родители, - сказал Радищев.

– А если от них житья не было ни какова. Смеялись надо мной и били, чтобы я не рассуждал. Как стукнуло мне двенадцать годков, так и сбежал с деревни Зыряновой. Много побирался по деревням. Три года, как здесь остался. И здесь бьют, чтобы не рассуждал и не читал. Сержант Воробьев в Илимске уши мне драл.

– За что же он тебе уши-то драл? – спросил Радищев. Он весьма заинтересовался нищим Емелькой.

– А я мальчишкам стал рассказывать о других странах, и как там люди живут. Какая там война идет. Кто-то доложил поручику, а он послал Воробьева. В остроге сидел, и уши драли, и ремнем били, чтобы я не рассуждал и не смущал детей на рассуждения. Поп сказал, что я блаженный, и меня отпустили. Меня ведь ещё зовут Емелькой блаженным. Пусь меня хоть как зовут, а я кем есть, тем и останусь.

Радищеву захотелось обнять нищего бродягу, даже сердце защемило. Но он сдержал себя. Спросил:

– Сколько же тебе годков, Емельян?

– Осенью стукнет двадцать восемь годков.

Радищев даже остановился. Но ведь перед ним взрослый мужик! Как же так?

Мужики тоже остановились. Радищев взял за худенькие плечи мужичка, и приблизил его лицо к себе. За обросшим и грязным лицом, было видно, что это молодой парень. На Радищева упорно смотрели большие, темно-коричневые глаза с явной хитринкой и насмешкой. В них Радищев не увидел сумасшествия. В этом он хорошо разбирался. В них Радищев увидел ещё то, что парень скрывал от людей. В них явно светился ум. Просто парень выбрал себе вот такой путь в этом глухом и непонимающем его крае. Он выбрал путь блаженного. И Радищев понял Емельяна. Ему в этой жизни оставалось или погибнуть или выбрать путь блаженного. И он стал таковым.

Александр Николаевич отпустил парня от себя, и сказал мужикам:

– На Руси никогда не обижали таких людей.

– Да мы ни чо. Просто местный староста руки распускает. А мы ничо. Чо с дурака какой может быть спрос?

Емелька стал подниматься в гору. Продираясь сквозь чащу, он сказал:

– Здесь недалече рудник тот. Вот и тропка моя. По ней и до речки недалече водицы набрать, и рыбку на уху половить. Вот, кажись мы и пришли.

Емелька раздвинул кусты, и Радищев увидел в горе темный проем. Оттуда несло прохладой и прелостью.

– Я здесь часто сплю. Вот готовые факелы. Я их в смоле выпачкал. Хорошо и долго горят.

Сразу у входа в рудник пепел от костра, металлический таганок под котелки. У стены низкие нары, на них оленья шкура. И укрыться есть шкура. Чуть дальше тачка, покрытая белым налетом. Конечно, она осталась от первых рудознатцев. Рядом с тачкой валялись куски темной руды. Тут же лежали две кайлы.

– Сам-то не пробовал добывать руду? – спросил Радищев.

– Мне она ни к чему. Есть красивые куски.

– Далеко пробит рудник?

– Да нет. Метров на двадцать. Я ходил туда. Руды там много торчит в стенах.

Мужики пошли на рыбалку. Радищев сел на сутунок. На нем часто сидел Емелька.

– Садись парень рядом со мной, да рассказывай, где берешь книжки? Меня не бойся. Никому не скажу.

Емелька сел рядом с Радищевым.

– Я ничо не боюсь. Привык. Про книжки я всё придумал. Я на разные придумки горазд. Но читать умею. В деревне Поповой есть попик Попов. Так вот он научил меня читать. Я всю Библию ему прочитал. Я научился бегло читать. А потом я горазд придумывать разные приключения. Рассуждаю много. Вот меня за эти рассуждения и бьют.

– И с таежным человеком рассуждаешь?

– А как же? Он хороший дед. Меня понимает. Никто меня не понимает, а он понимает. И про звезды мы с ним говорим. Он говорит, что на некоторых из них живут люди. Только до них мы никогда не долетим.

– Учиться бы тебе надо. Тогда бы ты много ещё узнал.

– В школе я совсем не учился. Я боюсь переучиться. Вон ты переучился, и сюда угодил. Не, я так буду жить.

– Я бы тебе помог с учебой.

– Нет. Не желаю. Мне и так хорошо.

Пришли мужики. Принесли рыбу. Сварили уху, а потом легли спать у костра.

Ночью Радищев проснулся оттого, что кто-то смотрел на него. На сутунке сидел таежный человек.

– Я же тебе говорил, что мы ещё встретимся. Вот и встретились. Парень тоже спит, - улыбнулся дед. – Толковый парень. Умный. Но учиться он не будет.

Радищев сел рядом с дедом. От него пахло тайгой. Запах тайги? Какой?

Я встречал настоящих таежников. У меня было такое ощущение, будто они не боятся мошки и комаров. От таежника мужским потом не пахнет, хоть, сколько он пройдет километров. От него пахнет кедровыми орехами, смородинником, и другими разными травами, а также запахами дымка от костра.

– Парню учиться надо бы, - возразил Александр Николаевич.

– А зачем? Я ведь тоже никогда и нигде не учился. Если ты ещё одного парня устроишь на учебу в Иркутске, это вызовет подозрение. Над тобой постоянно висит гроза, Александр Николаевич. И молния в любой момент ударит.

– Я уж привык к этим молниям. Вся моя жизнь в грозе.

– Ведомо мне. Книгу добрую ты написал. Про таких людей, как ты, люди говорят, что родился не в свой век.

– Откуда тебе, дед известно, что какую-то книгу я написал? И ещё. Возможно, я родился в самый раз. Это моё время.

– Мне ли не знать про книгу. Слухом земля полнится. Не в свой век ты родился. Это моё мнение.

– А в какой же я век должен родиться?

– Ну, например, через два столетия. Мир изменится до неузнаваемости. И ты в том мире стал бы великим ученым. И за это тебя бы не терзали молниями так, как сейчас.

– Откуда тебе ведомо, что мир так изменится?

– А надо размышлять, - вдруг он тихо засмеялся. – Что мне одному делать в тайге? Никто меня не осудит за мои размышления. Мир ведь не стоит на месте. А Емельяну не надо учиться. Он станет моим учеником. И никто ему не помешает размышлять. Вот возьму и усыновлю его.

– Сам-то ты дед детей, не имеешь что ли?

– Не пришлось. Вот и приметил Емельяна.

– А какая же твоя фамилия, дед? Емельяну ведь тоже надо будет давать фамилию.

– У него есть фамилия. Слободчиков Емельян. А я просто. Таежный дед, или просто, таежный человек. Так вот и зови меня.

– У каждого человека есть родители. У тебя ведь они тоже были.

Дед долго молчал. Он словно к чему-то прислушивался. Радищев заметил его задумчивый взгляд. Он будто смотрел вдаль, и о чем-то своем думал. Радищев не нарушал долгого молчания деда. У Радищева была редкая привычка среди интеллигентных людей, не перебивать собеседника, а внимательно выслушивать. В наше время можно редко встретить таких людей, особенно среди интеллигентных, культурных и образованных женщин. Эти элитные дамы нетерпеливы и взбалмошные. Они слуша-

ют только себя, и любого могут перебить. На всех культурных мероприятиях они, как правило, садятся на первые ряды и постоянно шепчутся, хихикают, будоражат людей, никого не слушают, всех выступающих обсуждают. Интересно, чтобы сказал Радищев, если бы на какой-то миг он побывал на каком-нибудь мероприятии? О культуре поведения он бы не стал рассуждать, его бы просто высмеяли.

А вот как ответил таежный человек.

– Родители? Я с молодости жил один. А зачем тебе это знать? А, в общем-то, в любой век такой, как ты негоден. Ты человек для любого общества неудобен. И возможно, я уверен, через двести лет, ты бы снова попросился вот в это время. Почему? Я так имею право рассуждать. Высокотехнический мир, поверь мне, породит людей образованных, но без чести и совести.

– Но ведь, среди образованных людей должна быть высокая культура, - попытался оправдать будущее поколение Радищев.

– Это вам так кажется, образованному и культурному человеку этого века. Они только будут называть себя образованными и культурными людьми. Ничего этого в них не будет. Царица Екатерина считает себя образованной и культурной женщиной. Всё это ширма. А будущая цивилизация породит таких женщин миллионы. И мужчины от них не будут отставать. Но верх возьмут женщины. Именно они поведут мир в будущее. Надо будет ещё порассуждать какое оно будет?

– Ты, дед, так говоришь, словно будущее видишь. А я его вижу другим. В нем будут жить высокообразованные люди, таких, как местные крестьяне не будет. Все станут грамотными, все будут учиться, много читать. Везде, даже в деревне будет своя библиотека. Не будет над человеком царского самодержавия. Правителей страны будет избирать народ. Дума будет избираться из народа. Люди могут свободно рассуждать. Вот таким я вижу мир через двести лет. Все мои мысли именно о таком мире. А ты говоришь о каких-то женщинах бес чувства меры и культуры. Это же дикость! Не может такого быть! Они же не дикари какие-нибудь на необитаемом острове. Такого не может быть, чтобы наши женщины стали такими дикими.

– Александр Николаевич, это мои рассуждения. Вы в том будущем не прижились бы.

– И меня эти самые женщины перебили бы, если бы я начал им говорить о культуре?! - возбужденно воскликнул Радищев.

– Перебили бы, да ещё как перебили. И даже не дали бы закончить речь.

– Но ведь это был бы мир культурного и передового общества! – воскликнул Радищев.

– Ширма! – повысил голос дед. – Всё ширма. Ни какой культуры не будет! Всё ширма и игра.

– Ну, тогда я не понимаю, - развел руками Радищев. От такого крика проснулись мужики. И тут только Радищев заметил, что за спиной у деда, на земле сидел Емелька. Он довольно улыбался.

Радищев спросил:

– Емельян, ты всё слышал?

– Всё слышал.

– И что ты понял из нашего разговора?

– Всё понял. Мир в будущем будет таким, как вы сказали, и как говорил дед. Вы оба правы и оба не правы.

– Как это понять, Емельян?

– А вы начните рассуждать и поймете.

Пока они так разговаривали, наступил рассвет. Мужики встали, и начали готовить таежный чай.

Радищев зажег факел и вошел в рудник. Протяженность его была около двадцати метров. Факелом он осветил стены. Стучал молоточком по камням, и понимал, что это железная руда.

– Как я понял, оная гора вся состоит из руды, - сказал он про себя. Разглядывал рудник, обстукивал стены, щупал куски руды, и всё думал о странном таежном человеке. И Емелька, оказывается не простой парень. Успел поучиться у этого деда. Вот тебе и блаженный. О, если бы он пошел учиться! Высокого полета стал бы этот парень. Но, учиться он не пойдет. Радищев это понял. Да и безродного нигде не возьмут. Нет, дед не прав. Не такое будущее через двести лет будет, каким обрисовал ему дед. Разве такими станут женщины? Каких-то дикарок дед нарисовал ему. Подойдет время, когда все дети будут учиться. Многие станут

учеными. Мир намного изменится. Исчезнут глухие деревни. Не станет жадных и вороватых купчишек и администраторов. Вот о таком будущем мечтал великий Радищев. Вот если бы Радищев появился на какое-то короткое время в нашем мире, что бы он сказал, и чтобы он сделал? Я уже писал, что он бы создал новую книгу под названием «Путешествие из Санкт-Петербурга во Владивосток» и навсегда бы почил.

Радищев вышел из рудника. Мужики ждали приказа. Таежного деда и Емельки не было.

– А где дед с парнем? – спросил Радищев.

– Так этова, как ево, ушли в тайгу. Лисандра Николаич, так этова, как иво, неужто это был сам лесной леший? И парня закрутит, Неужто он был, али как?

– Мне, как и вам, неведомо. Просто это был охотник.

– Летось охотники не ходят. Неужто сам?

– Давайте, мужики, за работу. Там этой руды брать и не перебрать.

Руду вынесли к лодкам. Подошло несколько мужиков.

– Мы ничо. Мы так. Мы нешто не понимаем? Понимаем. Раз тебе нужна железка, то и бери. Никто сюда боле не придет.

– Можете не беспокоиться, - ответил Александр Николаевич.

– Кроме меня сюда к вам больше никто не придет. Передайте мои слова всем. Возможно, и я больше к вам не приеду.

– Лисандра Николаевич, вы посмотрите людей. Люди хотят с тобой поговорить. Раньше не могли. Боялись. Ты уж извиняй нас. Тот староста помер, царствие ему небесное. Таперича я староста. Кузьма Шестаков.

– Мужики, - обратился к своим работным людям Радищев, - как видите, я не могу отказать.

– Понимаем, мы всё понимаем. Мы чо? Мы ничо. Мы и здесь отдохнем.

– Зачем здесь? У нас есть дом пустой. Вот там и располагайтесь.

Александр Николаевич, будто знал, ещё, когда собрался сюда поехать, то с собой взял всё, что нужно для прививки против оспы.

На этот раз люди охотно шли на прием к Радищеву.

– В тайгу с вами убежал Емелька блаженный. Как бы в тайге не сгинул совсем, - сказал староста.

– Был он с нами, - ответил Александр Николаевич. - Он сказал, что тайга для него второй дом.

Староста под густыми усами скрывал недоверчивую улыбку. Сказал:

– А не встретили вы там таежного лешего? Говорят, что наш блаженный икшается с ним. Ну и как он?

– Кто? – переспросил Радищев. Надо было что-то отвечать. Он не знал, как люди воспримут встречу и разговор Радищева с таежным человеком. Работные люди могут сообщить о такой встрече.

– Ну, этот, как ево. Лесной человек. Как он?

– Мы его не видели. Видел ли его Емельян, откуда же мне знать? Просто проходил какой-то не то охотник, не то рыбак. Откуда мне знать в тайге ваших людей? Поговорили о погоде, да ушел он.

– Нельзя с ним долго говорить, - на этот раз серьезно ответил староста. – Говорят, человек может с ума сойти. Емелька-то совсем и спятил от встречи с лесным человеком.

Только на другое утро Радищев и его работные люди отправились в Илимск. На этот раз люди пришли проводить доброго доктора.

Радищева встречал исправник из Киренска Ковалевский Николай Андреевич. От него пахло водкой. Радищев заметил, что исправник частенько выпивает лишнего.

– Николай Андреевич, вам бы не стоило так много пить? У вас высокое давление. Это опасно.

– Понимаю, что опасно, - ответил Ковалевский. – Жизнь заставляет употреблять лишнее. Как посмотришь на эту нашу жизнь со стороны, так и хочется напиться, и не видеть всякие безобразия.

– А вы думаете, что мне легко всё это видеть? – с печалью в голосе ответил Радищев. – Но я, же не пью. Дворяне курят. А я вот не курю. И считаю, что это вредно для нервов и вообще вред для легких.

– Понимаю. Вам намного тяжелее, чем мне. Но, видимо, я слабый человек, а вы сильный, мужественный.

– Да какое! – махнул рукой Радищев. – Порой всякие мысли приходят. Сдерживаюсь вот.

Мужики носили мешки к дому Радищева. А он и Ковалевский стояли на берегу Илима и беседовали.

– Со мной приехал Деев. Шкурник он, скажу тебе, отменный, - признался Ковалевский. – К приказчику Неуспокоеву пошел. Если меня снимут, плохо тебе будет. Поговаривают у нас в администрации, что скоро нового губернатора поставят, а этого уберут. Тогда тебе совсем плохо будет. Ты уж будь немного потише. Лишнего людям не говори. Народ ведь разный бывает.

– Тише этого не могу быть. Мой друг Воронцов в отставке. А если ещё снимут с должности Ивана Альферьевича, то не знаю, как и жить тогда. Вот от дум нехороших меня и спасает работа, и путешествия по Илиму, по деревням. Там только и нахожу утешения. И родные почти перестали писать. Нет писем и от друзей. И, как видите, я не пью.

– Спасибо вам за моего сына Сашу, - сказал Ковалевский.

– Как у вас в Киренске с картофелем? - спросил Радищев.

– Там с этим картофелем возится Гушин. Молодец. Но и ему тяжело приходится. Такова ума человека, как вы, у нас в Киренске нет. Да и вряд ли во всей губернии такова не сыскать.

– Нужны убеждения, - ответил Александр Николаевич.

– Ты многое что умеешь. Вот народ и тянется к тебе.

– Пойдемте лучше ко мне в дом. Я вас хорошим чаем угощу. Хмель быстро пройдет.

– А если в душе моей хмель? Тогда как? – с надрывом в голосе спросил Ковалевский.

– Это хуже. Но поправимо. Пойдемте.

Когда они вошли во двор, их встретила Елизавета.

– На двух лодках со слугами приезжал Литвинцев Игнат Дмитриевич. Он привез для твоих опытов и работ немного кусков серебра. Они отправились в деревню Литвинцева.

– Чаем напоила гостей, Елизаветушка?

– А как же! В дорогу Василиса с Марьяной пирогов им напекли.

– Ну, вот и хорошо, да и серебро в самый раз нужно мне будет. Вот как раз я вас немного настоящим серебром и полечу от жажды. Травки разные попьете.

– Деев-то не требует от вас починать кубышку? – смеясь, спросил Ковалевский.

– А что с него взять? Все они одинаковы. Чуть к должности, какой прорвались, так и берутся за свое. Как бы с кого урвать. Бедного крестьянина эти люди, стоящие у власти, готовые до нитки обобрать. Нет у них совершенно совести.

– Это так. Вот в другой раз посмотришь на эти безобразия, и хочется напиться.

Александр Николаевич угостил Ковалевского целебным чаем, заваренным на травах. Водичку дал попить. На дне кружки лежал кусок чистого серебра.

– А вот эта вода взята из ручья, которая помогает от желудка и печени. Состав хороший в этой кружке.

К вечеру Ковалевский уже не желал опохмеляться.

– Вот так и жил бы у тебя, Александр Николаевич, но служба есть служба. Ты ведь знаешь, моя должность такая. Ездить и проверять, как живут ссыльные. В Илгинской волости был. Там в остроге восемь каторжан, и пять ссыльных. В Илимском остроге, сидят в тюрьме трое каторжан, и вас трое ссыльных.

Кроме Радищева в Илимске находятся ещё двое ссыльных. На днях их из Тобольска сюда прислали. Они были студентами. На площади полицейские избивали крестьян, которые пришли к дому администрации просить защиты от волостного старосты, который обирал их нещадно. Студенты заступились. Началась драка. Погиб один студент и один полицейский. Состоялся суд. Одного студента приговорили к повешенью, а двух в кандалах сослали в Илимск. Судья сказал:

– В Илимске уже есть один государственный преступник. И вам туда же дорога к нему. Вешать вас всех надо, как вешали взбунтовавшихся крестьян, а виселицы отправляли по Волге, чтобы другим не было повадно. Пугачевщины более не быть в России. А этот Радищев ещё хуже Пугачева. А я бы всех его заступников к Шешковскому отправлял бы на дыбу.

Радищев ещё не познакомился со студентами. На что Ковалевский ответил:

– Встречаться можно, но чтобы лишнего ничего такого не было. Им не разрешается покидать Илимск. Такое дано предписание. На десять лет их сюда сослали. Я с ними уже вел беседу. Предупредил, чтобы они с тобой не очень встречались. Один из них слабенький, плакал при мне, к маме просился. Долго не протянет, а другой, парень на язык остер. Кремень.

– А кто в тюрьме находится?

– Это настоящие тати. Никакого интереса у тебя не будет к ним. Немного в тюрьме посидят, да отправят по деревням по одному. Нечего им казенный хлеб жрать. Пусть на земле поработают.

– А если сбегут?

– Куда? Тайга кругом. Глушь. Бывали случаи сбежали. На медведя напорются, или на волков. Многие возвращались. Правда, были случаи совсем уходили. А куда? Неизвестно.

– Студенты, где проживают?

– Это уже не студенты, а ссыльные. Их поселили в маленький пустой дом. За ними идет постоянный присмотр. Такое пришло предписание. Бабка здесь есть Евлашиха, так вот она к ним с добром относится. Сержант Воробьев решил проучить её, а она его за бороду, и по щекам отхлестала.

– Молодец бабка Евлашиха. Знаю такую бабку. Настоящий воин.

– Так вот она этому Воробьеву ответила, что в Сибири так принято. Кандальникам и ссыльным приносить еду. И нарушать этот народный закон она не станет. А если сунется Неуспокоев, и того оттреплет за бороду.

– Даже бабка Евлашиха воспротивилась законной власти, - сказал Радищев.

– Что с неё взять? Она сумасшедшая. Да, я видел её огород. Картофель у неё отменный растет.

– Надо будет посмотреть, - ответил Александр Николаевич.

Утром Ковалевский уехал. Обещал не пить. Но Радищев ему не поверил. По его красному с прожилками носу он понял, что этот запойный господин не бросит пить. А жаль. Ведь добро-

душный, честный и умный господин. Ссылных и каторжан не притеснял. Ни с кого не требовал «открывать кубышку».

Радищев работал в своей лаборатории, на древесном угле размягчал железную руду, превращая её в настоящее железо. Он говорил Степану Дьяконову, помогающему ему в кузнице.

– Ну и руда! – восклицал Александр Николаевич. – Настоящая промышленная гора богатая железной рудой! Верю, подойдет время, и она будет нужна людям. Заработают заводы. Верю в такое будущее. Через лет двести и не узнать будет этот глухой и погибельный край. Не узнать.

В дверях кузницы стоял молодой человек в старенькой суконной куртке. В больших и блестящих от черноты глазах было любопытство и удивление. Даже чуть приоткрыт рот. Парень потер короткую черную бородку, другой рукой приткнул к глазам платочек. В кузнице стоял едкий дым, и, видимо, у парня защищало в глазах. С непривычки такое в кузнице бывает, да ещё где работают с железом. Радищев и Дьяконов давно привыкли к такому дыму.

– Вы и есть, Александр Николаевич Радищев? – удивленно спросил парень.

– А ты тот самый студент из Тобольска? – ответил Радищев. Конечно, Радищева было не узнать. Грязная и вся в саже одежда, длинный халат. Руки, засученные по локоть, и лицо закоптились в саже. Сейчас он был похожий на какого-нибудь рудокопа. Тут, конечно, можно было удивиться. Великий ученый, писатель, мыслитель, высокообразованный человек, которого знает вся образованная Россия. И вдруг кузница. Молотобоец, кочегар, кузнец.

– Ты, парень выйди на свежий воздух. Мы со Степаном люди привычные. Потом поговорим. Иди, иди.

Парень выскочил во двор. Он хватал ртом свежий летний воздух. К нему подбежала молодая особа.

– Господин хороший, умойтесь и всё пройдет. Хозяин сам сделал умывальник. Помойтесь. Там есть вода.

Потом парень сел на скамеечку под огромной елкой. Его удивлению не было конца. Такого он не ожидал увидеть. Вот это человек! А они с Гришкой уж совсем раскисли. Зря Гришка не

пошел посмотреть на работающего великого Радищева. В основном все студенты были знакомы с писательскими и научными работами Радищева, и в тайне восхищались им. Знали всё и о знаменитой книге. И теперь им придется жить в одном месте с этим человеком. Это ли не великое счастье! А Гришка ещё и ноет постоянно, а ночами плачет.

Летнее солнышко пригрело парня, и он задремал. Разбудил его чей-то мягкий и тихий голос.

– Молодой человек, вы ко мне?

Парень вскочил. Перед ним стоял среднего роста мужчина, в распахнутом зеленоватого цвета камзоле, в ярко белой рубашке. Он был гладко выбритый. Высокий лоб, аккуратно причесанные седоватые волосы. Под тонкими бровями на парня смотрели большие и блестящие, как спелые вишни глаза. Парень почему-то подумал, что этого мужчину должны любить женщины. Мужчина чуть улыбался.

– Вы ко мне? – переспросил Радищев. Парень узнал его. Это был он.

– Я из ссыльных. Иван Горбунов из Тобольска.

– Догадался. Проходи. Чай будем пить. А может, кофе попробуешь? Я сам хороший кофе готовлю.

– Спасибо. Что вы! Мне нельзя к вам?

– Отчего это? – спросил Радищев, не переставая улыбаться.

– Но я, же преступник. Ссыльный. Мне нельзя к вам.

– А я кто? Тоже преступник. И тоже ссыльный.

– Приказчик Неуспокоев приказывал нам ни с кем не встречаться, особенно с вами. А мне так хотелось увидеть вас. За нами идет слежка. Нас два полицейских стерегут.

– За мной тоже идет слежка, доносы, клеветы. Теперь уж и нельзя ни с кем поговорить вам? Так что ли? Идем, идем. Вместе будем отвечать. А где ваш друг и товарищ по несчастью?

Иван пожал плечами, и ничего не ответил.

– Понятно. Не спрашиваю. Идем.

Они вошли в дом. Александр Николаевич сам приготовил кофе.

– Курить не предлагаю, потому что не курю.

– Большой вред для легких, - ответил Иван.

– Со слюной проникает яд в желудок. Вот вам и язвенная болезнь.

– У нас гость? – вошла в кабинет Елизавета. – Из тех двоих?

– Из них, - ответил Александр Николаевич. – Справедливость решили восстановить. И вот угодили к нам. Справедливость у нас не в чести. Она наказуема.

Александр Николаевич сам разлил по кружечкам кофе.

После некоторого молчания Александр Николаевич спросил:

– Книги или журналы с газетами привезли, или всё отняли?

– Ничего нам не разрешили брать с собой. Мы ведь до Красноярска в кандалах были. Предписание такое было. Георгий совсем скис. Мне жалко его. Иногда мне, кажется, что у него с головой что-то случилось. Заговариваться начал.

– Надо обследовать парня. Ну а ты как?

– Терпимо. Заслужил. Терпеть надо. Вы вон терпите, а почему я не должен терпеть? Я с вас буду брать пример.

– Терпение, это главное, что нам нужно в этой глуши. Ты вот что, Иван, приходи ко мне и читай книги, журналы, газеты. Правда, сейчас всё реже все такие издания приходят ко мне. Терплю. Работы много, как ты заметил. Пишу много. Разрешаю почитать. Но с собой ничего не дам. Отберут. Попробуй потом у них взять? Это не главное. – Неожиданно он громко засмеялся. – Главное, вдруг мы заговорим о свержении самодержавия, и призывы к революции. Не Пугачева она испугалась, а испугалась она французской революции. Как раз всё совпало. В Европе вон всё перестраивается. Как тут не испугаться? Испугаешься.

– Некоторые наши студенты так же думают, только молчат. Интересно, а за такие разговоры, куда нас могут ещё сослать? – спросил Иван.

– Вроде глуше ничего нет. Вот только в острог посадят. А может ещё произойти хуже. Меня уже приговаривали к смертной казни. Друзья выручили. За Пугачевым вслед пошел бы. На одну плаху бы положили. Тоже в кандалах везли. Мы вот с тобой поговорили, и понимаем обстановку в Европе и в России и хватит с нас. Мы это знаем и понимаем. А кому здесь доказывать? Неуспокоеву? Воробьеву? Доказывать крестьянам? Они все не

поймут про то, что мы будем говорить. И не надо. Горох об стену. А вот как-то помочь крестьянину в беде, это наше дело, чем я и занимаюсь. Вот как раз это и есть главная моя задача. Изучать, помогать, чем могу.

– Я уже слышал среди крестьян, вас уважают и любят.

Иван ушел. Александр Николаевич обещал навестить парней, и обследовать Григория.

Елизавете он сказал:

– А сколько таких молодых людей вот так вот думают. Пугачевское восстание и французская революция дали толчок в молодежи к размышлению о существующем мире.

– Надо ещё не забывать, что твоя книга «Путешествие из Петербурга в Москву» не уступят этим двум мировым событиям. Двор не на шутку перепугался от такой книги. Она как бы подвела итог этим событиям. В ней ясно сказано, что что-то надо менять в России. Кто же такое может простить?

– Интересно, а смогу ли я написать ещё такую книгу, но страшнее в своей правде? – задумчиво ответил Александр Николаевич. – Куда же меня потом сошлют? А скорее всего, четвертуют, как Степана Разина.

– С такими речами нас чего доброго ещё куда-нибудь закроют, - улынулась Елизавета. – Только не надо об этом говорить с кем-либо. Мало ли что.

Александр Николаевич решил осмотреть свой большой огород. Урожай ожидался добрый. Уже радостно цвета картофель. Росли огурцы, капуста. Радовали глаз дыни в теплицах. Недалеко огребали картофель Прейны.

Мимо участка Радицевых ехал верхом на лошади Иван Черемных.

– У меня тоже картоха цветет, - сообщил Черемных. – Ездил я на ваш покос. Пора сено готовить на сплав. Када зачем?

– Совсем забыл о покосе, - быстро ответил Радицев. – Собирай мужиков, и завтра на зорьке начнем косить. А сегодня вечером отправимся на Зырянку.

– Ясенько. Будет сделано, Лисандра Николаич.

Вечером мужики начали сплавлять специальные два плота, на которых вывозят сено. А с сеном эти плоты будут тянуть лошади.

Как и в прошлом году, когда сено заложили в два зарода, устроили хороший обед. Напекли пирогов, и другие закуски, а также купили два ведра вина.

На другом краю Илимска были слышны песни подвыпивших мужиков и женщин. И пели все, и плясали под гармонику и балалайку. Например, бабка Евлашиха исполнила под балалайку частушки. Оказалось, что она отлично умела играть на этом старинном инструменте, и хорошо пела.

Когда расходились по домам, к Радищеву подошла Евлашиха.

– Я давно живу на этом свете, на такова человека, как ты, не встречала. Навроде и не должен такой ты быть. А ты другой. Наш. Из народа. Навроде шибко грамотный, даже шибко, однако, переучился, а другой. Не важничаешь. Нос кверху не задираешь. Народ лечишь, не амманывашь людей. Иногда вот думаю, пошто ты такой? Неужто там тебя не заметили, что ты другой. Зачем тебя сюда законопатили сволочи переученные? Их всех самих сюда надо бы. Таких людей беречь надо бы. Пошто так? Не пойму.

– Сложный вопрос бабка Евлампия Кузминична, сложный. Сразу и не ответишь. Да и зачем? Им там виднее кого сюда направлять. Это забудем. Лучше бабка Евлампия Кузминична я тебе благодарность и огромное спасибо дарю. Ты поняла смысл, как назвал картофель картохой Иван Черемных, смысл этого великого овоща. Осенью поймешь. Вот только вам надо готовить специальные погребя или под домом подполья под этот овощ. Я всем это объясняю, чтобы на зиму оставлять и для семян отбирать отдельно.

– Всё у нас будет, Лисандра Николаич, всё будет.

Когда все разошлись, и бабка Евлашиха ушла, Александр Николаевич поведаль Елизавете разговор с бабкой.

– Вот вам всем и деревенским бабка, - засмеялась Елизавета.
– А ведь какая она была вначале.

– Постепенно люди меняются, - ответил Александр Николаевич. – Возможно, хоть что-то и останется после нас. Время вещь жестокая.

И вот пришло время собирать урожай. Картофель уродился богатый. Радищев угощал людей многими блюдами из этого овоща. Мальчишек научил жарить клубни на костре.

Радищев собрался путешествовать по Илимю до Тунгуски. Ему хотелось побывать в устье Илима и выйти на Ангару. Радищева сопровождали: слуга Петр, пока ещё не отозванный в Иркутск офицер Алексей Пономарев, теперь уже другой солдат Данила Грязнов. Казачий офицер Новиков отправил с Радищевым уже знакомого молодого казака Кондратия Лыкова и Ивана Пушмина. А также Александр Николаевич взял с собой сына Павла. Ему уже было одиннадцать лет.

Разрешение такое он получил из Иркутска от губернатора Ивана Альферьевича Пиль. В письме же он сделал приписку, что этой осенью ему грозит отставка. Этого боялся Радищев. Ещё неизвестно кто займет его место. Возможно, такой вольности Радищев уже не получит. А недруги его, как в Иркутске, так и в Киренске поднимут головы и зашипят на разные голоса.

И вот три лодки быстро понеслись по Илимю.

Редко, где останавливались, только для того, чтобы поймать свежую рыбу на уху, да сварить настоящую сибирскую похлебку, да попить таежный чай. Останавливались на короткое время. А люди уже бежали встречать дорогого гостя. Остановились на ночевку в деревне Игирма. С близких деревень приплывали на лодках люди. Встречали Радищева, как дорогого гостя. Накрыли богатый стол. Конечно, была здесь и свежая «картоха». Так стали её называть местные люди.

Принесла приготовленную на масле картофель бабка Авдотья.

– Ну, чо милоч? Как обещала. Добрый урожай собрала. На семена оставила. Спасибо тебе, милоч за такое угощение.

– Это вам спасибо бабушка Авдотья за добрую помощь. Великое дело вы здесь на Илеме начали.

Потом остановились на ночлег в деревне Зырянова. И опять с других деревень прибывали люди. Прямо на улице организо-

вали застолье. Потом пели, плясали. Всех больше пела и плясала Лукерья Перфильева. Это была главная рыбачка в деревне. Зимой свободно шла на охоту. Однажды в начале зимы в тайге по непонятной причине появился медведь-шатун. В это время медведь должен лежать себе в берлоге да лапу сосать. Появлялся у деревни Коноваловой потом пришел к деревне Перетолчина. Пока никого не трогал, но шуму наделал. Охотники уже готовились убить такого медведя. Терпение у мужиков лопнуло, когда недалеко от Перетолчиной медведь задрал молодого бычка и уволок в тайгу. Лукерья пошла, проверить кляпцы (охотничьи ловушки), силки на зайцев. И вот тут-то Лукерья и встретилась с медведем. Недоволен был зверь такой встрече. Решил побороться с Лукерьей. Встал на задние лапы, и что есть, силы, заревел. Испугалась или не испугалась Лукерья, она и не поняла. Всего одна мысль была в её голове. Сейчас он её раздавит, и уволочет в чащу. Отжила Лушка. Как это произошло, она потом, когда всем рассказывала, как вышла на поединок со зверем, не знала, не помнила, не соображала. Она вынула из-за пояса тесак (холодное оружие меньше сабли наполовину) и с диким криком бросилась навстречу медведю. Она хорошо знала, что от медведя не убежать. И вонзила тесак в грудь зверя. И тут же отскочила, оставив тесак в груди медведя. Зверь как бы присел, продолжая громко рычать. И неожиданно повалился на передние лапы. Затих. Вот тогда только Лукерья побежала в свою деревню. Слух об отчаянной охотнице далеко прокатился по деревням Илима. Её даже стали называть медвежатницей.

– Лушка,мотри! - крикнул староста.

– С милова, да красивова не убудет! – с озорством отозвалась она, обдавая Радищева энергией жаркого тела.

Полная луна освещала небольшую поляну, на которой веселились люди. Когда ещё они будут так веселиться, неизвестно. Труд крестьянина, особенно летом и осенью самый трудоемкий. И только приезд дорогого гостя всколыхнул, растревожил деревню Зырянову и другие деревни.

Вот набежала темная тучка, и прикрыла луну, как бы напоминая людям расходиться по домам. Но не все разошлись по

домам. Тут уж луна самый откровенный помощник. Она знает, когда ей появиться...

Теперь путь Радищева лежал до деревни Погодаева.

И вот Радищев увидел длинный косогор. В лучах заходящего солнца красный яр, словно весь налился алым цветом. В лучах его крутизна местами сверкала, и словно живая переливалась, а узкие полоски, похожие на алые китайские ленты, будто шевелились, и пытались оторваться от косогора, и уползти к Илимю.

– Какая красота! – воскликнул Радищев.

– Напротив Киренска есть тоже такой же красный яр, - ответил офицер Пономарев. – Я до самого Якутска бывал. Там есть высоченная скала. Там есть удивительные столбы из камня. Они словно башни стоят недалеко от Лены.

– Там уж я не побываю, - ответил Радищев. – А хотелось бы. Какая это удивительная, но ещё не раскрытая и дикая страна Сибирь. Я хоть здесь, на Илим, должен, ну просто обязан всё познать, изучить.

– И народ здесь простой и пугливый. Народ этот ещё не раскрытый и дикий, - сказал Пономарев. – Правда, есть экземпляры на Илим удивительные. Взять хотя бы эту медвежатницу Лушку. Надо же, одна пошла на медведя! Если бы я не был женат, я бы к ней посватался.

– Рыцаря ждет подобного ей, - ответил Александр Николаевич. – Где ей взять здесь такого?

– Разобраны эти рыцари умными женами, - улыбнулся Пономарев. – Найдет какого-нибудь охотника, да детишек ему нарожает кучу. Таков удел местных крестьянок.

– Надо будет глины здесь взять на обратном пути, - сказал Радищев.

Здесь их встретили люди из деревень Погодаевой и Нижне-Илимской.

На этот раз они остановились на ночлег в деревне Погодаева. Пока ещё не стемнело, Радищев пошел к красному косогору. Он рылся в глине, мял её, нюхал.

За ним пришли деревенские мужики и пригласили на ужин.

К следующей деревне Туба они подплыли к вечеру. Здесь в Илим впадала небольшая речка с одноименным названи-

ем. Вверх по этой речке люди поднимались немного. Он ещё в Илимске слышал, да и в других деревнях, о таинственном и гибельном и непроходимые места. В наше время такую тайгу называют черной тайгой. А в далекие времена такие места люди вообще обходили. Даже тунгусы не селились в таких местах, и не вели там охоту.

Путешественников встретил староста и несколько мужиков.

– Давно тебя ждем, Лисандр Николаич, - сказал староста. - Дом для вас приготовили.

В деревне было двенадцать домов, из них три дома пустые.

– Сегодня приедут сюда люди из Корсукова и Сотниковой. Они недалеко от нас. А до устья за один день управитесь.

– Нам надо побывать в деревнях Зарубина, Бубнова, Зятя и Симахина, - ответил Александр Николаевич.

– Там вас ожидают два порога, особенно зловерный Симихинский порог. С норовом порог. Бубновский порог немного по-добрее, а тот, как на кого посмотрит. И лодки перевертывал и карбаса разрушал. Люди тонули. Шибко бедовый порог. Их не всякий кормчий может провести карбаса и лодки.

– В тех деревнях есть настоящие потомки мангазейцев, и казаков от Стеньки Разина, - сказал Радищев.

– Да, в Симахиной есть потомки с Мангазеи. А в основном там потомки от Разина, - ответил староста. – Меня все здесь кличут Иван Слободчиков.. По всем деревням наши деды были каторжане, да ссыльные. Силком всех в острог посылали в кандалах. Наши деды здесь, на Илеме, строили первые дома. Ставили первые деревни. Вот и тебя, Лисандр Николаич, в острог заслали. Мы, которые понимают это, сочувствуем тебе. Есть такие, кто не соображает, что их деды также были направлены в кандалах в острог.

– Я на таких людей не обижаюсь. Просто время меняет людей, - ответил Александр Николаевич.

– Темнота, чего с них взять. Ничего не читают и не желают читать.

– А вы что читаете?

– Как что? Библию читаю каждый день. У нас один ссыльный жил. Я у него многому научился. И то мне говорят, чтобы я не

переучился, а то, мол, отправят, как тебя от переучения в глухую тайгу. Он ушел в глухую тайгу и не вернулся. Второй год пошел, как его нет. Сгинул мужик. Туда нельзя ходить. А если кто оттуда выходит, то ему кошмары кажутся.

– Слышал я про то место, - ответил Радищев.

– На сколько, я знаю от старых людей и тунгусов, что там, в Тубу впадает ручей. И если по нему подняться, то можно остаться там навсегда.

Команду Радищева поселили в добротный дом. В доме стоял легкий дым. Пахло дегтем и ещё чем-то едким и противным. Это жгли конский навоз. Он на время отгонял мошку. Так выкуривали мошку из домов. Все люди ходили в сетках, пропитанных дегтем. Заедала мошка. Удой молока в такую пору падал. Коровы и лошади заходили в воду, чтобы спастись от насекомых и оводов. Но это их не спасало. Лошадей мазали дегтем. Коров не мазали. Радищев спросил, а почему коров не мажут? Ему ответили, от этого молоко будет горьким. Конечно, можно было не поверить, но людей надо слушать и верить.

Весь день Александр Николаевич принимал людей. Некоторых лечил, делал прививки от оспы.

На другой день он запланировал поход по Тубе к ручью.

– А мы думали, Александр Николаевич, что отправимся по последним деревням на Илимe. Александр Николаевич, не ходили бы вы туда, - сказал Пономарев. – Мало ли, что там есть? Захватите хоть ружьё. Давайте я с вами пойду.

– Нет. Оставайтесь здесь. Если к вечеру меня не будет, то можете идти. Павел, я тебя не беру. Ты ещё маленький.

– Какой я маленький?! – возмутился Павел. – Мне уже двенадцать лет! Я в Илимске по всем горам лазаю.

– Там это другое дело. Там всё рядом. Здесь же глухая тайга.

– Но я уже был в глухой тайге, когда я с тобой плавал за ручьём.

– Всё правильно. Здесь для твоего организма будет опасно. Это я тебе, как врач, говорю. Всё.

Почему так сказал отец сыну? Радищев стал догадываться, что на том месте есть залежи ртути. Для детского организма это опасно. И взрослому туда ходить нельзя бы. Но Радищев был из

тех людей, для которого научный эксперимент превыше всего. Пономарев стал отговаривать его от такого похода. Но Радищев был ещё из людей настойчивых. Если что он задумал сделать, он не отступит. А начатое дело доводит до конца.

Пономарев и солдат Данила Грязнов решили проводить его по берегу Тубы до старого зимовья. Далее этого зимовья люди не ходили.

– Мы здесь будем ждать вас, - сказал Пономарев. – А вон и волки.

Небольшая стая волков нерешительно стояла недалеко от зимовья. Они не обращали внимания на людей.

– Возможно, они тоже сейчас повернут в другую сторону, - сказал

Радищев. Волки покружились на одном месте, и пошли в сторону деревни.

Радищев пошел один. На всякий случай он взял с собой ружьё и шпагу. Местные мужики рассказывали, что иногда они видели одичавших животных, которые, возможно, случайно забродили в опасное место. Мало ли что взбредет в голову волку или медведю. Хотя летом эти звери на людей не набрасываются.

Он подошел к ручью, который впадал в Тубу. Пока ничего подозрительного в тайге он не чувствовал. Так же гудела ненасытная мошка. Ни что её не берет. Только не было слышно пение птиц. Даже голоса ворон он не слышал. Значит, зона отчуждения началась. Радищев с собой взял пустую бутылку, чтобы набрать воды из ручья.

И всё-таки, что-то он в своем организме почувствовал. Вроде непонятной неведомо откуда пришедшей тоски. Он чуть не наступил на человеческий скелет. Возможно, человек погиб полвека назад. Рядом валялся лук с колчаном со стрелами. Охотник. Радищев прочитал молитву, и пошел дальше.

Всё, надо уходить, подумал он. Неожиданно у него зарябило в глазах, ноги стали подгибаться. Вот колодина. Надо сесть. Отдохнет и пойдет к зимовью. Дальше идти нельзя. Опасно. И всё-таки, здесь есть залежи ртути. Радищев сел, и оперся спиной о сухую лиственницу. Ему показалось, что и деревья здесь не такие, какие бывают в тайге. Он попробовал снять ружьё, чтобы

выстрелить. Не было сил снять его. А зачем звать людей? Сюда им нельзя ходить. Сейчас он отдохнет, и пойдет...

...Он услышал непонятные звуки, шаги. Мимо него проходили люди, и не обращали на него никакого внимания. Он огляделся. Сидел на скамеечке. Рядом проходили люди, и он понял, что они отдыхали. На каких-то странных колясках сидели дети. А молодые женщины в неведомо странных одеждах катили эти коляски. На этих женщинах короткие до безобразия платья выше колен. Он огляделся. Как он понял, это был парк. Аллеи, бил фонтан, клумбы цветов. На другой скамейке сидели две пожилые дамы и, как он понял, курили. Он удивился. Женщины курят? Мимо него прошли три молодые полуголые особы, и они тоже курили. Какой-то кошмар! Такие слова он хотел выдавить из себя, но не было сил на этот крик. Это сон, подумал он, кошмарный сон из какого-то неведомого мира. Рядом сел человек. Седые волосы рассыпаны по плечам, такая же седая борода. На нем была одета серого цвета короткая куртка, расстегнутая рубашка оголяла мускулистую загорелую грудь, странные штаны и ботинки. Странная одежда на мужчине. Вокруг всё выглядело незнакомо и странно. Где же Радищев видел эти пронзительные умные глаза?

– Ну и как, Александр Николаевич? – неожиданно спросил человек.

– Что как? – еле выдавил из себя эти слова.

– Как тебе эти люди?

– Кто они? – спросил Радищев.

– Не могу ответить. Сам догадайся.

– Но, это, же страшно! – хотел воскликнуть Радищев.

– Для них всё это привычно. Это их жизнь.

– Это какой-то неведомый для меня мир, - прошептал Радищев.

– Всё это происходит на нашей планете, но в будущем.

– Такие будут люди? В этих, как их, и будут все курить? – простонал Радищев.

– Вокруг человека всё изменится, но внутренний мир многих людей будет намного страшнее.

– Неужели такое будет? – прохрипел Радищев. – Тогда всё я зря делал?

– Не зря. Твоё имя будет увековечено в этой стране. Тебе нельзя долго здесь находиться. Пора тебе отправляться до зимовья. Воду из ручья тебе не надо брать. Итак, всё для тебя понятно. Здесь есть небольшие залежи ртути. Чего тебе ещё надо? Отправляйся до других деревень. Многое ещё там узнаешь.

– Тогда какой смысл? – спросил он, и, кажется, он терял сознание.

Радищев открыл глаза. Он сидел на сутунке, рядом с зимовьем. Ружье висело на плече, сабля у пояса. Он чувствовал себя хорошо. От ручья к нему шли Пономарев и Грязнов.

– Александр Николаевич, вы уже здесь? Быстро вы вернулись. Слава Богу. Лучше пойдёмте отсюда. Что-то тревожно на сердце.

Они пошли к деревне. Всю дорогу Радищев думал о том видении. Правду говорили люди, что кто там побывал, разные кошмары кажутся. Вот и ему приснился кошмар из неведомого ему мира, где молодые особы ходят полуголые, и почти все курят. Вот это настоящий кошмар. Ему бы не хотелось в том мире жить. Значит, он надышался ртутных паров. Ну и сон! Но кто, же был этот седой мужчина? И он знал Радищева. Хотя зачем про это спрашивать. Ведь это был его сон. Больше туда нельзя ходить. Радищев не послушал седого мужика, а всё-таки, набрал в бутылку воды.

На краю деревни их встретили люди. Староста подошел к Радищеву, и внимательно посмотрел на него.

– Как чувствуете себя, Лисандра Николаевич?

– Готов принимать людей. Чувствую себя хорошо.

– Я не про это. Вам ведь говорили, не надо туда ходить.

– Вот сходил. Но, могу ответить прямо. И то, правда, не надо туда ходить.

Утром они поплыли до деревни Зарубина. В полдень они были в деревне. Здесь было двенадцать домов. Два дома стояли пустые.

Встретил их староста, крепкий, широкоплечий крестьянин.

– Люди на хозяйстве. Заняты, однако. Здеся я староста Игнашка Зарубин. – Занимайте оба дома.

– Вечером собираются люди? – спросил Радищев.

– Вечером. Мал мало урожай собрали. Рыбу коптить надо. Скоро приедут за копченкой купчишки.

– На зиму-то хоть немного оставляете?

– Почти всё забирают и увозят. Их бы, как наши предки, на вилы.

– От Степана Разина?

– Наш предок у Стеньки был. Вот и послали в кандалах сюда.

– От Пугачева тоже здесь появились каторжане, - ответил Радищев.

– Все сюда пришли в кандалах, - ответил Зарубин.

Вечером стали приходиться люди.

Утром они отправились до деревни Бубнова. Хорошо проскочили Бубновский порог. Провел лодки мужичок из деревни Зарубиной.

В деревне Бубнова было десять домов. Один дом оказался пустой. В него и поселились путешественники.

Встретил их мужичок подстриженный по казацьки под горшок. По его лицу можно было понять, что кто-то из его родителей был, возможно, из тунгусов.

– Я здесь избран старостой. Ивашка Бубнов. В деревне вместе с бабами и дитяи живет двадцать четыре человека.

Подошел к Радищеву ещё один мужичок с длинной и густой бородой.

– Я здеся на деревни Зарубиной, Бубнова, Зятя и Симахина священник Корней Мальцев. Живу здеся в Бубновой. Бобыль я. Для меня семья, это мой приход на четыре деревни. От Пугачева мы.

– Как это понять? – спросил Александр Николаевич.

– Тятя мой был в армии Пугачева. Из казаков мы. Я тогда начал учиться в духовной семинарии. Тятю поймали. Били плетями, но не повесили. Заковали в кандалы и сюда отправили. И всю семью сюда послали. Дорогой наша мать умерла. Из четырех детей мы с Катериной остались. Когда в Иркутске нас, каторжан

распределяли кого куда, меня заметили священнослужители. Я ведь так и не снял положенную мне рясу. Узнали, что я учился в духовной семинарии, и отправили нас вместе с тятей сюда. Тятя прошлым летом умер. Катерина вышла замуж за Игирминского казака. А я так вот и служу на четыре деревни. По всем деревням здесь ведь нет, кто так приехал. Все каторжане да ссыльные.

– Знамо дело, чо не так сюда прислали, - ответил староста Бубнов. - Мой прадед Ивашка Бубнов у Стеньки Разина служил. В остроге сидел. Сюда сослали. Вот он деревню эту и поставил. Вот мы Бубновы и идем от него, от Ивашки Бубнова. Ты, говорят, шибко, однако, дотошный до всево. Не надо бы ходить до тайги самого лешего. Не сходил, али уж побывал там?

– Ручей, который в Тубу впадает? - спросил Радищев. – Сходил, еле ноги вынес.

– А чо ж тебя никто не оторвал оттэда? Как с головой? Порядок али как? – спросил Бубнов.

– Порядок. Всё нормально. Туда не надо ходить.

– Может и нормально у тебя станет? Ты и так уж переученный шибко. У нас здесь живет один мужик. Всё ему надо было больше всех. Вот он и попер туда. А вышел дурак дураком. Иногда бредит. Разную ерунду болтат. Мы его доржим на подхвате. Жалко ведь мужика. Баба его бросила. Ушла с детьми к родным в Игирму. Бобылем живет мужик.

– Увидеться бы с ним, - сказал Радищев. Но Бубнов замахал на него руками.

– У, не надо с ним беседовать. Голову тебе так замутит, что взвоешь.

– И то, правда, Лисандра Николаич, не надо бы с ним встречаться, - вмешался в разговор священник Корней Мальцев. – Я его отмаливал, не помогает.

– А как же вы работу ему даете? – спросил Петр. – Вы же все его боитесь.

– Работу даем, чо проще. Сено хорошо заготовливает. За лошадыми ухаживает. Он с ними разговаривает, - ответил Бубнов. – Но люди с ним не икшаются. Боятся.

Как положено, путешественников угостили.

Утром причалили к берегу две большие лодки. Из одной из них выкатился словно мячик, небольшого роста купчишка.

Радищев в это время стоял на берегу, и любовался тем, как двое мальчишек ловили рыбу.

У купчишки тонкий визгливый голос.

– Така, где этот староста, мать ево за ногу! Ишь, все попрятались в паршивые гнезда! Я вас быстро научу стоять передо мной, а не прятаться, Ты кто таков? – вдруг он ткнул толстым пальцем в перстнях в сторону Радищева. – Пошто здесь стоишь, и ничо не делаешь? Я вас тут всех научу, как надо работать, мать вашу за ногу! Чо улыбаешься? Кнута захотел? Брось улыбаться! У меня плакать будешь!

– Для меня улыбка вот такая, это уже слезы, - ответил Радищев. В это время, как из-под земли появился староста Бубнов. Он загородил Радищева, и ответил:

– Иван Силыч, это наш гость из Илимска. Он есть путешественник. Он не из наших деревень. Они путешествуют.

– Ну и пусть катится, а здесь ему делать некаво!

На что Бубнов ответил:

– Мы налоги уже уплатили. Чо шумишь? Всех кур разбудишь. Некаво шуметь и галдеть!

Из дома вышли путешественники.

– Как ты со мной, свинячье рыло посмел разговаривать? – затопал ногами Иван Силыч. – Законопачу в острог! Уже два раза там бывал, сукин ты сын! Ишо захотел в острог? Устрою!

– Испугал чем, - ответил Бубнов. – Мы привышны к этому. Тока кто вас трутней кормить будет? Всех не пересажаешь. Чо хотел? Говори. А то мне надо идтить по делам.

– Дела подождут, - понизил голос Иван Силыч. – Я за должком прибыл доседа до вас. Ишо с зимы вы не рассчитались с казной. Давай по плану мне двадцать шкурок соболя, да пятьдесят шкурок белок.

– Это ишо с какой казной наша деревня вам должна? Мы полностью рассчитались ишо весной! – с возмущением в голосе закричал Бубнов.

Появился и священник Мальцев. Он перекрестился и сказал:

– Креста на вас нет, Иван Силыч. Они полностью рассчитались с Киренской администрацией. Всё и осенью той и весной выгребли. А вам, купцам всё мало. К какой ты, Иван Силыч администрации относишься? К администрации кулаков. И вам всё мало. Давай ещё. Имейте совесть. Эта деревня ничего вам не должна. Все мои четыре деревни вам ничего не должны.

– Шибко грамотный стал? Быстро грамоту вышибу. Бубнов, отдавай шкурки, не то плохо тебе будет. И в тех деревнях народ боломутите. Многие деревни отдали долги. А вы пошто кочевряжитесь? Кто вас боломутит на это? Кнута, поп, захотел? Ваш благодетель Емелька давно уж съеден собаками.

– Молчать, греховодник! - тихо ответил Мальцев. – Молчать! Крест снимите, греховодник. Молчать!

Иван Силыч, даже весь затрясся, затопал ногами, и что есть, силы закричал:

– Сгною в остроге обоих! Запорю кнутами! Гришка! Гришка Колотун, а ну всыпь на первый случай попику, а потом уж старосте Бубнову. Запороть мерзавцев!

Вокруг собирались люди. Кричали. Все, конечно, были возмущены наглостью купца из Киренска. Радищев подошел к купцу и сказал:

– Убирались бы вы отсюда от греха. Зачем же так наглеть? Зачем так обижать крестьян? Они ведь вас кормят. А вы наглеете. Зачем вы так?

– Кто таков?! - завизжал купец. – Ехал своей дорогой, ну и мотай отседа. Не то в острог законопачу! А не ты ли есть государственный преступник? Пошто здесь? По какому праву здесь? В острог захотел? Быстро устрою!

Тут подошел Пономарев.

– Господин купец, езжай ты в свой Киренск. Наворовал достаточно. Чего тебе ещё надо? Я тебе покажу острог и кнут? Господин Радищев имеет предписание от самого губернатора свободно путешествовать по Илимю. Он ученый, и нечета тебе безграмотному олуху говорить такие слова на всеми уважаемого на Илиме человека. Убирайся отсюда, и не зли меня.

– Он до нас в гости приехал! – кричал староста. – И некаво на него так кричать. Мора на вас нет на Киренских купцов.

Купец вроде стал успокаиваться. Но злоба не проходила.

– Хорошо. Мы чичас уедем. Напишем донесение в управу. Всех вас проучат. Деев должен приехать в Илимск. Вот вас быстро приведет в порядок.

Кто-то в толпе сказал:

– Ишо один грабитель приедет. А он похлеще будет этова купчишки. Никакой жизни от них нету.

Лошади бечевою потянули лодки вверх по течению.

– Всё время вот так вас грабят эти купчишки? – спросил Радищев.

– Одни уезжают, другие приезжают, - ответил Мальцев. - И у всех одно на уме – грабить крестьян и охотников. О тунгусах и говорить нечего. Спаивают охотников, а шкурки забирают.

– Ненасытные твари, чо твоя мошка и тараканы, - ответил Бубнов.

– Александр Николаевич, ну, вы не расстраивайтесь очень, - тронул Радищева за плечо Пономарев. – На этом вся Россия стоит.

– До каких пор такое будет твориться в бедной России? Когда это кончится?

Это никогда в России не кончилось. Радищев этого не знал, и не мог даже предвидеть. Революция семнадцатого года ничего хорошего для крестьянина не принесла. Потом пришла буржуазная революция девяносто первого года прошлого века. К власти пришли буржуазно настроенные капиталисты. А этот народ во все века ничего хорошего народу не вносил, не вносит, и не будет вносить. Так что мечты о переустройстве государственной власти в России настоящего первого русского революционера останутся только мечтой и утопией.

Народ стал расходиться. Радищев наметил дальнейшее путешествие на утро. Надо было посетить ещё две деревни.

Вечером он с Павлом пошел прогуляться по берегу Илима.

Недалеко от деревни на берегу сидел человек в длинном зипуне, но босой. От него резко пахло дегтем. Он сидел в одиночестве и смотрел в воду. Александр Николаевич понял, что это тот самый человек, который побывал у ручья.

Радищев подошел к человеку. Ему было лет сорок, а может и больше. Весь обросший и грязный. Его даже мошка не трогала. А Радищев и Павел были в волосяных масках, пропитанных дегтем.

– Вода сама себя очищает, человек на это не способен, - тихо сказал человек. – Как она на камушках кувырдается...

– Очищается от грязи, - ответил Александр Николаевич.

Павел дернул отца за рукав. Прошептал:

– Он тот самый.

– Знаю, - тихо ответил отец. - Знаю. Походи по берегу.

Павел пошел по берегу, подбирая плоские камни, чтобы пустиль их по воде, делая «блинчики».

– Осетр сюда не заходит. Умная рыба, - сказал человек. Он говорил, и не поворачивал голову в сторону Александра Николаевича.

– Не заходит, как я посмотрю. Не заходит. На это есть какая-то причина.

– Причина? Есть причина. Только никому нет до этого дела. Если скажете людям правду, вас тут же засмеют. Пусть не заходит. Илим не может справиться.

– С чем не может справиться? – спросил Александр Николаевич.

– Сложно ответить. Вы можете ответить. Вы человек ученый, для людей вы переученный, Александр Николаевич.

– Вы меня знаете?

– А кто на Илеме вас не знает? Даже дети знают. Вы думаете, этот купчишка вас сразу не признал? Знал. А вот показать себя, будто вас увидел впервые, это он сделал. Сравнять вас с толпой крестьян, для него это было удовольствие. А не вышло. Народ против него пошел, да и офицер был при власти.

– Вы где-то учились?

– В Московском университете. Был студентом. Сослани сюда.

– Чем же вы провинились?

– О Емельяне Пугачеве, Степане Разине, Иване Болотникове говорил. Но ведь история их будет помнить. Вот я здесь уже несколько лет.

– Вы сторонитесь людей. Зачем?
– Это люди сторонятся меня.
– Какая причина?
– Здесь все крестьяне и казаки не любят тех, кто учился. Говорят, что я переучился. Такие люди для простых людей, вроде не в себе.

– То, что они и меня называют переучкой, то это ясно, - ответил Александр Николаевич. - Не желают, чтобы я учил детей грамоте, мол, это для них обуза. Боятся учить детей, а вдруг они переучатся.

– Мне об этом тоже говорили, когда я пытался учить детей. Потом, как и вас и меня отправят куда-нибудь на каторгу. А вот когда сходил к ручью, да вернулся, тут всё и началось.

– Что же с вами там случилось?

– Будто не знаете. Вы ведь тоже туда ходили. Ну и как?

– Скверно было, - ответил Александр Николаевич. Ему хотелось, чтобы этот студент рассказал свои ощущения, и видения, если они были.

Помолчали. Павел ходил по берегу, брал нужные камни и бросал в воду. К нему подошли три мальчика его роста. Вместе стали искать камни. О чем-то громко разговаривали.

– Мы не познакомились, Александр Николаевич. Бывший студент, ссыльный, для людей сошедший с ума Пётр Овчинников. Я людей не разубеждаю, что я тронутый умом. Зачем? Порой мне, кажется, что люди правы. Иногда находит на меня тоска, то какое-то озарение, ночами кажутся прекрасные видения или кошмары. Порой мне хочется покончить с собой. Разве я здоровый человек? Вам видется и разговаривать со мной опасно. Люди не поймут. И потом, за нами наблюдают. Скажу вам честно, народ на Илеме скрытный, и хитроватый. Это они перед вами так ведут себя. Вроде всё на стол поставят, хлебосольными хозяевами себя показывают. Скупые они. Вы человек для них ученый, да ещё лечите людей. А, в общем-то, я их понимаю. А как быть не хитрыми и скуповатыми? Как? Если с них семь шкур купцы дерут. Вот и приходится вертеться и хитрить. Я чего за них боюсь, а если это перейдет потомкам?

– Всё может быть. А у ручья мне ничего не казалось, - сказал Александр Николаевич. – Побыл и ушел.

Конечно, он сказал неправду ради только того, что ответил студент. Пётр откинул капюшон, и внимательно посмотрел в глаза собеседнику.

– Я вас понял. Вы есть ученый. Что я там увидел? Мне захотелось побывать там, куда даже тунгусы и дикие животные не ходят. Прошел старое зимовье. Потом пошел вдоль ручья. Тут-то всё и началось. Я сел на бревнышко. Начались видения и кошмары. Станных и больших животных видел. Потом видел каких-то дикарей, как они охотятся на огромных животных. Потом промелькнули какие-то высокие дома, каких я в жизни нигде не видел. Люди шли в странных одеждах, особенно почему-то ходили там полуголые женщины. И почти все они курили. Потом я был среди диких охотников. Как я оказался у зимовья не знаю. Кто-то меня вытащил к этому зимовью. А зачем он меня вытащил не знаю. Там я видел скелеты людей. Потом я окончательно понял, что там есть залежи ртути. А потом меня взяло сомнение. А может там живет лесной дух или леший. Кто-то же вытащил меня из гиблого места.

Александр Николаевич улыбнулся и ответил:

– Я тоже верю в лешего.

– Ну, вот и вы были там, - наконец-то и Пётр улыбнулся. – Я отчего-то думаю, что такое в нас останется навсегда. Идите, люди беспокоятся.

– Всего тебе самого хорошего, Пётр, - сказал Александр Николаевич, и пошел к людям, которые стояли у дома, где он оставился.

– Наверно, однако, вам он голову заморочил, - сказал один из мужиков.

– Лисандру Николаичу шибко не заморочишь голову, он сам кому надо заморочит голову, - ответил Бубнов. – Каво сравнял? Этова убогаво с ученым человеком? Не смеши, Николка, не смеши!

Когда вечером они укладывались спать, Пономарев спросил:

– Ну, и как этот убогий?

– Убогий? А кто сказал, что он убогий? Я бы не сказал так. Если бы его не отправили в ссылку, да он бы продолжил учиться, мог бы стать великим ученым или философом. Вот вам и весь убогий.

– Он такую линию взял?

– Там всё сложнее. Давайте спать. Нас ждут ещё две последние деревни на Илимке.

Утром они поплыли до деревни Зятя. Она недалеко была от деревни Бубнова. С ними поплыл и священник Мальцев.

В деревне было десять домов. Во всех деревнях, какие проплывали путешественники, уже поспевала рожь, была и пшеница. Свежими овощами их угощали деревенские. Радищев, конечно, понимал, состояние крестьян на Илимке. Тяжело им жилось. Климат суровый. Медицины никакой. То и дело проезжали по деревням купцы и представители администрации, и всё лишнее отбирали. Взбунтовавших крестьян били кнутами, и бросали в острог.

В деревне Зятя они пробыли сутки. Чуть не перевернулась одна лодка на Симахинском пороге. В длину он был около двадцати метров. Проводил лодки опытный кормчий из этой же деревни. Он проводил все карбасы и лодки, кто проплывал мимо деревни Симахиной. За это ему платили. Почти все жители этой деревни были охотниками. Летом занимались рыбалкой, огородничеством. Было небольшое поле ржи и пшеницы. Но в основном хлеб привозили из Братска. Там деревни были намного богаче насчет зерновых. А река Илим чаще была зажата горами. И только свободные места засеивали зерновыми. В основном здесь жили охотники и рыбаки. Это их и спасало от голода.

За деревней Симахиной Мальцев показал могильный холмик с покосившимся крестом.

– Мне память не изменяет. Мой предшественник священник Серафим сообщил, что здесь покоится великий мореплаватель Ерофей Хабаров.

Радищев подошел к холмику, и опустился на колени. Стал читать молитву и креститься. С ним стоял на коленях и Мальцев. Офицер Пономарев приказал солдату зарядить ружье. В тайге

раздалось два выстрела. Радищев и Мальцев стояли на коленях, а офицер и солдат отдали честь великому гражданину России.

– Вот ты где успокоился, Ерофей Хабаров, – сказал Радищев. – Что же тебя сюда занесло неутомленного путешественника? А мне говорили, что он где-то на Лене почил.

– Неправда. Здесь его косточки покоятся, – твердо заявил Мальцев.

– Значит, я имею право говорить и писать всем, что он лежит здесь, на Илеме? – спросил Радищев.

– Потомки наши должны знать, что его тело похоронено здесь. Значит, и душа его находится здесь, на Илеме. А я верю Серафиму. Один дед ему говорил, что Хабарова прихватила какая-то болезнь, вот он здесь и умер. Здесь его беспокойная душа витает.

Они соорудили крест, поправили могилку. И отправились дальше.

Недалеко от устья Илима они причалили к берегу. Мальцев обратился к Радищеву.

– Здесь вон за теми деревьями стоит старое зимовье. Возможно, это был домик первых казаков, которые впервые пришли сюда.

Небольшая полянка. Посредине стоял полуразвалившийся домик. Радищев подошел к домику. Дранка на крыше вся изогнулась, и между ними росли мелкие кустарники. Радищев вошел внутрь. Две широкие нары вдоль стен, столик.

– Александр Николаевич! – позвал его Пономарев. – Здесь вырублена чья-то фамилия.

Радищев вышел из домика. Вдоль домика лежало огромное лиственничное дерево.

– Смотрите, вот тут, – показал Пономарев. Он очистил вырубку от грязи, моха. Можно было прочесть кем-то вырубленную фамилию «Бутаков» и чуть дальше вырублена фамилия «Перфильев».

– Кто же они были? – сам у себя спросил Радищев. – Лиственница сохранила нам имена первопроходцев.

– Не зря мы сюда прибыли, – сказал Петр.

– Не зря, - ответил Радищев. – История нам сохранила два открытия. Мы нашли могилку Хабарова, и следы первопроходцев на Илим, и далее на Лену, на север Сибири. И потом, мы узнали, что здесь живут настоящие потомки казаков-первопроходцев и участников восстания Степана Разина.

– Смотрите! – крикнул Павел, - видна Ангара! Мы достигли её!

Илим стремительно бежал к Ангаре, словно торопился слиться с ней.

Лодки вышли на простор Ангары. Александр Николаевич испил ангарской водицы. Она показалась ему мягкой и нежной. Потом они поднялись немного по Илимю. Испробовал этой водицы. Вкус её отличался от Ангарской воды. Известковый вкус. Путешественники причалили на противоположный берег Ангары. Поднялись на гору.

Под ними бежала Ангара. Её темно-синие воды резко отличались от втекающей реки Илим. Вода отличалась от ангарской воды, синеватой, чистой, веселой. В лучах восходящего солнца она словно вся переливалась, играла, и будто передавала хорошее настроение путешественникам. Сверху же Илим казался темным, загадочным, мрачным, медно-красного цвета.

– Эге, гей! – закричал Павел, раскинув руки. – Здравствуй красавица Ангара!

Радищев же задумчиво смотрел на эти две реки.

– Александр Николаевич, мы на Ангаре! – воскликнул Пономарев. – Какая красотища!

– И передать невозможно! – радостно ответил Петр.

Радищев тихо ответил:

– А вы заметили, как Илим отличается от Ангары? Его цвет мне напомнил непохмельное медно-красное лицо сержанта Воробьева. Загадка. И я её обязан разгадать.

– Вода, да вода, - ответил Пономарев. – Вы точно подметили. Какая разница между этими реками! Александр Николаевич, это же Ангара! Красавица наша, чистюля наша. Хочу напиться этой холодной воды до предела. Когда уйду со службы, то поселюсь где-нибудь в деревне на Ангаре.

Радищев продолжил:

– Он торопится влиться в Ангару. У меня такое ощущение, он будто сам себя стесняется, что он такой шумной, нервный, и такой разноцветный. Я его понимаю. Вы посмотрите внимательно. Цвет его намного отличается от Ангары. Так. Загадка? А давайте мы её разгадаем? В него вливается множество разных источников. Все горы и разные возвышенности вокруг Илима полны разными целебными и вредными источниками, как ртуть. Богата Илимская земля на полезные для человека источники. Возможно, они виноваты, что таков Илим? Всё может быть. А как же иначе? Конечно, это так. Может, когда-нибудь люди используют эти источники на благо человека.

Не используют, дорогой мой Александр Николаевич, не используют. Я уже выше писал об этом. Всё уничтожили, искоренили и законопатили.

– Да, резко он отличается от Ангары, - сказал Пономарев.

– Возможно, из-за этого и не входят в Илим такие рыбы, как осетр и стерлядь, - ответил Радищев. – Конечно, из-за этого.

– А я с мальчишками разговаривал. Они сказали, что ниже деревни Симахиной рыбаки ловят этих рыб, - сообщил Павел. – А выше они не идут.

– Оно и понятно, - ответил Радищев.

– Ткнутся в эту воду, и бежать отседа, - сказал солдат Грязнов.

– Образно сказал, - улыбнулся Радищев. – Правильно выразился. У них есть чистая вода в Ангаре. А сюда заходят на разводку. Правильно сказал. И бежать из этих вод. В этом месте тут и ловят сбжавшую от Илима эту ценную рыбу.

– Мне рыбаки говорили, что именно в этом месте и ловят более всего эту рыбу, - сообщил Петр. – Зимой здесь прорубают проруби и на крючья ловят её.

– Ну а теперь отправляемся на Тунгуску, - сказал Радищев, и пошел к Ангаре. Ангара река не только чистая, но и быстрая, они вскоре увидели за поворотом деревню. Священник Мальцев тоже пожелал проехаться с Радищевым. Он и сообщил:

– Это деревня Бадарма, а вон и крутой утес. Его прозвали Бадарминский бык.

Он и в действительности напоминал это животное. Воды Ангары как бы скользили у этого утеса, но не могли поколебать его. Он грозно висел над Ангарой, красивый, мужественный, и весь облитый солнечными лучами. Ангара в этом месте зажатая скалами шумела и билась о скалы. Течение её здесь было стремительное. Она будто хотела об эти скалы отчиститься от медной воды Илима и опять вырваться на простор чистой голубоглазой красавицей, что убежала от отца Байкала, к своему милому другу Енисею.

Есть на реке Лене такой же грозный утес ниже Киренска, который когда-то прозвали пьяный бык. Народная молва донесла это название и до нашего времени. Случай такой был, но точно неизвестно в какое время. Толи это произошло в начала двадцатого века, толи в девятнадцатом. На карбасе везли в Якутию водку, и племенных быков. На беду начался сильный ветер, лопнул канат, который был привязан к грузовому пароходу, и карбас ткнулся в утес и развалился. Водка сразу пошла ко дну, а быки ещё пытались карабкаться о скалу, чтобы спастись. Да где там. Все утонули. Вот с тех пор и назвали эту высокую скалу Пьяный бык.

А почему Бадарминский утес называли быком, не знаю. Может из-за того, что он похож на голову быка? Вот первые казаки и назвали его Бадарменским быком.

В деревне Бадарме было двадцать пять домов. Недалеко от берега начинались поля ржи и пшеницы. Поля уходили вдаль. Такого поля нет на Илеме. Здесь такой простор позволял и развести картофель. На некоторых огородах крестьяне уже собирали урожай картофеля. Правда, небольшие участки, но они есть.

Радищев подошел к крайнему дому. Люди выкапывали клубни картофеля.

– Урожай славный у вас получился, - сказал Радищев.

Мужик выпрямился. Он увидел людей, среди них офицера и солдата. Здесь же был священник. Как и на Илеме, мужик шапку не снял. В глазах мужика отобразилось беспокойство.

– С какой надобностью прибыли к нам? Навроде, налог мы сдали. Чичас вот придут с Братска людишки.

– И зачем они придут? – спросил Радищев.

– Как зачем? Картоху им подавай. С Енисейска придут, тоже подавай. На нас жалоба пришла? Чо мы не так опять сделали?

Люди бросили копать картофель, и смотрели на путешественников.

– Мы с Илимска, - ответил Радищев. – Путешествуем вот, любуемся красотами края.

– Ездите, значит? Это хорошо. А мы уж думали чѐрт знат о чем.

– У вас есть пустой дом? Нам бы там немного отдохнуть, да и дальше поплывем. Я смотрю, что у вас добрый урожай на картофель.

– Добрый. Знамо дело, добрый. А вон и староста бежит. Кузьма Коновалов.

К ним подбежал довольно ещё молодой и подвижный мужик в расстегнутой рубаше, и подпоясанный широким поясом.

– Из Братска вы? Пошто не знаю.

– Мы из Илимска путешественники.

Семья продолжила выкапывать картофель.

– Давненько здесь не было путешественников. Всѐ эти ездят. Как бы больше с нас урвать.

– На Илеме тоже самое, - ответил Радищев. - Грабят крестьянина без чести и совести.

– За крестьянина и заступиться-то некому.

– Потому что в самой администрации сидят сплошные воры, - ответил Радищев.

– Александр Николаевич, - тронул его за рукав Пономарев, - Нам бы дом свободный на время одолжили.

– Это мы можем выделить, - ещё больше засуетился староста.

– А вы, батюшка к нам надолго?

– Здесь я никогда не был. Вот и захотелось с господином Радищевым повидать оные места.

Староста замер. Его глаза округлились. Он пытался что-то сказать, но только промычал.

– Так как со свободным домом? – спросил Радищев.

Староста наконец-то пришел в норму.

– Так этова, как ево, вы, вы и есть Лисандра Николаич?

– Он, это он, - повысил голос Пономарев. - Показывай дом!

– Чичас, чичас, я вам дом покажу. Хороший дом. Идемте. Какая радость-то! Какая радости! Вы Лисандра Николаич к нам приехали. Вы всё там, по Илиму ходите. А тут и у нас появились. Был здесь у нас пристав из Братска. Сказывал, чо вы государственный преступник. Запретили нам с вами икшаться. Все кивали головами, а тока все хотели, штобы вы и к нам прибыли. Там, на Илиме всех лечите, а теперь и к нам прибыли. Бывает так, чо эта проклятущая оспа замучит людей. Вон я сам еле выжил, и весь корявый.

– Вечером соберите людей. Буду прививку делать от оспы. У вас я смотрю, и картофель пошел.

– Пошел, куда он денется? Пошел. Я мальчишкой ишо был, так бабки почти до смерти забили ученова мужика из Иркутска. Он возил семена картохи. Темнота. Чо с них возьмешь.

– В России пострашнее было, - ответил Пономарев. – С вилами шли на первых картофелеводов.

– У нас случаи тоже были не чище. Особливо бабки начинали буянить. А за ними и мужики брались за вилы. Прошло. Поняли, што от этой картохи тока польза крестьянину.

Поселили их в просторный дом, разделенный на две половины. В одной половине поселился сам Радищев. Это и понятно. К нему пошли люди с разными болячками. Шли и за советом.

Ещё только чуть рассвело, Радищев стал подниматься по крутому склону на скалу Бадарминский бык. И вот он на высоте. Под ним текла Ангара, покрытая легким осенним туманом. Он легко плыл над рекой, плавно обходил утес и уплывал вдаль. Первые солнечные лучи позолотили дальнюю осиновою рощу, она вся переливалась и словно была облита жидким золотом. А березовая роща, что ближе к Ангаре, светилась в лучах бледно зеленым цветом, с золотыми прослойками.

Радищев сел на скамеечку. Кто-то когда-то умудрился затащить сюда доски и сделать скамеечку. Был и навес от дождя, но от старости столбики подгнили и навес завалился.

Радищев смотрел на окружающую под ним природу. И какой уже раз восторгался, какая огромная и мощная страна эта Сибирь. Нужны века, чтобы освоить её. И по богатству ей не будет равной страны в мире.

Опять, как и у того ручья, в глазах появилась рябь, и словно туман, что плыл над Ангарой, он оказался рядом. Александр Николаевич попытался поднять руку, чтобы отогнать от себя проплывающий прямо перед глазами туман, похожий на дым от костра, но руки не слушались. Вот он сидит у костра, а вокруг неведомые ему люди в странных одеждах. И было такое ощущение, словно его там нет, а в то же время он есть. И опять эти полуголые женщины. И все они почему-то курят. Ему захотелось крикнуть, чтобы они не курили. Даже, кажется, он что-то им сказал насчет здоровья, но они не слышали его. Они веселились. Один из парней играл на гитаре и пел незнакомую песню. Потом он увидел девушек. Они танцевали, плясали, что-то пели, корежили лица. И всё это происходило в церкви. За их спинами были иконы. Потом он увидел голых девушек. Они танцевали на улице. Он даже услышал, как одна из них сказала, что если выйдет указ раздеться, и ходить по улицам голыми, женщины первыми разденутся. Этот кошмар, эту дикость Радищев пытался заглушить в себе, закрыть глаза. Но неведомая сила заставляла смотреть на все эти безобразия. И вот рядом с ним сел знакомый ему мужчина. Он у ручья появлялся в его сне.

– Веселятся. И возмущаешься, как ведут себя эти особы? Всех их ждет на том свете страшный суд. Но, самое удивительное и страшное, их защищают известные в стране люди. Культурные, интеллигентные, образованные люди. Хотя в эти качества я им не верю. Они весьма не культурные и хамовитые люди без совести и чести. Все они поголовно великие грешники. Теперь ты возмущаешься насчет курения? А я вот наловчился закручивать самокрутку, заворачиваю табак в неё и курю. Привык как-то. Мода. Куда теперь от неё денешься? Даже на меня она повлияла. Ты есть человек вселенной. Ты относишься к непонятному времени, потому что ты такой в любом времени. И такие люди есть, безвременные. К великому сожалению таких людей крайне мало. И в любом времени им живется тяжело. Мы ещё с тобой встретимся. Поговорим. Любишься природой Сибири? А на душе твоей слякоть. Мучаешься от одиночества. Такая твоя доля. Ещё хуже будет. Тебе надо выстоять. Ещё много дел у тебя.

Ладно. Я пойду. Тебя, Александр Николаевич ищут. Сейчас сюда придут.

Радищеву хотелось спросить, что это за страна такая, где нет в людях совести и чести. Какое это время? Это страшное время. Как так можно жить? Ему бы не хотелось жить в такой стране и в таком мире. Мужчина сказал:

– Мы ещё встретимся, дорогой мой Александр Николаевич. Не надо бы тебе знать ту страну и тот мир, пропитанный насквозь ложью и пошлостью. Могу только тебе сказать, одну мудрую притчу, от чего боролся на то и напоролся.

Человек встал и пошел. Молодые люди исчезли, туман рассеялся, и Александр Николаевич открыл глаза.

– Надо же, заснул, - сказал Радищев, и с силой потер лицо, глаза. - Ну, и сон? Хотя всякие сны бывают. Но этот сон, как реальность.

– Александр Николаевич! - услышал он голос Пономарева. – А вон, вы где! Я так и знал.

Он встал рядом со скамейкой.

– Красота! – воскликнул он. – А дальше начинается Тунгуска. До деревни Коробчанки доплывем, и пора будет возвращаться в Илимск.

Люди пришли провожать путешественников.

Лодки быстро неслись по течению.

– Какая чистая вода! – с восхищением говорил Радищев. – На дне даже камушки видны.

– Смотрите, большая рыба от нас махнула хвостом! – закричал Павел.

– Это и есть осетр, - ответил Мальцев.

– Да, эта рыба знает чистую воду, - тихо сказал Радищев. Из головы не уходил странный сон. Что это за мир такой, где ходят полуголые женщины, беснуются в церкви и на улице девушки. И все они курят, и пьют на улице прямо из бутылок. Нет, не должно быть такой страны.

Они прибыли в последнюю деревню Коробчанка, которая расположилась на правом берегу Ангары. Здесь была небольшая речка с одноименным названием. В этой деревне было, как подсчитал Радищев двадцать восемь домов.

– Все вот эти горы люди называют первородными горами, - сообщил Мальцев. – Какая удивительная глушь.

Горы, поросшие густой тайгой, казались издали черными и грозными. Ему надо побывать на этих горах, подумал Радищев. Возможно, он уже больше здесь никогда не будет.

Обследовав людей за два дня, он с Павлом решил полазать по горам. Его сопровождал Петр. Он взял с собой разную еду.

Радищев ходил по тайге, выходил к Ангаре. Он поднимался на высоченные горы. Его потрясло величие этого ещё неизученного и глухого края. Вот что он потом писал: «...взбираясь на сии громады, я в воображении переносился в геологические времена, когда земля, обнаженная и бесплодная, представляла собой местопребывание ужасное и пустынно обширную, или же, переносясь в позднейшие времена, я, казалось, видел природу, медленную в её поступательном движении, собирающую все силы, чтоб стряхнуть с поверхности земного шара видимость старости и, потрясши землю до глубочайших оснований, показать её в совершенно новом виде. Сколь обширное поле для гипотез, и, мне кажется, далеко ещё не исчерпаны все предположения об образовании земного шара и потрясениях, им перенесенных».

Эта поездка заставила его задуматься над многими вопросами: о создании вселенной, об образовании земли. Он назвал себя «учеником по минерологии».

Петр и Павел стали собирать и есть спелую чернику, а Александр Николаевич сел на поваленное дерево, и загляделся на раскинувшуюся перед ним картину. Недалеко поблескивала в солнечных лучах Ангара. Он только что был на самой высокой горе, и то, что он представил перед собой, то от удивления не мог ещё придти в себя. Удивительная нетронутая человеком девственная природа. Радищев словно задремал, а, возможно, просто он увидел сон. Конечно, это и подтолкнуло его написать те строки, которые я привел выше. И вообще, надо откровенно сказать, что для того времени писать, то, что он писал, было необычно. Давайте потом поразмышляем на эту тему. А пока перед ним развернулась ужасная картина. Словно кто-то ему это показывал всё то, что он видел. Он будто там был, а в роде

его там и не было. Человека здесь не было, не было видно и никаких животных. Кругом горела земля, грохотали вулканы, из земли били огненные источники с водяным паром. Для жизни земля оказалась пустынной и скучной. Он словно птица летал над планетой, и под ним ничего не было живого. Но под ним постепенно менялась картина. Поверхность земли вроде стала успокаиваться, и было такое ощущение, будто что-то негодное сгорело дотла. И на её поверхности каменной и безжизненной, сбросившей с себя, как змея сбрасывает ненужную кожу, начала появляться новая кожа. Оголенная и некрасивая планета стала преобразовываться в этой новой коже, которую можно назвать на человеческом языке почва. Вместо огненных источников стали бить горячие источники воды. Над планетой появился пар. Образовались темные и густые тучи, которые наполнились водой. Сотни тысяч тонн воды полились на планету. Впервые на почве появились растения, потом деревья, кустарники. Всё это он видел! Одна картина сменяла другую. Образовался жаркий и влажный мир. Появились огромные животные, которые поедали других животных. Появлялись и исчезали другие животные. Он видел первых первобытных людей, которые жили в пещерах. Планета Земля преобразовывалась, меняла на своем теле одних животных на других. Она словно живой организм следила за порядком, и порой поправляла, а иногда и уничтожала ненужное и скверное на её теле.

Радищев открыл глаза. Чудный сон, почти видение. Здесь он имел право подумать вот о чем. А не тот ли ручей, куда не ходят люди, виноват, что ему приходят разные сны в виде любопытных видений? Люди, которые как-то умудрились выйти оттуда, начинают всем рассказывать о своих видениях. Это опасно. Мало что могут подумать люди? Радищев и об этом подумал. Нет, нельзя ему распространяться насчет, того, что ему тоже приходят чудные сны и видения. Пусть эта загадка останется с ним. Но ведь кто-то же вытащил его от того злополучного ручья? Кто? Не сам же он выбрался оттуда! Возможно, это загадочный человек, обладающий гипнозом, рассказывает и показывает ему, что надо знать Радищеву. Как бы он подсказывает то, что надо бы знать об этом глухом и «погибельном» крае. Ну, тогда всё нормально. Алексан-

дру Николаевичу даже понравились такие видения, в которых раскрывается неведомый ему мир.

Он встал, и, подняв руки, закричал. И эхо понеслось по горам, по долине, утонув где-то в синих водах Ангары.

Вскоре появились Петр и Павел. Они удивленно смотрели на Александра Николаевича, раскинувшего руки и кричащего.

Потом он перестал кричать, и ответил:

– Вы посмотрите на всё это! Неведомый, девственный край!

Спустились к деревне.

– Приходите к столу, - пригласил их староста деревни. - Уху из стерляди приготовили наши бабы. В чашках лежат куски осетра. Вам и не снились такие рыбины на Илеме.

– Вот это и есть загадка, - только и ответил Радищев.

Он с великим удовольствием ел уху и куски большой рыбины. Да такой рыбы на Илеме нет. Он решил приехать к устью Илима зимой. Может эта рыба выше по Илимку зимой войдет?

В горах он не только любовался природой, он наблюдал строения почвы, скал, брал на анализ пробы в свою котомку. В своей лаборатории он поймет, что здесь хранит ещё неведомая геологами земля.

– Пора, господа возвращаться в Илимск, - сказал Радищев.

Деревенские мужики из Коробчанки помогли добраться на лодках до деревни Симахиной. Тянули лодки лошадьми. Уже в те времена были на Илеме и бурлаки. Крестьяне нанимались тянуть бечевой разные суда до Илимска. Это был их дополнительный заработок. Когда я жил в Якутии, то от стариков слышал, что и на Лене были бурлаки. И на Ангаре они были. Потом, когда стали появляться паровые суда, бурлаки, как тягловый вид исчезли. Бечевой или на шестах ходили. Я сам на реке Лена ходил бечевой и на шестах, когда уходили далеко на рыбалку. Шестом тоже надо уметь управлять. Ну а в России бурлаки были всегда. И ничего здесь удивительного нет, если с появлением первых крестьян и казаков на Илеме, или на какой другой реке в Сибири, были бурлаки. Как-то в нашей районной газете «Маяк коммунизма» появилась небольшая корреспонденция, где автор сделал «открытие»: «Оказывается, и на Илеме были бурлаки».

Какое же это открытие? Когда бурлаки были всегда, как только люди заселяли пространство по берегам сибирских рек.

И вот путешественники в Илимске. Урожай картофеля уже сняли. Появились первые заморозки.

Грустно было Радищеву. За всё время, пока он был в отъезде, от брата было всего одно письмо. Отец и мать совсем разболелись. Не было писем и от друзей. Было одно короткое письмо от губернатора Иркутска, где он сообщал, что в конце года он уходит в отставку. А кого назначат на его место, он не знает. Одно понял Александр Николаевич, что с уходом губернатора Ивана Альферьевича Пиль той вольности, какую он имел эти годы, не будет. Да и все друзья стали его забывать. Пришла всего одна пачка книг и письмо от его друга графа Воронцова, который тоже был в отставке. Другой друг Новиков был заточен в крепость. Многие его друзья, благодаря царице Екатерине Второй были в тюрьмах, или в отставке. Царедворец и молодой фаворит царицы Зубов почти единолично управлял государством.

Елизавета Васильевна хорошо понимала мужа. Она всячески, как могла в такие дни поддерживала его. Даже в самые тяжелые для него дни, он никогда не повышал голос на жену, на детей. Как он мог повышать голос, если Елизавета была снова беременна.

Свободного времени у Радищева не было. То он работал в кузнице, то в лаборатории. Порой уходил в горы, где его всё интересовало. Потом он садился за стол, и писал свой трактат о человеке, о его судьбе и смерти. После путешествия по Илимю до Коробчанки на Ангаре, он всё чаще стал задумываться о человеке и его смерти. Все свои наблюдения он пытался обобщить. После этого путешествия, которое было самым удачным из всех путешествий, он сделал вывод, что есть зависимость растительных и животных форм от специфических особенностей климата, природы. И эта теория остается до сих пор правильной. Материалистичны соображения Радищева, высказанные о развитии жизни, о том, как металлы и минералы дают силу растениям, а растения – животным. Развивая идею общности всего живого, Радищев смело и убежденно подчеркивал родство орангутанга и пещерного человека.

Пришла зима. Он уходил на лыжах в тайгу. Это его немного успокаивало. Почти каждый день он обучал детей, как своих, так и деревенских. Его дети Павел и Катя уже смело читали все книги, какие были в библиотеке отца. Они свободно общались между собою на французском и немецком языках. С женой они обучали детей химии, физики, математике. А деревенских детей учили по букварю.

Заканчивался третий год ссылки. Как и всегда, люди Радищева нарядили ель, что стояла во дворе. Как и в те годы, они запрягли выездного коня, и, звеня колокольчиками, поехали на другой край Илимска. Молодежь, ребяташки, на своих санках цеплялись за сани Радищева. И длинный разноцветный, веселый и громкоголосый поезд катился от одного края Илимска до другого края.

Часть четвертая

1795 год. Четвертый год ссылки

В конце года губернатора Иркутска Пиль отправили в отставку. На его место был назначен губернатором Ларион Тимофеевич Нагель. Пока ещё ничего в жизни Радищева не менялось. Но чувства, что это не так, никогда Радищева не подводило. Газеты привозили регулярно, но уже посылок с книгами, не было. И Радищев через газеты внимательно следил за событиями в стране.

В январе его жена Елизавета родила дочь, которой дали имя Фёкла в честь матери Александра Николаевича.

Прошлой зимой он на санях много проехал деревень, но не все деревни. Он не мог долго сидеть дома. Его постоянно куда-то тянуло. Порой он уходил с ружьем на лыжах в тайгу, забирался в скалы, брал там породу, чтобы изучить и понять свойство этих гор.

Ему очень хотелось достичь устья Илима в зимнюю пору, узнать, как живут люди в зимних условиях в этом глухом краю. И потом, он торопился. Пока ещё действовали бумаги от губернатора на вот эти поездки. Могут и запретить. Ведь он считается ссыльным. И то ему, как никому, дано такое право, путешествовать по Илимю. Далее ему запрещено посещать другие места губернии.

Елизавета понимала мужа, и не препятствовала этой поездке. С ней остались две служанки Василиса и Марьяна. Иногда приходила и шустрая и боевая бабка Евлашиха. Она близко сдружилась с семьей Радищевых.

Радищев не взял сына Павла с собой. Стояли жуткие морозы. Мальчишка мог простудиться. Погрузились в две крытые повозки. Низ устелили соломой. Под ноги бросили медвежьи шкуры. На каждом был тулуп. С Радищевым на этот раз поехал уже хорошо известный Радищевым Иван Черемных. Он был

кучером. Бургомистр Романов выделил в кучера одного своего крестьянина Гриньку. Поехал с Радищевым и Петр. На службу прибыл новый офицер Обухов с солдатом. Вот они и поехали с Радищевым. Когда уезжал Алексей Пономарев, то он сказал:

– Я уже знаю, кого сюда пришлют мне на смену. Унтер офицер Обухов. Человек мрачный, но служака. Инструкцию получил, чтобы сопровождать вас в последний раз. Губернатор Пиль уговорил нового губернатора, чтобы вас не сильно притесняли. Пиль всё, что мог, сделал для вас доброго. Нагель это другой человек. Вроде согласился. Но всё это на время. Обухов не будет с вами идти на контакт. Такого и солдата подобрали. Инструкцию они такую получили. Всего вам доброго, Александр Николаевич.

Провожать их пришел приказчик острога Неуспокоев с сержантом Воробьевым.

– Этова, как ево, скоро отъездишься господин Радищев, - закрывая меховой рукавицей толстый и красный нос, прохрипел Неуспокоев. - На днях приезжал господин Деев. Он сказывал, чо ваш благодетель Пиль убрался из Иркутска. Чо вы всё катаетесь? Не пойму никак. Чо вы везде лезете. Хорошо ещё то, чо убрали этова офицеришку Пономарева.

– Наша жалоба постаралась, - сирым голосом от перепоя, сообщил Воробьев.

– Цыц, - прошипел приказчик. – Просто люди умные сидят в администрации. Оне всё видят. Вот и убрали офицеришку с солдатом. Шибко грамотные были. Умничать шибко стали. Таперича настоящих прислали. Када ты, господин Радищев тока угомонишься?

– Переучился, вот от переучення и не угомонится, - сообщил гениальную новость сержант Воробьев. – Я вот сопсем не учился, я и такой угомонный.

Выехали ещё при полной луне. Среди этих гор рассвет приходит поздно.

Первую остановку они сделали в деревне Литвинцева. Как раз здесь отдышал и охотился у брата хозяин из деревни Голиковой Игнат Дмитриевич Литвинцев.

Коней завели в конюшню.

На столе стоял пузатый самовар, лежали свежие пироги, калачи, и разные таежные пряности, какие есть в этих краях.

– Проходи, дорогой гость, - сказал Литвинцев. – Брат мой сейчас с охотниками в тайге. А я вот здесь немного побью соболишку и отправлюсь в Иркутск. Совсем уезжаю. Там дом себе построил.

– У вас и здесь хозяйство доброе, - сказал Радищев.

– Доброе. Я согласен. Доброе. Хочу детей учить. А какая здесь учеба? Среди тайги и коров? Дети внуки пусть учатся. В тот раз ты оставил моим детям букварь. Они его быстро одолели. У одного купчишки купил газеты, журналы. Они мигом их прочитали.

– Вот это правильно. Пусть учатся. Детей и внуков твоих в школу возьмут. Имеешь право. Ты состоишь из бояр. А вот каково детям крестьян? А ведь есть способные дети. Конечно, разные есть дети. Но учить надо всех, независимо от положения родителей и предков.

Утром они выехали до деревни Игирма. Все деревни они быстро проезжали, так как они здесь были и той зимой и летом. А вот от деревни Погодаева они будут останавливаться в каждой деревне до самого устья Илима. В этих деревнях он зимой не был. Ему будет интересно посмотреть, как в этих деревнях живут люди зимой. Чем они занимаются, что делают, как отдыхают? Он догадывался, что, скорее всего, это будет последняя поездка по всем этим деревням. И надо использовать эту поездку. Вот только с ним поехали неразговорчивые и угрюмые его сопровождающие: унтер-офицер Обухов и солдат.

Немного начало темнеть, когда они прибыли в деревню Игирма. Здесь надо было лошадям дать хорошо отдохнуть, и накормить. Да и самим погреться.

На краю деревни их ждал уже знакомый староста Прокопий Романов, и священник Даниил Перфильев. Стояло ещё несколько мужиков.

– Зимой нас решили посетить, Лисандр Николаич? – спросил староста. – Из Илимска мужики ехали на рыбалку, да вот сказали, что вы едите за ними.

– На рыбалку? – переспросил Радищев. – В Илимске рыбы много. Такую даль на рыбалку?

– Э, Лисандр Николаич, оне не за такой илимской рыбой поехали с ночевками у родных по деревням. За Симахиной деревней лед будут крошить, да осетра ловить будут. Скусная рыба. Ангарская эта рыба вкуснее ленской рыбы. Глядишь, и за хорошую деньгу купчишкам продаст в Илимске. Надо как-то жить-то.

Как и прошлой зимой, их поселили в пятистенный дом. Обухов с солдатом заняли половину дома, другая половина поменьше досталась Радищеву и его кучерам и Петру.

– Да, Александр Николаевич, эти двое ещё покажут себя, – сказал Петр.

– Какие-то оне больно хмурые, – сообщил Иван Черемных. – Сторожко с ними, однако, быть надобно.

Когда староста, мужики и священник ушли, другой кучер Гринька сказал:

– Солдат мне шепнул, чо ему дан приказ молчать. Солдата я этова знаю. Он из местных призвался на службу. Зыряновский он. Перфильев Степка. Семья большая. А на службе всё прокормится, да и одежка какая никакая есть.

– Оно и понятно, – ответил Радищев. – Солдат есть солдат. Служба.

Раскрылась дверь и ввалилась бабка Авдотья.

– Ну чо, милки, приехали, знать? Лисандра Николаич, прошу в гости заглянуть ко мне. Как обещала, картоху нонче добрую собрала. Как говорил мне, на семена оставила. Скусная картоха. Бабка Меланья из Пушминой тоже садила картоху. Дабрая картоха и у неё выросла. Я ей мозги-то прочистила, вот она и посадила картоху. Не нарадуется, старая ведьма. Половина знать нашей деревни чичас задумали картоху садить. А ишо я молодежь угощала картохой. Дык, этова, приходи. И все приходите.

– Придем, бабушка Авдотья, обязательно придем, – обещал Александр Николаевич.

– Я уж и лучинки настрогала. Фитильки с сальцем в чашках готовы, – сообщила бабка Авдотья. На днях мой Яшка приехал. Он ведь сшил твоей женушке камуски?

– Сшил, бабушка Авдотья. Моя Елизавета не нарадуется. Красивые, цветастые и теплые камусы. Спасибо тебе Бабушка Авдотья.

– Будет болтать. Будет. Ты для нас боле сделал. Будет. Ну, я пошла. Приходите. Буду ждать.

Когда я жил в Якутии, такую обувь, кроме ичигов, якуты шили меховые из оленьей шкуры сапоги. Обычно их шили выше колен. В Якутии их называли камусы. Может где-то их называли по-другому, но я помню, их называли именно камусами.

Вечером Радищев и его команда пошли к бабке Авдотье. Там уже собралась молодежь. Да и молодые женщины здесь были. Потрескивали от огня лучинки, коптили фитильки в чашках с салом. Как и во всех домах стоял серый дым. Радищев уже привык к этим запахам. Тараканов не было видно. Видимо, бабка их морозом вытравила. Ну, ничего, эта вечная тунейдная тварь, вышедшая из тайги, и поселившаяся в крестьянских домах, не вся погибла. Часть из них прячутся под полом, заползают под корешки деревьев, под камушки, и чуть потеплеет, выползают на промысел.

Парни кучковались за печкой и обсуждали свои молодежные дела, и поглядывали на раздумянившихся девчат. Они, конечно, ловили эти взгляды, о чем-то шептались, хихикали, щелкали орешками. А что постарше принесли с собой прялки, клубки шерсти.

Потом грянула песня. Яшка снял со стены балалайку, и начал лихо играть. Начались хороводные танцы, пляска. А бабка Авдотья залезла на русскую печку, накрылась там длинным зипуном. Видимо, она привыкла к такому шуму, и могла спокойно уснуть.

И Радищев не усидел, тоже вошел в хоровод.

А когда вышли на свежий воздух, у крыльца их поджидал офицер Обухов с солдатом.

– Господин офицер, надо было бы вам зайти в дом, - сказал Радищев. - Там все веселились, пели, плясали. Да и погорелись бы там.

– Не положено, - строго ответил Обухов. – И я бы вам не советовал, так увлекаться.

– Почему это так? Веселье мне не запрещено. Я читал, что мне запрещено. Там об этом не написано, - весело ответил Радищев. – Петь и плясать мне не запретили.

– Это так. Но, там народ. Что подумают? Пойдут слухи. Начнут рассуждать. А рассуждения всякие бывают. Зачем крестьянину рассуждать? А ведь начнет рассуждать. А тут рядом вы, как не рассуждать? Опасно.

– Да не надо бы так вам близко к сердцу принимать. Молодежь тоже ведь рассуждала.

– И о чем рассуждали? – понизив голос, спросил Обухов. В это время команда Радищева стояла рядом и слушала.

– О, рассуждения их были изумительные! Один парень рассказывал, как надо правильно поставить морду, и что в неё положить, чтобы больше вошла рыбка. А другой парень доказывал другому парню, как и когда он пойдет свататься с отцом к Матренке из деревни Вологжиной. А другой ему говорил, что на него глаз положила местная Клавка, и она лучше Матренки. И что она лучше и надежнее вяжет шерстяные носки. Изумительные рассуждения!

– А господин унтер-офицер хотел сказать, что не надо бы рассуждать, например, о звездах. Я вот не рассуждаю о них, - тихо ответил солдат Степка Перфильев. – А что о них рассуждать? Пусть светят. Что с них взять?

– Молчать, сукин сын! – звонко крикнул офицер Обухов. – Опять в морду захотел! Молчать! Я тебе покажу звезды! Не рассуждать! Молчать! А вы, господин Радищев, вот какое влияние даже на солдата имеете. О звездах, сукин сын, заговорил. Я ему покажу звезды!

– Но, позвольте, господин унтер-офицер, не я, а именно вы стали рассуждать о звездах, - сказал Радищев. – Вы, возможно, хорошо знаете о них. Мне бы хотелось послушать вас.

Унтер-офицер Обухов весь напрягся, сжал кулаки, большие и круглые глаза, кажется, должны вот-вот вылезти из глазниц.

– Как вы могли?! Как это я первый?! Вы что здесь мне голову морочите! Мне не до звезд ваших! Нужны мне ваши звезды! Я никогда не говорил о звездах! Мне нужен порядок! Я за порядок в ответе! Порядок для меня выше всяких ваших глупых звезд!

– Но, позвольте, господин унтер-офицер, вы всё время употребляете о звездах. Я, например, ни слова о них не сказал, а зачем вы нам о звездах здесь начали рассуждать? Не надо бы рассуждать о них. Опасно. Мало ли что подумают люди. До вашего руководства донесется, что вы начали рассуждать мимо вашего порядка. Не надо бы рассуждать.

Рядом с Радищевым стоял Петр, и он весь изгибался, и закрывал рот меховой рукавицей. Радищев понимал, что Петр готов взорваться от смеха. Хоть бы не подвел. Вот он отошел в сторону, и весь согнулся.

Как говорится, масла в огонь подлил Иван Черемных.

– Я вот тоже не люблю рассуждать. А чо рассуждать-то? Об чем? Вы, господин офицер, не смущайте нас на эти самые звезды. Ну, их. И не рассуждайте. Думать, однако, можно. Я вот думаю, хватит ли мне дров на зиму. А эти звезды...

– Молчать, морда! Молчать! – заревел унтер-офицер Обухов, и затопал сапожищами по скрипучему снегу. – В острог захотел, морда! Я те покажу звезды! Я тебе такое, морда, покажу, что век будешь помнить этот день. В острог законопачу!

Петр, согнувшись, побежал к крыльцу дома.

– А чо я-то? – удивленно воскликнул Иван Черемных. – Я ни чо. Вы сами начали говорить об этих самых, как их, будь оне не ладны. Оне светят, а я виноват? Я здесь причем? Зачем меня забижать? Я тут не причем. Я и не рассуждаю. Зачем? Мне и так хорошо.

Второй кучер темной глыбой стоял и не двигался. Он только мотал головой. Видимо, ничего не мог сообразить, в чем тут дело?

Радищев взял за плечи Ивана и легонько его тряхнул.

– Успокойтесь, Иван Иннокентьевич, успокойтесь. Никто вас не обвиняет. Просто унтер-офицер любит порядок. Вот он о порядке и заговорил. Просто он напомнил нам всем, чтобы мы не рассуждали о звездах. И он прав. Не надо бы рассуждать. Это не порядок. Пойдемте в дом. А звездам тоже нужен порядок. Вот и пусть светят. Мы тут не причем.

Радищев не стал смотреть в сторону унтер-офицера Обухова, а начал толкать перед собой Ивана.

– Идемте, идемте в дом.

За ними пошел и второй кучер. Наконец и он проворчал:

– А я и так шибко не рассуждаю. Зачем? Себе же хуже будет. На прошлой неделе сержант Воробьев мово сына Ваньшу за уши оттрепал. Я стал говорить сержанту, зачем он мово сына оттрепал, а он ответил, зачем мой Ваньша рассуждать стал нашшот вашего букваря. Это говорит бесовская книга, и сжечь её надо бы. Ишо синяк мне под глаз поставил, штобы я много не рассуждал, а молчал, когда он будет говорить.

Когда вошли в дом, на лавке сидел Петр, и, прижав кулаки к животу, громко смеялся.

– Хоть здесь я отведу душу! - говорил он. – Александр Николаевич, ну, вы дали! Ой, не могу! Здорово вы его высмеяли! Ловко вы ево на уду поддели! Ой, не могу! А тут ишо Иван помог. Так ему, этому офицеришке и надо. Поделом ему.

Иван и второй кучер стояли у порога, и удивленно смотрели на смеющегося Петра. Здесь и Александр Николаевич тоже стал смеяться.

– А чо смешного? – тихо спросил Иван.

– Долго вам, мужики, рассказывать, - ответил Александр Николаевич. – Придет время, поймете. А не поймете, оно и к лучшему.

Утром они выехали, когда только проклюнулся рассвет. Унтер-офицер Обухов даже не смотрел в их сторону.

В полдень они были в деревне Зырянова. Здесь они решили немного отдохнуть, согреться, чтобы до ночи добраться до деревни Погодаева. От той деревни Радищев решил посетить все деревни, чтобы не пропустить ни одной. Той зимой он был во всех деревнях до Погодаевой деревни. Предписание такое было у Радищева от самого губернатора, чтобы он мог беспрепятственно бывать в деревнях по Илимю, но не далее. Пока такое предписание было, Радищев и решил воспользоваться до конца. Он понимал, что скоро его вот такая вольница закончится.

Здесь их встретил староста Наум Лукич Карнаухов. Он завел их в свой дом. Напоил их горячим чаем. Унтер-офицер Обухов сидел от них отдельно. Солдат устроился у порога.

И вот они вышли во двор, чтобы продолжить путь. У карет стояли крестьяне. Среди них была и Лушка Перфильева. Это была уже не веселая и разбитная Лушка.

– Вашу певунью и не узнать, – сказал Радищев старосте, устраиваясь в повозке.

– Отпела, Лушка. Отпела. Возможно, этим летом с кем-то гульнула. Ребеночка ждет, наша певунья.

Когда стали отъезжать, Радищев в последний раз увидел лицо Лукерьи. Лицо отображало печаль, а глаза светились радостью. Что это с ней, подумал Александр Николаевич. Из кареты он всем помахал рукой. Лукерья так вся и подалась из толпы, и словно что-то хотела крикнуть...

К вечеру они были в деревне Погодаева. Здесь их встретил староста Прокл Слободчиков. Ещё не стемнело, а в свободный дом, где поселился Радищев, стали приходиться люди из этой деревни и Нижне-Илимской. Приехали на конях из деревень Ступиной и Большой деревни. Прежде всего, он сделал всем прививку. Люди вели и везли к нему детей.

Во всех деревнях были пустые дома. Оспа никого не щадила.

Когда наступила ночь, и уже больше никто не приходил, Петр сказал:

– Таперича, хоть народу прибавится, Александр Николаевич. Детей уже сколь нарожали. Ваше имя долго здесь будут помнить.

Всё это время унтер-офицер Обухов сидел недалеко от печки. Как же, а вдруг кто-то из крестьян начнет жаловаться, рассуждать?

Крестьяне не смели много говорить, они косились в угол. Там и солдат стоял с ружьем, как на посту. Только один раз Радищев сказал:

– Солдатик, ты, возможно, устал. Сядь на лавку. Зачем же так?

– Не положено, – быстро ответил солдат. – Я стою на посту.

Ни один мускул не дрогнул на лице унтер-офицера Обухова.

И вот когда Петр сказал про детей, что их уже столько нарожали, унтер-офицер Обухов ответил:

– Поменьше бы рожали. Как тараканы плодятся. Меньше будет этих быдл крестьян. И тогда нам будет легче. Их бьют, морят, а они всё плодятся и плодятся.

И тут даже Петр не выдержал.

– А кто вас всех вот таких кормить будет?

Унтер-офицер Обухов вскочил и закричал:

– Тебе ли рассуждать, свинья! Вот оно где влияние, даже крепостные начинают рассуждать! Вот прибудем в Илимск, Неуспокоев засадит тебя в острог, чтобы перестал рассуждать!

– Господин Обухов, этот не крепостной, он свободный человек, - возразил Радищев и тоже встал.

– В нашей стране России нет свободных крестьян. Неположено быть свободным. Если все будут свободные, то это будет пугачевщина! Мало, мало их вешали! Надо было всех не только вешать, но и ссылат в Сибирь, в Сибирь, этих татей!

– Повторяю. Петр мой слуга. Он не крепостной. Когда меня ссылали, то мне позволили от самого правительства взять желающих со мной людей поехать в Сибирь. А то, что он вам ответил, то я с ним согласен. Россия живет на крестьянах, которые нас всех кормят, в том числе и вас унтер-офицер Обухов, и вашего доброжелателя Неуспокоева. И не надо бы оскорблять моего слугу. Даже я не оскорбляю моих слуг.

Унтер-офицер Обухов пинком открыл дверь и вышел. Солдат Степка Перфильев пожал плечами и тихо сказал:

– Извиняюсь, господин Радищев, я не виноват. Служба. Извиняюсь.

– Иди солдат, иди, твой командир не в духе, - ответил Александр Николаевич.

Солдат вышел. Там на улице Радищев услышал голос унтер-офицера Обухова.

– Зачем задержался! Получай, морда деревенская! Тоже рассуждать надумал! Это я должен рассуждать и думать. А тебе рассуждать только обуза. Я тебе устрою, когда вернемся в Иркутск.

– Бедный солдат, - тихо сказал Радищев. - Вот оно настоящее крепостное право. Никому нельзя рассуждать. Даже думать запрещают. Такое не должно быть. Каждый человек должен иметь право рассуждать и думать. Я верю, что такое время придет.

И здесь ошибся великий Радищев. Мечты его не сбудутся. В наше «советское» время рассуждать не как все, было запрещено. И это факт. Все эти «прелести» советской зоны я в полной мере испытал на себе. В своих книгах «Зона» и «На острове снов» я подробно об этом описал. Некоторым товарищам мои книги не понравились. Оказывается, они не поняли меня. Да прекрасно они всё поняли. Просто они жили, как все. А я жил не как все. Вот и весь ответ тем товарищам, которые ничего там не поняли. А вот в этой книге коротко сообщу. Один из руководителей рабочим говорил так: «Не надо тебе рассуждать и думать. Я за тебя буду думать». Окружающим подчиненным говорил: «Рабочего я представляю так. На работе, чтобы он отдал всего себя. Придет домой, поест, поможет в чем-то семье, и, не рассуждая ни о чем, чтобы ложился спать». А многие мне постоянно говорили: «Стрелов будь как все. Ты что против советской власти?» Вот два главных психологических лозунга, которые были в те времена в нашей стране. Я много по стране ездил, побывал во многих местах, то вот эти два лозунга хорошо запомнил. А так, как я был не как все, то, значит, я был против советской власти, и был постоянно на учете КГБ. Хотя я работал, как все, но медалей и орденов за свой труд не заработал. Вы думаете, что сейчас лучше стало, при вот этом диком капитализме? Нисколечко. Отдай себя всего на работе, не возникай, не спорь, не доказывай, не рассуждай. В один момент уволят с работы. А найти сейчас работу, со свечой не найдешь. Крепостное право было всегда. Хотя его отменили в 1861 году, но это было на бумаге. Крестьянину ещё хуже стало. И по истории мы это хорошо знали. Крепостное право в жесткой форме было и в советское время, но изощреннее и подлее. Оно перевалило и в дикий капитализм. И это право в этом диком мире не изощряется в словоблудии о правах человека, а нагло и беспардонно глумится над человеком. Если в советское время человека любого ранга, от рабочего, крестьянина и выше сделали хитрым, изощренным подхалимом и угодником, чтобы как-то выжить, и получить награды и поощрения, то в диком капитализме человек становится полным плебеем с наклеенной улыбкой. И тогда человек поощряется только тот, у которого со временем исчезают такие человеческие понятия, как совесть и

честь. Да, это тоже одна из форм дикого крепостного права. Так, что крепостное право из нашей несчастной России никуда не исчезло. Оно только приняло другую искаженную и более изощренную форму. Более ловкий, хитрый, наглый в этой форме возвысится, а если спотыкнется, то эта форма его уничтожит. А более совестливых отправит на свалку истории. Поэтому человек в этом диком капитализме, и в этой форме, должен мгновенно перевоспитаться, и как говорится «держат нос по ветру». Вот какие нужны теперь люди при диком капитализме, при диком крепостном праве. Вот теперь можно честно и откровенно сказать, надо быть как все. Так что мечта Радищева осталась мечтой. Я преклоняюсь перед мужеством этого человека. Он до конца оказался не как все. Вот чем его жизнь привлекла меня. И вот эта фраза не быть как все и побудила меня написать вот эту книгу. А путешествие из того времени, в далекое будущее, в наше время, как я понял, оно тесно сплетается. И я не представляю иной формы своего материала. А если кто опять не поймет, то я их пойму, и осуждать не буду. Просто они были всегда по форме, быть как все.

А теперь вернемся к Радищеву.

Утром выехали до Большой деревни. В этой деревне ещё были люди, которым Радищев оспу не привил. Люди приводили детей.

В дом ворвался молодой казак Кондратий Лыков.

– Здоровеньки, Лисандр Николаич! – крикнул он от порога. – Я буду опять при вас! Я же говорил, что моя деревня Большая. Меня к вам направили.

Потом он оглянулся и прошептал:

– Ваш офицеришка рыскает. Он свово солдата ищет. Он отсюда. Степка Перфильев. Не знаете, где он?

– Откуда нам знать? Они люди военные. Разберутся, - ответил Радищев.

Раскрылась дверь, и быстро вошел озабоченный унтер-офицер Обухов.

– Куда-то подевался солдат. Вот, господин Радищев к чему могут привести ваши вольные разговоры. Ушел и не оповестил меня. Он нарушил устав. И за это будет наказан.

– У него здесь родные, - ответил Александр Николаевич.
– Я был у них. Его нет там. Это всё ваши вольные разговоры.
– Позвольте вам возразить. О звездах вчера вы сами завели разговор. Может, он решил их и днем увидеть. Вы дали сами ему возможность размышлять.

Унтер-офицер Обухов весь напрягся и повысил голос.

– Издеваетесь, господин Радищев? Я эти звезды терпеть не могу! Они только людей с ума сводят. Размышлять солдату?! По какому праву ему размышлять? Я на вас докладную напишу, что вы людей смущаете на разные там размышления! Этим крестьянам работать надо, а не думать и размышлять о постороннем. За них есть, кому думать и размышлять.

В это время тихонечко скрипнула дверь, и вошел солдат Перфильев. Он весь съежился, но лицо его сияло. Он скромно склонил голову.

– Где был, сукин сын! – закричал унтер-офицер Обухов. - Где был, морда! Почему бес спросу ушел с поста?

– Я с поста не уходил. Вы спали, а я тихонечко пошел...

– Куда ты пошел без моего приказа, болван! – закричал он и затопал сапожищами. Потом подскочил и стал его бить по лицу.

– Прекратите сейчас же! - крикнул Александр Николаевич.

Унтер-офицер Обухов на крик тут же развернулся. В его больших глазах полыхала злоба.

– Что? На кого вы крикнули? Да как вы, государственный преступник, имеете право так на меня кричать?! Я при службе! Я состою в присмотре за вами, господин Радищев! Вы кричите на офицера её величества при исполнении приказа при моем солдате и при других господ. Здесь также находится при службе казак. Все они будут свидетелями, как вы вели себя по отношению к офицеру, и кричали на него!

– А кто кричал? – спросил казак Лыков. - Я и скажу, чо сильно кричал господин офицер. А боле никто не кричал.

– Что?! Заговор? - почти задыхаясь, сказал унтер-офицер Обухов.

– Успокойтесь, ну, успокойтесь. Просто надо было спросить у солдата, где он был? – спокойно ответил Александр Николаевич.

– Зачем так кричать? Степан Перфильев, доложите командиру, где вы всё это время были?

– Я этова, был, ну, был я у этой, как её... Катерина у меня здесь живет. Мы собирались с ней, этова, жениться. Я с ней разговаривал. Пока господин офицер отдыхал, я и тово, сходил. На Катерине жениться. Мы с ней с детства, этова, как ево, знаем друг дружку.

– Я тебе такую устрою женитьбу, что век будешь помнить!
– продолжал кричать унтер-офицер Обухов. – Там к дому старосты подошел обоз с Енисейска. Отправляйся на нем до Илимска. Побудешь там, и с попутным обозом отправишься в Иркутск. Там тебе такую женитьбу устроят, и о женитьбе забудешь.

– За чо!? – воскликнул солдат. – У меня же Катерина...

– Молчать! Не рассуждать! Я тебе покажу Катерину! Марш к дому старосты! – затопал сапожищами унтер-офицер Обухов.

– Господин офицер, как вы так можете?! – возмутился Радищев. – Как я вижу, вы ведь образованный человек. Парень собрался жениться. Ну и что? Надо радоваться. Это ведь любовь. Пойдут дети...

– Дети!? – с непонятым испугом закричал унтер-офицер Обухов. – Какие ещё дети? Какие могут у этого безграмотного олуха быть дети? И вы, образованный человек, можно сказать в прошлом ученый, так говорить? Они же, как те тараканы, наплодят таких вот олухов. Зачем они нам? Да если все они ещё начнут рассуждать? Они же могут заполнить всю Россию. Этих людей надо регулировать. Отслеживать. Хорошо ещё то, что оспа помогла в этом вопросе, поморила половину. Она знает, что делать. Природа знает, что делать... А вы ещё со своей прививкой пошли против природы...

– Замолчите, господин офицер, – простонал Радищев. – Замолчите. Как вам не стыдно? Да какой вы образованный человек. Вы человек бес чести и совести. Это вы, и подобные вам идут против природы. Подлый вы человек, господин офицер.

Унтер-офицер Обухов вроде успокоился, но был в напряжении. Он выпрямился, поправил на себе мундир, потрогал шпагу, и тихо сказал:

– Вы меня при всех оскорбили. Я был бы вынужден вас вызвать на поединок. Но такого права я не имею. Я офицер её величества, а вы есть государственный преступник. Под моим надзором. И как может офицер её величества быть в поединке с преступником, находящимся под моим надзором. А вот если бы не предписание губернатора, то я бы вас разложил на лавке и приказал бы солдату высечь бы вас розгами. Вот я бы мог. Об остальном я всё доложу в докладной.

– Просто вы трус. И только прикрываетесь тем, что вам приказано. Не забудьте, господин офицер про то, как вы нам собирались вести пропаганду о звездах. Это будет весьма весело.

– Продолжаете издеваться? Ну, ничего. Мой вам будет поединок. При приезде в Илимск всё изменится. Вольница ваша закончится. Вот тогда вы вззоете. И тот поединок будет пострашнее того поединка, про который вы здесь соизволили болтать.

Унтер-офицер схватил за шиворот солдата и толкнул его к двери. Радищев увидел в глазах солдата слезы. Судьба его решена.

Радищев метался из одного угла в другой.

– Как так можно? Как так можно? Это ведь полный произвол! Так унижать достоинство человека!

У лавки стояли Иван Черемных и кучер. Они не смели сесть при кричащем офицере. Потом Иван тихо спросил:

– Чота не пойму. А чо это было? Господину офицеру дети не ндравятся?

Казак Лыков тоже стоял. Он спросил:

– А чо это? Степке не разрешили жениться на Катьке? Почему? Чота я это не пойму никак.

– Там всё страшнее, - ответил Петр. – Всё страшнее. Успокойтесь, Александр Николаевич. В России так заведено. В Сибири мне сказали, нет крепостных. Омманули нас. Есть крепостные. Все мы бесправные. Мы у вас тока вольные, Александр Николаевич. Крестьян вон как все жмут. Всё из них выжимают. Тока што хозяев у них нет. А так жить не чище, чем в России.

– Ладно, Петр, давай успокаиваться. А то и тебе достанется вместе со мной, - сказал Радищев и сел на лавку.

– Я таперича с вами буду, - сказал казак Лыков. – Жалко Степку. Замордуют там его в Иркутске.

– Замордуют, - ответил Александр Николаевич. – И некому теперь письмо мне написать. Не защитят. Такова доля солдата. Молчать. Не рассуждать. Не думать. А сколько таких солдатиков! И не счесть. Да если ещё рядом вот такие унтер-офицеры?

Утром выехали до деревни Ступиной. Унтер-офицер сидел в своей кибитке один.

– И не скушно офицеру так одному быть, - сказал Лыков. – Терпение железное. А кто мы для него. Букашки. Жалко Степашку.

Вот и деревня Ступина. Как и везде поселились в пустой дом. Унтер-офицер устроился в отдельном доме. Люди повалили к Радищеву на прием. Главное для него, сделать всем прививку.

Пришлось ему здесь остаться на три дня, так как в эту деревню приехали крестьяне из деревень Балагановой и Коробейниковой.

Ввалился широкоплечий дядя в тулупе нараспашку.

– Ну, вот и я в самый раз поспел, Лисандр Николаич. Староста я здесь аж на три деревни. Замотался вот. От одной деревни к другой езжу. Три деревни у меня подо мной.

– Многовато чога у тебя деревень-то, Матвейка, - сказал Иван Черемных.

– Многовато. Чо сделаешь. Куда теперь денешься? В Балагановой недавно староста помер от перепоя. В Коробейниковой уехал в Енисейск. Вот меня и выбрали.

– У нас Матвейка Карнаухов, считай, двужильный, - засмеялся Иван Черемных. - У всех бы такие старосты были. Тада и порядок бы навел с этими загульными. И от водки бы так не помирили.

– Скажешь тоже, Ваньша, - махнул рукой на Ивана Матвейка. – И это бывает. Куда теперь денешься? Иной с горя пьет, Лисандр Николаич, кулачье омануло на шкурках. Другой от жизни нашей такой вот серой. Всяко бывает. В Балагановой-то был староста Митька кривой. От запоя его лечила бабка Вербунька. А толку? Как пил, так и пил. Я имя этим бабкам не верю. Тока людей

смущают. Вы бы, Лисандр Николаич полечили бы отдельных наших мужиков от запоя, а? Есь, однако, тако лекарство-то, а?

– Пока такого лекарства у нас нет, - вздохнул Александр Николаевич. - Самое главное лекарство, конечно, есть.

– Какое? – быстро спросил староста, и сбросил тулуп. Прогрешел к столу, и сел на лавку, переспросил: - какое такое есь чудное лекарство?

– Это лекарство называется – слово, - ответил Александр Николаевич.

Матвейка, и все мужики переглянулись. Казак Лыков засмеялся.

– Это чо за такое слово? Всё шутите, Лисандр Николаич?

– Не шучу. Слово. Надо с ним поговорить раз, другой, и хоть немного что-то поймет. Приводить отвратительные примеры из его запоя и запоя других пьющих. И потом, запойщик сам должен с собой повести борьбу. Вот вам и весь мой ответ. Слово.

Староста Карнаухов только развел руками.

– Ну, нашего мужика словом не проймешь. Вот есь такой пример. Поехали наши мужики в Илимск. Надо было купчишкам продать шкурки. А те взяли мужиков в кабаке и опоили. Омманули. А мужики хотели продать шкурки, получить деньги, купить кой чего на эти деньги. А чо потом с этих купчишек взять?

– Неужели нельзя миновать этих купчишек? Наверное, есь же нормальные купцы. Не все же шкуродеры и обманщики.

– А кто их знает? Подвернулись вот. Эти купчишки нюхом чуют, с чем мужики явились. Я же мужикам говорил, чо надо было пойти к бургомистру Романову. Он добрый мужик, нашего мужика понимает. Он бы и подсказал к кому идтить со шкурками. Так нет же, попались.

– Да, надо было идти к Романову. У них там склады. Могли бы договориться, - ответил Радищев.

– Так вот, - развел руками Карнаухов. – Темнога.

Опираясь на кривую палку, вошла бабка. Лицо смугловатое, широкое, ещё не испорченное оспой и морщинами, глаза поазиатски прищуренные, с хитрецей.

– Всё, началось, - простонал Матвейка Карнаухов. А потом прошептал: - шибко дотошная бабка. Всё знат, ишо и поучать тебя зачнет.

– Доброго здорovieца всем, - проскрипела она. – Однакошь, дохтур здесья?

– Доктор, доктор, - быстро ответил староста. – Шла бы ты, Матрена своей дорогой, куда тебе надо. Некаво тебе здесья дe-лать.

– Поштой ты такой сердитый Матвейка. Я не к тебе шла, а к дохтуру.

– Бабка Матрена, ты сама отменный доктор! – засмеялся Лыков.

– Всё зубы кажешь? Езжай в свою Большую деревню, вот там и указывай. Некаво мне здесья, Кондрашка грязная рубашка указывать.

– У меня рубашка завсегда чистая, - ответил Лыков.

– А душа у тебя, Кондрашка, чистая? Сумлеваюсь. Грязная. Над старостью зубы кажешь. Нехорошо. Чо мне с тобой лясы точить? Я к дохтуру пришла. Мы люди серенькие, ничо навроде не соображам. Пусь меня уму и разуму поучит. А я вот погляжу, с какова боку он меня начнет поучать. Я сама ишо кой каво поучу.

– Если вы ко мне пришли, то прошу пройти вот к этой лавке. Сядьте, пожалуйста.

Бабка Матрена прошла к свободной лавке. Села. Березовую палку положила рядом на лавку.

Староста встал, безнадежно махнул рукой, и, надев тулуп, вышел. Остальные путешественники сели на лавку за русской печью, чтобы не мешать Радищеву вести беседу с бабушкой Матреной.

– По какому делу вы ко мне? – спросил Александр Николаевич.

– По делу? Это у тебя должно быть дело-то. В прошлый раз я тебя не заметила. Ты раз, и укатил. Тока тебя и видели. Побрезговал, значит. Я всё время думаю, чо ты к нам зачастил? По какой такой надобности по всем деревням шастаешь. От безделья мучаешься? Людей смущаешь. Книжек начитался, так можно и

других смущать? Я тоже можно сказать могу и рассуждать и думать. От этой проклятущей болезни, как её, будь она не ладна, оспа, чота там, в теле ковбьярьш. Спасибочки тебе от всех людей. А в другом деле, ты уж извиняй не надо людей смущать. Нам без надобности твои книжки. Переучились, вот и давай нам книжки почем зря сувать. Я без твоих книжек много чо знаю. И могу тебя в смущение свести.

– И всё-таки, дорогая Матрена, по какому вопросу вы ко мне пришли?

– Вопросу? А причем здесь вопрос? Чо и зачем мне сразу сувать вопросы? Я сама могу задать вопрос.

– И какой же ваш вопрос, уважаемая Матрена?

Матрена немного хихикнула, хлопнула ладонями по худым коленкам, вскинула голову. Один глаз ещё больше прищурился, и недоверчиво улыбаясь, она сказала:

– А такой вопрос. Мне много лет. Мои подружки помирали от проклятущей оспы. А я вот не болела и живу. Вопрос. Нет у тебя ответа. Ишо вот чо. Они так молились, ажно лбом стучали об пол. Померли бабки мои. А я не стучалась лбом об пол. Живу. Не ответишь. Человек помер. Душа его отлетела. Где она? Почему я её не вижу? Не ответишь.

Будто от удовольствия бабка Матрена потеряла ладонь о ладонь. Вытянула шею, и внимательно посмотрела в лицо Радищеву.

– Так вот. И книжки твои мне не надобны. А я вот раз, и окучила тебя. И ответов нет.

– А у вас есть ответ, бабка Матрена? – улыбаясь, спросил Александр Николаевич. Она взяла палку, встала и пошла к двери.

– Завтри снег будет. Ноги ломит. Хватит людей морозить. Отчего мороз и не знаешь. Отчего волки воют на луну? Не знаешь.

– Бабка Матрена, а вы знаете? Скажите.

Она шла к двери. Александр Николаевич сказал ей вслед:

– Ну, хорошо, я переучился. Но, ведь и вы тоже переучились, бабка Матрена.

Она остановилась, и резко развернулась. На лице было отображено удивление, глаза расширились. В них уже не было хитринки.

– Это как я этова, как ево, переучилась? Я ведь даже читать не умею, и нет желания читать. Вопрос. Отвечай, Лисандр Николаич. Ответа у тебя нет.

– Ну, почему же нет? Есть ответ. Вы переучились у жизни.

– Как это? Всё мудришь? Как можно мне переучиться?

– Такие вопросы вы мне задали только от переучения, - ответил Александр Николаевич. Он продолжал улыбаться. Его заинтересовала бабка Матрена. – А если сходятся два человека, которые переучились, то у них должен быть интересный разговор. Вы весьма мудрая бабка. И ваши вопросы мудрые и загадочные. Не сразу на них можно и ответить.

Она загадочно хмыкнула. Глаза снова сузились, и в них вновь возникла хитринка.

– А я чо говорила. Раз и окучила переучку.

Потом она немного согнулась, посмотрела в сторону, где за печкой сидели мужики, и о чем-то разговаривали, и почти шепотом сказала:

– Ты, Лисандра Николаич, не думай обо мне плохо. Я хоть бабка, как все бабки, вредная, но я вумная. Я себе на уме. Я много чо знаю такова, что не всяк знает, чо я ведаю и знаю. А с тобой так стала говорить, так от мыслей, каких во мне много. Да и показать себя перед ученым человеком. Я ведь тоже могу кой чево. Да, знаю, добрый ты человек к простому крестьянину.

– А на ваши вопросы я бы мог ответить. Но это было бы весьма долго и для вас непонятно, Ты уж извини, бабка Матрена, такие вот мы переучки.

– Да, понимаю, Лисандра Николаич, понимаю. Чо уж непонятно-то. Понятно. Тока вот, люди-то меня спросят, об чем это я с тобой вела беседу?

– И как я отвечал? Говорите, как вам надо. Как вам удобнее. А то, что вы здесь мне признались, то об этом я никому не скажу, и вы не говорите. Это пусть будет нашей тайной. Вы просто мудрая бабка. Говорите, что вы со мной поговорили о разных мудрых делах. Как вы это умеете, говорите загадочно.

– Ой, Лисандра Николаич, спасибочки. Я этим бабкам-то, да и мужикам хвоста-то накручу. Я им такова накручу. Облегчил ты мне душу, Лисандра Николаич.

– Эх, бабка Матрена, вот если бы ты с молодости начала бы читать умные книжки, да учиться, тебе бы этой деревни мало было, - вздохнул Радищев. Он уже не улыбался. Она внимательно посмотрела в лицо Радищеву.

– Тоска тебя, Лисандра Николаич гложет, тоска. Переучилась бы я, и меня бы сослали куда-нибудь, как тебя. Ты вроде улыбаешься, а глаза твои тяжелые. Тебя, Лисандра Николаич тянет на родину, в Россию. А ты здесь, среди нас, темных и неотесанных. Тебе жалко нас, темных, а ты себя лучше пожалей. Здесь наша родина. Мы уж как-нибудь. Терпи. Чо уж. Терпи. Боле мы не увидимся. Прощевай, добрый человек.

Она медленно развернулась и пошла к двери. Остановилась. Повернула голову, и добавила:

– Страдалец ты и мученик. Такая твоя доля. А лучше тебе уж не будет. Так тебе на твоём роду написано. Прощевай, добрый человек.

Бабка Матрена вышла, а Радищев стал ходить от одного угла в другой. Горькие мысли не покидали его. Разговор с бабушкой Матреной взволновал Радищева. Господи, сколько же таких му-дых, простых и безграмотных людей в этой глуши попадаетея ему. А сколько их было! И все они уходили и уйдут в небытие. Как обидно. Дать бы всем им образование. Внести бы сюда, в этот край культуру, да этот «погибельный» и не узнать было бы.

В этот отдаленный илимский край настоящая культура придет только в шестидесятые годы двадцатого века с началом строительства коршуновского металлургического комбината и города Железногорска-Илимского. И этот город, когда его начинали строить с палаток, то по праву его надо было назвать Радищев. Многие первостроители предлагали назвать его именем великого гражданина, отбывающего здесь ссылку. Но в обкоме партии ответили, что, мол, мало ли здесь кто жил.

Утром выехали до деревни Балагановой и Коробейникова. С Радищевым поехал и староста Матвейка Карнаухов.

Решили остановиться в деревне Коробейникова. Деревня Балаганова рядом. Как и в других деревнях здесь оказалось три дома пустых. В одном доме поселился унтер-офицер Обухов. Он совсем отделился от команды.

Из Енисейска мимо проезжал обоз с разными товарами. Следом за ними ехали две кибитки. Унтер-офицер Обухов остановил переднюю кибитку. Там ему о чем-то сказали, и он подошел ко второй кибитке. Солдат Перфильев следовал за ним. Унтер-офицер Обухов затолкал солдата в кибитку. Из неё выбрался другой солдат и подошел к унтер-офицеру Обухову и вытянулся перед ним.

За всем этим наблюдал Радищев.

– Не завидую солдату Перфильеву. С нами будет другой солдат.

Когда кибитки последовали далее, Радищев вышел из дома. Подошел к унтер-офицеру Обухову.

– Как я посмотрю, с нами будет новый солдат? Зачем вы отослали солдата Перфильева?

– Это не ваше дело, господин Радищев. Его доставят в Иркутск. А там с ним разберутся.

– Как твоё имя солдат? – спросил Радищев.

– Ваше какое дело! – повысил голос унтер-офицер Обухов.

– Мне надо знать, кто меня будет охранять.

Солдат, не отрываясь, смотрел на Радищева, и в его глазах Александр Николаевич видел удивление.

– Рядовой Авдей Скоробогатов! – гаркнул солдат.

– Молчать! – крикнул унтер-офицер Обухов, - Молчать! Я не разрешал отвечать! Когда я прикажу отвечать, тогда отвечай, морда!

– Слушаюсь молчать. Я думал...

– Ах, ты ещё и думаешь?! Запрещаю думать! Марш в дом! Я там с тобой от души поговорю!

Радищев увидел, как на краю деревни кибитки развернулись.

Когда они поравнялись с местом, где стоял Радищев, кони остановились. Из второй кибитки, куда засунули солдата Пер-

фильева, выбрались два офицера. Они подошли к Радищеву и отдали ему честь.

– Мы не думали, что вы здесь окажитесь, Александр Николаевич, - сказал один офицер. – Почему вы здесь? Для нас великая честь видеть и лицезреть великого гражданина России! Это нам сообщил солдат Перфильев, которого непонятно за что наказали. Господин Радищев, почему вы здесь? Живете в этой деревне?!

– Просто я путешествую по деревням края Илимского. У меня на это есть предписание губернатора Иркутска.

– Что вы, господин Радищев! Мы просто спросили и удивились, что вы здесь. Мы всё ваше читали. За это нас из Москвы сослали в Якутск. Оттуда нас направят на Камчатку.

– То, что вы мои работы читали, это хорошо и славно, но вот так сообщать, не след бы, - сказал так Александр Николаевич, и кивнул в сторону унтер-офицера Обухова.

– О, Александр Николаевич, теперь уж далее Камчатки нас не сошлют. Мы и там будем говорить о вас. Великое счастье для нас лицезреть вас в этом глухом краю, где вы и здесь не сдались.

Унтер-офицер Обухов стоял в стороне, и делал вид, будто ничего не слышал, и ничего его не интересовало. Конечно, же, всё он слышал и видел, чтобы потом написать докладную. Глядишь, и в должности повысят.

Из первой кибитки вышел ещё один офицер. Он закричал:

– Господа офицеры, а ну на место! Поглазели на государственного преступника и будет! По кандалам соскучились? Они у меня готовые лежат у моих ног. Быстро в них вас законопачу.

– Идите, господа, идите, и не гневите стража порядка, - сказал Александр Николаевич. – Доброго пути вам, господа. Спасибо вам.

Оба офицера быстро подошли к нему, обняли его и трижды поцеловали.

Кибитки скрылись за последними домами, а Радищев ещё долго стоял, и смотрел вдаль. Снег падал на его плечи, на его лицо, и он быстро таял, и почему-то он был соленым...

Будто вдали раздался глухой голос унтер-офицера Обухова:

– Укатали ваши заступники. Поделом им. На Камчатке им самое место.

И также тихо и глухо ответил Радищев:

– Вам этого не понять.

– Где уж мне понять.

– А раз вам этого не понять, то не надо бы и судить.

– Это вас всех надо судить вот таких неугомонных. Вас бы всех вот таких собрать в одно место, да смолой облить, да сжечь бы вас, чтобы от вас духу не осталось и никакого следа и памяти. Тогда мы и жить стали лучше. Вы только мешаете нам нормально жить.

– Вам ничего и от этого не понять, кого сжигать, а кого не надо бы сжигать.

– Что-то вы всё загадками говорите. Как это не понять-то?

Радищев почувствовал себя плохо. Какой раз он поймал себя на мысли, что с такими людьми спорить только во вред себе.

Пошатываясь, он пошел к дому. К нему бежали Петр и Иван Черемных. Они подхватили его под руки и повели в дом.

– Александр Николаевич, ну как так можно? - проворчал Петр. – Как можно? Ведь знаете, что не надо с такими людьми так убиваться. Елизавета Васильевна говорила мне, чтобы я остерег вас от таких встреч.

А когда вошли в дом, где было тепло и уютно, Радищев спросил:

– Почему же ты не остерег меня от бабки Матрены в деревне Ступиной?

Петр неожиданно засмеялся.

– Э, Александр Николаевич, то бабка Матрена, то этот офицеришка. Разница, как небо от земли. В бабке Матрене мудрость. Мне мужики сказали. Все слушают её. Мудрая бабка. Вы такой оживленный были. Даже философствовать начали про себя, как я понял. А здесь с этим человеком нет никакой мудрости. Цельное болото, которое надо бы высушивать.

– Высушивать? – спросил Александр Николаевич, снимая с себя зипун, и усаживаясь ближе к печке. Второй кучер поднес Радищеву кружку с горячим чаем.

– Там мед, - сказал кучер. - Пользительно чичас выпить.

– Высушивать, - ответил Петр. – Тока некому эти болота сушить. Время не пришло.

– А вдруг это время никогда не наступит, чтобы это болото высушить. А если этих болот много тогда как?

– Ну, даже и не знаю как, - развел руками Петр.

– Вот. Это главный вопрос бытия. Вдруг такое время не придет. Тогда какой смысл сушить эти болота? Хотя, как сказать. Кто-то же должен их сушить. Это одно. Но, высушив болота, мы нарушим экологию. С природой мы остановимся. Это так. Но, в сушке болота находится подтекст. Вот о чем надо говорить. Нет, Петр, мне так кажется, что такое время не придет. Но если высушить до конца такие болота, а как, же борьба? Так уж создано человечество, что ему хоть немного, но оставить эти болота. За чем? Нет, Петр, такое время не придет.

– Вы очень мудро сказали, Александр Николаевич, - задумчиво ответил Петр. – Я, например, так ничего и не понял.

– Да и не надо бы понимать, Петр. С этими болотами можно уйти в такие дебри, что там можно в этих топях и заблудиться.

Впереди их ждала деревня Качина. Действительно, эта деревня ждала их. Человек десять их встречали у первых домов. Вперед вышел маленький мужичонка в длинной не по росту телогрейке. Он сразу представился.

– Я здесь назначен старостой деревни Гришка Ведерников. В нашей деревушке восемнадцать домов. Три дома свободные. Там тараканов нет. Выморозили мы там всех проклятущих чертей. Када кто морозит у себя в доме, то дня три и четыре в этих домах живут семьи-то. Мы славно прибрались и натопили печки в двух домах. Мы уж знаем, чо охвицеру надо отдельно дом дать. А вы уж вместе будете.

– Это откуда вы так всё знаете, что офицеру и нам надо жить раздельно? – засмеялся Радищев. Первую кибитку, где сидел офицер, и солдат Авдей Скоробогатов люди пропустили вперед.

– Дык, этова, как иво, деревня. Слух такой пошел.

– Как слух? Мы ведь только приехали. Как это так быстро? – спросил Александр Николаевич.

– Вчерась ишо нам сообщили добрые люди. Чичас идет слух до самой Симахиной, чо к нам едет добрый человек и не добрый охвицер. Деревня. Чо вы хотите.

– Действительно, правда, весь Илим, это сплошная деревня, длинная и такая огромная деревня.

– А чо сделашь, - развел руками староста Гришка Ведерников.
– Деревня.

– Мы про всё вас знаем, - сказал кто-то из толпы.

– На этом большое спасибо, - низко поклонился крестьянам Александр Николаевич.

Они вошли в теплый дом. На столе стоял пузатый самовар. Горкой лежали калачи, а в чашках мерзлая брусника, и ещё другие таежные ягоды и соленые грибы. У самовара стояла большая бутылка.

– Проходите, дорогие гости. Замерзли с дороги-то, однако. Чайком побалуйтеесь. Можно и водочки перцовоы с морозцу пропустить, - говорил Гришка Ведерников.

– Люди-то пусть заходят, чего им на морозе стоять. И потом, идите и покажите господину офицеру его дом. Нехорошо дергать военного человека на улице, - сказал Радищев.

Раскрылась дверь, и ворвался унтер-офицер Обухов.

– Уже успели сговориться?! – закричал он. – Вы должны показать свободный дом офицеру, а не государственному преступнику! В острог, староста, захотел? Я это могу быстро устроить! Неуважение к офицеру её величества, и уважение к преступнику! Вот и статья готова! А сначала тебя, морда, я прикажу на лавке розгами выпороть!

– Господин унтер-офицер, разве так можно кричать? – спросил Радищев. - Что скажет народ? Дом этот стоит рядом. Там натоплена печь. Там вас встретят по чину. Зачем так возмущаться? Не расстраивайтесь так, всё равно после этой поездки вас повысят в должности и звании. Придет время, и о вас скажут, это том самый полковник, который длительно охранял государственного преступника Радищева. Никого не будут помнить, а вас будут помнить. Так будет.

Унтер-офицер Обухов вроде немного притих. Потом спросил:

– А чего это вдруг никого не будут помнить, а меня будут помнить? С чего бы это? Что это ты за птица такая, что из-за тебя будут говорить обо мне? А почему полковник? Смеетесь? Вам ли сейчас смеяться?

– Тогда генералом. Жизнь, штука любопытная. Она так может закрутить, что голова кругом пойдет.

– Ладно, философствовать. Хватит. Староста, а ну показывай дом, где мне остановиться.

Староста и унтер-офицер Обухов вышли. Тут же стали заходить крестьяне. Радищев махнул рукой в сторону стола, и сказал:

– Проходите, дорогие крестьяне. Будем чай пить.

Всем хватило места.

После застолья Александр Николаевич стал выслушивать крестьян. Прививал оспу, осматривал тех людей, кто на что-то жаловался. Да и просто беседовал, расспрашивал о семье.

Утром отправились до деревни Корсукова. До неё было около десяти верст. Неожиданно лошади встали, и стали бить копытами, и храпеть.

Все выбрались из кибитки. Иван Черемных сдерживал рвущегося коня под уздцы. Стаяла кибитка, где находился унтер-офицер Обухов. Солдат Авдей Скоробогатов выскочил из кибитки с ружьем. Он помогал кучеру сдерживать коня. Унтер-офицер Обухов из кибитки не выходил. Только голова его торчала. Он крикнул:

– Солдат Скоробогатов пугни этих волков из ружья!

– Как я могу их пугнуть, если я их не вижу! - ответил солдат.

Все смотрели в разные стороны, но волков не было видно.

– Кони их чувят, - сказал Иван. – Из тайги на нас смотрят.

– Я их взгляды на себе почувствовал, - ответил Александр Николаевич. – А что если их пугнуть выстрелом?

И тут они увидели, как из тайги, утопая в снегу, выбежала большая стая волков.

– Мама родная, смотрите их сколько! – крикнул казак Лыков. Из ножен он выдернул саблю.

– А ведь я и не подумал взять ружье, - заметил Радищев. – Ну, ничего, у меня есть шпага. – И он быстро запрыгнул в кибитку, и вскоре появился со шпагой. Встал рядом с Лыковым.

– У нас тока у солдата есть ружо, - отозвался кучер. – У меня есть нож и кнут.

– А я всё, Александр Николаевич предусмотрел. Я же ружьё тоже завернул в полушубок, - сообщил Петр. Из кибитки он достал ружье, и встал рядом с Радищевым и Лыковым.

– Мы их дружно встретим огнем и шпагой, - улыбнулся Александр Николаевич. А в это время из кибитки унтер-офицер Обухов отдавал солдату приказ.

– Стреляй, сволочь!

Солдат подбежал к Радищеву.

– У вас тоже есть ружье? Давайте вместе грохнем!

– Давай, Петр, заряжай, и вместе с солдатиком открывайте стрельбу. Но только не враз, а через пару секунд.

Петр и солдат так и выстрелили. Волки остановились.

– Ну, что серые, да клыкастые, давайте к нам! – крикнул Александр Николаевич. – Испугались! Мы вам жизнь дарим! Убирайтесь домой, в вашу тайгу!

– Так они вас и послушали! – засмеялся Иван Черемных. Лыков махал саблей.

Волки сгрудились, и, видимо, совещались, что делать дальше. Кони продолжали храпеть, но не пытались бежать.

Наконец, волки стали возвращаться в тайгу.

– Голод их погнал к нашим лошадям, - сказал солдат. – А тут мы их встретили.

– Спасибо тебе, солдат, - сказал Радищев. – Ты есть настоящий солдат Российской армии.

Из кибитки выбрался унтер-офицер Обухов. Он крикнул:

– Солдат Скоробогатов, марш на место! Я приказываю, на место!

Скоробогатов быстрым шагом пошел к первой кибитке.

Унтер-офицер Обухов продолжал громко говорить:

– Стрельнул, и хватит там торчать! У меня заряжены два пистоля. Нечего бояться каких-то волков. Приблизились бы, то я быстро нескольких волков уложил бы.

Кони успокоились. И снова тронулись в путь.

Петр сказал:

– Офицерик-то струсил.

Радищев ответил:

– Да нет. Он просто выбрал другую тактику обороны.

– Всё понятно, - ответил Петр, и накрылся тулупом.

– Струсил, - твердо ответил Лыков, и тоже полез под тулуп.

В полдень они прибыли в деревню Корсукова. Их встретил староста Иван Слободчиков.

– Староста из деревни Погодаева Прокл Слободчиков вам родственник? – спросил Александр Николаевич.

– Родственник. По всем деревням многие чичас друг дружке родные, - засмеялся Иван Слободчиков.

В этой деревне было четыре дома пустых из двенадцати домов. Как и положено два дома были приготовлены для путешественников.

Радищев наклонился к старосте, и тихо сказал:

– В первой кибитке ждет вас офицер. Вы уж первого его примите. Обидится.

Староста ответил:

– Мы уж знаем, чо он в первой сидит.

– И это знаете?

– Знамо дело. Карнаухову попало. Знамо дело. По всем деревням знаем. Скажу так. Зловредный мужичок этот офицеришка. Все оне такие.

– Неправда, - тихо ответил Александр Николаевич. – Нельзя так обо всех говорить. Весьма много хороших офицеров. Со мной путешествовали в эти края офицеры Кондратьев и Пономарев. Отличные офицеры.

– И про них всё знам. Извиняй, Лисандр Николаич. Пойду я встречать офицеришку.

Солдат Скоробогатов стоял у кибитки с ружьем. Унтер-офицер, конечно, ждал, когда его официально пригласят в готовый для него дом.

Радищев и остальные его люди вошли в дом. Как и везде, посредине длинный стол. На нем пузатый самовар, ну и все таежные, местные деликатесы.

Две женщины пригласили их за стол, чтобы с дороги «побаловаться» чаем. Потом вошел староста Иван Слободчиков.

– Язва, чёрт его возьми, - проворчал староста. – Бедный солдатик.

– Садитесь с нами чайком успокоиться. Люди они и есть люди. Все они разные, как и должно быть, - сказал Радищев. – Вот в вашем дворе есть коровы. По характеру ведь они разные?

– А как же! – воскликнул староста. – У меня во дворе четыре коровы, и все разные. Три нормальные коровы, а вот четвертая Пеструшка, так чистая ведьма. Запросто может бабе молоко не дать. Бодается чертовка. Уж не знаю, чо с ней и делать.

– А кони? – крикнул казак Лыков. - Тоже разные. Иной так-ва гонору устроит, чо мама не горюй. Рыжик один раз меня за спину укусил. Месяц на спине синяк не проходил.

– Вот. А вы хотите, чтобы люди были все добрые и отзывчивые. Они тоже разные.

– Но это, же человек! – возразил Слободчиков.

– Правильно. Человек. Но ведь мы тоже произошли от животного. Мы ведь тоже животные.

Все бросили пить чай. Наступила подозрительная тишина. И только было слышно, как на улице на кого-то кричал унтер-офицер Обухов.

Александр Николаевич только сейчас понял, что он сказал лишнего. Эти люди его не поймут. А если начать объяснять, то ещё больше не поймут.

Петр снова начал швыркать из чашки чай, и в тоже время сказал:

– Иные люди, что вам животные. Разные.

Молодец Петр. Не зря он столько лет живет рядом со своим хозяином.

Казак Лыков на это ответил:

– Как точно сказал. Иной человек, что тот конь Рыжик, или твоя корова Пеструшка.

– Это так, - ответил Радищев. – Я ведь тоже на кого-то похожий. Все мы на кого-то похожие. Вот об этом я и хотел сказать.

– А на кого тогда похожий этот офицеришка? – засмеялся Лыков.

– Давайте не будем об этом говорить, - строго ответил Александр Николаевич. – Людей бы надо принять. Пусть с собой ведут ребятешек.

– Все люди уже готовы придти, - ответил Слободчиков.

– В деревне Туба я тоже староста, - сказал Иван. – Я передал им, чтобы оне не ходили сюда. Вы сами туда придёте.

– Ладно. Мы там остановимся. А я думал, что они явятся в эту деревню.

– Дык, нам хотелось...

– Понимаю вас, хорошо понимаю. Хитрецы.

– Я сам родом с Тубы, - ответил староста. – Тока не надо бы вам ходить к тому ручью. Летось вы ходили. Там люди пропадают. А еслив выходят, то не в себе. Этой осенью чёрт занес туда двоих. Один совсем там сгинул, а другой Федька Антипин вроде как тово. Заговариваться стал. Кажится ему всяка ерунда. С деревни Бубновой приезжал сам батюшка Корней Мальцев. Ничего не помогает.

Староста ушел, а вскоре и люди стали приходиться.

На другой день утром Радищев и его команда поехали до деревни Туба. Староста Иван Слободчиков поехал с ними. В этой деревне у него было своё хозяйство. Радищеву захотелось встретиться с Антипиным, который побывал у того ручья, где и был сам Радищев.

На этот раз староста первым пригласил в свободный дом унтер-офицера Обухова с солдатом, а потом уж и Радищева с командой.

Только расположились в доме, сели за стол пить чай, как на улице раздался почтовый колокольчик. Александр Николаевич выскочил на улицу. За ним выбежал Петр с шубой.

– Александр Николаевич, как так можно! – кричал Петр. – Простудитесь! Мне потом за вас будет нагоняй от Елизаветы Васильевны! Немедленно наденьте шубу и картуз.

Радищев послушал своего преданного слугу, и при помощи Петр одел шубу.

По улице бежали две лошадки, и тянули за собой кибитку. На дуге радостно звонил колокольчик. Радищев вышел на середину улицы. Кучер остановил коней.

– Кто таков? – спросил кучер. – Освободите дорогу. Едет почта. Где живет староста?

Из другого дома выбежал и унтер-офицер Обухов. Он тоже встал посредине улицы. Из кибитки выбрался офицер. Увидев Радищева, он подошел к нему и отдал честь. Лицо его сияло, глаза так и блестели от радости. Офицеру было где-то за сорок лет.

– Я вас таким и представлял по описанию моих друзей, господин Радищев Александр Николаевич! Прибыл вот в ваше распоряжение! Я рад, что буду вам служить верой и правдой! Мы едем сейчас из Енисейска. Там я служил. Потом вам всё расскажу. Пришло предписание, меня сюда направили.

– Но позвольте вас огорчить. Меня уже охраняет один унтер-офицер Обухов.

Офицер чуть наклонился и прошептал:

– Я вижу его. Зануда и карьерист. Его отправляют на повышение в Киренск. Будет он руководить целым Киренским уездом. А меня сюда отправили на понижение. Но я безмерно рад, что буду рядом с вами.

Он подмигнул Радищеву и пошел к унтер-офицеру Обухову.

Через минуту, но не более, унтер-офицер Обухов побежал в дом. Ещё через минуту, но не более, он выбежал со своими вещами, и нырнул в кибитку. Солдат Скоробогатов стоял на крыльце, и по его виду можно было понять, что он в растерянности.

– Господин офицер, – обратился Радищев к новому офицеру. – А как же с солдатом. Его совсем этот офицер замордовал.

– Я знаю. Мне уже передали. Солдат Авдей Скоробогатов будет со мной служить. Я его сделаю своим ординарцем. Сейчас я его успокою, а потом уж мы с вами наговоримся. Виноват, Александр Николаевич, виноват, я не представился. Бывший полковник царской армии, а теперь обыкновенный ношу чин капитана. Алексей Андронович Белоногов. Я насчет вашей почты спрашивал. К сожалению, ничего вам нет. Извините ещё раз.

Капитан пошел к дому, где на крыльце стоял солдат Скоробогатов.

Радищев понурился. Шуба сползла с плеч. Петр поправил её и сказал:

– Не переживайте, Александр Николаевич, в следующий раз обязательно почта будет. Это ещё хорошо, что этого унтер-офицера отослали. Этот-то, видно, капитан хороший. Оно сразу видно. К вам сразу подошел.

Александр Николаевич только кивал головой.

– Да, да, в следующий раз. Да, да, в следующий раз. Все забыли меня. Все. Как же дальше жить-то? А? Петр? Ты хоть скажи. Как дальше жить-то?

– Как? Так вот и живем. Надо как-то жить-то. Мы ведь люди. Человек. Он же, человек-то не животное, какое. Животное, оно тоже ведь понимает кое-чего в своей животной жизни. А мы есть человек.

Радищев остановился. Внимательно посмотрел на Петра. Потом сказал:

– А ведь ты молодец. А то я совсем забросил свой трактат о жизни и смерти. Как я мог? Приеду вот в Илимск, и надо продолжить работу над этим трактатом. Молодец, Петр.

– Ну вот, вы и развеселились. А потом спросил:

– А чо о смерти-то? Она ведь знат, када придти. Бог, он ведь не какой-нибудь там без понятий. Он знат, када кого взять и куда определить его душу грешную.

– Ну, и Петр, а ты настоящий философ. Кое-чего ты мне в этом вопросе подсказал. Ну и Петр. Я как раз тружусь над трактатом о жизни и смерти.

Они вошли в дом. Грусть не проходила. Все забыли о нем. А пройдет ещё два три года и его совсем все забудут. Если ему запретят ездить по илимским деревням, а находиться только в Илимске, это будет гибель. Он понимал, что эта поездка последняя. Дальше он не представлял, как будет жить в заточении.

Он принимал крестьян, но не подавал виду, что тоска совершенно не проходила. Нельзя, чтобы люди видели его плохое настроение. Он знал таких людей, которые бывая не в настроении, хотят, чтобы и окружение его было таким.

К вечеру пришел капитан Белоногов.

Радищев пригласил его за стол, и угостил его кофеем. Он сам заварил его. Радищев никому не доверял заваривать кофе.

Белоногов рассказал о своей судьбе. Родом он из Москвы. Родители, обедневшие дворяне. Алексей учился в академии. Стал офицером. Воевал с турками. Часто бывал в военных походах. И дослужился до полковника. С офицерами у него были хорошие отношения, солдат не обижал. Они любили его. Всё началось с того, что он отказался вешать сторонников Пугачева. Белоногов сказал, что он не палач. Он военный, и дело его воевать с врагом, а вешать людей, он необучен. Тогда не все офицеры вешали сторонников Пугачева. Доложили царице. Она была в ярости. Кричала, что крамольная книга Радищева дошла и до офицеров. Вот они тоже и взбунтовались. Многих разжаловали, понизили в звании и отправили в дальние гарнизоны. Полковника Белоногова понизили до капитана, и сослали служить в Енисейск. А тут пришло предписание из самого Петербурга, чтобы унтер-офицеру Обухову за хорошую службу присвоить звание капитана и направить в Киренский уезд. Теперь он будет главным надзирателем над ссыльными и каторжанами в своем уезде. Значит, Илимская волость в подчинении этого человека. Вот так, Александр Николаевич. А меня направили досматривать за вами и ссыльными Илимской волости.

Будет ещё хуже, - тяжело вздохнул Александр Николаевич.

- Пока я здесь буду служить, я вас в обиду не дам. До Обухова были честные и добропорядочные офицеры Кондратьев и Пономарев. Потом я узнал, их отправили куда-то на север. Как же так получается, Александр Николаевич, чем угодливый подхалим и без чести и совести, тем ближе к центру? А честных и умных чиновников, как ваши друзья Воронцов и Новиков, а также и офицеров бросают в тюрьмы, ссылают куда подальше. Как же так?

- Так угодно двору, - ответил Александр Николаевич. - На этом зиждется власть. Они так думают. От подхалимов и угодников, людей бес чести и совести любое государство слабнет. Они этого не понимают. Любое государство может быть сильным только тогда, когда исчезнут подхалимы и люди бес чести и совести. Когда у руководства государства, министерств, разных дум, губерний, уездов и волостей придут добропорядочные умные люди, эта страна станет самой процветающей страной на

нашей планете. Вот о такой стране я и мечтаю. Возможно, когда-нибудь, через два или три века такая страна появится. Где не будет казнокрадов, угодников и прохиндеев.

И здесь ошибся великий гражданин России Радищев. Такой страны не будет через двести с лишним лет. Казнокрады на луну не улетели. Их отпрыски остались. Советский Союз, где мечтали коммунистические глашатаи обманщики и профессиональные лгуны о сияющих вершинах на гранитном фундаменте, как в дождливую погоду поганки, заполонили подхалимы, угодники и вруны. Эта страна была пропитана подхалимажем от правителей до последнего рабочего и мастера. Уж этого-то я насмотрелся досыта. Вот и развалилась великая страна, и ушла в историю. А ведь были в этой стране порядочные, честные люди. Их было мало, но они были. Не за награды они работали, а за совесть и честь. Были среди таких людей рабочие, мастера, начальники, председатели колхозов, секретари парткомов и райкомов партии. Все они были бессильны против системы. Она их изживала, они ей мешали, она их не понимала и боялась. А о капитализме и говорить нечего. Я уже писал об этом выше. В этой системе вообще делать нечего порядочным и честным гражданам. Она просто их уничтожает. Эта система плодит казнокрадов всех степеней от района до высших кругов страны. Великий Радищев и не предполагал, что в его России через каких-то двести с хвостиком лет будут царствовать казнокрады, болтуны, говоруны, мошенники и плуты всех степеней.

Интересно, а о чем могли говорить в те далекие времена два изгнанника? Мне бы очень хотелось послушать разговор этих двух людей. Ведь разговаривали же в советские времена порядочные товарищи на кухнях. Я сам был участником таких вечеринок за кружкой чая, и с кое-чем покрепче. Я думаю, что читателю предоставлю возможность послушать этих людей. Конечно, было много товарищей, которые боялись откровенно поговорить на кухне. К таким людям я не относился. Есть люди, которые по старой привычке, до сих пор боятся откровенно поговорить. Есть люди, которые боятся читать мои книги, тем более если я откровенно описываю то время, когда заключенные в советское время строили железную дорогу от Тайшета до Лены,

когда гибли тысячи праведных людей от голода и побоев. Интересно, как они воспримут мою книгу о великом Радищеве, и моих отступлениях в наше советское и окаянное время бесов? Вот эти два человека ближе познакомятся, а потом мы поприступуем при их разговоре. Возможно, что кто-то будет ещё третьим человеком. Так будет как-то интереснее.

Белоногов ушел. Он обещал придти на следующий день.

Только рассвело люди стали приходить на прием.

Медленно раскрылась дверь, и тихонечко вошел парень лет двадцати пяти.

– Проходи, парень. Что у тебя? – спросил Александр Николаевич.

Парень, опустив голову, топтался у двери. Потом сказал:

– Староста сказал. Вы хотели видеть меня. Я это Федька Антипин.

– Федор, значит? А как же, конечно, я хотел видеть тебя. Как же. А ну, проходи к столу. Давай-ка свежего чаю с сахаром мы с тобой попьем. Как говорится, чайком побалуемся. Давай, давай, смелее за стол иди, а то я совсем рассержусь.

Парень скинул рваный кожушок, и присел на лавку с краю стола. Александр Николаевич сам налил ему чаю в кружку, бросил туда приличный кусок сахара, пододвинул чашку с пирогами.

Молча, попили чай. Парень съел пирожок. Радищев будто не замечал парня. Он что-то писал в тетрадь. Он видел, что парень голоден. Он жадно съел ещё один пирожок. Редкая природная скромность не позволила ему ухватить и третий пирожок.

Парень хотел было уже встать, как Александр Николаевич остановил его.

– Посиди немного. Я хотел у тебя совета попросить. Вот ты был у того ручья. Как ты думаешь, что это такое? Я ведь тоже там был. Ты знаешь. Порой хорошие сны мне снятся. Не знаю, как у других. Мне это весьма интересно.

Федька поднял голову, и неожиданно внимательно посмотрел в глаза Радищеву. В его глазах под цвет весеннего неба, было осмысленное любопытство. Нет, он не сумасшедший, как его обрисовал староста. Просто он откровенно, после того, как побы-

вал у ручья, рассказывал людям о видениях. Этого нельзя было ему делать. В деревне люди не поняли его. В деревнях, и вообще в провинциях люди дотошные, любопытные, и опасные. Что-то не так человек повел себя, что-то не так сделал, что-то сообщил непонятное, да ещё начал рассуждать об этом непонятном, да ещё что-то написал непонятное, то люди склонны называть его нездоровым словом. Вот Федька и попался на этом откровении. И до конца дней он будет у них называться блаженным, а то и придурком.

Федька хмыкнул, огляделся и тихо сказал:

– Я знаю, что у вас тоже есть это самое, будто во сне. Знаю. Дурачком меня таперича называют. Пусть называют. А я знаю, чо я не дурак. Даже мальчишки меня дразнят. А я терплю.

– Терпи, Федя, терпи. Просто тебе не надо было говорить об этом. Но что теперь сделаешь? Раз уж так получилось. С вашей деревни-то тоже есть, туда ушли, и не вернулись.

– У, есть. Как же, есть.

– Как же ты оттуда выбрался?

Федька пожал плечами и ответил:

– А бес ево знат, как я оттуда вышел.

– Но, как-то, же ты выбрался?

– Так вот. Бес ево знат.

Федька немного помолчал, потом ответил:

– Наверде тово, как ево, этова...

– Кто-то помог?

Федька, видимо, мучительно вспоминал, морщился, с усилием тер лоб.

– Бес ево знат. Но, навроде как кто-то вытащил меня оттуда.

– Видел или чувствовал? - нетерпеливо спросил Александр Николаевич. Ему так хотелось, чтобы парень хоть что-то вспомнил.

– Бес ево знат. Стой! – воскликнул он. Глаза его ещё больше расширились. Он улыбался во всё лицо. – Кажись, вспомнил! Навроде, как во сне помню старого деда. Он тащил меня. Потом ничо не помню. У зимовьшки одыбался я. Александр Николаевич, чо же это было? Может правда, какой дед? А чо он тада там

живой шастат? Неушто это сам лесной дед леший? Вот здорово! Он взял меня и вытащил? А зачем он меня вытащил?

– Так надо было, - ответил Александр Николаевич. Теперь он твердо знал, что в этой неведомой и глухой тайге живет таежный дед, который ничего не боится, и которого ничего не берет, даже пары ртути. Значит, у него есть что-то такое, что можно оградиться от ядовитых паров ртути.

– Александр Николаевич, вы уж не говорите никому, что я здесь наболтал, - сказал Федька.

– Разве о таких откровениях говорят? Конечно, не скажу. Я ведь тоже никому, даже своим близким и родным об этом не говорю. Опасно.

– Я как-то нашему священнику Корнею Мальцеву немного рассказал. А вот кто меня вытащил, я ведь тогда не знал. Я тока чичас вспомнил. Священник мне сказал, чтобы я молчал, а я уж проболтался. Я встречаюсь с ним. Читаю бегло Библию. Там столько мудрости! Он чичас в Симахиной деревне. Вы ишо встретитесь с ним. Умный человек этот священник.

Федор ушел. А Радищев задумался. Значит, недалеко от того ручья есть ртуть. Интересно, а как там зимой? Вот бы попробовать там побывать ещё раз. Наверное, тот ручей перемерзает. Всё замерзло, и засыпано снегом. Надо подумать и решиться пробиться к тому месту.

Утром пришел капитан Белоногов. Александр Николаевич поведал ему о том ручье. Вот бы там зимой побывать.

– Куда вы, Александр Николаевич, туда и я, - ответил Белоногов. – Нам нужны лыжи.

Александр Николаевич вошел в другую комнату, где находилась его команда.

– Иван Иннокентьевич, нам бы пару лыж. Мы с Алексеем Андроновичем немного бы по тайге ходили. Мне хочется господину капитану тайгу показать. Мы недалеко здесь походим. У тебя здесь ведь есть знакомые.

Петр насторожился. Он встал с лавки.

– Александр Николаевич, а вы не надумали опять податься к тому месту, где пропадают люди?

– Что ты, Петр! Как можно?! Мы просто прогуляемся.

– А чего это вы по всем деревням не ходили на лыжах, а здесь вдруг решили пойти? - спросил Петр.

Капитан тоже сделал вид, что удивился.

– Как это люди пропадают? Замерзают что ли? Но, сегодня тепло, снег вон идет. Местную тайгу хочу лицезреть.

– Я мигом принесу лыжи. У меня здесь родственники живет. Чичас принесу. Мигом.

Вскоре Радищев и Белоногов пошли на лыжах в тайгу. Радищев определил то место, где ручей впадал в речку Туба.

Вот они вышли к зимовью.

– Здесь недалеко, - сказал Радищев. Они прошли версты две, но ничего пока не произошло.

– А тот раз, когда я здесь был, с версту успел пройти.

– Весьма странно, - ответил Белоногов.

– В общем-то, ничего странного нет. Летом тепло, жара, вот вам испарение. А какое может быть испарение зимой? Надо возвращаться к зимовью.

Вот и зимовья. Решили немного отдохнуть. Очистили от снега сутунок, сели. Теплые лучи солнца пригрели бревна.

– Хорошо, - подставил под лучи солнца лицо Белоногов. – Хорошо. Какая прелесть! Какой воздух! Тишина. Только вот что-то не того...

– Чего не того? – спросил Александр Николаевич. – Да, и мне что-то не того. Как у тебя глаза?

Белоногов молчал. Он склонил голову и спал.

– Надо же, задремал, - сказал Радищев. – Что это?

Вокруг Радищева зеленели деревья, пели птицы. Радищев сидел на скамейке. Рядом с ним оказался капитан Белоногов.

– Смотрите, Александр Николаевич, мы находимся в каком-то парке. Как я уже заметил, есть здесь три фонтана. Но, где мы с вами находимся?

– Мне уже знакомая картина. Мы с вами надышались паров ртути. И всё это нам кажется. Вопрос. Где мы находимся.

– Разрешите присесть? – спросил у них мужчина в странной одежде.

– Пожалуйста, - разрешил Радищев. - На этой скамейке может присесть до шести человек.

- Пусть садятся желающие, - ответил Белоногов.
- Вряд ли сядут, - улыбнулся человек.
- Отчего это не могут? – спросил Радищев. Он стал догадываться кто это. Таежный человек. В этом неведомом мире он одет в одежду, в какую одеты проходившие мимо них люди.
- Что это? Женщины, - прошептал Белоногов. – Почему они полуголые? И почему все они курят?
- Не удивляйтесь Алексей Андронович, это мир будущего, - ответил мужчина.
- Я уже видел этот мир, - сообщил Александр Николаевич.
- Это когда вы здесь летом были? – улыбнулся мужчина.
- Но, позвольте, гражданин, откуда вы знаете меня? – спросил Радищев.
- Мне ли не знать вас? Ссылный и бывший полковник Алексей Андронович Белоногов.
- Что происходит? – спросил Белоногов. – Где мы?
- Это ваш сон. Просто вы спите. Неужели вы никогда не видели реальных снов? Конечно, видели.
- Сейчас я проверю, - сказал Белоногов.
- Не надо, - ответил Радищев. – Это сон.
- Вам снится будущее вашей страны. Вы, Александр Николаевич, в своей книге повели борьбу против существующего строя. Смелая книга. Теперь мне хотелось бы показать вам ту страну, и то общество, о котором вы мечтали. А потом мы с вами поговорим. А может, и не поговорим. Будет такое общество или не будет, или это просто сон. Такие длинные сны тоже бывают.
- Всё исчезло. И перед глазами Радищева менялись картины будущего его страны. Картины были такими живыми, что казалось, что всё происходило наяву. Порой он хотел проснуться, чтобы не видеть того, что он видел.
- Александр Николаевич проснулся. Солнечные лучи пригрели его, и он крепко заснул. Надо же такое увидеть во сне.
- Какой-то кошмар. Не может такого быть.
- Это так, - ответил Белоногов. Он тоже проснулся. – Чудный сон. Какой-то гражданин такие ужасы мне показал, что я хотел проснуться, но не мог.

– Алексей Андронович, мы с вами видели один и тот же сон, - сказал Радищев. – В жизни такого не должно быть. Значит, всё-таки мы с вами надышались паров ртути.

– Надо же так было реально, - ответил Белоногов. – А вдруг, это правда? Тогда что это?

– Алексей Андронович, может такое быть, весьма может быть. Тогда у меня возникает вопрос. Что изменилось? Поменяется обстановка в мире, вокруг человека всё изменится. Но сама суть его не изменится. Также кругом будут казнокрады, взяточники, угодники и другие отрицательные элементы. Также будут в законе правдолюбцы и вообще все порядочные люди. Вот где настоящий кошмар, Алексей Андронович. Ради чего я тогда всё это делал?

– Мне не верится. Мало ли что снится? Мне два раза снился длинный сон,

– Правильно, Алексей Андронович. Это просто был сон. Человеческий мозг, это уникальный механизм. Он может такое нам показать, что можно только удивиться. Конечно, я не верю в такое будущее нашей страны. Согласен, что мир изменится. В далеком будущем даже крестьяне будут все грамотные, люди будут порядочные, честные. Исчезнет казнокрадство, уйдут в прошлое разношерстные негодяи. Женщины будут скромными, а не такие, каких нам показали полуголых и курящих, наглых и беспардонных. А одинокие женщины просто звереют от одиночества. Это сон. Надышались мы с вами, и нам надо поскорее уходить отсюда, и больше никогда сюда не ходить. Надо же, какую кошмарную страну нам показали. Давайте договоримся, Алексей Андронович, об этом случае никому не говорить и не сообщать. Нас тогда могут, как Федьку, признать сумасшедшими. Если такой сон признать настоящим, то не стоит и жить. А если так. То это просто кошмарный сон из дикой страны.

– Договорились. Просто надо забыть. Забыть, как кошмарный сон.

Они встали на лыжи, и пошли к деревне.

Прожили они в этой деревне ещё два дня, но, ни разу даже в намеках не вспоминали больше о тех кошмарных снах.

Утром они отправились в деревню Сотникова. Здесь они остановились на немного. В этой деревушке было всего восемь домов. Из них три дома пустые. Поехали в деревню Зарубина. На краю деревни, где стояло пятнадцать домов, их встречал староста Игнашка Зарубин с тремя мужиками. К ним навстречу шел священник Корней Мальцев.

– Я только что вернулся из деревни Симахиной. На столе вас ждет стерляжья уха, и добрые куски осетра, - сказал Мальцев. – Сам наловил. Вам бы, Александр Николаевич там самому порыбачить. В Илимск бы рыбки редкой привезли. Побаловали бы вы родных оной рыбкой.

– Обязательно порыбачим, - ответил Радищев.

– Я вам место в устье Илима покажу, где заходят эти редкие для Илима рыбки.

– Да и я с вами смогаюсь в устье, - сказал староста Зарубин. – Как там живет староста Ивашка Бубнов в Бубновой-то?

– Мы с ним и ездили в устье. Тоже рыбки наловил.

В отведенном доме для гостей, как и полагается, был накрыт стол. Всем хватило места. Капитан с солдатом Скоробогатовым тоже были здесь.

Потом начали приходить люди на прием к Радищеву.

К деревне подходил обоз. Александр Николаевич выбежал встречать. Обычно почта приходила из России до Красноярска, а потом и до Иркутска. Бывали случаи, почта шла и через Енисейск. Редко, но приходила. Сегодня её не было.

Везли разные товары, инструмент, сахар. А ещё везли ссыльных. Корней Мальцев остановил две повозки со ссыльными, чтобы дать им кое-какие продукты, и прочитать молитву.

На одной повозке было четверо мужчин, а на второй повозке три женщины. Две были уже в годах, а третья совсем молодая. Александр Николаевич удивился. Он впервые увидел ссыльных женщин. Он знал, что были преступницы и в России. Их бросали в казематы, отправляли на север, на Урал, а тут отправили в такую даль. Радищев подошел к офицеру.

– Господин унтер-офицер, за что же их так наказали, что угондили в такой край?

Мальцев и двое крестьян принесли по куску от калачей, и раздавали ссыльным.

Унтер-офицер ответил:

– О, гражданин, и не говорите. Преступницы, да ещё какие. Две дамы были в армии Пугачева. Помогали ему. Были в казематах. Потом помиловали. Отправили на вечное поселение на Камчатку. И эту молодую тоже на Камчатку послали.

– А эта что сделала? – спросил подошедший капитан Белоногов.

– Блудствовала с офицерами. На это и жила. Ей за это платили. И пила и курила. Сманила какого-то офицера. Он был вхож в императорский дворец. Кто-то приревновал. Вот её и отправили на вечное поселение на Колыму.

– Часто отправляют на Восток через Иркутск, - сказал Белоногов.

– А могут и в Якутске оставить, чтобы совсем замерзла, - ответил унтер-офицер.

Радищев и Белоногов подошли к повозке с женщинами. Из-под рваного платка на них смотрела черноокая, чумазая девица. Было видно, что она была красавица.

– Что же ты так довела себя, красавица? – спросил Белоногов.

– Чего вам чинуши надо от меня? Ваш вон монах дал кусок калача, ну и проваливайте.

– Отвечай, когда с тобой разговаривают господа! Плети захотела! – закричал подошедший мордастый старшина.

– Тока плетью и грозишься, - зло ответила она. Две женщины ели калачи и молчали.

– Отвечай, Верка! – повысил голос унтер-офицер.

– Отвечай, - передразнила она офицера. – Чо отвечать-то? Чо? Славно я пожила. В нарядах и золоте ходила. Трубки курила душистого табака. Немного поплашала. Приревновала меня госпожа Катька. Ну, вы знаете каво я имела в виду. Я лучше её была. Хотите, я чичас встану, да разденусь. И у вас слюнки побегут. Голову мне приказала отсечь, а потом и четвертовать. У Шешковского побывала в каземате. Всё было, всё прошла. Ничего. Я и там найду себе каво мне надо. И там заживу, как царица. Ей

тока можно офицериков цеплять? Старухе-то, а я чо, я молодая, в соку самом. Я и лучше найду офицерику. Енерала подманю.

– Верка, а ну замолчи! – заревел старшина, и стеганул её плетью.

– Не надо бы так бить женщину, - сказал Радищев.

– Это не женщина, а самая настоящая гулящая баба, - ответил старшина.

– Господин хороший, офицерик, Трубочку дайте покурить, - сказала Верка. - она улыбалась. – Водочки бы подали. Ничево. Я бы водочку-то могла бы из горлышка.

– Замолчи, Верка! – крикнул унтер-офицер. – Кандалы наде- ну!

Белоногов тронул за плечо Радищева.

– Отойдемте, Александр Николаевич.

Они отошли в сторону.

Белоногов спросил:

– Молодая особа вам никого не напоминает?

– Да я уж подумал.

– Курить просила. Выпить водочку из горла, - сказал Белоногов.

– Подумал. Страшно.

– А вдруг такое будет?

– Тогда какой смысл? – спросил Александр Николаевич.

– Не может быть такой страны.

– А вдруг?

– Я вот о чем сейчас подумал. Просто подумал. Такого не должно быть.

– Согласен, - печально ответил Радищев. – Давайте лучше не думать об этом. Мы с вами договаривались.

– Всё. Всё на этом.

Они замолчали. Обоз продолжил путь.

В дом стали приходить люди.

Утром отправились до деревни Бубнова. В нижнем течении Илима деревни стояли друг от друга необычно далеко, нежели в среднем течении до Илимска. От деревни до деревни можно свободно ходить пешком.

– Река Илим напоминает мне бегущего отчего-то человека, - сказал священник Мальцев. - Я был на Ангаре и на реке Лена. Они не такие извилистые и крученные, как Илим.

– Гористая местность, - ответил Радищев. - Почти везде такие огромные горы. Да и мест для пашни мало. А ведь люди и здесь умудряются сеять зерновые. Я даже не могу представить первых поселенцев на Илеме. Ведь заселяли оные места бывшие каторжане. Хочешь, не хочешь, а надо было строить для себя дом, разрабатывать землю. На сотни километров не было никаких селений. Дикие места. А ведь высылали на вечные времена. Представить то время просто невозможно. Мужественные люди заселяли оные места.

– Все они привыкли надеяться только на себя, Александр Николаевич. В основном недоверчивые, скрытные, хитрые. А какими им быть? Если эти купчишки на каждом шагу их обманывают. От Киренской администрации посылают за поборами. Бывали случаи, люди брались за вилы. Но их быстро усмиряли. Приезжали полицейские, и бунтовщиков бросали в острог. А потом облагали двойными налогами. При мне уже несколько мужиков бежали кто куда. Бросали семьи и бежали. Семья осталась без кормильца. А если бы остался, то бросили бы его в острог. Вот и приходится мне как-то помогать такой семье. Недавно одну семью в деревне Бубновой чуть не разорили. А Игнат Бубнов отменно отвозил кнутом двух киренских поборников. Уехали. Прибыли полицейские, а Игнат ушел в тайгу. Я тогда был в устье Илима. Староста Ивашка Бубнов пытался защитить семью Игната. А его избил. Где сейчас Игнат и не ведаю. Сейчас всей деревней помогают разорившейся семье. У нас так принято. Помогать друг другу в беде.

– Надо потом посетить ту семью, - сказал Радищев.

Большие и малые бунты в России всегда были. И в Сибири были разные бунты и волнения. Есть фиксировались волнения, а есть которые и не вошли в исторические документы. И в советское время бывали бунты. Их было столько много, что не каждый бунт где-то отмечался. Скрывали. Особенно были волнения в период проразверстки. Эпидемия раскулачивания зажиточных крестьян захлестнуло и Сибирь. Видимо, чернил не

хватало записывать такие волнения. Взбунтовавшихся крестьян ссылали, а то и расстреливали на месте. Мой дед, отец по матери, Максимов Георгий Иннокентьевич взбунтовался. Он имел свое добротное хозяйство. Во дворе было три коровы, три коня. Двое коней рабочих, а один конь на выезд. Было свое поле под зерновые. Дед нанимал людей, когда начинали убирать хлеб. И сами, все семейные трудились на этом поле. Дед приезжал на Черемховский базар, и отбирал на сезон рабочих людей. Кто были эти люди? Ссылные, отбывшие каторгу люди. Дед отменно кормил их, вместе с ними трудился на поле. Выделял им одежду. А если кто пожелал остаться, и собирался жениться, то дед помогал такому хорошему работнику построить собственный дом. Вот этим Сибирь отличалась от России. Потому что, все эти Максимовы, Стреловы, Бутаковы, Перфильевы, Коноваловы, Грязновы, Белобородовы в прошлом были ссылными и каторжанами. Таких фамилий много на Ангаре. Дед Максимов взбунтовался. Его поддержало несколько крестьян. К ним пришли отбирать скотину и зерно. Шел 1932 год. С бунтарями расправились жестоко. Деда Максимова и ещё одного крестьянина расстреляли на их собственном поле, а других бросили в тюрьму. Крестьянина во все времена обижали, притесняли и обманывали. И сейчас у этих бедных тружеников полей самые низкие пенсии в нашей стране. Что изменилось со времен Радищева? Ничего не изменилось. Поменялась только окружающая этикетка, а суть осталась.

Их встретил староста Ивашка Бубнов. С ними было два крестьянина. Молчали. В деревне стояла подозрительная тишина. Даже собаки притихли.

– Что так невесел, староста? – спросил Белоногов.

Бубнов поочередно смотрел на офицера и Радищева. Пожал плечами.

– Ни за мной случайно приехали, господин офицер? – спросил Бубнов.

– А зачем за тобой? – переспросил Белоногов, и тут же ответил: – У меня другое дело. Мы вот, с Александром Николаевичем путешествуем до устья Илима. Решили поймать осетра, да

стерляди. А зачем тебя арестовывать-то? За какие такие грехи? Я, например, не вижу никаких грехов в этой деревне.

– У, гражданин, офицер и не говори. Какие такие у нас грехи? Всё повыгрести у нас эти самые, как их, кровососы из Киренска, будь оне не ладны, - дрожащим голосом ответил Бубнов.

– Игнашка не появлялся? – тихо спросил Мальцев.

Бубнов замахал руками.

– Какое! Какое появлялся! Вы чо! Где таперича бедолага и не ведомо. Он чоли виноват? Он не виноват. Последнее у Игнашки выгрести проклятущие!

– Потом, Иван покажешь эту семью, - сказал Александр Николаевич.

– Вот ваш дом, проходите. А через этот дом Игнашки дом. Трое детей осталось на руках Прасковьи. Меньшой ханет, однако.

– Так. Теперь вот что, господа. Все идите в дом, а я к ребенку. Возьму вот свои инструменты, да лекарства. А вы все идите.

– Я с вами, Александр Николаевич, - ответил Белоногов. – Я тоже немного разбираюсь в медицине, да и помочь бы не мешало.

Мальцев тоже присоединился к ним. А Ивашка Бубнов повел остальных и солдата Авдея Скоробогатова в теплый дом.

Лошадей взяли под уздцы крестьяне, и повели на скотный двор.

Радищев и его спутники вошли в крестьянский дом Игнашки Бубнова.

Худенькая, растрепанная женщина возилась у печки. В доме стоял сизый дым, пахло прелостью, навозом и ещё чем-то до тошноты противным. В углу стоял курятник. Двое мальчишек сидели на лавке. Видимо, они ждали, чем их будет кормить мать. Тут же бегали два поросенка. Кругом грязь, нечистоты. По столу бегали голодные тараканы в поисках хоть какой-нибудь крошки. Но на столе их не было.

– Господи, - прошептал Белоногов. – Спаси их господаи.

Мальцев отыскал в углу закопченную, и всю в тенетах икону, и стал неистово молиться, и причитать.

Женщина отошла от печки, и сунула костлявые руки под засоленный фартук.

– Ничо у нас нет, господин охфицер, - всхлипнула женщина, и грязным фартуком вытерла набежавшие слезы.

– Брось, Прасковья, брось, - подал голос из угла Мальцев. – К тебе в гости зашел тот самый доктор Радищев Александр Николаевич со своим другом капитаном Белоноговым.

Прасковья поправила фартук, и забегала у стола.

– Как же так? И угостить-то нечем дорогого гостя. Как же так. Извиняй, Лисандр Николаич. Есть два калача, а чо от них толку? Кашу вот надумала детишкам сварить из репы.

– Был бы у вас картофель, вот была бы вам помощь отменная, - сказал Александр Николаевич. - Да непробиваемые вы.

– Дык, этова, как ево, привози семена. Посадим. Чо уж теперь. Мужик-то сбега, а иначе бы ево законопатили в острог. А за чо? Ни за чо. Чем таперича детишек-то я буду кормить? И меньше ханет, однако. Мрем мы, как мухи осенние. За чо нам такая напась? За чо?

– Прасковья, а ну показывайте, где ваш богатырь лежит? – спросил Радищев, и снял полушубок. Белоногов принял его на руки.

Мальчишка лет семи лежал на лавке за печкой, накрытый рваным зипуном.

У мальчика была высокая температура. В таком доме можно простыть. В двери, в окна проникал холодный воздух. Дверь заросла льдом. Слюдяные окна заиндевели серым инеем. На столе стояла лампа. А ещё в двух чашках горели фитили из тряпок.

Александр Николаевич всё сделал, чтобы облегчить страдания мальчика. Потом он сказал:

– Мы здесь устроились рядом с вами. Я мальчика унесу к себе. Он будет под моим присмотром, пока не выздоровеет.

– Гришуткой его кличут, - ответила мать.

– И ещё вот что. Приходите к нам в гости. Что-нибудь придумаем, - сказал Александр Николаевич.

Александр Николаевич мальчишку раздел догола, обернул его своим полушубком и понес в дом.

– Ну и запахи принесли вы, - сказал Петр.

– А чо ты хочешь?! – удивленно воскликнул Иван Черемных. – У нас так заведено. Куда поросенок-то девать? Пусь дома живут. Куры дома. Корова принесла теленка, домой несем. Привыкли так жить. Чо тут такова?

Александр Николаевич занялся лечением Гришутки.

Белоногов с солдатом Скоробогатовым остались со всеми.

– Места всем хватит, - сказал Белоногов.

Утром Гришутка уже со всеми сел за стол.

– Пока на улицу тебе нельзя выходить. Температура спала. Но будем ещё лечиться.

А люди продолжали приходить за советом, с жалобами. Александр Николаевич людям объяснял, что в его силах он поможет разобраться. В тетрадь он в каждой деревне записывал жалобы крестьян. В основном были жалобы на киренских купчишек и мытарей. Он понимал, что ничем он не может помочь этим людям. Он есть сам ссыльный, и его не слушают. Но хоть маленькую надежду на справедливость он оставлял каждому жалобщику. Он не хотел обманывать людей. Но, что-то надо было делать, что-то надо было им отвечать. Он говорил, что такие жалобы он направит в администрацию Иркутска. И ещё он понимал, что эти жалобы исчезнут в лабиринтах бюрократической администрации, как и во всей России. Но простые люди этого не понимали. Главное надо было пожаловаться доброму доктору и ученому. Хотя, мол, он и переучился и был за это сослан в эти края, но он грамотный. Они с уважением, надеждой и трепетом смотрели на то, как Радищев водил по бумаге гусиным пером, оставляя черные закорючки.

Один мужичок смотрел, как писал Радищев, и вдруг сказал:

– Как уточки. Смешные уточки.

– Где уточки? – спросил Александр Николаевич.

Рядом сидел Иван Черемных и с интересом наблюдал, как появлялись на бумаге черные буквы с хвостиками.

– Дык, как ево, вон эти, однако, как уточки на гумаге.

А так, как в Илимске многие знали, что Иван Черемных вхож в дом Радищевых, то люди стали к нему обращаться с уважением.

Иван Иннокентьевич, хлопнул мужичка по плечу и солидно ответил:

– Дурак ты и есть дурак, Ваньша. Это не уточки, а буквы. Лисандр Николаич всего тебя опишет.

– Этими, как их, уточками, буквами меня опишет? Как это возможно? А ты можешь так гумагу марать этими, как их, можешь?

Иван Иннокентьевич солидно кашлянул, сильно нахмурился, и ответил:

– Ты давай, паря, тово, не мешай буковки выводить. Помешаешь, да не так ты и выйдешь на гумаге кривым.

Мужичок приободрился, бородку пригладил, усы расправил. А потом спросил:

– Лисандр Николаич, ну я так навроде маненько выйду на гумаге-то. Уродом не выйду?

– Не выйдешь уродом. Так что у вас даже трех поросят отобрали? Так?

– Истино так. Трех поросят ухватили проклятущие. На развод не оставили. Так как я выйду-то? А пошто одни закорючки получились, а где я там? Отчево меня нет?

– В этом письме вы будете отмечены, - ответил Радищев.

– А я думал, там я буду.

– Будешь там, да ишо как будешь, - ответил Иван Иннокентьевич. Давай иди. Не мешай работать. – Он закричал: - Заходи другой! Кто ишо там глядеть, как буквочки появляются!

Дверь раскрылась, и вошел Петр Овчинников.

Иван Иннокентьевич проворчал:

– Блаженный Петька явился. – А потом закричал: - Некаво тебе здесь делать! Некаво! Давай проваливай! Кто там ишо?

– Там никого нет, - тихо ответил Петр.

– Чо доседа приперся? Без тебя здесь обойдутся! – крикнул Иван.

– Не надо так на человека кричать, - сказал Александр Николаевич.

– Это не человек, это ведь Петька. Ево вокруг все знают.

– Проходи, Петр, проходи. Сейчас мы будем чаевничать. Проходи к столу. Чаек с сахаром попьем. Проходи, уважаемый, проходи.

Иван Иннокентьевич сильно удивился, но промолчал. Для него Радищев считался человеком хотя и не предсказуемым и непонятным для него, но глубокоуважаемым. И если он что-то делал или говорил, для Ивана был закон. Значит, так надо.

– Ладно, уж, Петька... Петр, проходи. Чай будем пить с сахаром.

Все сели за стол. Пили чай с сахаром и калачами. Усадили за стол и Гришутку.

Когда все разошлись по своим местам, бывший студент Петр Овчинников обратился к Радищеву:

– Вам, наверное, книги и журналы присылают.

– Вот это да! – сказал Александр Николаевич. – Совсем забыл. Я же тебе привез кое-какие журналы по естествознанию.

Радищев из своего сундучка достал несколько журналов и передал Петру.

– Последнего выпуска. Ты, возможно, их не читал. Там есть много нового.

Петр принял журналы нежно и осторожно. Потом стал нюхать их, Положил на стол, гладил их, и не смел, открывать, словно чего-то боялся.

– Я так, я так соскучился. Одна Библия у нас. И более ничего нет. А тут журналы! Это ли не счастье, безмерное счастье, Александр Николаевич. Я даже не знаю, как вас благодарить.

– Я отправлял письмо насчет тебя, Петр. Просил, чтобы тебя вызвали в Иркутск. Там есть весьма богатая библиотека. Если тебя туда пошлют, ты заверни ко мне в Илимск, и я тебе дам письма для кое-каких господ, чтобы тебя приняли в свои ряды. Ты не должен, а обязан учиться далее.

Иван Черемных сидел на лавке и с удивлением смотрел на двух странных господ. Что было в голове этого крестьянина, можно только догадываться.

– Где ты хоть живешь-то? – спросил Александр Николаевич.

– Одна бабка приютила. Хорошо живем. Я для неё вроде сына. Помогаю по хозяйству. Ну, я пойду, Александр Николае-

вич. Огромное спасибо вам за такие журналы. Я если поеду, то журналы вам завезу.

– Можешь себе оставить.

Бывший студент Петр Овчинников ушел.

– Вот, Алексей Андронович, каких людей отправляют в Сибирь в ссылку. А ведь ему надо учиться. Потом он бы мог принести пользу России. В нашем правительстве, в нашем государстве не думают об этом. Чуть провинился – на каторгу, в ссылку. Каких людей мы теряем!

Тысячи, сотни тысяч по политической статье в советское время уничтожали людей в лагерях. Этого не мог предвидеть великий Радищев. Многое что он не мог предвидеть. Возможно, после того, как он побывал у ручья, к нему приходили разные видения. И кто знает, что ему показывали. История об этом умалчивает. А говорить об этом кому-либо нельзя. Опасно.

- Я с вами полностью согласен, - ответил Белоногов. – Если таких людей, как вы, отправляют на плаху или ссылают, то, что будет с Россией? Одни Зубовы и угодники заселят её. Страшно.

– Страшно, Алексей Андронович, страшно, и обидно за Россию. Такая огромная и великая страна, и так её унижают. Великого и мудрого Ломоносова унизили до предела.

– Порой бывает такое настроение, Алексей Андронович, - понизил он голос до шепота, - просто жить не хочется.

– Вот это вы не того. Нельзя так думать. Я думаю, что вы ещё создадите новую книгу, и такую, что все вздрогнут. Я так думаю и чувствую.

– Иногда такая мысль появляется, и тогда уж мне плахи не миновать. Мысль есть. Создать такую рукопись, где наше время переплетается с будущим России. О человеческой душе пофилософствовать, о смерти. О связи времен, вот о чем я сейчас думаю. Капитализм в любой форме, и крепостное право связаны одной веревочкой. Это болячка на теле общества. И только революционным путем можно излечить эту болезнь. И то, что происходит во Франции, Англии, это не выход. Для простого народа эта перемена ничего хорошего не даст. К новой власти опять придут нечистые на руку люди, начнут обогащаться за счет народа, воровать у государства. Выползут со всех щелей

ненасытные и плутоватые купчишки, бюрократы, и вороватые депутаты.

– Как я посмотрю, Александр Николаевич, выхода нет? К чему мы придем после какой-то будущей революции?

Александр Николаевич задумался. Он долго молчал, потом ответил:

– Так устроен человек. Сама революция даст глоток надежды. Больше она ничего не даст. И эта надежда угаснет. Человек это существо ненасытное. После неё придут люди изворотливые, жестокие и кровожадные бес чести и совести. Революция может породить людей страшных монстров с больной психикой, и шизофреников. Я ратую за революцию. Да я за неё ратую. Но чтобы к власти на всех местах пришли люди благородные, честные, страдающие за свою страну, за свой народ.

– Но тогда я не пойму вас, Александр Николаевич. Вы только что говорили, кто придет к власти. Это же страшно. И вдруг вы ратуете за другую революцию. Как это возможно?

– Эх, Алексей Андронович, Алексей Андронович, это моя философия, мои мечты. Я в корне своем есть мечтатель. Той революции, какую я вам только что показал и обрисовал, не произойдет. При любой революции народ ожесточается. А то, что будет другая революция, которую я вам коротко обрисовал, это моя мечта. На то я и человек, чтобы мечтать. А хотелось бы, чтобы она была такой.

– Так тогда в чем смысл будет вашей новой книги?

– Показать насквозь прогнившее наше общество для будущих поколений. То, что я задумал, это будет страшная книга. Я увидел Россию изнутри. Если я написал «Путешествие из Петербурга в Москву» то эта будет объемнее. Наряду с Россией я и Сибирь покажу. Её народ, хозяйство. Многое что там будет. Вернусь в Россию и начну работать над этой книгой. Поселюсь в своей деревне, и буду работать. Главное, чтобы хватило здоровья. А оно начинает меня подводить. Тоска – это ведь тоже болезнь. Вот и мучает меня эта тоска и разочарование.

– А вы живите мечтой о той книге.

– Иногда помогает, а другой раз так возьмет, что хоть вой, - печально ответил Радищев. – Приходит разочарование. В Рос-

сии не ценится ум, ценится угодничество. А это разъедает общество. С угодничеством приходят ограниченные и тупые люди. Неужели так будет всегда? Вот что меня беспокоит.

– А вдруг такое будет всегда? – спросил Белоногов. – Такое всегда было, а почему оно должно исчезнуть?

– Про такое общество в последнее время постоянно думаю. Тогда мои усилия напрасны? Ради чего тогда бороться? Как говорится, ради чего я боролся, на то и напорюсь. Тогда нет никакого смысла?

– Вы со своей книгой всколыхнули Россию, – ответил Белоногов. – Вы своё имя оставили в веках. Грядущие поколения оценят вас.

– Хоть это меня немного будет успокаивать. Но, что-то плохо верится. Потому что мы не знаем, какое это будет поколение. Как то, что мы видели, меня берет оторопь, и хочется выть.

– Давайте лучше, чайком побалуемся, – предложил Белоногов.

Все снова сели за стол.

Только на другой день Александр Николаевич разрешил матери взять домой Гришутку. Матери они с Белоноговым дали денег.

Утром они выехали до деревни Зятя. С ними поехал староста Ивашка Бубнов, потому что в его хозяйстве было три деревни, Бубнова, Зятя и Симахина.

В деревне Зятя они задержались недолго. Здесь было восемь домов, из них три дома пустых. Та же беднота, как и в других деревнях. Люди жили рыбалкой и охотой. Своего хлеба не хватало. Шел обмен шкурок от белок и соболей на хлеб с ангарскими деревнями. Поэтому люди без хлеба не сидели.

И вот команда Радищева прибыла в деревню Симахину. Это была последняя деревня на реке Илим. До устья оставалось всего пять верст. В этой деревне двенадцать домов. Из них два дома свободные.

Как и везде люди шли на прием к Радищеву.

Пришел старичок в рваной шубейке. Он её сразу сбросил у порога. От него пахло дымком. Тайгой пахнуло.

– Жарко, однако, натопили. Кто здесь главный-то шибко? До нево вопрос имется.

– Тут все, дедуля главные, - ответил Белоногов.

– А я пошто не главный! – засмеялся казак Лыков. – Ишо какой главный.

– Ты, Кандрашка, здесь не главный, а ты есть главный зубоскал. А ты, гражданин хороший, охфицер состоишь при главном, чтоб он не сбег. А куда здесь бежать-то? Глушь кругом. Сказывали, чо из Бубновой сбег Игнашка Бубнов. А куда сбег? Тайга темная да черная кругом. Сгинет сердешный, сгинет. Пришел бы он ко мне, да спрятал бы я ево от нехристей проклятущих, леший их заברי. Таперича скажу вот чо. Вот главный-то самый, чо рядом стоит с охфицером. Да не сбежит он от тебя, господин охфицер, не сбежит, еслив до сих пор не сбег. До тебя, Лисандра Николаич вопрос имется.

– Слушаю вас, дедуля. Как вас звать-то, уважаемый?

– Во как? Я, стало быть, уважаемый стал? Нихто меня ишо так не называл. Доброй души ты человек для простого народа. Но отменный страдалец ты.

Староста Бубнов прошептал:

– Лисандр Николаевич, этот дед у нас ведун. Часто в тайге живет. Редко в деревне появляются. Почуял вас, вот и пришел из тайги.

– Дык это, как иво, господь с тобой, Лисандра Николаич, и стал я забывать кто я. Да и зачем? Просто я для всех дед Макарка.

– Как имя твоего отца дед Макар? Как фамилия ваша?

– У, сколь много слов для меня негодника таежного. Отца звали Лука. Были мы завсегда Овчинниковы. И зачем тебе это надобно?

– Дорогой Макар Лукич, вы вот в основном живете в тайге. Вам там не скучно?

– А мы здесь все живем в тайге. Бывало цельными днями мужики с собакой по тайге шастают в поисках лучшей охоты на белку да соболя. И рысь попадетя. Не упустим. Шкурка от рыси шибко ценится у богатых. Здесь все отменные охотники, Лисан-

дра Николаич. На Ангари ходим за соболем и на тунгуску ходим. Мягкую рыбу ловим там.

– Нам бы такой рыбки поймать, - сказал Александр Николаевич. – Обещал такую рыбу привезти в Илимск.

– Дело говоришь, Лисандра Николаич. Обещания надобно завсегда выполнять. Покажем. Эта рыба заходит на немножко в Илим. Она есть на Ангаре. Покажем. Как же, завсегда доброму человеку покажем. Так у меня есь вопрос к тебе. Скажи мне, паря, вот об чем. Ты человек вумный, книжки читаешь, гумагу мараешь, даже шибко переучился. Но тебя все люди уважают. У меня вопрос.

Он прошел к столу, сел на лавку, снял меховую шапчонку, положил её рядом с собой.

– Кто меня чаем угостит? – резко спросил дед Макар.

Александр Николаевич сам налил в кружку душистого чаю, и поставил перед дедом. Пододвинул к нему чашку с кусками сахара.

– Угощайтесь, Макар Лукич с сахарком.

Дед Макар взял кусок сахара, полизал его, отпил глоток чаю.

– Скусный сахар. Давно ево не пробовал. И чай добрый. У меня к тебе вопрос. Пошто так деится, мил человек? Один человек жирует и ему всё мало. Гребет и гребет под себя, а другой с голоду мрет. Если не охота и рыба, мы бы все вымерли. Им это надо? Но без нас они сами ведь вымрут. Тока и держимся на рыбе, да на охоте. Неужто так человек устроен, всё мало ему. Могила ведь одна. До тэда не возьмешь, чо он взял у мужика. Тада какой резон грести чо попало под себя? Ты, однако, человек грамотный, можно сказать, переучился, если от такова переучения тебя прислали к нам. Вот и ответь, мил человек, чо это такое? Пошто так? Пошто так всё устроено? Так Богу угодно, али как?

– Мудрые вопросы вы задали, Макар Лукич. Сразу прямо и не ответишь.

– Ты не мудри дед! – крикнул Лыков.

– Я и сам могу такое наговорить, чо ты не поймешь, - сказал Иван Черемных.

– Ну почему вы так? Мудрый дед. Мудрые и вопросы, - сказал Радищев, и они переглянулись с Белоноговым.

– А пошто быть мне не мудрым, еслив я всю жись в тайге живу. Мысли разны есть о житье в голове моей. А вот о том, как всё устроено так вот, не уразумею.

– Вопрос твой, дед Макар сложен. Сразу не ответишь. Так мир устроен. Человек чем больше гребет под себя, тем больше ему надо. Эти люди всегда у любой власти. И таких, как я тоже много, но они не в чести у власти. А собственный народ они подавляют и эксплуатируют жестоко и без всяких там законов и правил. А на любую жестокость от помещиков и любой власти поднимается в народе тоже жестокость. Бунты не на пустом месте возникают, их провоцируют. И тогда возникает бунт. И от этого бунта погибает не только сам помещик, но и его семья. Жестокость на жестокость. Власти испугались моей книги, Алексей Андронович. Там показан ответ на жестокость помещиков к крестьянам, жестокость от того же крестьянина. А если такое начнется по всей России? Да, она испугалась Пугачева. А ещё она испугалась не только Французской революции, но и всеобщего бунта, русской революции. Я только потом осознал, что моя книга, как бы призывает общество к революции. Жестокость на жестокость. Поэтому автора оной книги надо было четверговать или просто отрубить голову. А от книги, чтобы даже следов не осталось...

– Александр Николаевич, нам надо бы договориться с рыбалкой, - сказал Белоногов. – Пока стоит теплая погода, а ведь может ударить мороз, тогда нам будет не до рыбалки.

Белоногов, как только с ним познакомился, то он сразу понял этого человека. На любую тему с ним можно говорить спокойно. Радищев чётко и грамотно объяснит. Но, только разговор переходит на политику, как он начинает нервничать. Начинает критиковать любую власть, а особенно критикует администрацию высших кругов. Конечно, Белоногов понимал Радищева. Как от брошенного камня в воду идут круги, так и деяния из администрации расходятся по губерниям и уездам. Что делается в высшей власти, то и повторяется на местах. А мы, мол, чем хуже? Белоногов внимательно прочитал знаменитое Путешествие. В те

времена так называли эту книгу. Такое слово часто повторяется в письмах того времени.

– Александр Николаевич, заварите свой любимый кофе. Давайте оным напитком угостим гостей, – тронул за плечо Радищева Белоногов.

– Конечно, крестьяне, которые находились в доме, ничего не поняли из монолога странного человека, уважаемого на Илимке доктора.

Все слушали Александра Николаевича, но, как понял Белоногов, они ничего не поняли, о чем говорил уважаемый ими человек. Даже дед Макар перестал пить чай, и внимательно смотрел на Радищева. А когда Белоногов предложил пить кофе, он первым заговорил:

– Много лет я прожил на белом свете, но таких слов не слышивал. Чо та навроде понял, а чо та и не понял. Мудро, непонятно, но красиво говорил. Одним словом, ты шибко переучился. Молодец. Но нам этось не надобно. А раз нам такое бес понятия, то и не надо бы нам такое втельмяшивать. В голове пойдет муть. Чево доброго и свихнуться можно. Ты человек вумный, грамоту разумеешь, гумагу складно мараешь, эта говорильня тебе к самому разумению как раз. А нашему мужику тока полная обуза. Да и свихнуться мужику не долго. Вон у Кондрашки уже и рот настезь, глядишь, и воробей не промахнется. Давай-ка, Лисандра Николаич подай нам свой мудренный чай, под неведомым названием.

Радищев сам заварил кофе. Вкусный, ароматный запах от свежего кофе заполнил дом. Александр Николаевич разлил кофе по маленьким фарфоровым кружечкам.

Дед Макар и остальные крестьяне, не считая Петра и Белоногова, пока ещё не пробовали кофе. Дед Макар вертел кружечку, внимательно разглядывал её, стучал по ней твердым и грязным ногтем. Нюхал чудный напиток, но не пил. Не решался. Да и остальные смотрели на кружечки и кофе, как на какое-то неведомое чудо.

Только один священник Корней Мальцев сказал:

– Такие чудные чашки я видел у вас, когда к вам заезжал на несколько часов. Приезжал я тада в Илимск на утверждение

меня в священники на несколько деревень. Тада с Иркутска приезжал священник Степан, чтобы нас всех священников на Илеме собрать, и распределить. Видел я тада чашки. Но такое чудо вижу впервые. Да и этот, как ево, чудное название, впервые буду пробовать. Священник из Иркутска Степан говорил, что в Иркутск привезли какой-то сатанинский напиток, Ни этот ли напиток сатанинский, Александр Николаевич?

– Какой же он сатанинский, если его уже везде пьют. Во всей Европе пьют, В Петербурге и в Москве пьют. Лучшие умы России пьют этот кофе.

Дед Макар понюхал, а потом и сделал глоток. Сморщился и выплюнул кофе на пол.

– Чем та нас решил угостить?! – воскликнул дед Макар. – Полная гадость болотная. Горечь сплошная! Тьфу! Как ты тока пьешь, Лисандра Николаич!

Все попробовали, и все выплюнули, и только один, конечно, кроме Петра и Белоногова, Иван Черемных, не выплюнул. Он терпел. Ему надо вытерпеть. Как же. Надо показать этим темным людям, что он, Иван Иннокентьевич Черемных понял этот чудо-напиток. Он, все-таки, как никто вхож в дом к Радищевым. И чашечки для него не новость, да и этот ужасно горький и противный напиток он хорошо знает. Выпрямился на лавке, улыбался, и он был горд, что показал этим темным людям каков он, Иван Черемных из Илимска.

– Ишо бы туда сахарку, вот бы напиток, так напиток! – воскликнул он. Бросил в кружечку кусочек сахару, и продолжил пить мелкими глоточками, зажмурив глаза от удовольствия.

– Чудо напиток! - громко сообщил он. – С сахаром ещё чище!

– Сатанинский напиток, - прошептал Мальцев, и стал неистово креститься. Потом сказал: - Вы бы Александр Николаевич не грешили бы перед Богом. Зачем вам оный напиток? Это сатанинское зелье.

– Уважаемый господин Мальцев, да и остальные господа, вы просто не поняли оного продукта. Многое, что ещё вам придется познать. Картофель не признавали, сейчас потихоньку его начинают в деревнях понимать, что он может вам заменить по-

рой раз хлеб и другие овощные продукты. Не признаете кофе. Придет время, и будете пить этот кофе. Вы не знали и заварной чай. Сейчас пьете чай. Вы не признаете грамоту, буквари. Всё это придет в ваши дома. Мир не стоит на месте.

– Александр Николаевич, может, их чаем угостить с сахаром?
– спросил Петр.

Приготовили чай с сахаром. И все пили его с удовольствием.

Утром отправились к устью Илима, где стояло зимовья от первых казаков. С командой Радищева поехал староста Ивашка Бубнов и дед Макар.

Он сказал:

– Мне надо там быть.

– Зачем тебе дед сухари? – спросил Александр Николаевич. -
У нас всё есть.

Дед загадочно хмыкнул и не ответил.

Когда подъезжали к зимовью, то можно было видеть, как из трубы валил дым.

– Наверде из наших мужиков до седа никто не пошел, - сказал Бубнов.

Конечно, в те времена дорог здесь никаких не было. Летом, кроме лодок по реке, ездили и на телегах, повозках, зимой в кибитках и на саях. Ехали в основном недалеко от берега. Зимой в устье в основном ходили на рыбалку за мягкой рыбой на лыжах. И вот команда по глубокому снегу медленно приближалась к зимовью.

– Следов не видно, - сказал Иван Черемных. – Кто же там?

Радищев и Белоногов переглянулись.

Белоногов прошептал:

– Беглый. А может и беглые. Я останусь в кибитке. Ещё перепугаю беглецов. Но, на всякий случай у меня два пистоля.

Они подъехали к зимовью. Из неё вышел человек в рваной телогрейке.

– Ивашка, ты знашь ево? – прошептал Иван.

– Откеда мне знать? Не знаю.

– А я ево саблей, - ответил казак Лыков.

– Никаких саблей, - ответил Александр Николаевич. – Я с ним буду разговаривать.

Радищев, утопая по колено в снегу, пошел к зимовью.

– Добрый день, мил человек, - приветствовал Радищев человека. – Мы вот приехали рыбку мягкую изловить.

– А чо сюда-то? – подозрительно спросил человек. - Река большая. Лови, где хошь, а сюда-то зачем?

– Как зачем? - вроде удивился Радищев. – На Илимe-то нет такой рыбы. А здесь её вдоволь можно наловить.

– Откель будешь-то? Навроде ты не из мужиков, Кто таков?

– Удивителен мир. Человек спрашивает меня, кто и откуда я. Ты кто? Полицейский, чтобы меня допрашивать? А почему я не могу тебя спросить? Кто таков?

– Подозрение у меня к тебе есть. Ты говоришь навроде по-русски, а сам болташь, как будто грамотный какой.

– Хватит говорить, веди нас в зимовьюшку. Нам немного надо бы отдохнуть, да за рыбалку взяться.

– Я тама не один. У меня ишо там два человека. Еслив чо, мы вас быстро на нож посадим, - ответил мужик.

– Ничего мы вам плохого не сделаем.

Тут вылез из кибитки дед Макар.

Он подошел к мужику и сказал:

– Чо много болташь? Не видно чо человек к тебе с добром. Он тебе зла не сделает. Радищев человек на Илимe шибко известный и добрый.

Мужик мгновенно изменился.

– Кто? Он? Этово, как его, сам Радищев вы? Господин Радищев? – чуть не воскликнул мужик. – Такова не может быть! Мы думали вы в самом остроге, а вы здесь!?

– Ну, господин хороший, Илимск, это и есть сам острог.

– Чо это я? Проходите в зимовьюшку! Как же, сам Радищев приехал! Как же! Проходите!

Мужик пошел впереди, за ним потянулась и команда. У зимовья мужик оглянулся и увидел Белоногова.

– Как же так, Лисандр Николаич? Вы зачем ево привели сюда?

– Дорогой мой человек, этот капитан никакого вреда вам не принесет. Он наш друг. Не все военные ваши враги. Этого господина не надо бояться.

Конечно, все бы не вошли в зимовья. Вошли в зимовья Радищев, староста Бубнов и дед Макар со своей большой котомкой в которой были сухари. Теперь только Радищев догадался, что сухари предназначались для беглых. Конечно, это были беглые, подумал Александр Николаевич.

– О, Игнашка! – воскликнул Бубнов. – Я мог догадаться, что ты сюда рванешь!

С нар встал крепкий мужичок в полушубке. Когда Радищев вошел в зимовье, то подумал, что это тунгус. Это, значит, кто-то из его родных был тунгусом.

Третий беглец был роста маленького, но юркий, и худенький.

– Вам тут я сухариков собрал, - сказал дед Макар, и поставил на маленький столик котомку. Летом, когда Радищев был здесь, почти всё было развалено, как и печка. Теперь всё выглядело нормально и надежно.

Мужик, что-то им прошептал.

Игнашка Бубнов и юркий мужичок вытянулись, словно перед ними не Радищев, а какой-нибудь господин. Они глазели на Радищева и молчали.

– Мы здесь привезли с собой заварного чаю. Будем чайком баловаться, - сказал Радищев. – Давайте, мужички кипятка, я чайку заварю.

– А у нас тут разные травы с чагой ешь, - ответил мужичок.

– Он у нас, Мишка Хвост, по чаю, мастак полный, - подал голос юркий мужичок.

– Ну вот, и добрый таежный чай у нас будет, да ещё с сахарком, - ответил Радищев. – А там мы костер разведем. А то ведь наши друзья и замерзнуть могут.

Все вошли в зимовье. Пили чай, ели копченое мясо. Беглецы забили оленя.

Тут услышали, как кто-то появился у зимовья. Вышли из домика. А это приехало кочующее племя тунгусов.

Некоторые из них хорошо говорили по-русски. Недавно они были на реке Лена, теперь вот шли на Тунгуску и далее на север.

– На Лене мы много брали соболя, - сказал молодой тунгус по имени Тымневакат. Они поставили три чума, а на тунгусском

языке они их называют дю. – В вашем деревянном дю шибко, однако, плохо. Можно у нас жить. Здесь мы мало-мало соболюшку побьем, и пойдем на Тунгуску. У вас есть шибко хороший лучи аяма, лечи хорошо.

– Кого можно лечить? – спросил Радищев. – Надо осмотреть больного.

– Шибко больной, - ответил Тымневакат. - Наш вождь Шамагир больной. Шибко больной. Шэвэн не помогай.

– Ваш шаман не может помочь? Это весьма серьезно, - ответил Александр Николаевич, и, взяв свой ящичек, пошел в чум. Радищев велел вождя раздеть. Он сразу определил по затвердению верхней части живота, что это язва. Он потер затверждение аммониевой солью, разведенной в спирте. Велел кому-нибудь из людей пожевать листового табаку. И эту массу приложил на затвердевшее место. Через некоторое время боль у вождя прошла.

За несколько дней Радищев узнал, что от оспы умерло трое детей и один человек. Александр Николаевич тут же велел всем людям приходить в чум, приводить всех детей. Всем тунгусам он сделал прививку от оспы.

– Теперь можете не бояться оной болезни. Если только она опять начнет появляться, то приезжайте всем племенем в Илимск. Там я или мой помощник Степан Дьяконов сделает прививку.

Наступил вечер. В котле, который установили на костре, сварили уху из стерляди. Ели куски осетрины. Тунгусы ещё принесли мяса. Ужин получился отменный.

– С утра и начнем ловить рыбку, - сказал Игнашка Бубнов. – Мы здесь прорубили прорубь. Рыбы здесь много.

Все уселись у костра. И вот что рассказали беглецы. Они пришли сюда из самого Енисейска. Там тоже есть свои хитрые купчишки, и свои Деевы. Мишка Хвост и юркий мужичонка Андрон по кличке Глаз. А фамилия у него была Глазков, ссыльные из Тобольска, где группа рабочих людей восстали против местного хозяина. Бунтарей схватили и бросили в острог. Мишку и Андрона сослали в Енисейск. Там они тоже не подчинились местной администрации, которые нещадно обдирали енисей-

ских крестьян. И решили они бежать по Ангаре. Доберутся до Иркутска, а там уйдут в Даурию. Тут они и встретили беглеца из деревни Бубновой Игнашку Бубнова.

– Немного здесь вот проживем, да и все трое подадимся до Иркутска, - сказал Мишка. Игнашке тоже нельзя в деревне появляться. В острог бросят. - Как понял Радищев, он у них в ватаге главный. – Может, дорогой ишо подберем беглецов. Всем будет как-то веселее. Дорогой с голоду не умрем. По деревням будем помогать крестьянам по хозяйству. Прокормят, да и одежонку какую-нибудь дадут. Вот так, Лисандр Николаич мы и живем. А куда таперича денешься?

– Откуда вы меня сразу при встрече узнали? – спросил Александр Николаевич.

– Как не знать, Лисандр Николаич? – даже удивился Андрон. – Вся Сибирь об тебе знает. Против царицки пошел, да за Пугачева. Мы, правда, не читали книги той, да и где нам читать, Мы люди неграмотные, темные, но слышать про тебя слыхивали. И в городе Тобольске говорили люди добрые, да и в острогах слух о тебе идет. Уважают тебя везде. Надо же, мол, а богатый и знатный, грамотный, а за народ пошел страдать на плаху.

– Поговаривали, чо тебя, Лисандр Николаич четвертовали, - сказал Мишка. – А потом вдруг прошел слух, навроде ты ожил. Болтовню разную люди сочиняли. Будто ты в рубашке родился, и чо смертушка тебя стороной обходит. Потом узнали, чо тебя на каторгу в Илимский острог законопатили. А тут на те, сам Лисандр Николаич перед нами есть. Скажи кому, не поверят. Доберемся до Даурии, всё расскажем.

– Только ничего не сочиняйте про какие-то там рубашки. Я ведь эти рубашки меняю, - ответил Радищев и улыбнулся.

Мишка и Андрон только хмыкнули, да хитро переглянулись. Будут сочинять небылицы, подумал Александр Николаевич.

Утром они пошли рыбачить. Мягкая рыба шла косяком, успевай только меняй наживку. Крупные осетры ложились в ряд на лед. Доброе угощение Александр Николаевич привезет в Илимск. Подарит он крупного осетра и сержанту Воробьеву, как обещал.

Весь день они ловили рыбу. Некогда им было готовить еду. Тунгусы о них заботились. А как же? После лечения вождь Шамагир чувствовал себя хорошо. Теперь и дети и все люди племени не будут умирать от непонятной болезни, которую даже шаман не может вылечить. Как не уважать такого человека, как доктор Радицев? Когда начало темнеть, все прекратили рыбачить. Снова собрались у костра.

Пришли к костру несколько тунгусов. С ними была молодая тунгуска. Вперед вышел вождь Шамагир. Видимо, он по-русски говорил плохо. Толмачом вышел Тымневакат.

– Наш вождь благодарен доброму доктору Лисандру Николаичу. Он дарит ему в жены молодую красавицу жену Кыстру. Она у нас самая красивая и послушная будет жена доктору. Принимай жену Кыстру.

Александр Николаевич встал. Поклонился вождю, и ответил:

– Я лечу людей не за деньги и не за подарки. Я лечу людей без всяких подарков, тем более людьми. Я не могу принять такой подарок. Обидеть вас не могу. Я человек женатый. У меня есть жена. У меня есть дети. У нас такой есть закон. У нас бывает только одна жена. Не обижайся на меня вождь Шамагир.

Вперед вышел казак Лыков.

– Я вот подумаю, да и женюсь на Кыстре. А назову её Каткой. Наши первые казаки, да крестьяне все женились на тунгусках, да бурятках и татарках. Чо тут такова?

– Наш вождь Шамагир не обиделся на доброго доктора, - ответил Тымневакат. - Кыстра понравилась молодому казаку? Наш вождь сказал, чо будет думать. Кыстра может стать женой молодого казака. Он будет шибко думать. Потом они приедут туда, где живет молодой казак.

– Приезжайте. Я живу в Большой Деревне. Там меня, Контрашку Лыкова все знают.

– А кто тебя, болтуна на Илиме не знает? – засмеялся Ивашка Бубнов.

– Я серьезно говорю. Я же вижу, какая она красивая, да ладная.

– Кондратий, если говоришь правду, то меня пригласи на свадьбу, - серьезно ответил Радищев. Казак Лыков не смеялся. Он не сводил глаз с молодой тунгуски.

Утром, нагружившись рыбой, путешественники отправились в сторону Илимска. Радищев обещал Игнашке Бутакову зайти к его жене и передать рыбу от мужа.

– По-доброму устроюсь в Даурии, заработаю там денег, а здесь всё успокоится, то я вернусь за семьей и увезу её в Даурию. Пусть ждет меня, - обещал Бубнов.

– Завтра утром мы тоже отправимся вверх по Ангаре, - сказал Мишка.

Через неделю они вернулись в Илимск. Было только два письма из России, одно от графа Воронцова, и от родных. Родители совсем плохие. Из Иркутска прислали несколько книг и газет.

Как он обещал, подарил Воробьеву крупного осетра и несколько стерлядей. Воробьев даже удивился такому щедрому подарку. Он принял рыбу, а потом сказал:

– Этова, как иво, а я и не думал, что ты мне привезешь.

– Но ведь я обещал. А обещание надо исполнять.

– Скоро весна, - сообщил сержант Воробьев. - Обещал господин Деев приехать. Приезжал господин исправник Ковалевский. Деев бил меня по морде.

– За что это он так тебя выхлестал?

– Дык, этова, как ево, докладную я не начиркал о твоём отъезде. А господин Ковалевский защитил меня. Не разрешил меня бить.

В Киренске умер от запоя добрейшей души человек исправник Ковалевский Николай Андреевич. Назначили нового киренского исправника Корсакова Михаила Иевлевича. Радищеву показалось, будто мир вокруг него совершенно опустел. Теперь он окончательно убедился, что все его друзья забыли о нём. Он закрывался в кабинете, и никто не смел тревожить его. В одиночестве он работал над трактатом о жизни и смерти человека, о его душе. Обдумывал, как он начнет работать над большой книгой о России. Он планировал её написать намного откровеннее и страшнее, чем его знаменитое Путешествие.

Вот и пришла весна. На Илимe прошла шуга. Александр Николаевич и все его работники трудились на огороде. Пахали землю под посадку картофеля.

В Илимск приехал новый исправник Корсаков. Он побывал у приказчика острога Неуспокоева, чтобы проверить документацию на ссыльных, каторжан, а также, и не бунтуют ли крестьяне, когда идет сбор налогов. Например, Ковалевский сразу приезжал к Радищеву. Было слышно, как новый исправник кричал на кого-то.

– Ну, Александр, и нам бури не миновать, – сказала Елизавета Васильевна.

– И бури были, и ураганы. Всё мы выдержали, и здесь, дай Бог выдержим, – ответил Александр Николаевич.

Через два дня, утром, к дому Радищевых подкатила карета. На такой карете приезжали знатные люди из Усть-Кута. Такая карета была и у приказчика Неуспокоева. Он иногда любил проехаться на ней по грязной и ухабистой дороге Илимска. Порой он ездил и в Усть-Кут, чтобы там пировать со своим другом, исправником в Усть-Кутской волости.

Из кареты выбрался тучный и холеный человек в новеньком мундире.

– Кто здесь будет такой ссыльный Радищев. Подать его доседа! – крикнул он. Как понял Александр Николаевич, вчера вечером новый исправник отменно отметился. Он то и дело вытирал платочком сытое и гладкое лицо.

Александр Николаевич подошел к исправнику.

– Пошто не докладываешь? Пошто так стоишь вольно передо мной? Ты ли сам преступник Радищев? Чо такой грязный и не прибранный? Кто таков?

Радищев не снимал картуза с головы, стоял свободно, и не кланялся.

– Ссыльный Александр Николаевич Радищев, – спокойно ответил Александр Николаевич. – Определен в оные места на десять лет.

– Вот, – сказал исправник. – Вот. Определен. Ну и определяйся, а чо по Илимусхастать? Хватит. Отшастал. Ковалевский, цар-

ствие ему небесное, разбаловал тут тебя. Дали десять лет, вот будь добр и труби лямку на десять лет в Илимске.

– Невозможно трубить лямку, - ответил Александр Николаевич. – Лямка это ведь не музыкальная трубка. А потом у меня было предписание от самого губернатора Иркутска.

Исправник стал, будто надуваться, лицо покраснело, глаза осатанели.

В это время к ним подбежала Елизавета Васильевна. Она приблизилась к исправнику и нежно сказала:

– Михаил Иевлевич, вы не стесняйтесь, проходите в дом. У нас есть отменная наливочка на малине. Есть отменная водочка из погреба. Холодненькая. Есть рыбка на закусочку из осетра и стерляди.

Исправник вроде стал успокаиваться. Потом резко спросил:

– Кто такая? Чья служанка? Какое имеешь право так со мной разговаривать?

Радищев ответил:

– Моя жена Елизавета Васильевна.

Исправник совсем стал успокаиваться. Даже соизволил немного улыбнуться.

– Ну, раз приглашаете, то, непременно зайду.

– Не стесняйтесь, проходите, - пригласила Елизавета Васильевна.

– А чо это я должен кого-то стесняться? Я не люблю стесняться.

– Оно и видно, - пробормотал Александр Николаевич.

Вошли в дом. Исправник при помощи слуги Петра снял мундир, и остался в белоснежной рубашке. Он обошел все комнаты, и заглянул в кабинет Радищева.

– Богато живешь. Наверное, однако, деньги не знаешь куда девать? Книг много, всё продолжаешь чиркать и бумагу марать? Нехорошо. Я вот не чиркаю. Грамоте обучен ишо в Иркутске, а живу отменно в Киренске. Делиться надо с другими лишним богатством. Ну да ладно, хватит рассусоливать, где там твоя наливка? Вчера мы немножко с Неуспокоевым надрызгались отменно. С утра ишо ничего не принял. Идем.

Они вошли в столовую. На столе всё было так, будто встречали дорогого гостя.

– Уважаю, - хлопнул в ладоши Корсаков, и потер их. – А таперица и за стол можно.

Он первым сел за стол на место в торце, где всегда сидел хозяин дома.

– А ну, Александр Николаевич и Елизавета Васильевна прошу рассаживаться, и не стесняться.

Он выбрал графинчик с наливкой на малине. Налил себе в кружку, и залпом выпил. Громко и раскатисто крикнул, опять потер ладонь о ладонь, и полез за самым большим куском осетрины. Стал быстро уплетать рыбу.

И только теперь Александр Николаевич и Елизавета Васильевна стали садиться за стол. Из кухни вышли все домашние слуги, и стали занимать свои места за столом. Увидев такое безобразие, исправник Корсаков перестал, есть и закашлялся. В его больших, навывкате глазах появилось удивление, смешанное со злобой. Он замахал руками, и, не переставая кашлять и громко чихать, тыкал кривым и толстым пальцем в домашних слуг.

Наконец, он выдал слова.

– Как?! По какому праву?! Не смей! Запоро!

Все работники, не обращая внимания на гостя, продолжали обедать. Обсуждали с хозяином и хозяйкой огородные дела, смеялись, шутили. В этом доме никогда не было скандалов и криков. Люди свободно ходили по всем комнатам, кроме кабинета хозяина. Вместе с хозяином и хозяйкой занимались уборкой дома и двора. Все почему-то, даже хозяйева, слушались Василису. Со стороны можно было подумать, что она здесь хозяйка. Радищевы сразу, как только построили дом, её назначили старшей домохозяйкой. А вот все дети питались тоже вместе, но если в доме был гость, дети питались в детской комнате.

И вот Корсакова, наконец-то! Прорвало. Он вскочил, бросил на стол кость от рыбы, и заревел. Его даже трясло.

– Как это возможно, чёрт возьми! Крепостные! Хотя чо я? Они же у вас стали вольными! Как можно такое понять? Слуги за столом вместе с бывшим дворянином?! Где это видано, чёрт возьми! Пошли вон во двор навоз убирать! Я вам, мерзавцы по-

кажу, где раки зимуют. На козлы мерзавцев и по двадцать плетей, чтобы знали свое место! Я должен сидеть с этими упырями за одним столом? Вот, что, господин Радищев. За этим столом, куда вы меня затащили, буду сидеть я или они. Выбериай!

– А я уже выбрал. Они всегда сидели со мной за одним столом, и всегда будут сидеть. И прошу не оскорблять этих мною уважаемых людей, которые пошли из России со мной, и которые не предали меня.

– Что?! – заревел Корсаков, и опять закашлялся. Он пнул стул, и тот улетел в угол. Люди продолжали обедать, и будто не слышали эти крики. Такое равнодушие к нему, к исправнику киренской канцелярии, оскорбило его и взбесило. Он схватил свой мундир, и, не надевая его, выбежал во двор с криком:

– Ну, я вам всем устрою такое, что вздрогните! Я тебе, Радищев, никогда такое не прощу! Он в острог захотел! Устрою!

Когда карета удалилась, все вдруг перестали есть, и стали смотреть на хозяина. Что он скажет. И он сказал:

– А теперь продолжим обед. Конечно, жаль, что нервный господин сломал стул. Возьму другой стул.

И все продолжили обед.

Александр Николаевич хорошо понимал, чем всё это может кончиться. Но он иначе не мог жить, как жили все богатые господа. Он хоть в немногом, но пытался уничтожить вековое крепостничество. Для него все люди должны быть равными. Хотя он и достиг в науке и литературе для того времени вершин, но он оставался просто человеком. И вокруг него, хотя и были люди совершенно неграмотные, но это были люди, как и он сам. И все его работники были свободными людьми, и он сразу показал всем, что он такой же человек, как и они. Конечно, для того времени, это было необычное явление. Обыкновенный мужик, бывший крепостной, будет сидеть за одним столом с любым чиновником? И понять того Корсакова тоже можно. В своей жизни такое он увидел впервые. Но терпеть такое безобразие он не смог. Крепостной, даже если он получил свободу, он должен знать свое место, но не за столом с хозяином. Для этих людей крестьяне так и остались низшим классом.

Потом все разошлись по своим делам. А Радищев пошел в свой кабинет. В своем философском трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии», Радищев излагал свои мысли в письмах к друзьям. Работая над философским трактатом, он постоянно думал о том, как и с чего он начнет работать над новой книгой о России. Он понимал, что после такой книги ему не миновать новой каторги, которую ему теперь уж назначат пожизненно.

Надо поработать в кузнице. Это как-то отвлечет его от печальных мыслей о своей судьбе. Надо было сделать подковы по заказу из деревни Игирма и деревни Шестакова. Недавно он вспомнил, что в одном из писем из Иркутска от геолога Коновалова, было сообщение, что где-то за деревней Игирма геологи обнаружили небольшие запасы меди. Вот бы туда съездить. И ещё ему хотелось добраться до верхнего истока Илима. Деревень там нет, но есть зимовья охотников. А ещё где-то там живут какие-то инородцы. Возможно, буряты, а может и тунгусы. В основном буряты любят степи, так же, как и татары. А вдруг там есть татары? Теперь ему трудно будет путешествовать. Надо написать прошение губернатору Нагелю. Без его разрешения Радищеву запрещается покидать Илимск. Это при губернаторе Пиль он мог путешествовать по всем деревням Илима до самой Тунгуски. А вот новый губернатор Нагель совсем другой человек, это сразу понял Александр Николаевич. Бывший губернатор Пиль был в дружеских отношениях с графом Воронцовым. И потом, губернатор Пиль не любил прислушиваться к подхалимам и угодникам из администрации Иркутска. Нагель был другой человек. Во все времена у подхалимов и угодников с годами вырабатывается нюх на нового руководителя и благодетеля. И в наше время я навидался таких угодников. Такой благодетель сам выбился к власти при помощи угодничества. Он окружает себя наушниками и подхалимами. С ними ему легко работается. Ему всегда доложат, где и кто о чем о нем говорят.

Радищев обратился к губернатору за разрешением посетить Игирму для научной работы по минералогии, а вверх по Илиму также по научной работе по изучению нравов кочевых племен. Не ради прогулки ему необходимы эти места, а для научных раз-

работок. Это письмо он отправил ещё осенью того года, когда губернатор Пиль уехал в Петербург, а его место занял Нагель. Разрешение такое ещё не пришло. Дело в том, что Радищев, как он писал письма графу Воронцову и друзьям, что он свободно ходит и ездит по деревням, и никто его не притесняет. В этом же году, когда он вернулся из путешествия к устью Илима, всё изменилось.

В кузнице он работал у горна. Кто-то позвал его.

В фартуке, закопченный и грязный вышел Радищев. Посреди двора стоял приказчик острога Неуспокоев. На нем новенький мундир, Накрахмаленная рубашка. Весь напомаженный, важный. Как же, его навестил сам киренский исправник Корсаков.

– Всё ковыряешься? Всё не успокоишься? Всё дурью маешься? Обиделся на тебя Михаил Иевлевич, крепко обиделся. Не надо бы ему нервничать. А ты соизволил ему понервничать. Зачем за стол посадил всякую чернь? Зачем? Отвечай, када тебя спрашивают! – крикнул он, и тростью приложился к земле, да ещё новеньким ботфортом топнул.

– Иван Григорьевич, - спокойно ответил Александр Николаевич. – Это не чернь, а свободные люди. И вы это знаете. Они давно получили свободу. И все мы, как одна семья. Так у нас принято.

– Я не знаю, как у вас принято, а у нас всё другое. Пусь они не крепостные. Пусь. Но они работные люди, дворовые слуги. Разе так можно?

– Разве это плохо, когда вся семья собирается за столом? – ответил Александр Николаевич. Внутри в нем рос болючий комок. Он всегда знал, когда в нем начинал появляться этот комочек, и который может превратиться в комок, то он может взорваться. И тогда Радищев мог наговорить противнику такое, о чем и не надо бы говорить и писать.

– Мог бы ты и не садить этих упырей за стол. Сели бы вы вдвоем, да поговорили бы.

– О чем бы мы с ним говорили, подскажите, пожалуйста? - прохрипел Радищев. И ещё он понимал, что ему надо сдерживать себя. Это все-таки не только приказчик, но и сам комиссар острога. Он здесь главный над всей Илимской волостью. Его

бросят в острог, и тогда, что будет с его семьей, и со всеми людьми, что были преданы ему? Страшно подумать. Надо терпеть все унижения, какие выпали на его долю. Терпеть. Господи, дай силы выдержать, думал он в этот момент.

– Поговорили бы кой о чем, - снизил голос Неуспокоев. Он потоптался на одном месте, поскрипывая новыми ботфортами. Вытер вспотевшее и гладкое лицо клетчатым платком, и ответил: - И не убыло бы у тебя. Вон, какое хозяйство-то отгрохал! Мог бы и уважить Михаила Иевлевича.. Мог бы и пятисотку положить ради уважения. Не убыло бы.

– Нет у меня таких денег. А то, что построено и заведено, так друзья из России, а также из Иркутска помогли. Откуда у меня такие деньги? Побойтесь Бога.

– Это тебе надо бояться Бога, - съехидничал Неуспокоев. – Бога вспомнил. Ну, ну, господин Радищев, мотри не проскупись. Надо всегда уважать начальство, а оно тебя не забудет. А ты всегда, я мотрю, уважаемых людей сторонишься. Крестьян простых уважаешь, с ними беседы ведешь. Чо с ними говорить? Об чем можно с ними беседовать? Темнота. Да и настораживает умных людей такое обчение. Мотри, Радищев. Моё дело тебя предупредить. Догляд за тобой мы по всем законам таперича учиним. Сержант Воробьев глаз с тебя не спустит. Ему тоже не ндравится твое обчение с людьми. Мотри. Денег у него нет. Смех, да и только.

Неуспокоев ушел со двора. И только теперь Александр Николаевич увидел, как все его люди и жена Елизавета смотрели в окна. Сдержался. Комок стал уменьшаться в комочек.

Он вошел в кузницу. Надо окончательно привести себя в порядок.

Радищев ждал разрешение от губернатора Иркутска. Но ответа пока не было.

На другой день явился сержант Воробьев. Как понял Радищев, он ещё не успел опохмелиться. Руки и живот дрожали. В глазах муть, толстый нос ещё больше покраснел с синими прожилками.

– Этова, как иво, уехал домой исправник Михаил Иевлевич. Мне наказ дал по всем правилам. Уважаемый он человек. А ты

так с ним этова, как иво. Я то чо. Человек маленький. Но я должен смотреть за тобой. И ты должен подчиняться мне. Значит, я есть твой начальник. Вот чо я хотел тебе сказать, коль я над тобой начальник. Жалобы идут на тебя. Дурью маешься. Мало на тебя Иван Григорьевич Неуспокоев недовольные, вы ишо уважаемого Михаила Иевлевича не уважили. Нехорошо. И потом. Зачем ты детей смущаешь? Сами себе голову заморочили. Переучились вы. Вот от переученья-то и попали сюда. Тока зря гумагу портите. Нехорошо. Я бы всех этих переучек со всей России сюда прислал. Да вот забота. Кормить их будет нечем. Они бы здесь шибко не рассуждали. А ишо, пороть кнутами их по субботам, пороть. Сами мучаются от переучения, да и других подбивают на рассуждения, мерзавцы! Главное-то ведь дети зачнут рассуждать. Вот где загвоздка-то. Третьеводни встретился мне мальчонка Ваньки Черемных, Кешка. Ведь смотреть-то не на что, а рассуждать начал уже, мерзавец. Я его за уши отодрал, чобы меня уважал, здоровкался бы со мной. Так нет же он начал мне рассуждать, что детей нельзя за уши драть. Надо с ними беседовать. Чо та ещё хотел мне порассуждать, а я не будь дурак, хватъ его за другое ухо, да повел к крапиве. Хотел по его голой заднице пройтись крапивой, чобы шибко не рассуждал. А он возьми и укуси меня. Раза такое можно? Мало тово. Пошел я к Ваньше Черемных, мораль ему зачитать по воспитанию детей. А он начал мне права качать, рассуждать начал о том, чо я не имею право драть уши чужим детям. Вот. А всё ваши рассуждения. Вот они и вошли в людей ваши рассуждения. Ну, я тоже решил его мало поучить уму разуму. Надо же! И жена туда же. Бросилась на меня. Ну и я и тут не будь дурак, тоже немножко поучил её. Они у меня быстро успокоились. Вот, Лисандра Николаич, к чему приводят ваши переученные рассуждения, будь оне не ладны. Бросьте умничать. Будь как все. И тебе сразу легшее станет. Ну, дал бы ты этому Михаилу Иевлевичу пятисотку. Не убыло бы у тебя. У тебя и так этих пятисоток тысячи. Надо уважать любое начальство над тобой даже маленькое начальство надо уважать. И тада оно тебя тоже будет уважать. Вот тебе надо, куда съездить в какую деревню, то я бы и глаза свои закрыл.

Пока он изощрялся в словоблудии, Петр принес кружку.

– Вот, господин Воробьев, опохмелитесь наливкой. Сразу снимет похмелье.

Сержант Воробьев подумал немного, и взял кружку. Стал жадно пить. Когда выпил, сочно крякнул, и сказал:

– Хороша наливка. Угостили. Уважаю. Вот так бы всегда.

– А денег у меня лишних на всех вас нет, – тихо ответил Александр Николаевич. Воробьев нахмурился. Ещё немного подумал и ответил:

– Нда. Зря. Сердитый уехал Михаил Иевлевич. Зря.

И ушел со двора. Петр сказал:

– А чем отвязаться от назойливости от этого бочкового тупицы? Только так.

– Ты поступил правильно. А то от него не отвяземся.

Припугнули и бургомистра Романова, чтобы не ходил к Радищеву. Перестал приходить к Радищевым и казачий офицер Новиков. Проезжающие купцы и другие представители власти уезда не смели подойти к дому ссыльного и государственного преступника.

В письме к графу Воронцову у Александра Николаевича есть такие строки: «Те, кто разыгрывает господ в сем диком крае, в другом месте почитались бы отбросами общества. На меня ополчились и начинают с того, что хотят меня унижить. Угадаете ли Вы причину сего? Полагают, что у меня сорок тысяч». Можно только представить какие оскорбления и унижения испытывал этот великий, известный на всю Россию человек от местных чиновников. И как точно он описал образ этих господ, которые унижали и оскорбляли его.

Вскоре приехал в Илимск и заседатель думы Киренского уезда господин Деев. Конечно, он уже узнал о том, как ссыльный и государственный преступник принял исправника Корсакова в доме. Решил Деев тоже посетить этот дом. Этот важный господин, весь тоже напыщенный, напомаженный в новом мундире представителя думы в карете подъехал к дому отверженного обществом. Уж если унижать, то уж надо унижать этого преступника до конца, чтобы и другим ссыльным не было повадно.

Сидел он в карете и ждал, когда слуги и сам Радищев придут и выведут Деева за белые ручки из кареты. Но никто из дома не

выходил. А своему кучеру он запретил помогать ему выйти из кареты. Пусть это сделает ссыльный Радищев.

Долго пришлось сидеть Дееву в карете.

Он вылез из кареты глубоко оскорбленным и злым. Как такое возможно? Никакого уважения представителю власти! Он закричал:

– Господин Радищев, а ну подь сюда!

Никто не появлялся.

– Бунт, али чо? – сам у себя спросил Деев. Он подошел к двери и постучал в неё тростью. Раскрылась дверь, и выглянул Петр.

– Вы к нам, али чо? – спросил Петр.

– Я те покажу, мерзавец, как господ встречать! Где хозяин? В зубы захотел? Зови хозяина!

Петр закрыл дверь. Потом она раскрылась, и появился сам Радищев.

– Вы к нам? Если к нам, то проходите.

Деев немного подумал, и решил зайти в дом. Вошел. И тут же закричал:

– Пошто так? Никакова уважения! Не видели, что я приехал?

– Не видел. Хотя я видел. Мишка Комаров на своей лошадке проехал мимо. Наверное, на рыбалку за хариусом поехал, - очень спокойно ответил Радищев.

Деев стал задыхаться. Он выпрямился, глаза округлил, лицо приняло цвет спелого помидора. Такие руководители и в наше время становятся такими же. Они не изменились. Я их навидался и наслушался. Они всегда такими были. Ничего их не меняет.

– Какой Мишка?! Меня сравнил с каким-то Мишкой?! Так ты встречаешь уважаемых в уезде людей!? Не позволим! Нет, так-ва права так встречать нас! В острог захотел? Устроим!

– Ну, почему же, мы вот вас встретили. Проходите. Стол накрыт.

Деев стал успокаиваться.

Он прошел за Радищевым к столу. Как и Корсаков он уселся на место хозяина дома.

На этот раз киренского господина решили не раздражать присутствием слуг. За стол сели только двое. Сам Радищев и его жена Елизавета. Деев сам себе налил водки, и тут же выпил. Все продукты он брал руками, и громко чавкал. Периодически он наливал себе уже не водку, а наливку из малины.

– Люблю этот напиток, - говорил он с полным ртом.

– Господи, - прошептала Елизавета. – Дай силы выдержать.

Деев насытился, и откинулся на стуле. Громко и сытно отрыгнулся.

– Вот так бы всегда. Начальство надо всегда уважать, а оно будет уважать тебя. Станный ты человек, господин Радищев. Все так говорят. Какой-то не такой, как все. А надо быть как все. Ну, переучился ты, ну и чо? И переучку можно простить, если он уважает начальство. Вон, какое у тебя хозяйство. Ты ведь был дворянином. Чо я буду вертеться перед тобой, да выпендриваться? Короче. Починай кубышку. Делись богатством. Со мной делись. Никому не скажу.

Он громко засмеялся, потом погрозил толстым пальцем.

– Ух, хитрец! Ну, и хитрец! Будто я поверил, чо у тебя ничего нет. Не верю.

Он неожиданно стал хмурым, а в глазах появилась хитринка.

– Хватит вокруг и около ходить. У тебя в кубышке много чо есть. Сколь мне отвалишь?

– Кубышка моя пуста. Там ничего нет.

– Так, - сказал Деев, и встал. Немного пошатнулся. – Со мной хитрить решил? Смотри.

– Я не хитрю. Всё вот это мне помогли построить мои друзья. Я уже говорил исправнику Корсакову, и вам повторю. У меня на вас и на вашего Корсакова не будет взятки. Не стыдно?

Деев выпрямился. Глаза осатанели.

– Это не взятка! Это есть уважение! Грозишь? Мне?! Вот это да! Государственный преступник мне угрожает! Ну, смотри, Радищев. Мы тебе устроим жизнь таперича! Ни шагу из Илимска! Грохоча сапожищами, он устремился к выходу.

Когда он уехал, только тогда Елизавета произнесла:

– Господи, и это государственный чиновник.

– Круг сжимается, - тихо сказал Александр Николаевич. Надо сказать, что дети у Радищевых никогда не показывались, когда приходили гости. Они никогда не вмешивались в разговоры взрослых. И только тогда, когда родители начинали с ними заниматься по программе школ того времени.

Александр Николаевич переделся и пошел в свою кузницу.

Лето было в разгаре. Как всегда Радищев нанял крестьян на заготовку сена. Иван Черемных возглавил бригаду косарей. Утром готовились ехать на покос. Два плота приготовили.

Радищев заметил, что Иван намеревался что-то сообщить ему. Под правым глазом солидный синяк.

– Иван Иннокентьевич, мы уже давно знаем, друг друга, что тебя беспокоит? – спросил Александр Николаевич.

– Сержант Воробьев второй раз бьет меня, чтобы я не рассуждал. А я и не рассуждаю. А он дерется. Кешку за уши опять отодрал. Я, говорит он, устрою вам с Радищевым жизнь. Он сказал, что тебе даже на покос нельзя ехать. Всем крестьянам сказал, чтобы они одни ехали. И будут наказывать, если кто заговорит с вами. Плетями будут бить. Мужики согласны ехать за сеном, но тока без вас. Боятся.

Вечером пришел сержант Воробьев.

– Утром одни мужики поедут, - сообщил он. – Мне такое дали предписание. Ни шагу из Илимска. И не надо тебе с мужиками веселиться, када сено уложат в стога. Зачем ты так сделал с начальниками? Жил бы себе тихо, да уважил бы начальство. Чо тебе стоило кубышку открыть? Из-за тебя и мне выговор дали. По лицу били.

Утром мужики поплыли за сеном. Воробьев разрешил передать разную еду косарям.

Как и всегда сено доставили на место. Все мужики трудились отменно. После работы накрыли стол. Мужики и женщины, молча, поели, выпили вина, и тихо разошлись по своим домам.

К Радищеву подошла бабка Евлашиха.

– Ты вот чо, Лисандра Николаич, на людей не обижайся. Люди всё понимают. Они тебе сочувствуют. Они тебя здесь из всех этих упырей одного тебя уважают.

– А ты не боишься со мной так разговаривать? – спросил Александр Николаевич.

– Чо с меня взять. Я век свой отжила. Не боюсь. Я их никада не боялась. Плохо то, мил человек, мир шибко плохо устроен. Пошто-то завсегда хорошим людям плохо? А плохим людям шибко хорошо. Значит, там ты был хорошим человеком, а плохие люди тебя сюда законопатили. Вот так я думаю, и всем об этом говорю.

– Спасибо тебе, Евлампия Кузьминична. Что теперь сделаешь? Так наш мир устроен.

– Он не правильно устроен. А кто его выправит? Знаешь это?

– На этот вопрос даже самый умный, и даже самый переученный человек не ответит.

– Как же так, Лисандра Николаич?

– Вот так вот, Евлампия Кузьминична. Проходи, чайком угощу.

– Верю. Угостишь. Но я со всеми за столом наугощалась отменно.

Она, медленно и сильно согнувшись, пошла к своему дому. И так, Александр Николаевич Радищев остался один в этом заброшенном и неудобном Илимске. Белоногов уехал ещё зимой в Иркутск, а на смену ему никого пока не прислали. А зачем? Поездки ему запретили. Из Илимска ни шагу в сторону. За ним установили круглосуточную слежку. Особенно в Илимске отличались в этом деле приказчик Неуспокоев и сержант Воробьев. Доглядывали за ним и полицейские. Если вдруг Радищеву захотелось придти на берег Илима просто посмотреть в текущую воду, и поразмыслить на вольные темы, в сторонке стоял полицейский, а то и сам сержант Воробьев.

Как-то он решил прогуляться по берегу Илима. Задумался, и не заметил, как вышел за пределы Илимска. Путь ему преградил полицейский.

– Не можно дальше, Лисандра Николаич, не можно.

В его руках было ружье наперевес в сторону Радищева.

– Извини, солдат, извини. Задумался вот. За меня тебе попадет.

– Неуспокоев на трое суток в острог законопатит, еслив я тебя дальше пропушу, - ответил полицейский. Потом он стал озираться, и тихо сказал: - Мы все тебе сочувствуем. Все тебя уважают и жалеют. По всему Илимму говорят, что ты очень добрый человек.

И он быстро отошел в сторону, а Радищев развернулся и побрел по берегу. Хоть это немного вдохновило его. Надо терпеть. А письма из Иркутска всё не было. Теперь ему придется столько ещё лет жить в полном заточении и одиночестве. Даже мальчишки старались не приближаться к нему. Перестали приходить на занятия.

В один из вечеров, когда солнце собиралось сесть за высокую гору, он пришел на берег Илима и сел на сутунок. К этому сутунку он часто приходил. И не только он приходил. Здесь всегда горел костер, и вокруг него сидели парни, а иногда и девчата. Осенью здесь грелись мальчишки. Они жарили на костре только что пойманную рыбу. В этот день здесь никого не было. Люди боялись подойти к тому месту, где был Радищев.

Почти рядом с водой шел Кузьма Бутаков. Радищев узнал его по высокой фигуре, крепкого и мужественного свободолюбивого казака. Он подошел к Радищеву. И сел напротив него на другой сутунок.

– В одиночестве сидим? Оно и понятно. Здеся завсегда горел костер. И людей можно понять. Боятся. Наслышан я, наслышан о тебе. Слух по всему Илимму до самой Тунгуски идет. Добрый человек делает доброе дело для простых людей. Чо этим упырям надо? Чо они тебя чистят?

– Здравствуй, Кузьма, здравствуй дорогой мой друг, - встал Александр Николаевич, чтобы поздороваться с Бутаковым за руку, но он махнул рукой, садись, мол.

– Сиди. Некаво тут руками махать. Ты и так мне не враг, чо руку тянешь? Сиди. Это я должен перед тобой вставать. Я кто? Бродяга. Я тебе чуть ли не сам таежный дед. Всю жись в тайге. Я бы всех этих упырей в мундирах в узел бы замотал, да в берлогу к медведю. Чо они к тебе прицепились? Денег клянчат? Откуда они у тебя? Ну, даже если бы были, им какое до них дело? Ты вон чо делаешь на Илимме. Дремоту нашу разбудил, да расколошма-

тил. Завсегда тебя здесь будут помнить. А их имена забудут. А если и вспомнят, то как упырей проклятуших, которые не давали доброму человеку жить. Вот это уж точняк. Нашел руду-то?

– Нашел. Я многое, что на Илимe нашел.

– Ты уж не серчай на меня, чо я тебе не сказал. Сам понимаешь. Я знал, чо ты сам найдешь руду. И доброе дело делаешь из той руды людям. Ты шибко упрямый, нашел бы и без меня.

– Дорогой, Кузьма, ты вот ходишь по тайге, а не встречал ли ты там таежного деда?

Кузьма вскинул кудлатую голову, и громко засмеялся. Потом он резко прекратил смеяться, и сделал серьезное лицо.

– А ведь я знал, чо ты об нем спросишь. Меня ишо никто об нем не спрашивал. Ты первый насмелился спросить. Так я отвечу. Будто ты не встречал его? Встречал. С таким человеком он должен бы встретиться. И я встречался с ним.

– И какой он тебе показался?

– Обныковенный человек.

– Хозяин гор? – тихо спросил Александр Николаевич.

– Да ты чо, мил человек! Это настоящий дух всего Илима. Дух, понимаешь! Вот так. Везде есть духи. Есть вредные духи. А есть добрые духи, как тот таежный дед.

– Может, ты знаешь, как его имя?

– Откуда мне знать. Он не говорит. Нет у него имя. Просто таежный дед. Просто я его сам назвал духом Илима. А кто ж он ишо, как не дух Илима.

– И о чем же вы с ним вели беседу?

Кузьма молчал. Долго они так, молча, сидели. Потом Кузьма встал.

– О жизни нашей беседовали. Это наше дело.

– Ты, Кузьма, я смотрю, никого здесь не боишься. Недалеко стоят два полицейских.

– Это они тебя охраняют. Меня они боятся. Всего тебе добро-го, Лисандр Николаич.

И Кузьма Бутаков пошел дальше по берегу Илима. Вскоре темнота поглотила его мощную фигуру. Радищев встал и пошел к своему дому.

Вот ещё одна осень пришла. Пишем из Иркутска он так и не дождался. В тайгу за грибами и ягодой со двора никого не пу-
скали.

Урожай на картофель выдался отменный. На уборку урожая он нанимал людей. Люди шли к дому Радищевых не с пустыми руками. Они приносили разную ягоду и грибы. А Василиса и Марьяна только успевали ягоду, и грибы готовить на зиму.

Крестьянам, которые больше всех бывали в доме Радищевых, полицейские устраивали допросы. Не только с Илимска шли люди к Радищевым, но и с ближайших деревень что-нибудь, да приносили. Правда, они пытались тайно пробиться к дому. Бывали и побои. В дом к Радищевым могла свободно приходиться одна только бабка Евлашиха. Вначале её ловили, но она закатывала такие истерики и скандалы, и даже царапалась, что потом от неё отстали. Что взять со старой?

Зачастили в Илимск исправники и представители киренской думы. И все они не обходили дом Радищевых. Каждый из них старался всячески унижить, оскорбить Радищева. Кажется, нервы у Александра Николаевича были на пределе. В такие минуты рядом с ним была его верная жена Елизавета Васильевна. Она всячески успокаивала его.

Однажды, когда выпал первый снег, Елизавета Васильевна сказала:

– Александр, меня они не задержат. Я ведь не ссыльная. Поеду в Иркутск. Как только наступят морозы, я и отправлюсь в путь.

Толчок к этой поездке произошел, когда в дом вот уже какой раз ввалился исправник Корсаков. А на днях был в доме представитель киренской думы господин Деев. Он всячески оскорблял Радищева, и требовал «починать кубышку» с деньгами.

Корсаков дверь за собой не закрыл.

Елизавета Васильевна подошла к нему и тихо сказала:

– Вы ведь дома так двери не оставляете. У нас ведь маленькие дети. Как вам не стыдно, господин Корсаков.

– Это мне-то стыдно?! – заревел он. – Меня стыдить собрались, господа ссыльные. В острог захотели, мы вам это быстро устроим! Дети? Они такие же будут, как и вы. Приказ. Со двора ни шагу. Будет предписание, в острог законопатим вашего госу-

дарственного преступника. И чтобы со двора ни-ни. В Киренском управлении готовят такое предписание, чтобы носа не показывал Радищев со двора. Если он был дворянин, то не может он быть бедным. А то бедным прикинулся. Вы есть не муж и жена. В Киренской церкви надо венчаться. Где Радищев?

- Он трудится в кузнице, - ответила Елизавета Васильевна.

- Тьфу! - плюнул Корсаков. - Он чо? Совсем из ума выжил? Всё продолжает чота там ковать? Пусь этим делом занимаются слуги.

- Он сам всё делает. Для людей он старается.

- Для людей? Не смехи. И это мы запретим ему чота там ковать. Всё запретим делать. Кузницу и эту саму, где он там чота из бутылочек переливает туда-сюда, разрушим. Ему запретят писать чота там.

Корсаков ушел. Елизавета Васильевна всё передала Александру Николаевичу. Он сел на табурет, и опустил в бессилии руки.

- Скоро ещё хуже будет. Если разрушат кузницу и лабораторию, это придет полный конец. И некому меня защитит. Всех моих друзей отправили в казематы, как Новикова, кого отправили в ссылку, кого отстранили от должности, как губернатора Ивана Альферьевича Пиль и моего друга Воронцова Александра Романовича. Всё, Лизонька, это всё.

- Нет, не всё. Они не имеют право меня держать взаперти. Тебе нельзя ехать в Иркутск. Поеду я и немедленно к новому губернатору Лариону Тимофеевичу Нагель. За детьми присмотрят Василиса и Марьяна.

- Да и бабка Евлашиха часто у нас бывает, - сказал Александр Николаевич. - Конечно, ты не обязана так рисковать, но ведь обстановка вокруг нас всё более ухудшается.

И вот в середине ноября, когда можно было ехать по ещё не глубокому снегу, Елизавета Васильевна отправилась в далекий путь через Усть-Кут по реке Лена. Кучером напросился ехать Петр. Поздно вечером к Радищевым пришли бургомистр Иван Иванович Романов и казачий офицер Новиков.

- Мы тайно к вам пришли. Мы всё видим, как над вами издеваются, - сказал Романов. - Мы надеемся, что Елизавета Ва-

силевна добьется у губернатора смягчения. И тогда нам разрешат видаться с вами. И детей вы хорошо наших учите. Вам надо, Елизавета Васильевна выехать рано, когда ещё будет темно. Я договорился с молодым своим работным Гринькой. Он с радостью согласился. Он с вами поедет, как охранник. Я его вроде отправляю в Иркутск с моим запросом насчет кое-каких китайских товаров.

Новиков сказал:

– В нашем казачьем гарнизоне только что из Игирмы прибыл ваш хорошо знакомый молодой и лихой казак Кондратий Лыков. Он с радостью согласился поехать в Иркутск. Я написал предписание, чтобы его там оставили на курсы. Глядишь, и в офицеры там выбьется. Мы вас, Александр Николаевич все уважаем, но сами понимаете, служба.

Рано утром Елизавета Васильевна с преданными ей людьми выехала в Иркутск. Как говорят нам исторические документы, там ей были не рады. Как это было? Ничего хорошего в Иркутске не было.

Устроилась в гостинице. Никого знакомых там не было. Например, друзья Радищева Григорий Шелихов, и ученый Эрик Лаксман уже умерли. Семьи выехали в Россию.

Елизавета Васильевна записалась на прием к губернатору. Просила, чтобы доложили губернатору, что, мол, приехала жена Радищева.

В приемной сидели сердитые чиновники. Они что-то писали, перебирали бумажки, и никакого внимания на Елизавету Васильевну. Ей они отвечали, что губернатор весьма занят. Так шли дни. Список на прием к губернатору постоянно менялся. Александр Николаевич предупредил жену, чтобы она не давала взяток чиновникам. Она видела, как некоторые просители подсовывали свои бумажки под журнал записей. Потом они проходили к губернатору. Видел ли он Елизавету Васильевну? Конечно, видел. Он проходил мимо сидящих просителей, и даже не смотрел в её сторону. Он хорошо знал Елизавету Васильевну. Два раза она вставала и обращалась к нему, но он никакого внимания на неё не обращал. Шли дни. Однажды в её номер в гости-

нице вошел молодой человек. Прямо с порога он начал сбивчиво говорить:

– Если меня обнаружат, что я был у вас, то меня могут выгнать с работы. Но я решил рискнуть. Уеду тогда в Даурию. Губернатора окружают одни угодники. При губернаторе Иване Альферьевиче этих подхалимов не было. Откуда только они выползли? А вот Ларион Тимофеевич, видимо, как я понял, любит, чтобы кто наушничал. Мы с моим другом читали книгу вашего мужа Александра Николаевича. Да многие читали, только виду не дают. С вашего Киренского уезда постоянно шлют жалобы на Александра Николаевича. Мужайтесь, Елизавета Васильевна. Мы все вами восхищаемся. Вы есть образец всем женам в России. Мужайтесь.

И он быстро удалился. Теперь она его узнала. Он смиренно сидел за одним из столов и что-то всё писал. И она вспомнила, что видела его внимательный взгляд. И здесь, в Иркутске, да и во всей России не забыли великий подвиг её любимого мужа. Не забыли и её. Это вдохновило её на безумный поступок. Она решила действовать.

Утром, как всегда, она пришла в контору иркутской администрации и стала ждать появления губернатора.

Он вошел. К нему тут подбежали конторские мужички, и радостно улыбаясь и кланяясь, приняли его соболиную шубу с соболиной папахой.

Елизавета Васильевна резко встала и подошла к губернатору.

– Здравствуйте, Ларион Тимофеевич. Я вот уже половина месяца в вашей конторе сижу с утра до вечера. Как же так? Вы словно не узнаете меня. Что изменилось? Вы бы хоть выслушали меня, зачем я сюда приехала.

Ни один мускул не дрогнул на гладко выбритом лице губернатора. Его холодный взгляд был обращен в потолок. Он спросил:

– Вы ко мне? По какому вопросу?

– Александр Николаевич уже несколько писем отправлял вам. Как же так? Вот я и приехала, чтобы узнать, в чем дело?

– А кто такой Александр Николаевич? - вкрадчиво спросил один из конторских мужей. – Что-то мы такого не припомним. – И он начал дробно хихикать.

– Где уж вам знать, - ответила Елизавета Васильевна. - Вы сами себя-то не знаете, кто вы есть на самом деле.

Смех прекратился.

– Ладно, - ответил Нагель. – Пройдемте. Там всё расскажете.

В кабинете губернатора Елизавета Васильевна всё подробно сообщила о притеснениях и издевательствах над семьей Радищева.

Потом она добавила:

– При Иване Альферьевиче такого унижения не было. Ларион Тимофеевич, поймите, Александр Николаевич никогда не брал взяток и никогда взяток никому не даст. Он не терпит подхалимов и наушников. За это его так унижать? Нет никакого хода. Ведь это ученый. Он изучает природу края. Этим он приносит пользу России. Он делает прививку от оспы. Он учит детей грамоте. Поймите, если, конечно, поймете, после него легче будет другим ученым изучать этот глухой край. Уже по всем деревням стали высаживать картофель. За всё это над ним надо издеваться?

Нагель продолжал разглядывать потолок. Потом, наконец-то, он посмотрел на Елизавету Васильевну и сказал:

– Хорошо. Я подумаю, как облегчить участь Радищева. Конечно, он ученый. Подумаю. Думать буду. У меня к вам всё.

С грустью она покидала Иркутск. Конечно, она везла с собой купленные ей в магазине научные книги, много свежих газет, разных лекарств. Старый аптекарь Дачман хорошо знал Радищева. Он и отобрал нужные лекарства. Много и подарил.

– Пусть не только великий гражданин России, будет как философ и писатель, но будет и великим и нужным в диком краю медиком, - сказал Дачман.

В декабре Елизавета Васильевна приехала в Илимск. Пока ничего не изменилось. Издевательства и насмешки продолжались. В одном из писем к графу Воронцову есть такая строка: «Только самая грубая корысть движет этими людьми».

На новый год, как и в другие годы, они нарядили елку самодельными игрушками, и обвешали разноцветными китайскими лентами. Они с Петром запрягли коня, бросились в розвальни и поехали на край Илимска. Колокольчик на дуге весело и призывно звенел и звал мальчишек и девчонок прокатиться. Несколько отчаянных ребяташек прибежали с санками, и зацепились за сани с Радищевыми. Пришли и несколько парней и девчат. Они тоже принесли сани. Небольшой обоз из саней ездил от одного края Илимска до другого. На окраинах стояло по полицейскому. А вдруг придет в голову неугомонному Радищеву покинуть Илимск. Вокруг ёлки, как в прошлые годы хоровода не водили.

Часть пятая

1796 год. Пятый год ссылки

Наступил тревожный и беспокойный год. Писем не было. Ещё в Иркутске, она узнала от одного доброго человека, работающего в администрации губернатора, письма к Радищеву приходили. Все письма регистрировались только в Иркутске. Но эти письма исчезали бесследно. Елизавета Васильевна об этом не сказала мужу. Через несколько месяцев она призналась мужу в этом необходимом в том тревожном времени обмане. И тогда он тоже ей признался, что он догадывался, что письма исчезали в Иркутске. Только догадывался, а Елизавета Васильевна точно знала об исчезновении почты.

Как-то поздно вечером в кузницу к Радищеву, где он работал над какой-то деталью, проник бывший студент Иван Горбунов. Парень согнулся, осунулся, в глазах тоска и слезы.

– Проходи, дорогой друг, проходи, и давай поведай мне о своей печали.

Горбунов всхлипнул, и платочком вытер слезы.

– Трагедия случилась, Александр Николаевич, трагедия. Георгий повесился.

У Радищева из рук выпал молоток. Он сел на лавку, стоять он не мог. Вдруг он совершенно ослаб.

– Как же так, Ванюша. Как же так? – еле слышно спросил Александр Николаевич. – Ведь такой молодой... Как же так?

– Не вынес оскорбления. Нас с ним два раза бросали в тюрьму. За что? Не знаю. Может за то, что я как-то высказался, чтобы не травили вас, Александр Николаевич. Пришли нас проверить, ну я и высказался. Григорий у них просился домой к маме. А они смеялись над ним. Вот он и не вынес оскорблений.

– Бедный мальчик, - простонал Александр Николаевич. – Тут взрослому-то уже немого, а это ещё мальчик. Тебе, Ванюша, надо крепиться. Я обращался в Иркутск насчет вас, там молчат.

– Один полицейский сказал мне, что теперь меня отправят на Камчатку, или в Якутск. Рядом, мол, с Радищевым держать меня опасно. Мало ли, что мы здесь придумаем?

– Вот, Ванюша, где темнота. Что мы с тобой сделаем против этой звериной массы? После Пугачева власть теперь всего боится, а тут ещё французская революция.

– А ещё ваша книга потрясла их до основания.

– Это так. Я уверен, теперь у них забот прибавится. Со всех концов России будут доставлять в эти глухие края ссыльных. Поверь мне, Ванюша, вот все эти ссыльные и окончательно разбудят эти края. Именно с них и начнет рождаться новое поколение. Да ещё если от них начнут рождаться дети? Так что, Ванюша, выше голову. Мы с тобой стоим у истока возрождения культуры в оном глухом крае. Ведь и в Якутск и на Камчатку отправляют ссыльных. Все они разбудят и те места. Они думают, что они уничтожат тем самым этих людей. Нет, Ванюша. Не уничтожат. И там родится культура, возникнет настоящая, новая цивилизация. За исключением некоторых ссыльных, я таких тоже видел, в ссылку отправляют настоящий цвет передовой мысли. Скоро наступит новый век. И в том веке всё больше и больше будут ссылать в глухие места лучшие умы человечества. Они даже не подозревают, что творят благое дело для Сибири. Так что Ванюша, бодрись и гордись. Конечно, жаль твоего друга Григория. Как насчет похорон?

– Приказчик приказал похоронить его завтра на краю местного кладбища в полдень. Уже составили протокол, что он будто бы выжил из ума. Вот и покончил с собой. Меньше, мол, надо было читать вредных книг.

– Им книги помешали. В России всё передовое мешает. Даже Ломоносов им помешал. Издевались над ним. Всё русское они уничтожают и заплывают.

Иван Горбунов ушел, а Радищев ещё долго не мог уснуть. Хотя он так разговаривал с Горбуновым, поднимал ему настроение, но будущее России ему представлялось темным и мрачным.

Иногда к нему приходили мысли о тех почти реальных снах, когда по улицам ходили полуголые молодые женщины и почти все курили и что-то пили из бутылок. И тогда он гнал такие мысли. Он не верил, что такое начнется в его стране. Это был просто страшный сон. И тогда он рисовал другие картины. Все люди будут грамотные, культурные, высокообразованные. Почти в каждой деревне будут библиотеки, открыты школы для самых бедных детей. У власти будут стоять честные и добропорядочные министры. Во всех государственных думах и в думах уездов будут избираться честные люди. Они не будут брать взятки. Не будут воровать. Не будут обманывать народ, государство. Не будут обогащаться за счет народа. Медицина и образование будут бесплатные. Медики не будут брать деньги с больных. Ведь это кошунство. И тогда у него поднималось настроение. Вот о таком обществе мечтал великий Радищев.

Ах, Александр Николаевич, ваши мечты останутся мечтой. Во многих министерствах обосновались воришки, в государственную думу и в думы на местах полезли ради денег. Никто ради народа ничего не делает. Живут только ради себя, и как можно больше украсть, обмануть и обмисурить. А медики совершенно забыли клятву Гиппократата и до беспредела обнаглели. На всех уровнях они не берут, а дерут деньги с больных. А в видениях, которые Радищев назвал снами, сущая правда. Так что мечты великого Радищева остались мечтой. Но, конечно, не мог и предположить о такой его несчастной и обворованной со всех сторон России.

На другой день, в полдень, Радищев пришел к месту, где должны похоронить несчастного Григория. Кроме двух полицейских, да нескольких крестьян, которые приготовили могилу, был только Иван Горбунов. Александр Николаевич встал рядом с ним.

Самодельные цветы принесла Елизавета Васильевна. Остальным он запретил приходить. Он не хотел, чтобы из-за него пострадали его слуги. О присутствии на похоронах Радищева докладывают полицейские.

Когда вырос холмик, и на него положили цветы, Радищев сказал:

– Слезы твои, мой мальчик, будут укором угнетателям свободы.

Не стал он больше ничего говорить, потому что и эти слова донесутся до киренских властей. Речи здесь бесполезны. И только за некоторыми заборами он видел головы крестьян.

Радищев знал неписанный закон в России. Самоубийц хоронить на затворках. Поняли ли крестьяне, почему этот парень покончил с собой? Возможно, понимали. Они боялись не только нарушить вековой закон, но боялись властей. Это не простой крестьянин. Это ссыльный. И он был под присмотром властей.

– Ванюша, ты иди к себе. Не надо, чтобы нас видели вместе. Ты просто пришел похоронить своего друга и только.

Иван ушел, а Радищев с Елизаветой Васильевной ещё постояли, и тоже пошли к своему дому. И только тогда полицейские направились к дому приказчика Неуспокоева на доклад.

Через несколько дней в Илимск приехал исправник Корсаков.

Через некоторое время к дому Радищева подъехала кибитка. Из неё выбрался весь в соболях Корсаков. Похожий на меховой мяч, он подкатился к двери. Резко открыл её, и ввалился в коридор. А так, как шуба была длинная, а порог высокий, исправник запутался в своей шубе, и упал к ногам Радищева, который шел, чтобы встретить не прошенного гостя.

– О, господин Корсаков, не надо бы мне так вам кланяться, и даже бросаться на колени! Я не заслужил такого внимания.

Корсаков, конечно, был в ярости. Он просто вывалился из шубы, и смешно стоял на коленях, не в силах пока подняться. Живот мешал.

– Ну, право, господин исправник Корсаков, мне как-то неудобно перед вами. Ну, встаньте с колен. Я не заслужил вашего внимания. А что люди скажут, если узнают, что вы передо мной стояли на коленях? Ну, вставайте же. Зачем вы так передо мной унижаетесь? Мне как-то даже неудобно. Я понимаю, что вы великий грешник. Я ведь не священник, чтобы вам отпускать ваши грехи. Не стесняйтесь и не скромничайте, покайтесь в ваших грехах по взяткам.

Всё это время исправник Корсаков пока выпутывался из шубы, пока стоял на коленях, пока сопел, кричал и скрипел зубами, чтобы встать, Александр Николаевич и говорил эти слова.

Наконец-то исправник Корсаков встал. Лицо его надулось от напряжения, и приобрело цвет спелого помидора.

– Я тебе покажу колени? Смеяться надо мной? Понастроил тут чёрт знает что! Кто я? Грешник? Перед тобой, сукин сын стоять на коленях? Отчитываться перед тобой, свянячий огрызок!? Я тебе покажу грешник? Это я грешник?! Да я тебя, сучий потрох, в каземате сгною! Я тебя так законопачу, что никакова тебе продыху не будет. Мы уже в Киренске говорили на такое тебе наказание. Вот Иркутск даст предписание, и мы тебя, как миленького законопатим. Дай тока срок. Мы тебе устроим, как смеяться над государственным служащим. А вот ишо чо. Кто тебе дал такое право быть на могиле преступника? Я уже дал распоряжение, чтобы молодого другова преступника по фамилии Горбунов засадить в тюрьму. Сейчас он уже арестован. И потом, я тебе так покаюсь. Ишь, каяться перед ним захотел! Мне перед тобой стесняться? Мне время нет стесняться. Весь в работе и весь в заботах!

– Отпустите этого человека! – повысил голос Радищев. – Вместо него меня туда определите.

– И определим! – завизжал исправник Корсаков, и затопал ногами. – Пока на тебя такого права у нас нет. Вот ужo придет такая бумага, и мы, как миленького тебя туда законопатим.

– Горбунов ничего плохого не сделал. Он пришел, чтобы похоронить своего друга, – ответил Радищев.

– Некаво было туда ходить. Спятил парень, туда ему и рога. И этот спятит. Все бы вы так вот спятили бы, да перевешались бы, и всем нам было бы спокойнее жить. Предписание мы такое дали местным полицейским и сержанту Воробьеву, чтобы ты со двора ни шагу. Вот и охраняй свою кубышку. Не делишься с умными людьми, вот и сиди здесь во дворе.

– Нет у меня денег на всех вас! – повысил голос Александр Николаевич.

– На всех не надо. Я есть над тобой начальник.

– Господин Деев тоже требовал открыть кубышку!

– Я выше его по должности. Мне можно. И сразу тебе легче станет. Поделись. Облегчи душу. Стыда у тебя нет.

– Это у вас стыда нет, господа начальники взятку просите у человека, у которого ничего нет.

Всё это время Елизавета Васильевна стояла в зале. Там находились и все слуги. Они всё слышали.

– Ничего нет? Как не стыдно так врать! Каждый дворянин имеет тысячи рубчиков за душой.

– Господин Корсаков, я думаю, что вы тоже не из бедных. А может вы богаче другого дворянина. Нехорошо жить на взятках. Признайтесь, облегчите душу.

Исправник Корсаков опять весь напрягся.

– Да я тебя, сукин сын замордую! Деньги мои задумал считать? Это я-то богаче дворян? Да все оне в деньгах купаются, кубышки все ломаются. Я взятки, сучий потрох, не беру. Мне подносят умные и догадливые господа ради уважения ко мне. А ты вот ломаешься, кочевряжисся. Ну, смотри у меня! Я тебя предупредил.

Он схватил шубу, бросил её через плечо и вышел вон.

– Господи, до каких пор они будут измываться? - подала голос Елизавета Васильевна, выйдя к мужу в коридор.

– Лиза, надо терпеть, только терпеть.

Они вошли в зал. Там все слуги сгрудились, и в лицах их был испуг. Они боялись за хозяина. А вдруг его бросят в тюрьму, и тогда что будет с ними со всеми? Конечно, они не бросят Елизавету Васильевну с детьми. Ведь они все добровольно поехали с ними в Сибирь. И надо сказать, что это тоже мужественные люди. Как говорится, образец для подражания.

Через месяц приехал из Киренска представитель Киренской думы господин Деев. Он погулял у Неуспокоева, а в это время из других деревень ему привезли дары, в виде соболиных и беличьих шкурок. Конечно, это сделали купчишки. Крестьяне и казаки такие дары не приносили этим господам. Бедных крестьян и казаков обманывали, или просто изымали, как за долги.

И вот этот Деев снова решил наведаться к непокорному ссыльному Радищеву. А вдруг передумал, и откроит полную дёнег кубышку.

Александр Николаевич в это время убирал деревянной лопатой снег во дворе. Деев вылез из кибитки, подошел к пряслам, и стал смотреть, как Радищев работал лопатой. Деева это не сильно удивило. Он знал, что Радищев многое, что делает вместо слуг. Но сказать что-то надо было.

– Диву даюсь вам, Александр Николаевич, – сказал он. Деев решил немного изменить свой прежний тон. Попробовать подойти к этому человеку с другой стороны. Грубость и хамство не помогли, хотя при такой должности без этих полезных действий ну просто невозможно жить. При такой должности хамство занимает законное второе место, а на первом месте, конечно, воровство и взятки. А как же иначе? Должность обязывает. Вот с этим Радищевым бы не сорваться на грубость. Надо терпеть. А Дееву так хотелось нахамить этому ссыльному, что он едва сдерживался. На какое-то время Деев даже зауважал себя. А вот расслабляться не стоит. Надо не забыть напомнить ссыльному про кубышку.

– Чему же вы диву дались? – спросил Радищев.

– Сами всё делаете. У вас столько слуг. Могли бы и они снег убрать.

– Труд полезен для человека. Погода отменная. Тепло. Снег идет. Дышится легко и свободно. Хотел на лыжах в тайгу сходить, но нет разрешения от самого губернатора.

Деев засмеялся.

– Всё шутите? При чем здесь губернатор? Я буду настаивать, чтобы вам дали разрешение ходить в тайгу на лыжах. Надо проявлять заботу к ближнему. Иметь сострадание к ближнему.

Сказал он это, и даже удивился новым для него словам. Где-то он эти слова слышал, или читал. Да это и неважно. Как он понял, что эти слова понравились Радищеву. Не угадал Деев. Просто Александр Николаевич удивился тому, что Деев в своей голове в глубинах своего мозга нашел незнакомые ему слова. Конечно, можно удивиться. Надолго ли? Александр Николаевич понял такую перемену Деева. На долго ли его хватит играть в

сострадание к ближнему? Александру Николаевичу стало даже немного веселее.

– Вы, господин Деев, оказывается, уважительный человек. А я и не знал.

Деев стал надуться и пыхтеть.

– Ну, приходится быть таким. Надо людей, особенно просителей, уважать, и они будут тогда уважать меня. На лыжах вам позволение такое будет.

– А вот господин Корсаков не велел мне ходить на лыжах, - ответил Радищев. От этого разговора с Деевым ему стало не только весело, ему захотелось смеяться. Но, как и Деев, сдерживал рвущийся наружу смех.

– Забудем про Корсакова. Вернемся к нам. Прогулки я тоже разрешу. А вот насчет ваших слуг надо бы вам стать к ним строже. Конечно, вы им хорошо платите, вот они и совсем разбаловались. Балуете вы их, Александр Николаевич, балуете. Если у вас много денег, то не надо бы так баловать своих слуг.

Началось, подумал Радищев, скоро господин Деев станет прежним. Устал он, наверное, играть в скромницу.

– Да я их не балую. Они свободны, делать то, что им нравится.

Деев захихикал, и погрозил пальчиком.

– Ух, и хитрец вы, шалунишка, Александр Николаевич, шалунишка! Денежки, денежки разбаловали ваших слуг. Наверное, много привезли с собой деньжат-то. Вы ведь дворянин, а какой дворянин без денег? У вас и свои деревни были. Это же всё содержать надо. Наверное, ваша кубышка от тыщей рубчиков трещит. Я вот задумал, как и вы, дом построить, деньжат не хватает. Поделились бы своим богатством-то. Открой свою кубышку и сразу легче станет.

– Господин Деев, как вам не стыдно просить у разорившегося дворянина? Я ведь вам уже говорил, что моя кубышка пуста, как и мои карманы.

Деев перестал хихикать, он стал напрягаться. И даже вырвались слова, от которых Радищеву совсем стало весело.

– Тьфу! Надо же! Даже устал. Надо же!

Два человека стояли друг перед другом. Один вдруг неожиданно начал смеяться, а другой в злобе стал топтать снег ботфортами.

– Смеяться?! Смеяться вздумал над государственным чиновником при службе?! Мало, чо опозорил уважаемого в Киренске Корсакова, так он ишо стал и меня позорить своими переученными выкрутасами?! Я тебе, сукин сын, посмеюсь?! Плакать и рыдать будешь.

Радищев успел вставить слова в поучительную речь государственного чиновника.

– Господин Корсаков, даже извинялся передо мной за хамство. Просил прощения за взятки, а вы какую-то кубышку напомнили? Не стыдно? Вы ведь настоящий поборник за сострадание к ближнему своему. Как же так?

– Законопачу! Я тебе покажу сострадание к ближнему! Нет такова право извиняться нам перед государственным преступником!

Он ещё раз плюнул и пошел вон со двора, продолжая кричать и плевать.

Когда господин Деев ушел, выбежала Елизавета Васильевна.

– Александр, ну нельзя же так! Итак, уж нас со всех сторон зажали, теперь ещё хуже будет.

– Лиза, хуже уже некуда, - теперь уже серьезно ответил Александр Николаевич. – Просто было смешно, как он играл в страдающего к ближнему человеку. Просто мне было весело, как он подбирал правильные слова. Устал бедный в подборе оных слов. Он ведь ясно об этом признался. Вот мне и стало смешно. Ну, не выдержал. Смешно ведь было, как он мучился, когда говорил со мной нормально.

– Я и наши слуги всё слышали. Понимали. Им тоже было смешно. А теперь вот не смешно.

– Лиза, всё это смешно и печально. И такие вот Корсаковы и Деевы везде сидят у власти. Разве от такого засилья не печально? Конечно, печально и страшно.

Конечно, Радищев боялся, что его могут бросить в тюрьму. Он есть государственный преступник, ссыльный. Тогда, что будет с его семьей? Всё могло быть. И новый губернатор Иркутска

Нагель мог подписать такой документ, потому что на Радищева шли жалобы. Во всю работали подхалимы и угодники, тем более он окружен ими. Что-то сдерживало его от такого поступка. И это можно было понять. Всё дело было в графе Воронцове. Хотя он и ушел в отставку, но ещё имел силу и вхож во дворец к царице. С ним многие министры ещё советовались, да и сама царица к нему относилась благожелательно. Ведь именно из-за графа Воронцова Радищева не послали на плаху. При губернаторе Пиль Радищеву жилось нормально. Он вольно путешествовал по Илимю, заимел доброе хозяйство. Пиль всячески помогал изгнаннику. И вот он ушел в отставку. Уехал в Петербург. Там он находился в одной из государственных комиссий. Губернатором был назначен Нагель. Это были разные люди. Пиль, видимо, не терпел угодников. К тому же он был другом графа Воронцова. И тот просил Пиля, чтобы хоть как-то облегчить жизнь изгнанника. И это действительно было так. Постоянно шли письма из России, присылали книги и свежие газеты, журналы. Теперь губернатором стал другой человек. На все безобразия по отношению к Радищеву он закрывал глаза. Он прислушивался к окружению людей, которые находились вокруг него. Но принимать жесткие меры к изгнаннику, как требовало от него окружение, он не решался. Граф Воронцов был ещё в силе, в одной из государственных комиссий работал Пиль. Да и сама царица была уже старой и больной. Всё могло с ней случиться. Недалеко от неё находился ещё молодой сын Павел. Ещё неизвестно, как он поведет себя. А вдруг он назло матери простит Радищева? Он сразу уедет в Петербург. А там его встретят его друзья, в том числе граф Воронцов. Что они скажут? Опасно. Сомнут. Самого ещё могут законопатить. Надо было что-то делать с этим бодовым и непослушным изгнанником. Не могли его отправить в Якутск или на Камчатку. А тут вот мучайся. Пока губернатор Нагель мучился и страдал, наступило лето. Собственная жизнь дороже всяких там сплетен и слухов против изгнанника. Он дал предписание, чтобы ссыльный Радищев мог свободно, но в тоже время под присмотром, ходить по горам для научных изысканий.

Видимо, такую бумагу прислали и приказчику Илимска Неуспокоеву. Первым к дому пришел бургомистр Романов Иван Иванович и казначий офицер Новиков.

Александр Николаевич в это время сам огребал картофель. Он, конечно, удивился, что эти два человека, в общем-то, добрые люди, так открыто пришли. Но тревога возникла. Сейчас его отправят в местную тюрьму.

– Александр Николаевич, мы пришли к вам с хорошей новостью, - сообщил Иван Иванович. – На имя Неуспокоева пришло предписание, о вашем свободном перемещении в пределах нашего края.

– Вы теперь, с сегодняшнего дня вольны ездить по Илим, ходить по тайге, лазать в горы, - добавил Новиков.

У Радищева чуть не подкосились ноги. Наконец-то, он может путешествовать. Ему хотелось побывать за деревней Игирма. Там где-то есть медь. Ему надо бы ещё побывать в руднике за деревней Шестакова. Ему хотелось на ветке добраться до истока Илима. Он может там встретиться, как с тунгусами, так и бурятами. Хотя он знал, что буряты любят степи. А там недалеко река Ангара, и на её берегах есть становища бурят.

– Друзья мои, - прошептал он. – Это ли не радость для меня. Я снова свободен, хотя и не свободен полностью. Но я могу хоть что-то делать. Я, как рысак, застоялся в стойле. Мне необходимо движение, простор дел и мыслей. Спасибо вам, друзья мои, за такую добрую весть.

Александр Николаевич, когда ушли Романов и Новиков, быстро пошел во двор, где Елизавета Васильевна и люди занимались каждый своим делом. Он закричал:

– Лиза, наконец-то, я могу путешествовать! Хоть маленькая, но свобода действий!

Все окружили его, и он стал рассказывать о том, что передали ему Романов и Новиков.

– Долго, очень долго думал губернатор Нагель, - сказала Елизавета Васильевна. – Что-то же подтолкнуло его.

Радищев быстро ответил:

– Видимо, Катька болеет. Вот и зашевелился. Ладно, Лиза, мне надо собираться до Игирмы. Надо мне там медь найти.

Ко двору быстро шел Иван Черемных.

Он закричал:

– Все уже наслышаны, Лисандр Николаич. Сняли с вас обузу. Один полицейай сказал мне так, чо Неуспокоев уже вам готовил отменный и отдельный каземат подушнее да посырее. Все знают. Потом апосля сено вам будем косить с песнями да с плясками.

Кто бы мимо не шел, все останавливались и здоровались. Как всегда пришла и бабка Евлашиха. Вот единственная бабка в Илимске, которая в самые трудные дни была всегда в их доме. И чем могла, помогала с детьми, особенно водилась с маленькой дочерью. Евлашиха никого не боялась. Терять ей было нечего. А у всех людей была семья.

– Иван Иннокентьевич, если тебе не трудно, найди, хотя бы одного свободного человека. Мне прямо завтра надо ехать в Игирму. Там меня ждут большие дела.

– А зачем его искать, я завсегда с вами поеду. – Мои-то вместе со мной рыбы уже наловили на копчонку. Картоху, как и ты огребли. С тобой поеду. Гриньку, друга с собой возьму.

– Ну а я с собой возьму Павла. Завтра утречком и отправимся.

– Шестьдесят верст мы быстренько проскочим, – довольный засмеялся Иван.

– А сначала я пойду выручать бывшего студента Горбунова, – сказал Радищев. Он подошел к дому, где жил приказчик Неуспокоев. Радищев увидел, как приказчик за что-то бил по щекам полицейского.

– Иван Григорьевич, – позвал он приказчика. – Мне бы надо с вами поговорить по одному весьма серьезному делу.

– Какое может у тебя дело? Можешь пока гулять свободно. Чо тебе ишо надобно? Не надо нервничать.

– Мне бы хотелось узнать, в чем провинился бывший студент Горбунов?

– Какой он студент! – крикнул Неуспокоев. Он что-то сказал полицейским, и те быстро удалились. – Это не студент, а ссыльный. Ему было предписание, чтобы он не ходил к тебе. Мало ли вы чо там могли учудить! За вами нужен глаз, да глаз.

– Я понимаю вас, Иван Григорьевич, два глаза не уследят сразу за двумя ссыльными. Тут нужно несколько глаз, и то можно проглядеть. Ночью глаза обычно закрываются. И эти негодники ссыльные вдруг надумали устроить государственный переворот? Ну, никак нельзя закрывать глаза.

Неуспокоев немного подумал и сказал:

Чота не пойму насчет глаз. Ты про чо это? Говори не загадка-ми. Чо надо? Говори скорее, У меня дела. Не надо нервничать.

– Щеки погодят. Надо бы отпустить Горбунова. Пришло предписание, чтобы я мог свободно ездить. Ну, коль так, значит, губернатор признал меня более менее свободным, и разрешил путешествовать мне по Илимю. Значит, я ни в чем не виноват. Я могу с вами тогда вести беседу, да и с любым человеком. А коль так, то зачем Горбунова и за что бросили в тюрьму? Ведь и сам Корсаков вел со мной милую и весьма умную и поучительную беседу. Пофилософствовали мы с ним. Вели беседу и с господином Деевым. Давайте тогда и этих господ надо бросить в тюрьму, чтобы много бы они не рассуждали.

Неуспокоев молчал, и только его глаза возвращались и не останавливались. Он соображал плохо после вчерашнего застолья, потому что он не успел ещё опохмелиться. Конечно, тут будешь злым.

Александр Николаевич замолчал. Он дал возможность Неуспокоеву понять, о чем говорил ему ссыльный Радищев. Неуспокоев крепко задумался. Потом тряхнул головой, немного застонал, потер лоб, как бы собирая последние мыслишки. Надо было что-то отвечать.

– Ну, ты это самое и накрутил, мать тебя за ногу! Если переучился, то чо голову морочишь умным людям? Говори яснее. И не надо нервничать. А, Горбунов? Горбунов. Этот ссыльный-то? Пусть убирается ко всем чертям из тюрьмы. Неча хлеб за зря исти. Путь дома сам ест. Чичас распоряджусь.

Неуспокоев подозвал полицейского и приказал выпустить Горбунова. При этом он Радищеву сказал:

– Ладно. Седни я добрый. Да и моли Богу, чо пришло такое предписание нашшот тебя. Горбунова я отпустил. Но пока нет ему такова права ходить к тебе. Разрешат свыше, то пусь ходит.

Опять в горы, да по Илимю поедешь? Жену бы свою пожалел. На сносях ведь ходит. Кого ждете-то?

– Кого Бог пошлет. Для меня дети все есть дети. И разницы в том, кто из них девочка или мальчик разницы для меня нет. Я всех их люблю.

– И букварь заставляешь читать, будь он не ладен твой букварь.

– Они букварь давно прошли. Книги и газеты читают.

Неуспокоен прищурился, и криво улыбнулся.

– Таких переучек готовишь, как ты сам?

– Готовлю, будь я неладен этакий негодник.

Приказчик ощерился в улыбке.

– Вот. Вот видишь, сам признался, чо ты негодник и неладен. Сам. Так чо ты гада детей мучаешь? Сам мучаешься и детей заставляешь мучиться? От такова переучения тока мука будет детям. Брось мучить детей.

– Вот беда, господин приказчик, им нравится мучиться.

Приказчик перестал щериться. Он задумался. Помолчал некоторое время, видимо, обдумывая слова Радищева, и наконец, выдал:

– Не может быть! Если я порю или деру за уши детей, то это им должно нравиться? Как так можно? И меня драли почем зря. А таперича я сам каво надо деру и за уши и волосья таскаю. Должно им ндравиться?! Как так можно? По-твоему, если я давеча бил за дело солдата по щекам, то ему ндравится?! Как так можно?

– Вы умный человек, и ваша умная рука коснулась того солдата, значит, у него ум от вашей руки прибавится. Всего доброго, господин приказчик.

И Александр Николаевич, оставив господина приказчика один на один разгадывать только что высказанные слова переученного ссыльного Радищева, быстро стал от него удаляться. Он просто устал общаться с этим человеком.

Горбунова выпустили из тюрьмы, и тогда Александр Николаевич пошел к своему дому.

Утром Радищев и сын Павел пришли к указанному месту, где было причалено много лодок.

– Вот это нюх у Воробьева! – засмеялся Иван. К ним подошел сержант Воробьев.

– Куда направились, Лисандра Николаич? – спросил Воробьев.

– В Игирму отправились, - ответил Александр Николаевич.

– Пошто туда? Чо там ты потерял? Хотя и прислали такую гугу, но я поставлен и должен следить за тобой.

– Я не возражаю, чтобы вы следили за мной. Плохо то, что вы не войдете в лодку. Она сразу же утонет. Вам бы надо похудеть, и я бы вас взял в горы. Я ведь буду много ходить по тайге.

– Жалко, - с сожалением ответил Воробьев.

– Слушай, Воробьев, отчего вы все такие брюхатые, будто дитя собрались родить? – неожиданно спросил Иван Черемных.

– К нам приезжает Корсаков и Деев. Оба не уступят тебе. Неспокоев тоже такой же. Купчишки брюхатые. Отчего так?

– Посмейся мне, посмейся, - постражал Воробьев, вытирая лицо клетчатым платком.

– Поменьше жрать надо, - вставил мужичок Гринька. - Среди нас никаво нет брюхатых. Все тощие, как голодная щука.

– Это они от забот потолстели, - продолжал смеяться Иван.

– Мужики, всё, хватит смеяться, - сказал Александр Николаевич. – Пора уняться. Поехали. А то, что они такие, ведь и от забот праведных человек может обрюхатиться.

Они останавливались в деревнях. Просто так не могли проскользнуть незаметно. Люди уже ждали их. Самые нетерпеливые крестьяне обнимали его. Сочувствовали. Молили Богу, чтобы ненастные чиновники отпустили его к людям. На всякий случай, Радищев взял свой знаменитый чемоданчик с разными лекарствами и травами. Делал прививки, кому не делал в том году. Почти все жаловались на жуликоватых купчишек, наглых мытарей. И только на третий день они прибыли в деревню Игирма. Их встретили прежний староста Игнат Романов, и священник Даниил Перфильев.

Только взойшло солнце, и Александр Николаевич пошел в тайгу. От геологов, которые здесь бывали, он примерно знал, что где-то здесь находятся залежи меди. Романов назначил проводником опытного охотника с собакой. Несколько раз выходили

к речке Игирма. Но пока они залежи меди не нашли. Романов не знал, что Радищев искал руду. Староста сказал, чтобы он показал сосновые бора, и места брусники. Осенью за этой брусничкой приезжают даже с соседних деревень.

– Всем хватает нашей брусники, - сообщил малоразговорчивый охотник.

Только теперь Александр Николаевич понял, что староста забыл сказать охотнику, что надо Радищеву. Он стал объяснять охотнику, что брусника его не очень волновала. Он осенью приедет за ней, но ему нужны разработки меди.

Охотник в это время сидел на поваленной ветром старой сосне. Он немного помолчал, потом встал и махнул рукой куда-то в сосновый бор.

– Там, однако, есть. Отец мой тоже охотник. Он знал тех людей. Он водил их туда.

И больше он ничего не говорил. Он шел впереди, а за ним пошел и Радищев и его два спутника, Иван Черемных и Гринька.

Потом они подошли к зимовью. Охотник продолжал молчать. Он осмотрел всё внутри домика, и сказал:

– Ночь здесь, однако, будем. Утром пойдём к руде. Скоро придем.

Охотник стал собирать сушняк, и все стали ему помогать.

Ночь провели у костра. Ночь была теплой.

Утром они пошли за охотником. Совсем немного прошли. В небольшом распадке охотник показал старую разработку.

Вырубив кустарник, Александр Николаевич взялся за раскопку. Павел помогал отцу. Вскоре Радищев обнаружил небольшие залежи медной руды. Он набрал несколько кусков и сложил их в котомку. В горне он обработает её, и получит чистую медь.

К вечеру вернулись в Игирму. Тут же пришел Романов.

– Приглашаю гостей в тот дом, в котором вы ночевали. Там мы сгношили стол. Я совсем забыл, что тебе было надобно в нашей тайге. Она нам без надобности. Я думал, что тебе нашу сосну, да бруснику показать. Ноне брусника будет рясной. Приезжайте, Лисандр Николаич за брусничкой-то. На всю зиму наберешь.

Теперь Радищев вез в Илимск медную руду. Он сразу же пошел в кузницу, чтобы обработать руду и получить чистую медь.

– Лиза, какой богатый край! – воскликнул он. – Чего только здесь нет! Не нужны никакие источники на западе, здесь все они есть. А если в оных краях построить лечебницы, многие болезни можно вылечить. К великому сожалению сюда через века цивилизация не доберется.

Доберется сюда цивилизация, Александр Николаевич, только она всё здесь уничтожит, зарует и законопатит. Я, как и многие мои товарищи, и друзья тому свидетели. Я уже об этом подробно описал. О чем мечтал великий Радищев, не сбылось, хотя всё для этого было. Капитализм, как форма правления, давно об этом известно, ни к чему доброму не приведет. Гонка к богатству любой ценой подрывает основы любого государства. В духовном плане ничего не изменилось со времен Радищева. В новостях на телевидении только и видно и слышно, то там, то тут ловят за руку взяточников и воров граждан, занимающих высокие посты. Воруют во всех министерствах, воруют министры, губернаторы и мэры городов и районов. Воруют нагло, и на виду у народа, берут и дают взятки миллионами и миллиардами. И этих воров и взяточников не бросают в тюрьмы, не дают им большие срока. Они находятся под домашним арестом. И если подсчитать, сколько они все скопом наворовали за год, то получатся триллионы рублей. Показывали лица этих воров, они улыбаются. Я видел лицо одной крупной государственной воровки из министерства обороны Васильевой. Она улыбалась, и облизывалась. Почему? Возможно, мало украла. Ей дали домашний арест. Я не пойму, как и друзья мои не могут понять, как она умудрилась попасть на такую ответственную должность в министерство обороны? Она генерал или полковник? За какие тогда отличия она получила такие звания? В горячих точках воевала? Интересно, чтобы сказал великий Радищев, если бы увидел все эти безобразия в нашей капиталистической России. Он тогда перестал бы мечтать о переустройстве той России, в которой он жил. Я иногда думаю, почему он, всё-таки отравился? Загадка. Мечтал написать новую книгу? Возможно. Скорее всего, да. Планировал написать более страшную книгу о Путеше-

ствии. И дети его, и друзья все его современники пишут вроде по-разному. И все удивлялись такому поступку этого великого человека. А коль я взялся написать свою книгу об этом человеке, его судьбе, его поступках, его характере, когда он жил в краю Илимском, то я тоже хочу дать свои, собственные размышления о его поступке уйти из этой жизни. Немного потерпите. Напишу об этом в конце моей книги. И почему я, Стрелов, не имею право думать так, как мне думается? Кто мне запретит? Прожженная, дикая и капиталистическая система обреченная людьми без чести и совести? Не запретят. Шалите господа. Шалите. Теперь-то я давно, с молодости знаю, что ничего не изменилось со дня смерти великого Радищева. И никогда вряд ли изменится, если всё это обреченное общество, в основном состоящее из людей бес чести и совести не накажет суд Божий. И, возможно, Александр Николаевич, понял, что это общество таких людей, не изменить даже в далеком будущем. Подождите. Я обещал, что напишу о его решении в конце книги. Потерпите даже самые нетерпеливые и беспардонные господа. Потерпите.

В кузнице он получил чистую медь.

– Что же ещё таит в себе эта земля? – сам у себя спросил Александр Николаевич.

У раскрытой двери в кузницу стоял бывший студент Иван Горбунов.

– Спасибо вам, Александр Николаевич. Вы меня вытащили из тюрьмы.

– Тебе там делать было нечего, вот и отпустил тебя Неуспокоев.

– Мне передали, что это вы постарались. Медь получили?

– Медь. Насколько мне известно, что ещё в древности, чистой медью лечились люди. Надо медь прикладывать к больному месту, и боль проходит, если, конечно, болезнь не запущена. Некоторые кожные болезни лечили чистой медью.

– Мне не разрешат принимать участие в путешествиях с вами. А теперь вы куда задумали ехать?

– В моих планах много предстоит путешествий. Хочу снова побывать в рудном месте у деревни Шестакова. Ещё добыть не-

много серебра. Хочу, как можно дальше пройти по истоку Илима.

– Вот бы мне с вами, но не разрешат. Вы ученый. Вам дают такое предписание для исследований. А я кто? Просто бывший студент.

– Попробую что-нибудь сделать для тебя. Да и будешь мне хорошим помощником. Буду говорить, чтобы мне дали помощника в моих изысканиях. Сейчас я из этой меди сделаю в виде браслетов. А ты мне поможешь.

– А зачем браслеты?

– Они многое, что могут сделать полезного. Предупреждают ревматизм рук, снимают усталость. Ещё много, что не изученного есть в этом металле. Я во всем люблю делать эксперименты. И с этим металлом надо попробовать. А вдруг поможет?

Александр Николаевич и Горбунов приступили к работе над металлом.

Елизавета Васильевна ждала нового ребенка. Это будет третий ребенок в ссылке. А у самого Радищева родится седьмое дитя. Конечно, не одна же она оставалась в доме. Рядом с ней были две домработницы Василиса и Марьяна. Часто приходила и бабушка Евлампия Кузьминична. Она стала в доме Радищевых, как член семьи.

Радищев готовился к дальнему путешествию вверх по Илиму.

И вот этот день настал. Радищев побывал в устье Илима, и даже обследовал горы на Тунгуске. Теперь ему хотелось проникнуть до истока Илима. До того места, где уже невозможно плыть на лодках. Узнать население того совершенно глухого края. Люди с нижнего и среднего Илима, вплоть до деревень Голиковой и Аталоновой рассказывали, что там такая глухомань, что туда редко кто ходит и ездит. Как там выживают люди непонятно. Правда там тоже есть свои старосты. А вот священники туда идут с большой неохотой. Один раз в лето в эти деревни пробиваются мытари, чтобы взять налоги пушниной. Вот и решил Радищев посетить те глухие места. Там кочуют и тунгусы, возможно, есть и бурятские стойбища.

Выехали рано утром на двух лодках. Радищев, сын Павел, Петр, Иван Черемных, ещё взяли двух работных людей, которых выделил бургомистр Романов. Он сообщил Неуспокоеву, что Радищев решил обследовать глухие места, где проведет научные работы. Поплыли на лодках плоскодонках. В верховьях Илима придется плыть только на таких лодках. Много надо будет идти пешими. Быстрое течение не позволит подниматься по Илимугу. Бывшему студенту Горбунову не разрешили участвовать в этом путешествии.

И вот они в деревне Аталоновой. Дальше начинается верхний Илим.

Деревня Солодкова. В ней было восемь домов. Путешественники причалили к берегу. Наверное, все жители вышли на берег. К ним подошел мужичок в потертой и грязной куртке непонятного покрова.

– Кто таки? С откуда будете? Зачем к нам?

– Мы обыкновенные путешественники, - сказал Радищев. - Нам надо далеко подняться.

– Понятно. Вам надо добраться до деревне Кочергинской. Там и на Ангару, до деревни Подволочной. Достанется вам, господа. Илимка здесь с норомом. Об скалы есть разбиваются водки.

Один из помощников Радищева Кирсан тихо ответил:

– Здесь народ немножко отличатся от наших. Лодку они называют водкой. Вы ишо увидите различие этих людей от наших людей.

– Далеко отсюда другая деревня? – спросил Александр Николаевич.

– Почитай с десяток верст до Лыхинской. Шестовать вам придется.

– На шестах пойдем, - ответил Кирсан.

– И бичевать придется, - ответил другой работник Агафон.

– Всё это мы проходили, - ответил Радищев. – Шивера начнутся?

– Там всё чо надо есь, - махнул рукой Кирсан.

– Я дале не ходил, - ответил Иван Черемных. – Узнать бы чо там?

Решили добраться до другой деревни Лыхинской.

От деревни в ту сторону, куда направились путешественники, все увидели всадника на лошади.

– Собчаты поехал, - ответил Кирсан.

– Ты сам-то, откуда будешь, что всё об этом народе знаешь? – спросил Александр Николаевич.

– Дык, этово, как ево, я из деревни Кочергинской. Там до Ангара рукой подать. Двадцать восемь верст всево-навсево.

– А как в Илимск попал?

– Дык, этова, как ево, нанялся к мытарям проводником. Платили за это, - ответил Кирсан. – В Илимске невесту присмотрел. Оженились. На складах работаю у бургомистра. Живем. Как же.

– И за эту дорогу нам обещали денежек дать, - ответил Агафон. – Как же. Надо, знать надо.

Через пять верст появилась деревня Лыхина. Десять дворов. Здесь уже народ весь вышел встречать путешественников.

Люди не подходили, видимо, боялись.

– Дикий край, - сказал Петр.

– Здесь люди всево боятся, - сообщил Кирсан. – Я вот привык с мытарями ездить, да и в Илимск освоился. Уж ничево и никаво не боюсь.

– Люди добрые, кто у вас староста? – крикнул Радищев. – Не бойтесь нас. Мы ничего вам плохого не сделаем. Нам от вас ничего не надо. Нам просто хочется познакомиться с вами. И мы поплывем дальше.

К Радищеву подошел мужик лет сорока, широкоплечий, суровый на вид.

– Я староста. Чо вам надобно? У нас ничо нет.

– Нам ничего не надо, повторил Александр Николаевич.

В это время Кирсан подошел к людям и стал что-то им объяснять.

– Не надо? – повторил староста. – А чо тада без дела делайте? Разе так можно? Пошто так?

– Моё дело, узнать ваш край, - ответил Радищев. Староста, конечно, не понял этих слов.

– Что узнать? Мы знаем, а тебе, зачем знать? Чудной ты человек. Давайте плывите дальше. Накаво здесь людей смущать. Некаво.

Радищев понял, что здесь люди весьма неприветливые. Надо плыть дальше.

Они собрались плыть дальше, как прибежал Кирсан, и сообщил, что он людям объяснил, что они прогоняют человека, которого с почестями встречают во всех деревнях на среднем и нижнем Илеме. Он, мол, не только ученый, но и доктор.

– Я имя ишо кое чо сказал. Дикари они и упыря таежные.

Путешественники поплыли дальше.

– Нельзя народ раздражать, - сказал Радищев. – Какая деревня далее?

– Наумова, - ответил Кирсан. – Лисандр Николаич. Далее будет трудно идти бечевой. Река здесь быстрая. Замотаемся.

Ночевали у костра. Наутро отправились в путь. Лодки тянули бечевой. На гребнях идти невозможно. Конечно, немного помогли. Но на веслах против быстрого течения не справились бы.

Показалась деревня Наумова на левом берегу Илима. Берег крутой, обрывистый. Радищев насчитал пятнадцать дворов. Наверное, все жители вышли встречать гостей.

– Успели доложить, - засмеялся Кирсан. - Я видел, как парень поскакал на рыжем коне в эту деревню. Всё, сейчас пойдет по всем деревням слух о вас, Лисандр Николаич.

– Вот это я и хотел, - ответил Радищев.

Лодки причалили к берегу. Здесь было несколько лодок, привязанные к кольям. Несколько мужиков спустились с обрыва к путешественникам, и лодки также привязали к кольям. Здесь их было много. Издалека берег казался ершистым.

По одной из тропок путешественники поднялись к деревне. Вперед вышел староста, мужичок юркий, маленький и весь заросший. Радищев отметил, что люди, видимо, занимались огородничеством, грязные и в рваных одеждах. На головах у всех черные от дегтя волосяные сетки. Дневная мошка порой не давала даже нормально дышать. Забивала рот и нос, пробиралась к телу и нещадно кусала. Все путешественники были в таких же

масках. На Илиме без этой странной и вонючей формы невозможно жить.

Староста подошел к Радищеву и представился.

– Лыхин Никола. Староста здесь.

Только сейчас Радищев понял, что кто-то из его родителей был тунгусом. Ещё в Илимске он слышал о верхнем Илиме, южной части Киренского уезда, что в этом диком краю жили тунгусы. И среди местного населения наряду с православием преобладает язычество. Радищеву очень хотелось узнать, как это выражается?

– Из деревни Лыхинной? – спросил Александр Николаевич.

– Здесь родился. И туточки есть Лыхины и в Лыхинной есь Лыхины.

– А где можно у вас остановиться?

– Есь дом. Два дома пустых.

– Молельный дом есть? Священник-то где?

– Он живет в Кочергинской деревне. Редкошь здесь бывает. Деревень много, а он один. А дома молельного у нас нет. Зачем он нам? Тока молится некавда.

– Грамотные люди есть?

– Был, однако один ссыльный. Ребянтю пытался учить. А за чем? Кто будет работать.

– И где тот ссыльный?

– Дык, этова, как ево. Много пил. Помер. Два года, как помер. Зачем нам грамота? Мы люди и без грамоты живем. И ничо.

– Картофель сюда вам привозили. Земляные яблоки у вас есть?

– Зачем оне нам? Мы и так живем без этих яблок.

– И никто из вас не пробовал этого картофеля? Он бы вам заменил хлеб и другие каши.

Лыхин подумал немного, оглянулся на толпу крестьян, которые стояли и молчали, и ответил:

– Зачем пробовать? Не надо нам пробовать.

– В других деревнях пробовали?

– Дык, этова, как ево. Не пробовали, однако.

– Вы, как староста, взяли бы и попробовали.

– Дык, этова, как ево. Тово. Зачем? Никто не пробовал, а чо я буду пробовать?

– Вот вы, как я смотрю, выращиваете хлеб. Так попробуйте посадить в землю клубни картофеля. Весной вам доставят клубни. Попробуйте. Вам картофель понравится.

Лыхин пожал плечами, опять оглянулся на молчаливую толпу.

– С этим всё ясно. У вас тоже прошла болезнь оспа. Надо вам сделать прививку от этой болезни.

Лыхин вроде даже приободрился.

– Это можно. Мы слышали, чо вы добрый дохтор. Это можно. Люди придут в дом. Там уже всё вымыли.

Радищев и его путешественники пошли за старостой. Люди, молча, расступились. Радищев увидел взгляды людей. Они с благоговением смотрели на доктора. В этом диком краю докторов здесь не было. От старосты он ещё узнал, что ни в одной деревне до самой Ангары никто детей не учил и не учит. Поэтому, появление ученого, да ещё доктора, слава о котором докатилось и до этой глуши, всех удивила.

Подошли к назначенному дому. И тут Александр Николаевич увидел два столба. Но столбами их не назовешь.

– Опа! – сказал Петр. – Вот это глушь?!

Это не были столбы. Это были вырезаны из дерева тонкие фигуры людей. На Радищева смотрели вырезанные из дерева головы языческих богов. Он такие фигуры, правда, небольшие видел в чуме у тунгусов. Значит, это правда. Это язычество. Видимо, первые русские поселились здесь среди тунгусов, и постепенно переняли веру тунгусов в деревянных идолов.

Радищев и его команда вошли в дом вслед за старостой. В доме было темно и сыро. Кругом бегали вездесущие тараканы и мыши. От запаха водочного перегара и клопов начало щипать глаза.

– Здеся есть нары. Можете располагаться на них.

В углу дома на деревянной подставе находились две большие иконы. Лиц святых почти не видно от толстого слоя пыли и тенет. Значит, это правда, здесь перемешано две веры. Православие и язычество.

– Я пойду. Народ придет. Ты раз доктор, будешь лечить людей от проклятушей болезни оспы. Много народу у нас поумерало.

Когда он ушел, Павел сказал:

– Здесь невозможно будет спать. Глаза больно. Не могу здесь быть.

И он вышел из дома.

– А у воды ещё хлеще, - ответил Кирсан. – Чуть солнышко сядет, начнут нас заедать комарьё.

За Павлом все вышли на улицу. Решили развести костер. По деревне стлался горький дым. Люди в костры бросали ветки пихты, и конский навоз. Тем самым пытались отогнать мошку. Но это мало помогало.

Местные рыбаки, в виде угощения, принесли свежую рыбу. Ужин получился отменный.

Радищев давно заметил, что на Илиме на людях почти вся одежда пропитана дегтем и потом. А черные сетки, пришитые к черным тряпкам, никогда не стирались. И они становились твердыми. Надевали на голову, как шлем.

Люди шли на прививку.

Павел к отцу подвел двух чумазных мальчишек лет десяти.

– Надо им показать букварь, - сказал Павел.

Радищев стал объяснять мальчишкам значения букв, а по ним, чтобы слагали слова.

К ним подошел, видимо, отец одного из мальчишек.

– Зачем кажешь дьявольские фигурки? Не надо им этого. А ну, пошел отседова! – крикнул он на одного мальчишку, и дал ему под затылок.

– Разве можно так бить ребенка?! – повысил голос Александр Николаевич.

– Пошто не можно? Пошто? Это моё дитя. Я чо хочу, то и делаю. Некаво ему читать.

– Почему? - понизил голос Радищев.

– У нас один священник читает. Он грамотный. Зачем читать? Это одно баловство. Наши деды не читали, и мы не читаем. А детям пошто читать?

– И все-таки, ответьте мне, почему нельзя научить детей читать? Почему?

– Почему, почему, откуда мне знать. Не читать и всё тут. В деревне Кочергинской один ссыльный грамотный хотел школу построить.

– Построил школу?

– Где там. Кто-то поджег её.

– А где этот ссыльный?

– Он старосту избил и одного урядника. Приехали полицейские и увезли куда-то ссыльного-то.

Ночевать решили, всё-таки, в доме на нарах. Ночью Радищев проснулся. Разбудил его резкий запах клопов, а также шуршание, и писк мышей. Зажег свечку. По столу бегали тараканы. Их было до безобразия слишком много. Ещё вечером Александр Николаевич оставил бумагу на столе. Её изучали тараканы и мыши. Он собрал бумаги и сбросил тараканов. Зловредные и неутомимые паразиты не боялись человека. А вот мыши убежали. На столе он видел и клопов. Значит, они есть и на нарах. В доме никого не было. Он вышел на улицу. Вокруг костра сидела вся его команда.

– Ужас, Александр Николаевич, - сказал Петр. – Мы все снимали с себя одежду и вытрясли клопов. На себе поймал двух вшей. Ужас. Как же эти люди живут?

– Это их родина. Они не знают иной жизни. Дети природы. Я обнаружил, что у них есть больные сифилисом, - сообщил Радищев. – Стал им объяснять, как можно вылечиться от этой болезни. Поняли они меня, или нет. Мне неизвестно. Но, что-то должно, всё-таки в их головах остаться. Необходимо, повести борьбу за чистоту тела и одежды.

– А почему мы были там, ниже Илимска, то когда заходили в дом, такого ужаса не было, - сказал Павел.

– И на этот вопрос отвечу. Там уже знали, что мы приезжаем. И эти дома, в которые нас вселят, зимой отменно вымораживали, и скребли и мыли и пол и стены. Всё в доме протравливали пихтой. Летом же там пол и стены пропаривали горячей водой и паром. И вроде было для нас немного нормально. А когда я заходил в их дома, меня одолевал ужас от грязи и вони. Им даже нет времени мыться и стирать свою одежду. Вот откуда появляются вши, и разные заразные болезни. Поймите, это на удивление

дикий, и ещё не опознанный, и совершенно безграмотный угол Российской империи. Катька знала, куда меня загнать. Я почти по всей Сибири проехал, но такого дикого места не встречал, как на Илимe.

– Александр Николаевич, вы будете первый в этих местах на Илимe просветителем. Ведь теперь после вас сюда будут присылать политических ссыльных, - продолжал говорить Петр. – Власти думают, что они сломят дух этих людей. Конечно, нет. Вас не сломили. И вы останетесь для всех политических образцом мужества и стойкости.

– Петр, дорогой мой друг, но ведь и ты, и Василиса и Марьяна, и Степан Дьяконов также будете образцом для подражания. Получив свободу от крепостной зависимости, вы могли бы удалиться в другие места, но вы пошли за мной в Сибирь, обутого в кандалы.

– А ваша жена Елизавета Васильевна также образец для многих женщин, - продолжал говорить Петр. – Это ли не мужественная женщина!

Иван, Кирсан и Агафон молчали. И только открытые рты, вокруг которых метались комары, говорили о том, что они с благоговением слушали разговор умных людей, и ничего не понимали. Но Иван Черемных в Илимске тоже считался среди жителей поумневшим человеком. Он ведь почти постоянно был рядом с Радищевым. Как тут не поумнеешь? И вот он не выдержал. Надо показать Кирсану и Агафону, что он тоже может кое-что выдать.

– А чо, у нас, скажу я вам, мужики, была одна женщина Матрена. Я тада мальчишкой был. Так вот она была очень мужественная баба. Женщина. Силы неимоверной. Как-то напился её мужичок у кабака. И пошла она ево искать. Нашла. А в это самое время два мужика решили у него последние копейки отобрать. Она их взяла за шиворот и лбами треснула. Упали оне, а мужичка своо через плечо и домой айда. Вот это была настоящая мужественная женщина.

С севера подул ветер. И первые крупные капли дождя упали на угли и зашипели.

– Вот тока этова нам не хватало, - сказал Иван Черемных. – Был у нас ишо один случай с одной бабой. Женщиной.

Дождь усилился.

– Хоть как в доме, а здесь нас может славно промочить, - сказал Радищев.

– Пойдемте лучче на сеновал, - предложил Агафон.

Зарывшись в сено, Радищев быстро уснул.

Утром их разбудил староста Лыхин Никола.

– Я вас еле нашел. Чо в доме-то не спали?

– Сам бы попробовал спать, - резко ответил Иван Черемных.

– Понаплодили разной заразы, а умным людям и поспать нельзя.

Радищев вспомнил, когда был в доме Черемных, там грязь и вонь не уступит этому дому. А вот показать себя с хорошей стороны надо бы. Он ведь не просто Ванька Черемных, а друг и помощник во всех делах у самого Радищева Иван Иннокентьевич Черемных.

– Отправляемся в дорогу, - сказал Радищев.

– Побыли бы ишо денька два, - сказал Лыхин. – мы бы прибрались в доме. Откеда нам было знатъё, чо вы так нагряните. В Коченге вас лучче встретят.

– Уже передали? – удивился Александр Николаевич.

– Дык, как же. Вчерась мы отправили в Коченгу кой каво.

Здесь лошадей не дали. Они все в работе. Шел сенокос.

– Мы вам дадим двух хороших ямщиков, - сказал Лыхин.

– Как это понять? – спросил Радищев. – Ямщиков даете, а лошадей не дали.

– Здесь ямщиками называют бурлаков, - ответил Петр. – Я тут уже кое-что освоил в их языке. Зимой они, если у них бывают какие заезжие купчишки или мытари, то они на лошадях возницами трудятся. А летом бывает, и на лошадях бывают возницами, а по реке бурлаками. Это их заработок.

Пришли два молодых крепких мужичка. Они и потянули лодки бечевой. Помогал им Петр. А Кирсан и Агафон были рулевыми.

После полудня показалась за крутым поворотом деревушка Коченга на левом берегу Илима. Здесь сливаются две речки Илим и Коченга.

– Дале начнутся шивера, - доложил ямщик. – Здесь вам пусть дают других ямщиков. Нам домой надо. Сено прибирать на зиму.

– Нам бы не опоздать с сеном, - запечалился Александр Николаевич.

Иван и Петр переглянулись и засмеялись.

– Э, Лисандр Николаич, та уже всё есть. Народ знат чо надо делать. Степан там всё знат. Приедишь в Илимск, а сено уже будет в стогах, - ответил Иван.

– Не знаю просто, что я бы без тебя делал, - сказал Александр Николаевич. Иван надулся, начал пыхтеть, косо поглядывать на Кирсана и Агафона.

– Ну, чо вы, Лисандр Николаич, люди всё могут к вам с добром. Я чо? Я ничо? Главное, надо соображение иметь када и чо косить и убирать.

Их уже встречали. В деревушке было десять домов. Все люди вышли встречать ученого и доктора. Среди них он увидел трех тунгусов. Значит, где-то в тайге стоят чумы тунгусов.

Вперед вышел широкоплечий детина, такой же, как все грязный и обросший.

– Я здесь староста деревни Плетнев Степка.

– Степан, значит? Ну, показывай свои хоромы?

– Ась? – переспросил староста. – Чо тако?

– Дом, который вы отвели для нас. Где он?

– Дом? Дык этова, пойдёмте, однако. Мы всё сделали там чинно.

– Всех тараканов вытравили? – спросил Радищев. – У вас, как я посмотрю, война идет с ними с переменным успехом?

– Ась? Чо тако? Кака война? Мы ни с кем не воюем. Зачем нам война? Мы так далеко живем, чо до нас никакая война не доберется. Пока она будет до нас добираться...

– Эту армию тараканы встретят вместе с мошкой, - хихикнул Павел.

– Ась? Чо так? Тараканов мы вышпарили. А? – сказал он это и вдруг засмеялся. – Понял. Война с тараканами и мошкой? Воюем. А как не воевать? Воюем. Цельная их армия здесь. Воюем. Вышпарили.

Староста привел их к крайнему дому, почти просевшему до окон. Радищев заметил, что в этих деревнях редко можно встретить новый дом. Много древних и обветшалых домов. Возможно, их поставили первые казаки и крестьяне-переселенцы, эти первопроходцы и великие труженики.

В доме было душно. Стоял едкий запах скипидара и ещё чего-то противного до рвоты. От назойливой мошки люди жгли конский навоз. Вот им в дому и пахло. Тараканов, вшей и клопов травили горячей водой и скипидаром. По углам ветки от пихты и полыни.

Путешественники вышли на улицу.

– Может к ночи пройдет эта дрянь, - сказал Петр. – Как же они живут?

Староста молчал.

– Господин Плетнев, пусть люди приходят на прививку.

– Десять лет назад много померло у нас людей. В коростах умирали. А мы вот выжили.

– Значит, выжили самые крепкие, - ответил Радищев. – Детей ведите. Как у вас с грамотой?

– Ась? Какой грамоты? – спросил староста. – Читать чо ли? Мы неграмотны. Зачем нам это? Тока обуза.

– Детей надо учить, - ответил Радищев.

– У меня ребятня учится читать, - вошел в разговор Иван Черемных. - Мой Кенка так читат, залюбуешься. Глядишь, ученым станет. Вот тока бы не переучился. Тада сопсем плохо будет Кенке. А так пусь читат. Глядишь, и я зачну читать.

Он посмотрел на Кирсана и Агафона и добавил:

– Я во всю букварь сам читаю. Уже и до Библии добрался. Как там всё антиресно.

Кирсан и Агафон с уважением смотрели на Ивана. В этот момент они, конечно, ему завидовали. Он вырос на их глазах. Вид его был деловой и хмурый. Даже староста стал смотреть на него с почтением. Иван продолжал разглагольствовать.

– Соизволил себе почитать книгу о растениях и животных. Чудная книга. Там такие картинки, чо всё становится об этих зверушек ясно. Такие оне забавные.

Радищев вспомнил, он недавно дал один журнал сыну Ивана Кеше. Александр Николаевич не уверен, что Иван читал этот журнал. Картинки, конечно, смотрел. А вот букварь Радищева Иван Черемных пока не одолел. И Александр Николаевич не стал прерывать зажигательную речь Черемных. А если честно, то эти речи даже полезны для неграмотных людей. А вдруг что-то в их головах, в отдельных участках мозга, что-то шевельнется. Значит, не понимая полезных действий, даже не ожидая, Иван Черемных будет первым помощником от крестьян по распространению грамотности в деревнях, да и в самом Илимске.

– Молодец, Иван Иннокентьевич, молодец. Ты есть мой главный помощник в таком важном деле, - похвалил Ивана Александр Николаевич.

А Иван от такой похвалы, совсем захмурил. Он солидно откашлялся и ответил:

– Так этово, как ево, стараюсь.

Один за другим шли люди на прививку от оспы. Радищев всех осматривал, но не в доме. И поражался, как люди умудряются так запустить свои тела.

Староста был постоянно рядом с Радищевым. Он спросил:

– Господин Плетнев, у вас ведь есть бани. Разве лень помыться? Это ужасно, как вы запустили ваши тела.

– Ась? Баня? Есь бани.

– Я те по аськаю! – закричал Иван Черемных. – Тебе ученый и умные люди говорят, и вот я тебе говорю, почему не моешься? Вшей поразвели не чище тараканов и мошки! А он ишо и аськает!

– А чо я? Я ничо. Мы так завсегда жили. В бане мы раз в месяц купаемся. А как же.

– Надо каждую субботу париться, чтобы вошей вывести, - назидательно говорил Иван. – Учишь, вас учишь, как правильно жить, и никакова толку нет от вас.

Люди не вмешивались в умные слова Ивана Черемных. Они с почтением смотрели на него, словно он здесь был главным.

Ночь кое-как провели в доме. Несколько раз выходили на свежий воздух. Но ненадолго. Насекомые с новой силой набрасывались на людей. Пусть пахнет горелым конским навозом, скипидаром и полынью, но в доме хоть немного можно поспать.

Утром они сели в лодки. Вся деревня провожала их. Поплыли. Им дали двух ямщиков, а кормчие свои есть, Кирсан и Агафон.

Теперь иногда лодка цеплялась за донные камни. Течение здесь быстрое.

Путешественники увидели деревню Абакшина. Она разместилась по противоположным берегам Илима. В этой деревне было по пять дворов. Ширина реки здесь была не более двадцати метров.

Путешественники причалили к правому берегу. С другого берега люди хватали берестяные лодки и быстро переплыли на правую сторону.

К Радищеву подошел высокий и похожий на жердь мужчина лет сорока, с козлиной бородой.

– Так. Приехали, дорогие гости? Так. Я здесь староста. Лыхин Петруха. Дом мы для вас освободили.

– Как это освободили? – спросил Радищев.

– Мы семью подселили к родным.

– Немедленно семью вернуть в дом. Я смотрю, что у вас есть хороший сеновал. Вот мы там и остановимся. Пусть люди собираются у вон того дома, где мы приметили сеновал.

– Так. Это мой дом.

– Видно, что недавно построил?

– Пять лет, как построил. Тот дом совсем развалился. Када-то давно его первый здесь казак Лыхин построил. Вот он и развалился.

– Как я посмотрю, в ваших деревнях надо будет все дома мента. Как вы только живете в таких развалинах? Кругом такая нетронутая тайга! Как же так, господин Лыхин?

– Так. Этово. Как ево. Всё некавда. То одно, то другое. Будут строить, куда оне денутся? Будут строить. Уже на три дома лес заготовили. Сушат.

Люди стояли тут же и слушали. Молчали.

– А как у вас с грамотой? – спросил Иван Черемных.

– Так. Этова. Если говоришь нашшот предписання от Ки-ренска? Нам читали, и оставили гумагу. А мы никто не умеем читать. Там сказано, чо мы должны сдать копченую рыбу, сдать обделанную шкурку. Там много надо сдать. Сопсем обнаглели. Вы человек вумный. Помогите нам. А тут как-то зимой прикати-ли на санях купчишки. Опоили мужиков, и шкурки забрали.

– Я и сейчас уловил запах водки, - сказал Радищев. – Не пили бы вы до потери сознания, и шкурки бы пошли на обмен. Вам давно надо бы одежду менять, а вы все здесь в тряпье ходите.

– Так вот, - развел руками староста Лыхин. – А водки у нас нет. Мы сами тарасун гоним.

Тарасун это спиртной напиток вроде нашего неочищенного и не отфильтрованного самогона. В основном его делали в восточной Сибири у бурят. Я его сам пил. Ничего хорошего в этом напитке я не нашел, как и в самогоне.

– Ты чо нам голову, староста, морочишь? – возмутился Иван Черемных. – О какой ты здесь гумаге городишь? Тебя спросил ученый человек насчет грамоты, а ты чо здесь болтаешь?

– Так. Не пойму ну никак. Какая грамота? Не пойму.

Тут решил ввязаться Радищев.

– Вы оба друг друга не поняли. Господин Петр Лыхин, как у вас с учебой детей?

– Так. Понял. Учим с малолетства ездить на лошадях.

– Стойте, господин Лыхин. Я не про лошадей говорю. Умеют ли ваши дети читать?

Староста почесал в затылке, потеревил козлиную бородку, немного подумал и ответил:

– Так. Этова, как ево. А зачем? Никавда нас никто и не спрашивал об этом. А зачем? Им и так хорошо. Ваша грамота нам ни к чему. Зачем?

– Дурак! – крикнул Иван. – Полный дурак! Как не учиться? Вот научатся оне читать. Циферки будут знать. Шшытать научатся. Вот тада никакой купчишка вас не омманет.

– Как так? Оне завсегда нас амманывали, - кто-то из мужиков ответил из толпы.

– Правильно, чо амманывали. А если ребетня научится читать и гадать на циферках, не амманут.

– Правильно сказал вам, Иван Иннокентьевич, очень правильно. Если научитесь читать и считать цифры, то вас никакой купчишка не обманет. Вы будите знать сколько, что стоит. Сколько стоит шкурка соболя. Как произвести обмен на ту же одежду. И потом. Бросьте пить эту гадость. Вас и обманывают на этом купчишки.

В толпе возникло шевеление. Возня. Потом возглас женщины:

– Хватит доржать меня, хватит! Я сама тебе дам в глаз! Лисандр Николаич, у меня вопрос.

Из толпы вырвалась растрепанная женщина, довольно ещё молодая.

– Я тоже хочу, чобы мои дети начали читать. Омманывают нас. А еслив мальчишка начал читать, он и шшитать мог бы. Там у тебя есть этот как ево, букварь. Дай нам. И я вместе с ребятишками начала бы учиться шшитать и читать.

– Где тебе, баба, учиться? А за хозяйством кто заглядывать будет? – крикнул какой-то мужик. – Бросай тада хозяйство, Анка!

– На всё время найду. А читать буду! – крикнула молодуха.

– Спасибо тебе Анна, - ответил Александр Николаевич. – Хоть ты поняла пользу от чтения. И ни один купчишка тогда вас не обманет. Я дам вам букварь.

Из большой котомки он вынул свой букварь и передал женщине. Она, словно что-то нежное и хрупкое приняла букварь на вытянутые руки.

– О, какие здесь буквочки с хвостиками! – удивилась она. Из толпы стали подходить люди, и все пытались разглядеть странички букваря.

– Вот какое полезное дело я вам дал, - сказал Радищев. – Ничего я вам плохого не посоветую. У вас появился первый букварь. Теперь мне бы хотелось поговорить насчет картофеля.

– Это чо, яблоки земные? – спросила Анна. Она по-хитрому прищурила глаза и выдала: - А чо? И посажу эту саму яблоку. Вот увидите, чо посажу. И сама исти буду. Ты мне, тока, Лисандра Николаич эту самую яблоку привези. А чо это я не знаю.

– Там в букваре вы о них всё узнаете, - ответил Радищев. – И о картофеле там узнаете. На эту букву я изобразил картофель и рассказал, что это такое. Он может заменить вам даже любую кашу.

Анна первой подошла к Радищеву и с гордостью сказала:

– Чо ты там делаешь от этой проклятущей оспы. Делай мне.

Люди подходили на прививку, Приводили детей.

Ночевали на сеновале. С утра ещё приходили люди с разными вопросами. И на все Радищев отвечал.

В полдень решили поехать до другой деревни. На что староста Лыхин сказал:

– Лучче бы вы сразу отправились до деревни Туны. В Чуриловой вам делать нечево. Там всево четыре дома развалюхи. Народ там злой и всем недоволен.

– Мы не можем их обойти. Надо побывать в этой деревушке Чурилова.

К вечеру они прибыли к деревне. Скорее всего, это не деревня, а заимка. Людей не было видно. Ямщики вытянули лодки. Председатель Лыхин из деревни Абакшиной велел ямщикам помочь протянуть лодки до деревни Кочергинской. Конечный путь по Илимму. Далее, Лыхин, да и другие крестьяне сказали, что дальше Илим совсем омельчал. Где-то там он берет свое начало. Радищев будет у его истока. Да и нет там больше деревень. Есть только зимовья охотников. Далее если есть, какие деревни, то они относятся к Нижне-Удинскому уезду. Кочергинская деревня последняя на пути у Радищева. Там заканчивается Киренский уезд.

Заимка Чурилова. Четыре ветхих дома.

– Здесь делать нечево, - сказал Иван Черемных. - Мне тихонько сказали, чо каво-то отправили до деревни Туна. И тот парень должен объехать мимо деревню Чурилова.

– Это почему же такое неуважение к этому зимовью? - спросил Радищев.

– Здеся живут какие-то все не такие. Они ни с кем не знаютса, - ответил один из ямщиков.

– Надо посмотреть этих людей. Поговорить с ними. Что им не хватает. Хотя чего это я? У них здесь ничего не хватает. Как же они так живут?

Путешественники подошли к домам. Дома провались до окон, перекошены. Перед каждым домом стоят потемневшие от времени языческие столбы.

– Хозяева! – крикнул Радищев. – Гостей встречайте!

Тишина. Даже собак не видно. У крайнего дома паслась корова с большим теленком. Ходили куры. Через заросший густой травой двор пробежал поросенок. Не боясь людей, степенно прошли две большие крысы. На прясле сидела кошка. Она не обращала внимания на крыс. Привыкла, наверное, к их множеству.

Потом Радищев вошел в дом, и быстро вышел. Людей там не было. Зато он увидел там мышей и крыс. Больше он там ничего не видел.

– Господи, как они только здесь живут. Где они все?

Из тайги выехал всадник. Он подъехал к дому, и спрыгнул почти рядом с Радищевым. Снял заскорузлый шлем из волосистой сетки.

– Ну, прямо, как рыцарь в шлеме, - засмеялся Петр.

– Чо вам здесь надобно? – резко спросил он. – Кто таки?

– Мы путешествуем до деревни Кочергинаская, - ответил Радищев.

– Ну и езжайте туда. А чо здесь-то вам делать?

– Кто здесь староста?

Мужик зло засмеялся.

– Ты чо? Какой староста? Зачем он нам нужен? Мы здесь все сами над собой старосты. Нам некавды тут с вами стоять. Все в работе.

– Но вы, же можете и отдохнуть. Мне бы очень хотелось с вами близко познакомиться.

– Чо? С нами знакомится? Ты чо, мужик? Езжайте отседа, а то придут собаки из тайги, разорвут.

– Ты чо здесь Кольша, ерепенишься? – встал перед ним один из ямщиков. - Ты хоть знаешь, кто этот человек? Его все на Или-

ме знают. Это ученый человек и дохтор. Он везде уважаемый человек. Даже в деревне Абакшиной его хорошо приняли.

– А я тут причем? – ответил Кольша. – Не слышали про ниво ни чо. А чо он лечит?

– Может вылечить тебя от хамства, - ответил второй ямщик.

– А я тут причем? Така разе есь болезнь?

– Есь, Кольша, есь. Ты болеешь от хамства, - ответил первый ямщик.

– Скажешь тоже. Нет такой болезни.

– Лисандр Николаич, есь така болезнь? – спросил Кирсан.

– Есь. Конечно, есь. Слово, доброе слово может вылечить.

– Как это? – спросил Кольша.

– Где ваши люди? – спросил Александр Николаевич.

– Оне туточки. За поскотиной едят. А меня вот послали посмотреть, кто это приехал?

– Собаки, где ваши? Они злые? – спросил Агафон.

– Жуть, каки злые. Спасу нет, каки злые. Мы их привязали, чобы на вас не набросились.

Из-за длинного сарая, прогнутого от старости, вышло пятнадцать человек, и шестеро ребятишек. Все в шлемах. И было забавно смотреть на такое шествие. На всех длинные рубахи.

Ребятишки испуганно жались к взрослым. Пока было невозможно отличить мужчин от женщин. Александр представил эту деревню, избушки, внутренность их, увидел этих людей, в глазах которых он увидел недоверчивость и злобу, и ему стало не по себе. Защемило сердце от жалости к этим людям.

– Господи, - только и вымолвил он.

Вперед выступил пожилой мужчина.

– Из Илимска, значит? Кажись, ты дохтур? Ученый человек. Слышали. А чо вдруг к нам-то нагрязнул? Чо тебе надобно от нас? Мы никому не мешаем, ни каво не трогаем. Чо от нас тебе надо?

– Просто я путешествую по Илимю. По всем деревням был, вот и к вам решил заглянуть.

– Поглядел, и хватит. Чо людей смущать? Некаво здесь делать. А чо по деревням-то шастать без дела? Делать нечево, вот и шасташь.

– Дел у меня много. Я есть доктор. Могу вас осмотреть. Прививку от оспы сделать.

Мужик огляделся, почесался, а потом ответил:

– Слышал навроде, чо от оспы лечишь. Поумерали люди-то. Нас таперича мало осталось. Две девки есь свободны, а их из других деревень замуж не хотят брать. Говорят, чо они заразны. Каки есь, таки есь

Мужик ещё подумал, и никто его не перебивал. Потом он сказал:

– А как лечить-то? Чо разе можно?

– Попробовать можно. А теперь нам надо бы готовиться на ночлег. Мы решили ночевать в вашем сеновале. Можно?

Мужик, видимо, смягчился. Он ещё почесался и ответил.

– Так это самое, можно, раз так.

– Хорошо. А завтра с утра я всех вас осмотрю, и сделаю прививку.

Люди разбрелись по домам, а путешественники пошли отдыхать в сарай.

Утром Александр Николаевич стал всех осматривать, и он пришел в ужас. Ему до слез было жалко этих отверженных людей. Все переболели оспой от этого лица у всех корявые. У некоторых он обнаружил туберкулез. У двоих сифилис. Среди них не было здоровых людей. Они осознали, что этот человек ничего плохого им не сделает. Они стали слушаться его. Он велел истопить баню. Заставил всех хорошо пропариться, и помыться. Кое у кого нашлась сменная одежда.

Три девушки были немного корявые, но оказались милостивыми. Болезней у них никаких он не обнаружил.

– Теперь, глядишь, на вас парни будут заглядываться, - улыбнулся он им. В сундуке нашлись даже давно стиранные платья. И Радищев был удивлен, что они их не одевали.

– Как же так, девочки?

Одна из них более смелая ответила:

– Некавды нам в них разгуливать. Сено надо заготавливать. Рожь скосить. Смолотить ево. Не до них.

– А как же парни? - спросил Александр Николаевич. – Годы идут. Как же так? А ваш дед говорит, что на вас никто не смо-

трит. А как на вас таких замарашек смотреть-то? Как я заметил, на вас и наши парни обратили внимание.

Девушка потупилась, и даже умудрилась покраснеть.

– Я ещё с вашим дедом поговорю.

– Он не дед. Он мой отец. Ему навсево сорок два года.

Радищев решил собрать всех жителей и поговорить с ними, чтобы они хоть немного изменили свою затворническую жизнь.

Два дня Радищев потратил на эту деревушку.

Первый ямщик был холостой. Как заметил Александр Николаевич, парень обратил внимание на самую смелую девушку.

На третий день путешественники отправились до деревни Туна. На этот раз все жители деревушки пришли провожать путешественников. А первый ямщик не растерялся. Он о чем-то пошептался с девушкой.

Когда остановились, чтобы отдохнуть, и на костре сварить уху из свежей рыбы, Александр Николаевич спросил у парня:

– К свадьбе будешь готовиться?

– Осенью сыграем свадьбу. Я её вырву из этой грязи. У меня в деревне есть друг Павлик. Познакомлю с другой девой.

Утром они поплыли к деревне Туна. Илим зажат скалами. До скал он немного расширился и помельчал. В некоторых местах камни торчали наружу. А вот, когда они вошли в скальный промежуток, Илим сузился, и воды его стремительно пытались пройти это препятствие. Здесь ямщики работали шестами, а кто свободный, тот помогал грести. Темные воды Илима с яростью бились о скалы. Примерно через сто метров вышли на простор. Зато к берегу вплотную подошла угрюмая тайга. Ямщики причалили к берегу лодки. В реке стояло три медведя.

– От моши спасаются, - сообщил ямщик. Как заметил Радищев, здесь мошку называют мошами, а комаров пискунами.

Медведи плескались, падали на спину, кувыркались, словно играли. Но им было не до игры. Надо было как-то спастись от назойливой мошки.

– Моша и сохатого могут до смерти заесть, - сообщил другой ямщик.

Пришлось ждать, когда медведи ушли. Продолжили плыть, ловко увертываясь от камней.

– Невозможно представить, когда мы будем спускаться по этой свирепой реке, - сказал Радищев.

– У нас кормчие лихие. Проведут, - ответил ямщик.

То и дело на водопой и, и чтобы спастись от мошки, к реке выходили разные животные.

– Сколько же здесь много разного животного мира! – с восхищением сказал Радищев. – А на нижнем и среднем Илиме гораздо меньше.

– Здесь глушь беспросветная, - сообщил Иван Черемных. – Там тоже много всего, но там деревни чаще и люднее. Охотников много. Дикие зверушки уходят вглубь тайги. И все равно всего на всех хватает. Тайга.

Показалась деревня Туна на правом берегу. Причалили. Здесь было десять дворов. Сразу за деревней пашня.

Люди уже встречали их. Но все они словно замерли. Радищев понимал этих людей живущих в столь отдаленном месте, где деревни одна от другой находились на десятки километров друг от друга. Конечно, все они боялись вновь прибывших людей. Иногда в деревни приезжают урядники, мытари, а то и купцы. И всех их надо бояться. Всё-таки, начальство. Могут накричать на них, избить плеткой, отобрать всё лишнее и не лишнее, обмануть, упоить мужиков водкой, и отобрать у него последние шкурки соболя и белки. Они всё могут сделать. Поэтому, все люди на верхнем Илиме народ пугливый и осторожный. Как заметил Радищев, на среднем и нижнем Илиме люди, в основном, не боялись его приезда. И это было понятно. Деревни находились друг от друга на близком расстоянии, и слух о добром докторе быстро разносился по Илиму. Вот по этому люди встречали его с благоговением и радостью. И всё равно и тот народ пугливый и осторожный. И это понятно. По деревням также разъезжали мытари, хитрые купчишки, урядники и полицейские. И всем чего-нибудь надо было. Вот и прятались люди куда попало. Ловчили, хитрили, чтобы только не отдать последнее этим ненасытным приезжим из Илимска и Киренска. Люди на Илиме поверили доброму доктору. Не очень сопротивлялись насчет посадки

картофеля. В некоторых деревнях даже принимали буквари, чтобы учить детей. На верхнем же Илиме всё обстояло сложнее. Здесь никому не верили, и всех боялись. Радищев вспомнил о деревнях на среднем и нижнем Илиме, и ему стало грустно. Сколько же надо десятилетий и сотен лет, чтобы разбудить этот глухой и дикий край. Ему просто было жалко смотреть на всех людей в этих деревнях. В домах грязь, свободно и вольготно в них поселились мыши и крысы. Кишат всюду тараканы, клопы, вши, блохи и другая пакостная нечисть.

– Господи, - прошептал Радищев, когда увидел пугливых людей, сгрудившихся на берегу. Конечно, им не надо было прятаться, потому что им уже сообщили о добром докторе. Но, привычка всего бояться, осталась.

Вперед выступил мужчина с огромной седой бородой.

– Здравствуйте добрые люди, - поздоровался Александр Николаевич.

– Этово, я тово, Сашка Мельников, значит.

– Староста здесь? – спросил Александр Николаевич.

– Этово, я тово, маненько главный. А чо надобно господам?

– Нам ничего не надо. Не беспокойтесь. Мы немного отдохнем и далее отправимся.

– Этово, я тово, чай надо вам. Есь чай таежный.

Чей-то мужской голос из толпы чуть слышно сообщил:

– У нас и тарасун есь.

– Вот этого мы не употребляем и вам не советуем, - ответил Радищев.

– Кто это там про тарасун голосок поднял?! – возмутился Иван Черемных. – Я те покажу тарасун! Здесь умные люди к вам с добром прибыли, а ты им тарасун суешь!

– Успокойся, Иван Иннокентьевич, успокойся. Люди добрые нам бы у вас на одну ночку хотя бы остаться. Мы вас не стесним. У вас есть амбары, сеновалы. Вот мы там и заночуем на свежем воздухе.

– Этово, можно, а чо нельзя-то. Вы дохтур?

– Да, я доктор. Ничего плохого мы вам не сделаем. Нам ничего от вас не надо. От оспы прививку сделаю.

– Букварь дадим, - вставил Иван.

- Что это тако? – спросил Мельников.
- Темнота. Грамоте вас начнем обучать, - засмеялся Иван.
- Мы вам ничево плохова не желам. Зачем нам твой букварь?
- Букварь! – крикнул Иван.

Мельников немного согнулся и отступил на шаг. Крестьяне ещё больше сгрудились. Радищев оглянулся и сказал:

– Иван Иннокентьевич, а ну бросьте кричать. Вы так всех людей перепугаете. Надо с ними тише быть. Они вон, какие пугливые. Тише будьте.

- Нервов на них не хватает, - пробурчал Иван.
- Помните себя, и успокойтесь.

Иван отошел от Радищева. Иван забыл, каким он был, когда познакомился с Радищевым. Обычно человек старается забыть и не вспоминать свои противные грехи. Но, иногда такие грехи надо вспоминать, чтобы не делать новые грехи.

– Давайте так, уважаемый Александр Мельников, не будем бояться нас. И потом, я постараюсь осмотреть каждого человека. Сделаю всем прививку. Ещё раз повторю, мы приехали к вам с добром. Ничего от вас нам не надо.

Люди стали успокаиваться. Мельников сделал навстречу Радищеву целых два шага.

– Придется каждому человеку раздеться. Я думаю, что для этого надо сделать настоящую дымокурню от мошки. А чтобы передо мной явиться в чистоте и аккуратности, то прошу истопить бани. А вот после бани, я и буду вас осматривать.

Люди разошлись по домам. Вскоре над несколькими банями пошел дым. А в это время Александр Николаевич пошел рассматривать дома. Собаки были привязаны. Они неистово лаяли, и рвали землю.

- Здесь и собаки-то дикие, как сами люди, - проворчал Иван.
- Просто мы для них чужие, - ответил Радищев.
- Охотничьи собаки такие не должны быть, - не сдавался Иван. Александр Николаевич давно заметил изменение в Иване Черемных. В разговорах он пытается подражать Радищеву. Порой задумывается, как правильно произнести нужное в разговоре слово. – Охотничьи собаки не должны вот так бросаться

на любовь человека. А эти собаки, какие-то не тока дикие, но и дворовые.

– Вот здесь, Иван, ты прав. В России есть специальная порода. Дворовые псы. Они находятся на охране двора и дома. Таких псов специально разводят. Я думаю так. Возможно, когда-то в этот край привезли таких псов. Вот и пошли от них щенята. Я с тобой согласен. Я видел на Илеме в деревнях охотничьих собак. Они не такие злые, как эти собаки. Кто теперь ответит, почему они такие? Догадки только.

Ходил Александр Николаевич по деревушке и поражался бедности. Ему до слез было жалко этот заброшенный в эти дикие края народ. В дома он не смел, зайти, потому что он знал, что там творится. Зато он видел, что возле каждого дома стоят языческие столбы. Как понял Александр Николаевич, эти языческие боги охраняют дом от беды. И здесь среди людей он видел тунгусов. А, возможно, это и не тунгусы, а только похожие на них. Он знал, что в этих краях, в тайге стоят чумы тунгусов. Вот и ответ, почему крестьяне так похожие на тунгусов.

И все-таки Радищев решился. Он начал заглядывать во все дома, чтобы выбрать дом для приема больных. Такой он дом выбрал. Мельникову сказал, чтобы в нем он будет всех осматривать. Мельников послал в этот дом трех женщин и двух мужчин. Кстати, в этом доме он увидел рядом с почерневшими иконами два языческих божка.

После бани люди по одному шли на прием к доктору. Как и в деревне Чурилова такие же болезни. Александр Николаевич терпел. Дом пропарили, грязь выскоблили, со стен и с икон смахнули тенеты, протравили дымом от конского навоза. А вот божки спрятали. Он не стал им говорить о языческих божках. На это есть священник. Это его работа. Значит, они верят в Бога и в языческих богов. В этом вопросе Радищев не должен вмешиваться. Он сложен, и вряд ли люди его поймут?

Ночевали на сеновале. Утром отправились в путь. Все люди вышли провожать доктора. Просили, чтобы он их не забыл. Мол, к его приезду они приведут дом в должный порядок. Впервые Александр Николаевич подумал, что если его освободят из острога, то он поедет не через Иркутск, а именно по этой дороге,

которая выходит на Ангару. И что здесь самая короткая дорога через Ангару до Тулуна, входящего в Нижне-Удинский уезд.

До деревни Кочергинская 15 верст.

Немного проплыли, как из-за огромной горы, похожей на лежащего медведя медленно выползла туча.

– Быть дождю, - сказал Иван. - Духота стоит, да и мошка совсем озверела.

То и дело на берег выбегали очумевшие от мошки сохатые, олени, и даже волки. Выходили на берег и медведи. От назойливой мошки они ревели и мотали головами. Им было не до путешественников. Попив воды, они с треском и ревом вламывались в чашу.

На берегу, они увидели человека в шкурах.

– Вот это чудо! – воскликнул Иван. – В такую жару и духоту, а он в шкурах.

– Причаливай, - приказал Александр Николаевич. – Возможно, здесь у него есть зимовье. Переждем дождь.

Человек оказался не пугливый. Он, молча, махнул рукой, как бы призывая их следовать за ним. Лодки вытянули подальше на берег, и пошли за человеком.

Вскоре они вышли на небольшую полянку. Посредине её стояло зимовье. Оно выглядело крепким и вместительным. У потухшего костра стояло два небольших котла. Рядом с домиком лежало длинное дерево, заменяющее лавку. От дождя можно было укрыться не только в зимовье, но и под навесом. Здесь же находился стол, лавки. В окне зимовья Радищев увидел не слюду, а стекло. Во всех деревнях была слюда, а здесь в зимовье стекло. Станный человек в мехах.

– Проходите, гости дорогие, - вдруг сказал человек. – Гринька из деревни Чурилова как угорелый пронесся до деревни Кочергинской. Как же оные места посетит сам Радищев Александр Николаевич. А ещё все они не ведают, что это великий гражданин России, автор нашумевшей книги «Путешествие из Петербурга в Москву». Да где им ведомо и знать, про этого гражданина.

– Так кто же вы? Охотник или отшельник? – спросил удивленный такому приему Радищев.

– И то и другое. Вот уже десять лет здесь обитаю. Я ведь сюда молодым попал. Правда, был не один. Нас было трое. Одного медведь задрал, другой не выдержал, и ушел к людям. А там его увезли в Братский острог. А я вот остался. Привык. Забыл представиться. Алексей Иванович Трубецкой. Бывший дворянин, как и вы. Давайте-ка лучше свеженького субчика сибирского похлебаем. Отведаете настоящей сибирской похлебки со свежей картошечкой.

– Как?! – удивился Александр Николаевич. – Где вы её вырастили? Поля-то не видно. Да и как это?

– Очень просто и сложно. Года три тому назад я был в деревне Кочергинской. Я иногда посещаю людские места.

Он говорил, и тем временем развел костер, мужикам поручил сбегать за водой. Из зимовья вынес добрый кусок мяса. Потом принес несколько клубней картофеля. Радищев взял эти клубни, и готов был их расцеловать. А в это время Трубецкой готовил мясо для сибирской похлебки.

– Павлик, – обратился он к Павлу. – За домиком сразу растет лук. Сорви, пожалуйста.

Павел побежал за зимовье, и вскоре принес дикий лук.

– Тут всего чего много. Главное не ленись. У меня ведь в Иркутске живут два сына и бывшая жена.

– Опа! – воскликнул Иван Черемных. – А как же вы здесь-то один?

– Долгая история. Жена отказалась от меня. Давайте приготовим похлебку, а там делать нечего, вот и поговорим.

Туча всё больше напозала на тайгу. Она будто сползла с высококой горы, и надвигалась на полянку. Пока туча напозала, пока ещё падали на землю мелкие капли дождя, сибирская похлебка была готова. В зимовье не вошли. Все сели на лавки вокруг стола. И как по заказу пошел дождь. Сверкнула кривая молния, и грохотнул гром.

Похлебка из свежего мяса с добавлением картофеля, лука, получилась очень вкусной.

Радищев спросил:

– Где же вы взяли картофель?

– Отсюда не видно небольшое поле, где я посадил картофель. Я его огородил, чтобы его не тронули дикие животные. Как она появилась у меня? Очень просто. Лет пять назад я решил проехать до Ангары. В одной из деревень Каменка я и взял картофель на семена. На Илиме картофель не прижилась. Хотя есть один господин Герасимов. Как не странно, он полицейский. Вот он тоже внедрил картофель. По его следу пошел и священник, и даже староста. Вот и всё. Больше на Илиме никто не желает сажать картофель. Почему у них не взял? Да потому что не знал, что эти господа взялись за такие семена. А тут на тебе, сразу трое. И всё. Сейчас вы пытаетесь внедрить её людям. Тяжко вам приходится. А живу я здесь оттого, что мне понравилась вот такая свободная жизнь. Никто меня здесь не трогает. Сам для себя живу.

– А как же вы попали в Сибирь? – спросил Радищев.

– Мои предки жили в Москве и Петербурге. Учился в московском университете. После его окончания я женился. Но меня направили в таможню в Астрахань. Там и родился первенец. Но служба мне не нравилась. На этой службе было много взяточников. Я повел с ними борьбу. Да где там. А тут произошло восстание Пугачева. Тогда я во весь голос сказал, что вот бы сюда пришел Пугачев, да перевешал бы вас, взяточников. Мне это потом напомним. Все бежали от Пугачева, а я с женой и сыном, решил поехать в Киев. Жена была оттуда. Там она и родила второго сына. А вот когда Пугачева поймали, то многих его сторонников казнили, или сослали на Урал и в Сибирь. Вот тогда-то мне и напомнили, будто я сторонник Пугачева. Приговорили к ссылке в Иркутск. И семью мою не пожалели. В Иркутске я стал властям доказывать, что меня не поняли. Надо было повести борьбу против взяточников. А в управлении таможней конторы были свои взяточники. И меня осудили в острог в Братск. Вот тогда жена и отказалась от меня. Пока я находился в тюрьме, за ней стал ухаживать один из богатых офицеров той самой таможни. Из острога я бежал, и вот я поселился здесь. Со мной из острога бежало двое. Я уже о них говорил.

– Да у вас тоже судьба не сладкая, - вздохнул Александр Николаевич.

– Я уже здесь привык. Здесь моя родина.
– Но, вы ведь тоже куда-нибудь ездите?
– Как-то один раз был в деревне Кочергинской, когда ездил на Ангару.

– Я видел у людей языческие божки.

– Ну и что? Своя вера. В деревне Кочергинской, один рыбак мне рассказывал, местный священник ведет борьбу против язычников. Он несколько раз проезжал мимо меня. По своим деревням православие внедряет. Темен народ. Всё ещё продолжают жить с языческими богами.

Дождь не переставал. Возможно, на время перестал греметь гром. А вот дождь продолжал лить.

– Зимой вам здесь тяжело приходится? – спросил Радищев.

– Ничего подобного. У меня в избушке есть ледник. Я его зимой льдом забиваю, накрываю землей. Целая наука, как сделать ледник. Летом всегда у меня есть свежее мясо, сало, разные варенья на сахаре. Есть и погреб для картофеля. Он же у меня под полом. Когда бывают сильные морозы, я подогреваю погреб углями.

– А я не могу без чтения книг, журналов и газет, – ответил Радищев.

– С этим я с вами согласен. Я всё это беру у одного купчишки. Договорился с ним, чтобы он мне доставлял газеты.

– Купчишкам не надо верить, – ответил Иван Черемных.

– Этот меня не сдаст. Я его снабжаю шкурками соболей и белок. Ему меня не выгодно сдавать полиции.

Александр Николаевич разволновался.

– Как? У вас есть свежие газеты? Где они?

– На месте. Они находятся в моей избушке.

Александр Николаевич вскочил.

– Покажите! Мне уже давно никто не шлет газет!

– Пройдемте в избушку, и вы увидите, что я не так плохо здесь устроился.

Радищев сорвался с лавки и устремился в избушку.

Там было темно. Но, Алексей Иванович зажег пузатую лампу с керосином. Зажег три толстые свечи. И в избушке стало светло. На полке с правой стороны лежали аккуратной стопкой газеты.

Александр Николаевич подбежал к полке. Но брал он газеты, будто что-то нежное и хрупкое. Алексей Иванович с удивлением смотрел на этого человека. Он даже сел на лавку, и решил не мешать разбирать газеты. Потом он встал и вышел из зимовья.

– Господа, не будем мешать Александру Николаевичу. Если вы его поймете, то не пойдете туда.

– Он такой. Когда разбирает почту, или что-то пишет, мы никто не входим в его кабинет, - тихо сообщил Павел.

Было ещё светло. Люди разговаривали, рассказывали друг другу разные истории из своей жизни, и жизни знакомых.

Алексей Иванович заварил таежный чай. В туюске, который стоял на полке, был сахар. Под навесом была длинная полка, и на ней стояли берестяные туюса.

– У вас здесь всё так точно устроено, что не в любом доме крестьянина можно такое увидеть, - сказал Петр.

– Я всегда любил порядок.

И тут Иван Черемных задал вопрос.

– А почему вы в такую жару во всем меховом. Вам не жарко?

– Не жарко. Все тунгусы ходят в таких одеждах. И не жарко.

И не так кусает мошка.

Темнело. Развели костер. Сидели вокруг костра и беседовали.

Вышел Радищев.

– Ну, Алексей Иванович, порадовали меня. Несколько газет новых я не читал. Такие глобальные дела проходят в Европе. Хорошо идет торг с Китаем. Нам не нужны войны. Нам надо вести торговлю с другими странами. Дать крестьянину вольную. Пусть свободно трудится на своей земле. Дать ученым заниматься делом для своей страны. Через пятьдесят лет Россию не узнать.

Алексей Иванович положил руку на плечо Александра Николаевича.

– Эх, дорогой вы наш человечиче, ничему этому не быть. Вы говорите о такой стране, которая может быть только в стране утопии. Взятки и воровство в России не устранить. Русским ученым не дают для России, что-либо делать. Нашим министрам подавай только иностранщину. Не верю в рассвет России.

– Но так нельзя жить! – воскликнул Радищев.

– Вот поэтому я здесь. Я есть созерцатель и только. С природой ужился. Здесь моя вторая родина. Здесь мой родной дом. Здесь есть моя маленькая Россия. Я православный. Соблюдаю все праздники и посты. Что мне ещё надо? Больше ничего.

– Но я не смогу так жить! – воскликнул Александр Николаевич. – Всё равно надо что-то менять в России!

– Что менять? Зачем? Какой смысл?

– Но так жить, как вы живете лично мне не подходит.

– А я только здесь понял, что жить, как я жил мне не подходит. И только здесь, наедине с природой я ощутил себя человеком. Одиночество, вот мой удел.

– Но это страшно, - прошептал Александр Николаевич.

– Отчего же? Мне не страшно. Мне весьма хорошо.

– Да, Алексей Иванович, вы меня удивили.

– А вы, Александр Николаевич меня тоже удивили.

– И в чем выражается это удивление?

Люди сидели, и молчали. Понимали они разговор разных людей или не понимали, было не понятно. Одно они поняли, что эти два человека стали непримиримы друг к другу, и один другому не уступит.

– Вы не успокоились. Вы продолжаете воевать. С кем? С этой системой, прогнившей на угодничестве, воровстве и на взятках? Зря. Вы талантливый человек. Вы можете создать великолепные научные книги. А пойти против системы? Зря. И потом, вы хотите дать что-то светлое этим крестьянам? Темнота свет не любит. Учите их читать? Зачем? Зря. Ничего этим людям не надо. Пусть себе живут в этом захолустном и диком краю. Все они есть дети природы. А вы хотите растормошить этот дикий народ по всему этому Илимю? Зря. Скоро вас освободят. Царица больная. Придет к власти сынок. И езжайте в свою деревню, и пишите научные работы. Пора спать.

– Мы с вами разные люди. А я, какой есть, такой я есть. Никто и ничто меня не изменит. Я в вас разочаровался. Спать.

– А я не разочаровался в вас. Нет. Почему? Потому что я вас не убедил. И когда мы с вами встретились, то я подумал, если начнем вот такой разговор, вы останетесь каким всегда были.

– У меня есть строки. Я сочинил их в дороге в Тобольск. Я только часть прочитаю.

*Ты хочешь знать, кто я? что я? Куда я еду?
Я тот же, что и был и буду весь мой век.
Не скот, не дерево, не раб, но человек!*

– На этом мы с вами спор завершим, Алексей Иванович.

Рано утром они собрались в путь. Дождь перестал, но над рекой стлался серый и холодный туман.

– Александр Николаевич, возьми вот эту меховую куртку из медвежатины. У меня ещё есть. А то простудитесь. Вы необходимы для России. А то, что я вчера говорил, на ваш подвиг я не способен. Не каждому россиянину это под силу. Прощайте.

– Мне, кажется, мы ещё с вами встретимся. Как только меня освободят, то я поеду этой дорогой. Да, Алексей Иванович, я за-был у вас спросить про странного таежного человека. Приходил он к вам?

– Слышал о таком человеке, но он не соизволил посетить мой уголочек. Видимо, я ему неинтересен. А вы видели его?

– Нет. Я просто слышал, что бродит по тайге такой человек. Возможно, я ему тоже неинтересен.

– Вы? Не смешите. В общем, к вечеру вы будете в Кочергинской. Ну, тогда, до скорого.

Ямщики лодки тащили по воде. Иногда она доходила до пояса, а в основном до колен. Выбирали путь, где мельче. Во многих местах камни выходили наружу. Ширина Илима здесь была не больше десяти метров.

Показались поля с рожью. А за ними и деревня Кочергинская. Последняя деревня Киренского уезда. На верхнем Илеме это была самая большая деревня. Здесь Радищев насчитал двадцать дворов.

Наверное, вся деревня вышла на берег встречать доктора и ученого. Причалили к берегу. К Радищеву подошли три человека. Один, видимо, староста, коренастый, чернобородый детина, похожий на тунгуса. Второй был священником, в длинной, чер-

ной рясе, высокий и весьма тощий. А третьим был полицейский в форме и с саблей. Он был уже в годах.

– А этот чо здесь делает? – проворчал Иван.

– Служба, - ответил Радищев. – Тише будь. И этот человек мне весьма интересен. Потом узнаете.

– С приездом к нам, Александр Николаевич, - поклонился ему священник. – Пономарев Дмитрий Сергеевич. В это время он был похож на вопросительный знак. Радищев почему-то сравнил его с этим знаком, и улыбнулся.

Староста сделал один шаг навстречу Радищеву и протянул мозолистую руку. Радищев ощутил эти жесткие мозоли.

– Попов Ивашка. Староста здесь. Дом мы вам приготовили. От всево очистили.

Полицейский прищелкнул каблуками.

– При службе сего места Мефодий Герасимов.

Наверное, было человек около ста.

– У вас, как я увидел, большие поля. Рожь увидел, а пшеницы нет?

– Как нет? - с обидой в голосе ответил староста. – И пшеница есть. У нас здесь земля позволяет. У нас здесь удобное место. Много ровного, не то, что там, в низовьях Илима.

– А картофеля нет? – спросил Александр Николаевич, и взглянул на Герасимова.

Все трое переглянулись.

– Понимаю. Онный ценнейший продукт, который может вам заменить любую кашу, вы не сажаете.

– Да есь у нас здесь человек. Он этот ваш, как ево, картоху, садит. Даже я пробовал. Скусный продукт. И тоже, однако, я увлекся.

– И где же мне оного и мудрого человека увидеть? – спросил Радищев.

– А чо ево видеть. Он здесь. Герасимов. Вот он. Чего его видеть, - сказал староста, и хлопнул полицейского по плечу. – Он у нас садит эту самую картоху. Да и мы стали маненько садить.

Полицейский потупился, и даже не знал, куда девать руки. Радищев протянул ему руку, и крепко пожал дрожащую руку Герасимову.

– Спасибо, тебе друг, спасибо. Вы единственный и первый человек на верхнем Илиме, который оценил оный овощ. Я обязательно посмотрю ваше поле.

– Уже не один он занимается картохой, - ответил священник. – И я начал собирать урожай. Да и Попов Иван увлекся сим продуктом. Ведем пропаганду. Но весьма туго. Народ не понял значение оного овоща.

– Вы ведь священник. Как же вас не слушать, тогда, кого слушать? – возразил Александр Николаевич.

– Так вот, - развел руками Пономарев, а потом и перекрестился.

– Как у вас с грамотой?

– Библию читаю людям в молитвенном доме. А как же. Несу Божие слово в народ.

– Этот народ хоть что-то читает?

– Тяжко приходится. Мефодий Аристархович с увлечением читает. Он даже газеты почитывает.

– Газеты? – переспросил Радищев. – Откуда же берете, Мефодий Аристархович?

– У купчишек знамо, - коротко ответил он.

– Понятно. Мне бы потом хотелось посмотреть ваши газеты.

– И я бы посмотрел, - подал голос Иван Черемных. – Там такие картин... Там много чево мудренова.

– Знамо, покажу, - ответил Мефодий.

– Показывайте ваш дом, да потом мне придется осмотреть людей, да сделать прививки. Наверное, уже слышали про такое.

– Знамо, слышали, - за всех ответил Герасимов.

Люди, молча, расступились.

Путешественников привели в дом. Его нельзя было равнять со всеми домами в деревнях верхнего Илима. Он видел дома и на среднем и нижнем Илиме. И там внутренность домов оставляло печальное зрелище. Хоть чуточку лучше. И это тоже можно было понять. Туда чаще приезжают люди из Илимска, Киренска, Енисейска. А вот верхний Илим редко кто посещает. Если на Нижнем и среднем Илиме люди православные, и хотя они мало верующие, но нет среди них сторонников язычества.

В доме хорошо промыли пол и стены. В углу на полочке стояло две иконы, но не было рядом с ними языческих божков. Иконы блестели, так их вычистили и вымыли. По углам лежали ветки пихты и полыни. И здесь пахло горелым конским навозом.

Все вышли во двор.

– Не пондравилось? – спросил староста.

– Да нет. Что вы. Всё хорошо. После дождя воздух свежий. Легко дышится, – сказал Радищев. Конечно, ему не хотелось обижать старосту.

– А када людям придти можно? – спросил староста.

. Приглашайте сейчас.

– Александр Николаевич, – обратился к Радищеву священник. – Нам уже передали, как вы гоняли людей в баню.

– Извините, Дмитрий Сергеевич, никого я не гонял. Я просто предложил всем людям помыться.

– Я вас понимаю. Все в нашей деревне люди помылись. Там такие есть деревни, и такие там живут люди, что недалеко ушли от пещерного человека, – ответил священник, и перекрестился.

– Бываю я там. Не могу оторвать их от этих деревянных идолов. Ничего не помогает.

– Долго ещё не поможет, – вдруг сообщил малоразговорчивый полицейский.

– Попробовать надо как-то помочь, – сказал Радищев.

Пономарев только развел руками, и снова перекрестился.

– Они шибко долго жили с иноверцами, – ответил староста.

– У меня у самово мать была иноверкой. Апосля и жену взял тунгуску. Хороша была чертовка. Воспитал.

– И как вы её воспитывали? – спросил Александр Николаевич.

– Как воспитывал. Ну, как. Этово. Всяко. Чо там? И кулак ей показывал. При помочи кулака хорошо объяснял про нашу веру. А чо с этой деревяшкой-то? Чо?

Пономарев неистово перекрестился.

– Темнота. Чего с них взять?

– Бил он её, вот и ответ весь, – ответил Мефодий.

– Разве можно так жену бить? – повысил голос Александр Николаевич.

– И некаво бить так свою жену! – крикнул Иван Черемных. После этих слов Петр хихикнул.

– Ты у нас, Мефодий, тока святой шибко. Татарку из Иркутска привез. Всё любуешься ею, - сказал староста.

– Да, люблюсь, - ответил Мефодий. И Радищев увидел, как полицейский покраснел. - Она мне уже двух мальчонков подарила. По хозяйству мне помогают. Не понимаю. Зачем бить жену?

– Вот и я спрашиваю, зачем? – громко спросил Иван.

– Так, этово, все бьют, а я чо? – пожал плечами староста.

– Но, вы ведь староста, и должны пример показывать! А вы что делаете? Разве так можно? - резко спросил Радищев. Петр подошел к нему, потрогал его за плечо, и сказал:

– Люди начинают собираться. Успокойтесь, Александр Николаевич. На Руси всегда так было.

– Но, это, же дикость! – не унимался Радищев.

– Дикость. Но, не нам это устранять. Время не пришло до сознания этих людей, - ответил Петр.

– Есть же вот такие люди, как Мефодий, - затишил голос Радищев.

– А вы? И я никогда не поднимал руку на свою жену. Люди ждут.

Почти до темноты люди шли к Радищеву.

– Люди добрые, - обратился он к остальным. - Приходите завтра. Всех приму. Всем сделаю прививку.

Стало темно. Священник и староста ушли, а вот полицейский Мефодий Герасимов стоял в стороне, и не решался подойти.

Александр Николаевич сам подошел к нему.

– Ведите меня в свой дом. Надо бы мне посмотреть ваши газеты.

Мефодий сразу же засуетился.

– Да, да, пойдёмте.

Он привел Радищева к своему дому. Во дворе прибрано. Собака привязана к будке.

В доме было светло. Радищев сразу обратил внимание на чистоту в доме. Горели толстые свечи. Встретила Радищева довольно красивая и черноокая молодая женщина в новом, зеленом китайском халате. На столе стоял пузатый самовар, горкой

лежали только что испеченные пироги, в глиняных тарелках разные варенья, сахар.

– Моя, Марьянушка всё это сама на стол сгоношила, - радостно сообщил Мефодий.

– А где ваши детишки? – спросил Александр Николаевич, и тут же увидел, как из-за ширмы на русской печке торчали две черные головки.

– Проходите, дорогой гость, - сказала Марьяна, и низко поклонилась.

Пили душистый китайский чай из фарфоровых чашек, ели пироги с мясом.

– У вас даже фарфор есть. Это редкость в наших краях, - сказал Радищев.

– Я не только полицейский, и получаю за службу деньги, я ещё и хороший охотник. У меня Марьянушка не уступит мне в охоте. В этих краях довольно много соболей и белок, да и других зверушек. Я ведь не пью тарасун, как это делают местные мужики. Их обманывают заезжие купчишки. Пьянство среди этих людей стоит на первом месте. И грязь не уступит первому. Фарфор и для Марьянушки наряды в Иркутске с китайцами за соболей взял.

– Вы где-то учились?

– Я с детства много читал. Отец мой служил в библиотеке. Учился среди книг. Духовную гимназию окончил. Мать рано умерла. Умерли и мои два брата от оспы. По бедности отца не мог дальше учиться. На службу пошел. Сдал экзамен на полицейского. Там и встретил мою Марьянушку. Присвоили сержанта. Потом умер отец. Я был весьма грамотный. И меня хотели отправить на курсы, чтобы мне присвоили звание унтер-офицера. А на моё место метил один сержант. Он и донос на меня написал, что я плохо отзывался о нашем начальнике полковнике. У нас ведь любят окружать себя доносчиками и подхалимами. Вот и отправили меня сюда, в этот глухой край. Марьянушка последовала за мной в ссылку. Прижились вот. Дети есть. Хозяйство своё. Не бедствуем.

– Ваша жена мужественная женщина, - похвалил Александр Николаевич. – Это редкость, но бывают такие жены. А теперь показывайте ваши газеты.

На полке лежали не только газеты, но и журналы. И Александр Николаевич начал их смотреть и читать. А чтобы не мешать хозяевам, Радищев попросил, чтобы все газеты и журналы вынести на стол, который стоял под навесом.

Забрезжил рассвет, когда Александр Николаевич закончил чтение.

Он встал, и пошел на берег Илима. Сел на бревно. В воде он даже заметил, как проплыли две рыбины. Ему не спалось. Он был взволнован. В таком глухом краю он нашел вроде неприметного на вид человека, который не только хорошо умеет читать, но весьма начитанный. От полицейского он не ожидал. Значит, и среди низкого военного звания есть вот такие люди.

К нему подошел Мефодий.

– Всё прочитали?

– Кое-что я уже прочитал у одного странного человека.

– Знаю. Отшельник. Трубецкой.

– Извини, Мефодий, как ты к нему относишься?

– Умный мужик, но странный. Не бойтесь, я докладную на него писать не буду. Столько лет он уже здесь живет. Это же настоящая добровольная ссылка. Кто и куда его ссылать? Это же смешно. Он сам себя сослал. Но писать докладную не буду. А остальные здесь люди неграмотные. Они и внимание-то на него не обращают. Живет человек в одиночестве, ну и пусть живет. Этим людям до него нет дела.

– И я тоже так думаю. Пусть себе живет, если ему так нравится жить. Например, я бы не стал так жить. Это не по мне. Мне необходимо общество. Мне нужны люди. Я бы мог сидеть в Илимске, и ждать освобождения. Но я не могу сидеть на месте, да ещё без людей. Вот сейчас мне хочется проехать по пути, по которому шли первые казаки. В устье Илима я был, и вот теперь добрался до его истока. Но не могу. Я уже подумал. Здесь заканчивается Киренский уезд. Надо возвращаться в Илимск. Я не хочу подвергать не только себя опасности, но и мою семью.

– Двадцать восемь верст до Ангары. Это самый короткий путь между Илимом и Ангарой. Здесь и был волок на Илим. Наверное, и назвали деревню на Ангаре Подволошиной. И с Лены возвращались казаки по этому пути.

Радищев возвращался в Илимск. На прощание он сказал Герасимову:

– Мы и так долго задержались. Но, я обязательно пройду этот путь. Мне хочется представить, как шли первые казаки и крестьяне по этой дороге.

Проститься с доктором пришли все люди деревни. Кто что мог, принесли путешественникам. Александр Николаевич отказывался и возмущался такой щедрости этих людей, но Иван Черемных и Петр всё приняли. Иван говорил:

– Хотя вы и начальник над нами, но вот в этом деле мы есть начальники.

Староста назначил двух опытных ямщиков. Они прицепили свои две лодки-берестянки, и путешественники отправились в путь. Вниз по течению было намного сложнее плыть. Если бы ни эти опытные ямщики, то лодки могло бы разбить о скалы, которые порой нависали над рекой. Надо было умело обходить выступающие камни на шиверах. И когда, благодаря мелких речушек, впадающих в Илим, он стал вроде успокаиваться, опытные ямщики покинули путешественников. Остановились у деревни Коченгская. Здесь как раз в Илим впадала речка Коченга. Ширина Илима в этом месте была около двадцати метров.

Пока людей не видно. Мужики развели костер, и решили сварить сибирскую похлебку. Заварили таежный чай.

И тут они увидели, как бежал к ним староста Плетнев Степан.

– Погостили в Кочергинке? Ну и добро.

– А как у вас здесь дела? – строго спросил Иван.

– Ась?

– Чо нового у вас здесь?

– Дела? А, дела? Дык, тово, у меня корова Красуля отелилась. Не во время отелилась. Летось отелилась, чуть ли не в зиму. Отул не доглядел с соседским Борькой.

– Зачем нам твоя Красуля и твой бык Борька? Ты давай нам рассказывай, чо у вас тут есть? – постражал Иван. Радищев только улыбался. Он с удовольствием пил таежный чай с медом, который им подарили в деревне Кочергинской.

– Ась? Чо есь? Борька не мой. Он соседа Гриньки кривога. Чо есь? Ась?

– Ты меня не зли. Тебя умные люди дурака набитова спрашивают, как дела в вашей деревне? Ты ведь староста?

– Как ево. Того, староста, однако. Дела обыкновенные дела.

– Всё с тобой понятно. Ничего новово нет. Ясно. А где люди?

– Кто? Люди? Так, этога, как ево, на сенокосе.

Иван оглянулся, и посмотрел на Радищева, потом опять уперся сердитым взглядом на старосту.

– Вот, Ваня, дает, - прошептал Петр. – Вот кто может быть старостой в Илимске.

– На сенокосе. Ну и што? Умные люди к вам прибыли, а вы здеся «на сенокосе» - передразнил Иван старосту.

– Ась? Не пойму. Чо вам надобно?

Радищев встал.

– Господин Плетнев, сенокос дело доброе. Ну и косите на здоровье. Вашей Красуле и вашему быку Борьке нужно зимой сено. Идите и косите сено. А мы сейчас после чая отправляемся далее.

– Красуля моя, а бык Борька соседа Гриньки косова. Бык Борька не мой, а он Гриньки косова. У нас чичас с ним скандал идет.

– С вашим быком Борькой? – спросил Кирсан.

– Ась? Не мой это бык! – повысил голос староста. – Он Гриньки косова. Раз Борька огулял Красулю, то Гринька требует своо от Борьки телка Зорьку. А причем тут я? Моя Красуля, значит, и Зорька моя.

– Вечный спор, - ответил Александр Николаевич.

Все посмотрели на Радищева. Что он скажет? Иван тоже смотрел на Радищева.

Александр Николаевич сказал:

– Вечный спор двух сторон. Кто виноват? Природа. А если это в стаде произошло? Какой бык виноват? От кого теленок?

Попробуй, разберись. Корова отелилась. Появился теленок. Что дальше? Теленок от матери коровы. То он принадлежит корове. Но ведь не очень ясно, от какого быка принесла корова телка.

– Так чей теленок? – спросил Агафон. – У нас ведь тоже такое бывает.

Староста, открыв рот, внимательно слушал Радищева, и при каждом его слове согласно кивал головой.

– Сложный вопрос. Если, как говорится, поймали на месте преступления этого шалуна быка Борьку Гриньки косова, и шалунью корову Красулю, то здесь пусть сами соседи разбираются. Что здесь скажешь. Природа. Детей надо рожать, да и производить их надо бы. Шалуны бык и корова не виноваты.

– За бутылью тарасуна договорятся, – засмеялся Кирсан. – И у нас такое бывает.

– Ты понял? – строго спросил Иван у старосты.

– Ась? Чо понял?

– Понял ты али нет, чо вам надо делать с Гринькой косым?

– Чо я понял-то? Гринька косой кричит, отдай ему Зорьку.

– Тарасун у тебя есь? – спросил Агафон.

– Дык, этова, знамо есь.

– Вот вам и весь ответ, – махнул рукой Иван.

– Дык, как иво, чо делать-то с Гринькой косым?

– Тарасун пить! – закричал Иван. – Иди к своей шалунье корове. Некаво нас здесь мучить со своим Гринькой косым.

Староста махнул обеими руками и пошел вдоль улицы.

Путешественники сели в лодки и поплыли.

Остановились в деревне Шестаково. Встречать пришло несколько человек. Вперед выступил небольшого роста, худенький и подвижный мужичок.

– Прошка, ты чоли староста? – крикнул Кирсан.

– А кто ж ишо? Я вот. Неделю, как меня выбрали. Тот староста от перепоя тарасуном угорел. Вот таперича я староста. Прошка Шестаков.

– Господи, зачем же вы так эту гадость пьете? – спросил Радищев.

– А куда денешься? Сват ево из Солодковой приехал, да тарасуну привез. Я имя ишо говорил, не пейте эту отраву. Водка у нас

есь. Так не послушались меня. Староста отравился с Андрюхой Перфильевым.

– Как? И Андрюха тово, значит? – ахнул Кирсан.

– Андрюха. Синие оба, чо головешка. А этот сват хоть бы хны. Насобачился, однако, этот проклятуший тарасун пить.

– Как же вы так? Хоть на весь Илим кричи, чтобы не пили водку! – повысил голос Александр Николаевич. – Мало того, что мужики пьют, так и женщины от них не отстают.

– Как так? Водка же есь! – тоже закричал Иван Черемных. – Да и водку бы перестали жрать!

– Ты-то уж помолчал бы, - тихо проворчал Агафон.

– К нам чоли, али как? – спросил Шестаков.

– Отдохнем вот, порыбачим, уху сварим. У костра ночь проведем. А то ведь уже скоро темнеть начнет, - ответил Александр Николаевич.

– А мы мигом рыбки вам наловим, - быстро сказал Шестаков.

– Чичас я быстренько сбегаяю. За деревней наши мужики рыбку имают.

Он побежал туда, где виднелись мужики. Через некоторое время пришло два мужика. Принесли в ведре из бересты рыбу.

– Вот, однако, рыбка словилась. Уху можно сготовить, - сказал Шестаков. Мужики быстро наладили костер. В разных котлах сварили уху, и заварили таежный чай.

Александр Николаевич пригласил старосту и мужиков на уху. Ели копченое мясо с калачами, которые им дали жители деревни Кочергинская. Потом пили чай с медом.

На огонек пришли и другие люди. На оленях приехало несколько тунгусов. Их тоже Радищев угостил чаем. Тунгусам понравился комковой сахар.

Тунгусы развели свой костер, и стали вокруг него ходить. Их движения были похожие на какой-то странный танец. Этот круг из людей был плотным. Каждый тунгус клал свои руки на плечи своих соседей. Они произносили слова

Эхэкай, охокай, эхэкай, охокай.

Эгокой, агакой, эгокай, агакой.

Так они могут эгэкать долго, и, причем на разные голоса. И этот плотный, топчущийся круг медленно движется вокруг костра.

А крестьяне, молча, сидели вокруг своего костра. Танцующий круг, это завораживающее зрелище.

Александр Николаевич встал и пошел к кругу. Его сразу приняли в объятия два тунгуса. И Александр Николаевич тоже стал танцевать, топтаться и выкрикивать эти странные слова.

Все встали, остался сидеть Агафон.

– Садитесь и не мешайте исполнять им этот обряд.

– Но, ведь Александр Николаевич пошел, - сказал Петр..

– Я тоже хочу танцевать, - ответил Павел.

– Нельзя. Чичас объясню. Александр Николаевич для них, как бы святой человек. Он многих тунгусов лечил от оспы. А мы обыкновенные лучи. Русские люди. А он для них святой. Теперь они будут рассказывать в своих стойбищах, как он с ними молился тунгусскому Богу. Для них вот этот танец, молитва Богу, просьба помочь им в их нелегкой жизни кочевого народа.

– Ты откуда, Агафон знаешь? – спросил Петр, и сел на бревно. Все последовали за ним.

– Мать моя тунгуска. Я часто, ишо в детстве бывал в стойбищах.

Танец продолжался долго, и Александр Николаевич не выходил их круга. Наконец, кто-то из тунгусов закричал, и вышел из круга. И он распался.

– Главный этыркэн, старый человек, прокричал славу Богу. Чичас начнется камлание с бубном. Смотрите, шаман идет.

К костру шел человек весь в шурах и в разноцветных лентах. Радищев увидел, что всё лицо его выкрашено в разные цвета. Александр Николаевич пришел к костру и сел на бревно.

– Тяжело пришлось, Александр Николаевич? – спросил Петр..

– Удивительно, что я не чувствовал тяжести, словно мои ноги не топтали землю, а топтались просто в воздухе.

Шаман ударил в бубен. Начал бегать вокруг костра, набрасывался на него, и всё продолжал ударять по бубну. Что-то кричал,

подбрасывал бубен. Потом он упал на землю, и, отбросив бубен, стал кататься и что-то выкрикивать.

– Это он отгоняет злых духов. Призывает добрых духов. Просит хорошей охоты, рыбалки. Просит здоровья людям. Он говорит, что видит недалеко от нас злых людей. Они все странные и все злые. Он отгоняет их. Просит помощи у добрых духов, - переводил Агафон.

И вот шаман затих. Ему поднесли какой-то напиток в глиняной чашке.

– Это кровь от молодого оленя. Его только что зарезали. Кровь дает силы мужчинам. Я тоже такую кровь пил. Нам мальчикам давали пить совсем немного. Кровь нельзя много пить. Её пьют немного. Девочкам и женщинам нельзя пить кровь. Так принято у тунгусов.

Остаток крови он отдал одному мальчику. Тот допил её.

– Этот мальчик будет будущий шаман, - говорил Агафон. – Ещё в детстве выбирают, кому быть в будущем шаманом.

– Сейчас будет тоже интересно, - сообщил Агафон. На землю сели три женщины. Из берестяного ведра они достали мучное тесто, и стали разрывать его на круглые комочки. Пришли ещё две молодые женщины, и тоже взялись за тесто. Долго уминали, потом стали каждый круглый комок прихлопывать. Получились небольшие лепешки. В костре были одни угли. И женщины бросили эти лепешки в костер. Радищева поразило то, что они хватали из огня лепешки, перевертывали их и снова бросали. Старая женщина постоянно что-то говорила. И вот женщины вытащили все лепешки, стряхнули с них угольки, и положили все на широкую доску. Старая женщина и шаман, что-то сказали друг другу, и тогда эта женщина взяла несколько лепешек и поднесла к Радищеву. Что-то сказала.

– Она угощает доброго доктора и его помощников в долгом путешествии по реке Ылэн. Так они называют реку Илим. Не отказывайтесь. Эти лепешки очень вкусные. Александр Николаевич, вы должны принять эти лепешки. Не надо обижать этих людей. Лепешки вы должны сами раздать нам.

Радищев принял лепешки, и все раздал. Когда Александр Николаевич съел всю лепешку, он сказал:

– Такого вкусного хлеба я ещё не пробовал.

Все тунгусы смотрели, как лучи ели лепешки. Агафон перевел слова Радищева. Тунгусы все начали улыбаться, и хлопать в ладоши.

Я, почему остановился на этих лепешках? Когда я жил несколько лет в Якутии, то именно так, как я описал, якуты весьма долго месили тесто. Ещё мы их называли тугие якутские лепешки, поджаренные на костре, как жарят в костре картошку. Вкус невозможно передать. Когда я снова побывал в Якутии в 1978 году, и когда стал рассказывать молодым якутам, как мы ели тугие якутские лепешки, то я понял, что они этот процесс не знают. К сожалению, цивилизация сделала свое дело. Мы стали забывать прошлое. Молодых людей это не интересует. Если для них великий Радищев приехал на стройку по комсомольской путевке. О каких лепешках они будут знать? Разве им интересно, что делал здесь Радищев, как он жил, куда ездил? Если есть весьма грамотные, образованные, начитанные люди, говорят, что дальше деревни Шестаково он не ездил. Даже по его письмам к графу Воронцову он писал, что летом и зимой достигал устья Илима, и побывал в Тунгуске. Он проплыл и проехал Илим от устья его до истока. Он облазил многие здесь горы, изучал породу, природу, сблизился с местными крестьянами и тунгусами. Наблюдал за их жизнью. Лечил их от многих болезней, агитировал сажать картофель, внедрял, как мог грамоту. Во многом на Илеме он был главным первопроходцем. В своей книге я попытался показать его дела, его характер. Всё, что я здесь перечислил, ничего мною не придумано. Это факт. Я только опирался на разные письма. А, то, что я сделал каждый его поступок и факт художественно, тут уж извините, я и назвал свой роман художественно-документальный. Но от факта я не отходил. Есть, конечно, детали, и сценки мною художественно придуманы. Без этого нельзя было создать образ великого гражданина России, каким я его представляю. И это не информушка, не статья, и даже не научный очерк. Ещё на эту тему поговорю с вами, дорогой читатель. Я уже вам говорил, чтобы вы потерпели. А если вы нетерпеливые и беспардонные, то тут уж я не виноват.

Воспитание самого себя тоже, знаете ли, штука сложная. Не читайте, да и всё тут. Что с вас взять?

Шаман подошел к Радищеву. Он увидел рядом узкие, почти невидимые глаза шамана на разрисованном широком лице. Агафон встал рядом, как толмач.

– Шибко тяжело тебе, добрый лучи. Плохо тебе будет. Скоро домой поедешь, далеко, далеко. Там шибко плохо будет. У тебя совсем слабая голова. Сны твои правду говорят. Горькие сны, как настой от полыни. Правду говорит тебе таежный человек. Слушай его. Умай это добрый дух бири Ылэн. Это он говорит о реке Илим.

Шаман, ударяя в бубен, пошел в сторону леса. Все тунгусы последовали за ним. И вскоре скрылись в тайге.

– Что это сказал про таежного человека? – спросил Иван Черемных. Все посмотрели на Радищева.

– Это ведь шаман. Мало ли что он скажет. Что-то слышал про таежного человека, но не встречал. Утром надо отправляться в Илимск.

Ночевали у костра.

Рано утром поплыли. В полдень причалили к берегу Илимска. За время, что не был Александр Николаевич, почты не было.

– Полное забвение, - с печалью в голосе сказал Александр Николаевич.

– Мы тут с детьми занимались, - ответила Елизавета Васильевна. - Восемь ребятишек собралось. Есть смышленные дети.

– Школы нужны здесь, школы, - сказал Александр Николаевич. – Хотя бы две школы открыть. Одну в самом Илимске, а другую в Нижне-Илимской волости. Хотя бы дать детям двухклассное образование. Например, на верхнем Илеме в деревне Кочергинской. Подготовить учителей. В Кочергинской могли бы преподавать сам священник Пономарев и полицейский Мефодий Герасимов. Умница мужик. Ты бы поберегла себя. Скоро ты нам подаришь ещё одного сибиряка.

– Стараюсь, - нежно улыбулась жена.

– Мало я тебе уделяю внимания, - вздохнул Александр Николаевич. – То работаю целыми днями на кузнице, то в лаборатории, то за письменным столом. Уезжаю надолго.

– Александр, ты всё делаешь правильно. Иначе ты жить не сможешь.

В сентябре Елизавета Васильевна родила сына, которому дали имя Афанасий. Теперь у Радищева семь детей. Трое родились в Сибири. Теперь у Елизаветы Васильевны на руках было пять детей.

Радищеву казалось, не хватало суток. Он был весь в делах. На отдых, кроме коротких четырех часов на сон, не оставалось времени.

То, что он задумал, он эту задачу выполнил. Он проехал весь Илим от истока до устья. Он исследовал залежи железной руды, меди, олова, серебра. Побывал даже на месте залежи ртути. Он исследовал воду многих полезных для человека источников, он провел по всем деревням прививку от оспы. Именно Радищев активно занимался на Илеме пропагандой распространения картофеля. Он первым на Илеме научил крестьян сооружать теплицы. Он создал собственный букварь, и по нему учил детей. Можно только представить, сколько составило труда, копировать много букварей, и раздавать их по деревням, чтобы учили детей.

Осень. Скоро выпадет снег. Александр Николаевич взял ружье, и один пошел к ближайшей горе. Миновал распадок. Настоящая золотая осень. Тихо. Под ногами шуршали опавшие листья.

Перешел ручеек, и наткнулся на зимовья. В ней никого не было. Он вышел на свежий воздух, потому что внутри было сыро и холодно. Он сел на бревно, на котором, видимо, всегда сидели охотники. Костер не хотелось разводить. Солнечные лучи ещё хорошо грели.

Из чащи вышел охотник весь в шкурах от оленя. На ногах выше колен меховые сапоги, собранные из разноцветных кусочков оленьей шкуры, подвязанные к поясу ремешками.

– Настоящее ведро установилось, - сказал охотник. Он тоже сел на бревно.

– Добрая погода, - ответил Александр Николаевич. Ружья у охотника не было. В руках кривая березовая палка.

– Через две недели пойдет первый снег.

– А возможно, и больше, - добавил Радищев.
– Народ здесь мудрый.
– Да, хотя и дикий и малограмотный, - вздохнул Радищев.
– Тайга их воспитала.
– Здесь вы правы. Я пришел к выводу, что вот этот край находится на весьма странном месте.

– Почему на странном, Александр Николаевич? – спросил охотник.

– Откуда вы меня знаете?

– А кто вас на Илеме не знает? Ученый, врачеватель, и просто для народа добрый человек. Да, народ этот дикий, пугливый, скрытный, немного хитрый. В глухих местах такой народ везде. Так почему на странном месте, Александр Николаевич?

– Если вы опытный охотник, то должны заметить, что река Илим в его устье, когда он впадает в Ангару, медного цвета. А рядом Ангара, мягкая, и цвет её прозрачный с синеватым оттенком. Это говорит о том, что в Илим впадают ручьи, речки, несущие в себе полезные и вредные элементы. И ещё. Откуда берутся все эти источники? Рождаются они в горах. Мне кажется, что под всеми нами находится одно или несколько озер не только пресной воды, но и с разными элементами. А если соединить их все, то получится настоящее море. Есть здесь и разные целебные грязи. Потому что, там, где есть много источников, там должны быть и целебные грязи. Великое будущее ждет этот край. И если ученые займутся изучением сего края, здесь возникнут свои лечебницы.

Я уже писал об этом. Ещё в восьмидесятые годы прошлого века многие ученые пришли к выводу, что здесь не только много целебных источников, но и разных лечебных грязей. В начале двадцать первого века никого это не интересует. Капиталистический мир на нашей планете, это самая кровожадная акула. Радищев мечтал об уничтожении капитализма. Мечта Радищева не сбылась. А разве я не мечтал о недопущении в нашей стране капитализма? Мечтал. Мечты остались мечтой.

– Александр Николаевич, вы мечтатель. А вдруг ваша мечта останется мечтой? - тихо спросил охотник.

– Печально, - ответил Александр Николаевич. – Но я почему-то верю в доброе будущее нашего народа. Слушайте, а вы хорошо говорите. Вы где жили, учились?

Охотник хмыкнул, и встал.

– Какая разница? Конечно, где-то я учился. Смотрите, какие красавцы идут на водопой. И нас с вами не боятся.

Около десяти оленей спокойно прошли на окраине поляны, и скрылись в тайге.

– Мне тоже в ту сторону, - сказал охотник. – Мы ещё должны встретиться.

И он медленно и уверенно пошел туда, куда скрылись олени. И тоже скрылся в тайге.

А вдруг, это таежный человек, подумал Александр Николаевич. У него возникло такое ощущение, что если он его опять встретит, то не узнает. Он начал думать о его лице. Странно, он не помнил его лица. Неужели это он? Как говорил ему тунгусский шаман о таежном человеке, о духе Илима. Что надо таежному человеку от него? Что он хочет сказать, и не говорит? Если таежный человек появится ещё раз, то он прямо спросит, что ему надо от него?

Александр Николаевич немного ещё походил, и пошел в Илимск.

К нему пришел бургомистр Романов.

– Александр Николаевич, у меня только что был сам Неуспокоев. Что-то опять поменялось в настроении этих людей. Вам не разрешается долго отлучаться из Илимска. Неуспокоев кричал, что вас надо держать взаперти дома и никуда не выпускать. Я ему стал говорить, что вы далеко не ходите, только в научных целях вам необходимо бывать в местных горах и в тайге. Я ему стал объяснять, что для нашего края вы делаете много полезного. Он или не понимает, или не желает понять.

– Понять и не желать понять, это разные понятия, - спокойно ответил Александр Николаевич. Он знал, чувствовал, что должно что-то измениться. Два дня назад мимо него проехал на дрожках приказчик Неуспокоев. Он даже отвернулся. Александр Николаевич намечал путешествие к железорудной горе. Он хотел найти ещё одно место, где когда-то первые рудознатцы до-

бывали руду. Он намечал путешествие к залежам меди, серебра. Делать для людей полезные для здоровья кухонные приборы, браслеты, для женщин бусы. Теперь, когда он побывал во всех деревнях на Илиме, он теперь решил походить по распадкам в поисках полезных источников. Некоторые он уже изучил. Мало. Надо бы все источники отметить, чтобы все люди пользовались природными сокровищами этого таежного и глухого края. Неужели власти Иркутска, Киренска не понимают его стремление делать доброе дело. Значит, не понимают.

– Не надо бы вам со мной встречаться. Опасно, - тихо сказал Александр Николаевич. Елизавета Васильевна уже знала этот тихий голос. В этот момент у её мужа нервы на пределе. Она быстро подошла к мужу, и сказала:

– Там у меня уже чай готов с медом. Проходите, Иван Иванович, проходите. Вы знаете, приходила Евлампия Кузминична, и принесла удивительные лепешки. Она их печет прямо на углях. Мне, кажется, что они вкуснее калачей. Проходите, Иван Иванович.

Бургомистр только махнул рукой, и немного согнувшись, вышел.

Александр Николаевич стал ходить по залу, и, молча, разминать руками, сжимая кулаки.

Все дети находились в детской. С маленьким Афанасием вошла Василиса.

– Александр, я приготовила чай с дикой мятой.

Радищев остановился, подошел к окну.

– Скоро будет снег. Ты не переживай. Тебе не надо нервничать. Всё уладится. Лучше я пойду в кабинет. Надо поработать.

Для Радищева был отдых, когда он работал. Он говорил:

– Для меня лучший отдых, когда я работаю.

Через несколько дней, в дом к Радищевым при военной форме в погонах сержанта ввалился Никола Воробьев.

– О, какой гость к нам пришел! – воскликнула Елизавета Васильевна. – Проходите Николай Андреевич. Мы словно вас ждали. На столе стоит графинчик с малиновой наливкой. Водочка есть. Проходите. Не стесняйтесь.

Воробьев солидно откашлялся. С вожделием посмотрел на стол, даже громко сглотнул слюну. Потом он тряхнул головой, помотал ею, и ответил:

– Не можно. Я на службе. Как ево, этово, тово, понимаешь, нельзя. Я чо пришел-то. Жалобы идут на тебя, господин Радищев. Всё продолжашь дурью маяться? Нехорошо. Умные люди смеются над тобой. Да и злятся тоже. Сами себе голову заморочили, и другим людям морочите головы. Переучились вы. Я уж вам как-то об этом говорил. Вот от этого переучения и угодили сюда. Тока зря гумагу мараете. Взялись бы за ум, как это делают все умные люди, – наставлял сержант Радищева, – да и вылетела бы из вашей головы дурь всяка. Сразу бы поумнели. Я бы всех этих переучек из всей России сюда бы заслал. Вот тока закгвозка, кормить их будет нечем. Ведь всё подчистую сожрут проклятушие переучки. Они бы здесь быстро перестали рассуждать. Вот ишо в чем загвозка. Детей, зачем смущаешь на какую-то грамоту? Зачем? Мне в голову пришла умная мысль нашшот детей.

– Также стали рассуждать? – тихо спросил Александр Николаевич. Елизавета Васильевна подошла к мужу, и положила руку на его плечо.

– Чаво? – спросил Воробьев. – Кто это стал рассуждать?

– Вы, господин Воробьев, вы, – ответил Александр Николаевич. – Если к вам неожиданно пришла мысль, и если вы её пожелали озвучить, то извините меня, вы начали рассуждать. А это нехорошо с вашей стороны.

– Чаво? Не пойму чота. Говори яснее. Кто рассуждает?

– Вы, господин Воробьев.

– Чаво?! – повысил голос сержант. – Я стал рассуждать? Да я никогда не рассуждаю! Ишо не хватало мне рассуждать! У меня одна чичас мысль, не поехал бы ты, куда без мово ведома! На охране я над тобой состою!

– Вот уже у вас две мысли. Значит, вы начали рассуждать.

– Чаво?! – почти кричал сержант. Глаза его округлились и осатанели. Лицо покрылось розовыми пятнами. – Некавды мне с вами рассуждать! У меня одна мысль, чобы ты не сбег.

– А как же дети? У вас возникла мысль насчет детей.

– Каких ишо детей?! – кричал сержант. – Чо ты мне голову морочишь?

– Как я понял, вам пришла умная мысль насчет грамотных детей?

Воробьев немного подумал, и стал успокаиваться.

– Грамотные дети? К чёрту вашу грамоту! А нашшот детей я так разумею. Не грамоте их надо учить. Надо всех детей так воспитывать. Надо их всех водить в острог, в тюрьму, чобы видели этих переученных преступников. Рассказывать детям и показывать этих перучек, вот, мол, вас чо ждет, если вы зачнете учиться. Да ишо не дай Бог, кто из вас переучитса? Сошлют сюда, в острог, да ишо в кандалах. А? Каково? Вот так, господин ссыльный Радищев. И ишо так. Я бы всех этих переучек порол бы по субботам, чобы не умничали и не рассуждали, порол бы, порол порол переученных мерзавцев! Быстро бы все у меня перестали умничать и рассуждать. Но самое страшное то, что ведь и дети зачнут рассуждать! Вот, где страшная загвоздка. Я ведь заметил глаза тех детей, которых ты начал учить грамоте.

– И что вы в них заметили? – тихо спросил Александр Николаевич.

– Как чо? Рассуждения в глазах появилось. Тада я их хватаю за ухо и веду к отцу, чобы выпорол бы свово дитя. Например, Кешке, сыну Ваньки Черемных, я уши крутил, а он, мерзавец эдакий молчит и тока морщитса. Он у меня, этот Ванька Черемных до умничает, на плаху положу и выпорят его за милу душу, да и как следует. А то ведь у тебя научился рассуждать. Умные люди смеются над ним.

Александр Николаевич застонал. Потом спросил:

– Кто это так смеется?

– Иван Григорьевич Неуспокоев смеетса, некоторые полицейские. Да все умные люди смеются над ним. Я нашшот детей, чобы их водить в острог, в тюрьму советовался с господином Неуспокоевым.

– И как он посмотрел на ваше умное предложение?

– Как, как. А вот так. Согласился. Умный человек всегда согласитса. В обчем так, господин Радищев, хватит людям морочить головы. Мне надо идтить. Дела.

Он вышел, не закрыв за собой дверь.

– Вот так, Елизавета, вот так, - простонал Александр Николаевич. – Надо же, детей водить в острог. Вот до чего можно додуматься.

Можно додуматься, Александр Николаевич, можно. В наше время есть ещё такие люди. Есть. Они говорят, что всех детей, особенно, которые в детских домах, надо водить на экскурсию в тюрьмы и на зоны. И чтобы они видели жизнь за колючей проволокой, и вот что ждет каждого из них, если когда-нибудь попадут на зону. С детского сада, мол, надо водить детишек не по музеям, где их ничто не интересует, и ничто не волнует, а в тюрьмы, в набитые уголовниками камеры, в тюрьмы и на зоны. Туда их, туда! Вот это будет настоящее воспитание! Так что, Александр Николаевич, ничего не изменилось. В своей книге, я иногда делаю необходимые отступления. И они тесно связаны во времени. Не ругайте уж меня и не скрепите зубками нетерпеливые и беспардонные господа и товарищи. Пожелаете перебить меня? Шалите, не выйдет. Тут уж меня не перебьете. Но такие люди за такое воспитание и в наше окаянное время есть.

Александр Николаевич быстро успокоился.

– Ты знаешь, Лизонька, а ведь если я начал бы с ним спорить и доказывать, что он и его Неуспокоев и другие весьма умные граждане не правы, я бы проспорил. А нервы? Если с каждым таким Воробьевым и другими умными господами спорить и доказывать, то с моей стороны это было бы чрезвычайной глупостью. Давай-ка, Лизонька напои меня душистым и таежным чаем с медом. Меня ждет мой стол. Надо работать. Вот это главное, что у меня ещё осталось, и которое ещё никто не может законопатить и сослать. Это мои мысли, моя работа.

И опять началось психологическое давление на Радищева. У дома стали часто появляться полицейские. Каждый день проходил мимо ворот сержант Воробьев. Радищеву не разрешалось покидать Илимск. Работа валилась из рук. Писать что-либо он уже не мог. Жизнь ему была в тягость.

– Что будет со мной? – задавал он себе вопрос. А ответа не находил. Хотя он письма писал в Россию, и отправлял через Ир-

кутск, но на них никто не отвечал. Как потом выяснилось, эти письма терялись в бюрократической администрации Иркутска.

А тут как-то в дом Радищевых появился посланник от Киренских чиновников Корсакова и Деева, исправник Обрезков. Худенький, маленький человечек. На его узком лице большие и не мигающие на выкате глаза. За его узенькой спиной стоял огромного роста и широченный в плечах рядовой солдат. Неужели, пришли арестовывать, подумал Александр Николаевич.

– Такс. Вот ты, какой есть государственный преступник? Такс. Я так и думал. Молчать. Я буду говорить. Такс. Мне в управе всё о тебе доложили, - начал речь исправник Обрезков. Голос не по его росту. Такой голос можно услышать в соседней деревне, почему-то так подумал Александр Николаевич. Он спросил:

– Что вам обо мне доложили?

– Не перебивать! Молчать. Вольности много. Народ по всему Илимю встревожили на разные рассуждения. Некаво ему рассуждать, некаво. Пусть землю пахут, хлеб собирают. Пушкину добывают. Добрались уже до детей. Молчать и не перебивать! Грамоте их учите. Им родителям помогать надо, а они рассуждать начали. Такс. Молчать. Если переучились, то и помалкивали бы, постыдились бы умных людей. Такс. Чо ещё? Защитников у тебя боле нет. Всех повывели, как тараканов. Побаловался и хватит. Сиди таперича здесь, и носа не кажи.

– А куда мне надо нос казать? – тихо спросил Александр Николаевич. – Вы человек, видимо, умный, вот и подскажите, куда мне нос надо совать?

Обрезков смотрел на Радищева, и глаза готовые вылезти из орбит. Он соображал, что ему только что сказал Александр Николаевич.

– Такс. Куда и каво казать? Нос казать? Ты чо? Умничаешь? Молчать! Молчать, ссыльный Радищев! Я не давал тебе право говорить! Если обложился весь деньгами, то и нос кверху?

– У меня кубышка пустая, в которую хотели заглянуть господа Корсаков и Деев. Я бы и с вами поделился, но у меня в этой кубышке ничего нет, - ответил Александр Николаевич и развел руки.

Обрезков весь затрясся. Он сжимал кулаки.

– Такс. Обеднел совсем?! Такой дом отгрохал, на какие деньги? Кто тебе поверит? Молчать! Никто не верит, что у тебя кубышка пуста! В управе решается твоя судьба. Некаво так вот вольно жить. В острог, в тюрьму захотел? Молчать! Ждем такова решения, и тада законопатим тебя в темницу! Там тебе место. До конца срока ссылки будешь сидеть в темнице, да на соломе спать! Молчать када я говорю! Молчать!

Солдат стоял, и словно застыл. Но Александр Николаевич увидел сочувствующий взгляд. Он понимал солдата. Служба. Надо было терпеть унижения и оскорбления таких вот Обрезковых.

– Я ишо поговорю с тобой! Я тебе здесь устрою вольную жись! Не сметь учить чужих детей, не сметь!

Он развернулся и наткнулся головой в живот солдата. Этот солдат в гвардию годен, а не служить этому самодуру, подумал Александр Николаевич.

Обрезков закричал:

– А ты чо, как обмен встал! Я вам покажу здесь вольную жись.

Он подпрыгнул и ударил солдата по щеке.

– Не было приказа идти, - ответил солдат.

– Иди! Палок захотел? Я тебе, рядовой Пашков, устрою!

Обрезков побежал со двора, а солдат широкими шагами шел за ним. Пока шел, он два раза оглянулся, и чуть не наткнулся на Обрезкова.

Когда кричал Обрезков, все домашние закрылись в детской комнате.

Вышла из детской комнаты Елизавета Васильевна. Оттуда же вышла и Василиса.

– Я приготовлю чай с медом и мятой, - сказала Василиса и побежала на кухню.

– Когда же они перестанут мучить тебя? – сказала жена, и подошла к мужу.

– Жду неприятностей ещё хуже. Ведь я ссыльный. А с этими людьми они вольны делать, что им вздумается. Теперь у меня нет защитников.

Елизавета Васильевна взяла мужа под руку и повела к столу, чтобы он попил чаю.

– Как дальше жить я и не ведаю, - говорил Александр Николаевич. – Теперь мне совсем запретили выходить со двора. Главное, я чувствую энергию местного народа. Они сочувствуют мне. Но они боятся идти ко мне. У многих есть дети. Что будет с ними, если кого бросят в тюрьму. Я видел лицо бедного и несчастного солдата. Ему в гвардии надо служить, а он на охране этого самодура. Мне, кажется, я видел слезы солдата. Видимо, незавидная судьба у него. И я ничем не могу помочь ему.

– Тебе бы кто помог, - спокойно ответила жена.

– Остается нам одно, терпение и только терпение. Нервы у меня на пределе. Порой просто не хочется жить. Все эти местные чиновники в центре России, были бы никто. А здесь они изображают из себя людей высшего общества.

Александр Николаевичу так хотелось, как бывало встать на лыжи и походить по горам. Как же они будут встречать Новый год. Кто придет к ним? Это его тоже мучило.

Чиновники, один за другим приезжали в Илимск и все грозили ему тюрьмой. Он понимал, что все они ждали от него взятку. Они не верили, что у него нет денег. Например, Корсаков в начале декабря заявился к нему в дом, и с порога закричал:

– Всё кочевряжисся? Не стыдно? Поделится бы с нами, да мы бы и отписали, что ты исправился. В этом году твоя судьба решится. Решают что делать с непослушным ссыльным? Что делать? В тюрьму определяют. А мы можем все исправить.

Кажется, терпение у Александра Николаевича лопнуло! Елизавета Васильевна это заметила. Муж, как никогда затишил голос. Елизавета Васильевна бросилась к мужу.

– Александр, прошу тебя. Только молчи. Только молчи.

Он отстранил жену, и почти шепотом сказал:

– Пошел, взяточник, вон. Если сейчас не уберешься, то мне придется взять тебя за шею и вышвырнуть на мороз. Подленькая твоя душонка.

Корсаков раскрыл рот, и некоторое время молчал. Потом, закричал:

– Чо?! Человека у государственной власти оскорблять?! Ах, ты, негодяй! Ах, ты, мерзавец? Да я тебя законопачу и сгною! Ну, всё с тобой! Всё! Теперь тебя ничо не спасет. Мы такую на тебя докладную напишем, чо до конца срока будешь в кандалах в сыром подвале гнить! Я тебе устрою жись!

Он выкатился из дома. Потом, запутавшись в шубе, упал, еле поднялся, и бежать к своей кибитке.

– Ну вот, кажется, и всё, Лиза. Больше я не в силах выносить оскорбления. Всё. Странно. Удивительное состояние. Произошел взрыв, и вдруг пришло такое вот спокойствие.

Теперь они стали ждать развязки. Александр Николаевич сказал жене:

– Смотрю на все эти лица, мне вспоминаются слова Данте: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Великие строки из «Божественной комедии».

На Радищева навалилась тоска. Уныние сжимало сердце. Жизнь становилась в тягость ему.

Он написал такие строки:

*Скитаться по лесам, в пустынях осужденный,
Претящей властью отовсюду окруженный.
На что мне жить, когда мой век стал бесполезен.
Душа моя во мне, я тот же, что и был!*

Как-то вечером к нему прибежал бургомистр Романов. Радищев ожидал ареста. Но он не думал, что его придет арестовывать Иван Иванович Романов. А тот с порога закричал:

– Александр Николаевич, Александр Николаевич, Елизавета Васильевна спасение пришло!

– Не будут сажать меня в тюрьму? Разрешат хоть за город сходить на лыжах?

– Спасение пришло из Петербурга. Прикатил один офицер из Иркутска, и точно сообщил, что умерла царица Екатерина. Александр Николаевич, вы понимаете, что это значит? Вот увидите, вас совсем освободят. Он уже сообщил, что на престол встал её сын Павел. Вы хоть понимаете, что сейчас будет? Вас освободят! Сынок-то был в постоянном конфликте с матерью. Супротив пойдет новый царь. Он освободит вас и ваших друзей. Ждите

теперь новостей. Поздравляю вас, Александр Николаевич, и вас Елизавета Васильевна. Мы с женой поздравляем вас.

И тут он вдруг запечалился, и сказал:

– Теперь вы скоро уедете. Последний хороший и умный человек покинет Илимск. Ну, что теперь сделаешь. Вам надо на родину.

Романов ушел, А Радищев стал ходить по залу, по комнатам.

– Лиза, это же чрезвычайное событие. Неужели всё кончилось? Как там мой друг Новиков? Его Павел тоже должен освободить из Петропавловской крепости. Я даже представляю, что делает сейчас наш общий друг Воронцов Александр Романович. Он, я уверен, уже у Павла, и просит разрешения покинуть нам сии места. Давай, Лиза, просить Бога, чтобы поскорее всё решилось.

А решилось всё ещё двадцать третьего ноября. Царь Павел на третий день, когда пришел к власти, подписал указ: «Всемиловитейше повелеваем находящегося в Илимске на житье Александра Радищева оттуда освободить, а жить ему в своих деревнях, предписав начальнику губернии, где он пребывание иметь будет, чтобы наблюдаемо было за его поведением и перепискою». Как только Павел пришел к власти, граф Воронцов, находящийся в отставке, попросил князя Александра Андреевича Безбородко ходатайствовать за Радищева и Новикова. Безбородко в то время был членом правительства. Павел приказал Радищева вернуть из ссылки, а Новикова немедленно освободить из Петропавловской крепости.

Теперь Александр Николаевич жил надеждой на освобождение, ещё не зная, что такой указ уже вышел, и его везли в Иркутск.

Смерть Екатерины узнали и чиновники Киренска. Что будет дальше? Пока злопыхатели и закоренелые взяточники отстали от семьи Радищевых. Даже сам Неуспокоев немного успокоился, не стал посылать полицейских и сержанта Воробьева следить за Радищевым.

Часть шестая

1797 Год. Конец ссылке. Великий гражданин России

Когда Радищев получил уведомление об освобождении у некоторых историков разниться. Например, профессор и писатель Б. Евгеньев пишет в своей книге «Радищев»: «В конце декабря Радищев получил уведомление из Иркутска, что ссылка его кончилась». У другого ученого М. Муратова в его книге «Жизнь Радищева» есть такие строки: «В Илимске этот указ был получен лишь во второй половине января». Есть ещё одна книга «Биография А.Н. Радищева». Её издатель академия наук. Там даже указывается конкретный день его освобождения. «18 декабря 1796 года Радищев получил из Иркутска уведомление, что он из ссылки возвращен». Так, когда всё-таки пришло такое уведомление? В своей книге я пытался сохранить точные факты из жизни великого гражданина России, писем, и многих книг ученых и писателей. А если есть мои отступления, а также создания художественных образов многих героев, то от фактов не отходил. И только эти факты художественно оформлял, чтобы показать образ великого гражданина России в краю Илимском. Факты есть факты, но и они у многих ученых и писателей бывают разные. И о Радищеве много написано, и я не задавался целью повторяться. А вот как он жил на Илим, тут уж извините в нашей литературе весьма скромно написано. Это и понятно. Ведь он исследовал Илим от его истока до устья. А представьте, как много на Илим деревень. И эти поездки надо было описать. Тогда надо было представить то время, и путешествие по деревням, встречи с людьми. Документальные работы такие в литературе есть. Меня же заинтересовало другое. Как он жил, что делал, как общался с народом? В художественной форме показать его характер, как ему доставалось от чиновников администрации.

Показать портреты илимских крестьян, старост, священников, и тех, кто по должности должен был следить за ним. На это меня многое подтолкнуло. Прежде всего, он отбывал ссылку у нас, на Илеме. В честь его называли школу его именем. Есть музей имени Радищева. Центральная библиотека носит его имя. Есть и поселок Радищев. К сожалению, особенно молодые граждане, не очень интересуются историей своей малой родины. Я уже писал в этой книге, как один лучший ученик года сказал, что Радищев приехал на стройку по комсомольской путевке. Есть ещё детали, которые меня подтолкнули взяться за эту книгу. Я писал здесь об этом. Когда взялся за работу, то понял, что так мало знаю о деревнях Илима, об ископаемых, полезных источниках. Огромную помощь в моей работе помог ныне покойный мой друг Анатолий Степанович Бубнов. Бывший землеустроитель, краевед, написавший ценнейшую, научную книгу по Илимскому краю «Илимская пашня. Время перемен». Он стал моим главным консультантом по деревням. Когда я работал над книгой «Пашенные крестьяне», то Анатолий Степанович также был моим консультантом. А книга его помогала мне в моей работе. Большую помощь в работе над этими книгами мне также помогала методист и краевед центральной библиотеки Татьяна Афанасьевна Губа. Вот эти два человека и помогли мне справиться с данной работой. Если бы не они, я бы не написал этот роман.

Итак, Александр Николаевич Радищев получил уведомление о своем освобождении.

Радищев с дорогим листом бумаги вбегает в дом с криком:

– Ну, маменька, езжай в Россию! Мы свободны!

Он тут же падает на колени перед иконой. Елизавета Васильевна опустилась на колени рядом с ним. Оба плачут. Прибежали дети, и тоже от радости начали плакать. Собрались все преданные им слуги, пришедшие за хозяевами в ссылку, упали на колени. Плакали все.

– Пожалел нас Господь! – взмолилась Елизавета Васильевна.

– Услышал Он наши молитвы.

– Немедля, завтра же я отправляюсь в Иркутск, - решительно встал Радищев. – Надо всё приготовить в дорогу. Немедля.

А пока, на радостях он садится за стол и пишет:

*Час преблаженный!
День вождеденный!
Мы оставляем,
Мы покидаем
Илимски горы,
Берлоги, норы!*

Как говорится, не мешкая, рано утром Радищев отправился в Иркутск. С ним поехал Петр и двое опытных ямщиков. Их прислал Радищеву бургомистр Романов. В Иркутской администрации без всяких препятствий ему выдали довольно хорошие деньги на дорогу. Губернатор Нагель был ласков с Радищевым. Губернатор понимал, что недолго Радищев будет жить в своей деревне. Он снова будет в высших кругах.

– Не имей зла на меня. Служба, - сказал Нагель. – Отправляю с вами солдата. Такое предписание имею. И не чинить вам никакого зла. Всячески помочь вам.

– Есть у вас здесь в военном гарнизоне солдат Авдей Скоробогатов. Мне бы его.

– К сожалению не могу. При приезде от вас, его отправили на Камчатку. Доложили, чем-то провинился.

– Вы готовы всех кто не так, куда-нибудь отправлять подальше, - ответил Радищев.

– Сами знаете, он был с вами. Сообщили полковнику, его начальнику, что солдат Скоробогатов стал много рассуждать. У солдата есть своё начальство.

– Ну, если так, то есть в Киренске один рядовой солдат Пашков. Мне бы его с собой взять. Да и охранник он будет отменный. Силы он огромной. Он стоит в услужении у киренского исправника Обрезкова.

– Немедленно сообщу, чтобы выделили его к вам. Что ещё вам надобно?

– В Илимске находится студент в ссылке по фамилии Горбунов. Это моя просьба. Если вы здесь не устроите ему освобождение, то я постараюсь это сделать через Петербург. И снабдите его в Даурию. Мечтает туда попасть.

– Всё, всё сделаем. Не надо Петербург. Вы все о других говорите, а лично вам что надобно, то мы всё постараемся сделать.

– Всё, что надо мне, уже сделано. Немедля всё продам и раздам и здравствуй Россия!

– А мне ещё два года здесь служить, - с печалью в голосе сообщил Нагель.

Уже в дверях Александр Николаевич сказал:

– Не теми людьми вы себя окружили.

– А где их взять, таких, как вы?

– Есть такие люди. Есть. Только вы их отправляете в Якутию подальше, или на Камчатку, чтобы много не рассуждали. Вот вам и весь мой ответ.

Александр Николаевич в Иркутске закупил то, что необходимо в дороге, и в конце января отправился в Илимск.

Здесь Елизавета Васильевна уже готовилась к дороге. У академика Шерстобоева Вадима Николаевича, автора двухтомного произведения «Илимская пашня» есть небольшая глава «А.Н. Радищев». Всего две странички. Вот что пишет Шерстобоев: «Документов о пребывании в Илимске политического и революционного мыслителя А.Н. Радищева в илимском и иркутском архивах не сохранилось, если не считать немногих случайных и малозначащих бумаг, рассеянных по разным фондам. Большая часть этих бумаг до начала работ автора над илимскими фондами даже не была описана». Есть бумаги, когда Радищев продал один свой дом за 150 рублей иркутскому купцу Климу Малышеву. Другой дом вместе с хозяйством подарил соседу Якову Прейну. Доверенность он написал на продажу и оформление документа исправнику Корсакову Михаилу Иевлевичу. И ещё, отправка А.Н. Радищева из Илимска на родину отображается тремя документами. Иркутский губернатор Нагель 16 января 1797 г. писал киренскому нижнему земскому суду: «Находящейся в Илимске Александр Радищев чрез посланного от меня нарочно совсем вызывается в Иркутск, которому в выезде не делать ни малейшаго удержания, а в случае требования – показать ему в спокойном сюда проезде въспоможение».

Далее Шерстобоев пишет: «Киренский исправник Корсаков, получив предписание Нагеля, составил следующий документ,

унащенный вопросительными и восклицательными знаками: «Предложение? Киренскому нижнему земскому суду! По силе присланного во оный суд...от 16 генваря сего года...предложения, на ходящейся в Илимске Александр Радищев из онаго в предлежащей ему путь февраля 20-го числ надлежащим образом мною отправлен, о чем его превосходительству от меня рапортом донесено. Для чего оное предложение и с черным с рапорта отъ пуском для приобщения? К протчим при сем во оной суд препровождаю?»

Помните того самого Корсакова, который, как и представитель киренской думы Деев, требовали с Радищева взятку? Вспомнили. Это он писал такое восхитительное письмо-отчет губернатору. Даже сам Шерстобоев заметил такое письмо. Корсакова можно понять. Нервы. Такая кубышка ускользнула. Почему Радищев написал доверенность именно на имя Корсакова? Тоже можно понять. Корсаков был представитель от киренского земского суда по Илимской волости. И все документы шли только через Корсакова. По этой доверенности, я не буду утомлять вас, дорогой читатель опубликовать её, что Радищев обращается к Корсакову по имени и отчеству. Даже называет его своим приятелем. Из доверенности можно было понять, что он простил хамовитого Корсакова, да и всех недругов он простил. Уже 21 февраля земский исправник Корсаков писал губернатору Нагелю без вопросительных и восклицательных знаков рапорт о выезде Радищева из Илимска. Это отметил Шерстобоев: «во исполнение предложения вашего превосходительства...находящейся в Илимске Александр Радищев со всем его семейством в предлежащей ему путь сего февраля 20-го числа надлежащим образом мною отправлен, коего и препроводил до первого по ангарскому волоку зимовья благополучно».

Вот как заканчивает Шерстобоев о Радищеве: «Это всё, что сохранилось о Радищеве в местных архивах. Тщательные поиски в фондах Иркутского государственного архива других свидетельств об этом замечательном человеке не увенчались успехом».

Я не буду писать, как и каким путем, он поехал в Россию. Из редких писем и дневников самого Радищева он миновал

Иркутск. В одной из книг упоминается Верхнеленск, Усть-Уда. Корсаков пишет про ангарский волок. Из Илимска был волок до Лены. Возможно, этим путем выехал Радищев. Но был ещё один волок. Первые казаки и, конечно, Пантелей Пенда от Лены попадали в верхний Илим, а там всего 28 верст до Ангары. А во времена Радищева люди ездили до деревни Кочергинской, а там шли до деревни Подволочной на Ангаре. От Братска шла дорога до Тулуна. Люди и шли к этой дороге. Это я просто сделал отступление. Просто можно только представить те дороги из времен Радищева. А разве в наше время они были лучше? Я помню дорогу, что пролежала от Тулуна на Братск. Это сейчас люди ездят по асфальтированной дороге. А я помню эту дорогу во время войны и после войны. Не всякая машина могла проехать по ней. И я представляю дорогу зимой и летом, по которой устремился в Россию Радищев. Это не дорога, а ужас и кошмар.

Итак, вернемся в Илимск. Александр Николаевич всё лишнее стал раздавать людям. Многое что оставил Степану Дьяконову. У него уже был собственный дом, своё хозяйство. Люди потоком шли к дому Радищевых. Приезжали крестьяне из других деревень, чтобы проститься с доктором. Кстати, все свои познания по медицине и по профилактике оспы, он передал Дьяконову. Всю лабораторию он передал именно Степану.

Теперь Воробьев уезжал в Иркутск. Он пришел к Радищеву. Поклонился.

– Проздравляю, Лисандр Николаич. Вот вы и домой едите. Таперича и мне пришлось предписанне вернуться в Иркутск. Извиняй, господин Радищев. Служба. Чо сделаешь? А куда денешься? Я так думаю, если вы бы не переучились, то и не попали бы сюда. Не любят у нас переученных людей. Вы уж простите меня.

– А чего же не простить, господин Воробьев. Служба у тебя такая. У меня есть к тебе предложение. Вам надо прекратить пить. У вас, как я вижу высокое давление. А вы ещё молодой.

– Так вот. Получатся так уж. Ну, так я пойду. Служба. А куда денешься?

На второй день пришел в дом сам приказчик острога Неуспоев.

– Я там дал распоряжение, чтобы вам не чинили никакова препятствия. Я тоже скоро уеду отседа. Год ишо остался служить. Вы уж там, в России-то не шибко нас кляните. Служба так нас обязывает. Распоряжение тако было супротив вас. А куда денешься? Служба. Прощевайте.

На второй день приехали из Киренска господа Корсаков и Деев.

– Интересно, кто из них первым придет? – спросила у мужа Елизавета.

Вначале они побывали у приказчика.

Раскрылась дверь и с клубами мороза ввалился в соболиной шубе земский исправник Корсаков. У порога он сбросил шубу, снял соболью шапку, и неожиданно низко поклонился. И живот не помешал.

– Тово, значит, уезжаете, Александр Николаевич?

– Уезжаю вот, – ответил Александр Николаевич, и сделал жест, чтобы земский исправник прошел к столу. На нем стоял самовар, графинчик с водочкой, и разная закуска. Корсаков тихонько прокашлялся, сглотнул слюну, потер лицо, и неожиданно стал медленно опускаться на колени.

– Александр Николаевич, помилуй родной, не ожидал никто. Ты едешь в Россию. К самому к батюшке царю попадешь во дворец. Большую должность дадут в правительстве. Помилуй меня, батюшка! Служба такая! А куда денешься? Помилуй меня негодника за то, что не понял тебя. Просто тебя отправили сюда для остуды. Раз ты, мол, переучился, получай! Прости меня грешного! Жена и дети малые у меня.

Александр Николаевич подошел к земскому исправнику, и попытался его поднять с колен.

– Да простил я вас всех. Служба у вас такая. Как вы говорите, а куда денешься? Встаньте. Не надо так унижаться. Встаньте.

– Не встану, пока меня не простите! – взвыл Корсаков.

– Прощаю вас, прощаю. Что с вас взять? Прощаю.

– С меня взять? Чо попросите, то и дам!

– Не надо от вас ничего. Прощаю вас. А то начну сердиться.

– Не надо сердиться. Умоляю. Не гневайтесь на меня.

Корсаков стал подниматься. Он пыхтел, сопел, большим и клетчатым платком вытирал вспотевшее от натуги круглое лицо, похожее на пузатый самовар, только красного цвета с медным отливом.

Наконец-то, встал. Перекрестился.

– И вроде на душе легче стало, - сказал Корсаков. – Мы здесь люди темные, мало сообразительные. Вы уж при большой должности и выше намного самого губернатора, пожалейте нас несчастных. Меня пожалейте, жену мою и детушек малых пожалейте.

Александр Николаевич едва выпроводил за дверь земского исправника.

Он опустился на лавку. Елизавета Васильевна подошла к мужу и села рядом.

– Устал от них? Но, радоваться надо бы.

– Они что? Решили доконать меня окончательно? Ну, разве так можно унижаться?

Александр Николаевич встал, чтобы попить свежего чаю, но не тут-то было. В дверь легонько постучали, даже поскребли.

– Кто там ещё скребется? Войдите! – крикнул он.

Дверь тихо открылась, и скромно, на полусогнутых ногах вошел Деев, один из известных в краю Илимском взяточник. Помотал он нервов Радищеву.

Деев низко поклонился, перекрестился, легонько прокашлялся.

– Уезжаете, значит, в Россию. Поздравляю вас с отбытием. Должность высокую дают. Как же, сам батюшка царь вызывает. А мы тут чо? Так. Букашки, да таракашки. А вы таперича птица высокоаво полета. Куда нам сирым до вас. Вы уж простите меня, ничтожного и глупова. Не понял я вас. Вас ведь сюда прислали для остуды. Маненько вы переучились, вот и прислали сюда, чобы вы успокоились от этого переучения. Вы уж книг-то меньше читайте, а то опять переучитесь. Помилуйте меня за мою глупость и невежество. Служба. А куда денешься? Чичас я встану перед вами на колени...

И Деев стал опускаться на колени. Александр Николаевич подбежал к нему, и подхватил под руки. Не дал ему вставать на колени.

– Не вздумайте этого делать! Не люблю. Ну почему вы такие? Зачем?

– А как же. Так принято. Вы, считай таперича министр, а я кто? Как же не встать перед вами на колени-то? Ради уважения перед вами. Не встану, ишо обидишься. Нехорошо. Нельзя. Александр Николаевич, пощади меня за мою глупость. Не углядел в вас министра. Не казни меня. Ну, ударь меня негодника! Прикоснись своей министерской рукой по моим щекам. Отхлещи меня как следует, чтобы я поумнел!

– Простил я вас, простил! – повысил голос Александр Николаевич. – Нет, вы не поймете. Какие же вы беспонятные! Нельзя же так!

– Можно, нам можно. Сирые мы. А как же. А куда таперича денешься? Служба. Я буду безмерное рад, и буду всем говорить, чо сам Радищев отхлестал меня по щекам моим беспутным! Отхлещите меня!

Деев стал неистово бить себя по толстым и мягким щекам.

– Так ему, так ему, толстоносому, так! Кого обижал? Самого Радищева! Министра! Так ему, так ему! Все будут помнить, как вы отхлестали своей умной и министерской рукой по моим дурацким щекам! Все будут помнить! Если вы меня отхлещите, то я буду безмерно рад! Так его! Так!

Александр Николаевич немного посмотрел на самоистязание Деева, и неожиданно закричал:

– Встать! Немедленно встать! Смирно!

Деев неожиданно бросил себя хлестать, и вытянулся, словно провинившийся рядовой солдат перед старшиной. Даже толстый живот подобрал. Глаза округлились, и он словно ел своего благодетеля.

– Вот так, господин Деев. Вот так. Ишь, слюни распустил. Ну, что вы за люди такие? Разве можно так?

– Рад стараться! – что есть силы, закричал Деев.

– Можете идти. Простил я вам все давно. Простил. Идите.

– Рад стараться! – опять закричал он.

– Так идите же, - подтолкнул Деева к двери Радищев.

– Рад стараться! – не унимался Деев. – Правильно. Так и надо на нас кричать. Умоляю. Хоть разок ударьте меня по щеке. Хоть раз. Умоляю.

– Если вы сейчас не прекратите унижаться, то мне придется вас вышвырнуть!

– Тогда я буду безмерно рад. Какое счастье, если сам министр Радищев отхлестал меня по щекам. Умоляю.

Александр Николаевич устало опустился на лавку. Кажется, силы его покидали. Елизавета Васильевна подбежала к Дееву.

– Имейте совесть, гражданин Деев, - сказала она. – Вы и так ему все нервы вымотали, а теперь ещё решили добить его? Как вам не стыдно! Убирайтесь!

Деев неожиданно сник, и, шаркая ногами, двинулся к двери. Александр Николаевич тихо сказал:

– Ну, что за люди. По щекам только и способны бить. Обрезков при мне солдата по щекам отхлестал. Разве так можно?

– Я уезжаю в Киренск, и пришлю сюда Обрезкова, - еле слышно ответил Деев.

– Умоляю вас, господин Деев, никого не надо мне слать. Я всех давно простил.

Деев, шаркая ногами, пошел к своей повозке.

Александр Николаевич сидел на лавке, и глубоко дышал.

– Ужас и кошмар, - сказал он. – Боже, до чего люди могут унижаться? Не хватало мне ещё здесь Обрезкова. Надо поскорее уезжать отсюда. Они меня здесь сообща угробят. Не дай Бог, если они понесут мне подаяния! Куда мне от них деваться? Я наметил отъезд на двадцатое февраля.

– Александр, такие стоят жестокие морозы. Может до марта потерпеть?

– Нет у меня больше терпения. Нет. До распутицы надо добраться до главного тракта.

Он просидел у самовара, попил чай с мятой и медом.

– Пойду, Лиза, я в кузницу. Надо собрать все образцы.

И вот он в кузнице. Иркутский купец Клим Малышев решил купить новый дом Радищева. Но купцу не нужна кузница. Купец не всегда будет здесь жить. Он будет нанимать крестьян на

заготовку ягоды черники и брусники, которые высоко ценятся в Иркутске. На сахаре делают варенья. А потом вывозят в Иркутск. А другой дом Радищев отдал своему доброму соседу Якову Прейну. Он и решил взять эту кузницу. И вместе с оборудованием перенести к своему дому. Картофельное поле также перешло к Прейну.

Александр Николаевич, почти все образцы руды железа, серебра, меди, олова собрал в небольшие ящички. В Петербурге всё это он отдаст в научный центр по минералогии. Пусть изучают.

С клубами морозного пара, вошел человек весь в шкурах, опираясь на кривую березовую палку. Радищев узнал его. Это был таежный человек без имени и фамилия. Александр Николаевич удивился тому, что он не слышал лай собак в его дворе. А вот, когда приходили Корсаков и Деев, две его собаки рвались с цепей. Хотя человек держал в руках палку. А, как известно, всех собак раздражают палки в руках человека. Этим собак берет к себе Яков Прейн.

Дед, молча, прошел к лавке, и сел. Помолчали. Первым нарушил молчание дед.

– Уезжаем, значит, Александр Николаевич?

– Покидаем, сей край, - ответил Александр Николаевич.

– Жаль. Но, надо. На родину едешь. На родину. В Россию едешь. В Россию. У меня к тебе предложение. Не бери с собой эти руды. Не надо. У тебя в твоих бумагах всё о них записано. Этого достаточно. И руда там не потребуется. Зачем тебе такой лишний груз везти? Зачем? Это лишнее. Поверь мне.

– Но, я хотел показать некоторым нашим ученым о богатстве этого края, - ответил Радищев.

– Ну и чем ты их удивишь? И зачем удивлять? Есть записи, и этого им достаточно. Когда сюда придут настоящие промышленники? Нужны века. Ну, например, лет через двести сюда приедут люди, чтобы начать добычу, ну, например, добывать железную руду. Оставь. Не надо брать.

– Ладно, уговорили. Пусть этим делом занимается Дьяконов. А вы всё в тайге обитаете?

– Обитаю. Это моя родина.

– Нет слаще слова – родина, - ответил Александр Николаевич.

– Это так. Для меня слаще слово – тайга и мой Илим нет ничего слаще.

– Не пойму, как можно жить без общения с людьми.

– Даже с такими, как Неуспокоев, Корсаков, Деев, Обрезков?

– Эти не в счет, - быстро ответил Александр Николаевич. – А как вы узнали, кто эти господа?

– Хоть и тайга, а всё известно.

– Кто вы?

– Я уже говорил. Таежный человек. Так, кто в счет?

– Лично для меня, необходимо общение с такими же людьми, как я.

– Понимаю. А есть такие люди, с которыми бы немного пообщались, и пожелали бы больше не встречаться.

– Люди все разные.

– Согласен. Но общество, высшее общество вам бы не понравилось, - ответил дед. – Эти люди изображают себя высокообразованными людьми, но вы бы ушли от них. Вам бы такое общество не понравилось. Вы бы его возненавидели.

– Но, такого невозможно быть, - возразил Радищев. - Общество не может быть таким, что его весь возненавидеть.

– Я немного не так выразился. Лично вы бы их возненавидели. А они между собой спорят, ругаются, но живут отменно.

– Не понимаю вас. А когда я что-то не понимаю, то я пытаюсь это понять, - ответил Александр Николаевич.

– Потом поймете. Сны вам снятся?

– Человек не может жить без снов.

– Это правда. Вам не надо было ходить к залежам ртути.

– Такой уж я человек. Мне до всего есть дело, - ответил Александр Николаевич. И тут он почувствовал, что он вдруг начал засыпать. Даже не засыпать, а в глазах образовался туман. И в этом тумане что-то двигалось. Кажется, это были люди. Как-то во сне он уже видел красивую аллею. Видел беснующихся девушек в церкви. Видел полуголых женщин и девушек, и все они курили и пили что-то из бутылок. Ему опять этот сон приснился. Потом он увидел неведомый город. Высокие дома, а по улицам

двигались непонятные металлические и красивые детали на четырех колесах без лошадей. И люди шли и шли, и не было им конца. Потом ему показали дом. И будто кто-то ему тихо сообщил, что это государственная дума. Потом он увидел огромный зал. В нем сидели люди в непонятных одеждах. Каждый из них мог говорить долго и непонятно. И он вдруг их стал понимать. Было такое ощущение, будто он там есть, но его никто не замечает. Он оказался на свободном кресле. Такое кресло он не видел нигде. А главное, он слушал. Он пытался вырваться из кресла, хотел не слушать болтающих людей. Вроде кто-то предложил ему сидеть здесь и слушать. Он рвался, пытался не слушать болтовню этих людей. Все, как один из выступающих постоянно что-то обещали, клялись в честности. Из всех разговоров он понял, благодаря невидимому подсказчику, обещания эти не выполнялись. Кругом процветают: взятки, воровство, обман народа... Много, что он увидел во сне, и ему даже во сне стало страшно от виденного. Он подумал, какую страну ему показали? Возможно, эта страна находится на какой-нибудь планете? На нашей планете такое невозможно. Зачем обманывать и утешать самого себя? Зачем? Это была его страна, Россия. Кажется, он плакал от того, что увидел. Бедные люди, как их все те, кто находится в этой неведомой стране у любой власти, постоянно обманывают. Кто-то сказал ему, что украденные у народа деньги эти стоящие у власти отправляют за границу, то он пытался проснуться, но не мог. Эти люди на ворованные деньги там строят дворцы и их не ловят и не судят и не четвергуют, не отправляют в острог. Ему показали улыбающуюся женщину на следствии. Почему она улыбается и облизывается? Мало наворовала? На её крепком лбу начертано – обокрала пенсионеров. Она занимала крупную должность у военных, и украла столько денег у государства, что в такую сумму можно не поверить. А когда ему сказали, что она находится под домашним арестом, он стал рваться, чтобы проснуться. В это время ему кто-то сообщил, что в одном суде мужичку назначили срок в пять лет за украденные два мешка картошки. Как такое возможно? Украсть несколько миллиардов рублей и быть под домашним арестом? А за два мешка картошки пять лет? Почему адвокаты так усердно защищают такую вот

миллиардершу? А мужичка не защитили? Ясно. У мужичка оно-го нечем платить. Значит, и в будущем будут царствовать продажные адвокаты? Будут. Вот бы встретиться Радищеву с таким адвокатом с глазу на глаз. А потом обнародовать оное фамилия на всю страну, чтобы не было повадно для других продажных адвокатов. Он чувствовал, что покрывается холодным потом, сердце учащенно билось. Сквозь сон он слышал, что его звали, но он не мог проснуться. В этот момент ему показали простых людей на улице. Один из пожилых людей сказал:

– Куда подевались настоящие воры в законе? На что они смотрят? Почему они этих господ не тряхнут хорошо? Если власти бессильны, то воры в законе взяли бы за этих прохиндеев. Отобрали бы у них деньги, и хоть бы немного повысили пенсии. И народ бы им был благодарен.

Другой пожилой мужчина ответил:

– А чтобы они не мешали, возможно, этих благородных товарищей пересажали? Было время, когда простые люди обращались к ним, и они помогали. Такое было в дни моей молодости. Сейчас мы живем в диком капитализме...

– Ну и как сон? – кто-то спросил его. Но Радищев узнал этот голос. Таежный человек.

– Страшно.

– Страшно, - согласился дед. – А давайте, Александр Николаевич поразмыслием насчет вот чего. Вы написали трактат о человеке и его бессмертии. А что если после вас, ну вы бы снова появились, но в том реальном мире, в новой несчастной России, набитой как морда рыбой казнокрадами, и теми людьми, которых вы увидели во сне, чтобы вы сделали?

– Не надо бы мне там появляться, - быстро ответил Радищев.

– Предположим, вы появились, побывали бы во многих местах, что бы вы сделали? Вы проехали бы всю Россию от Петербурга до самого Тихого океана. Есть там, на берегу океана, город Владивосток. Так как, Александр Николаевич? А вам и надо бы всю страну проезжать. Любая деревня, и город повторяют друг друга. Они все дублируют друг друга. Что бы вы сделали?

– Вопрос сложный, но я отвечаю. Тогда бы я написал новую книгу, и озаглавил бы её так: «Путешествие из Петербурга до Владивостока». И снова бы почил. У меня бы не оставалось иного выхода, а только навсегда почить. А грядущие потомки пусть разбирались бы. Я чувствую порой, устаю жить. Я вижу, что нет никакого смысла. У меня возникает такое чувство, что со всех сторон следят за мной, как бы опять чего не написал крамольного. А если ещё эта правда из будущего приходит мне во сне? Тогда какой смысл моей борьбы с этой системой? Нет, господин таежный человек, мои усилия напрасны. Я глубоко ошибся. Капитализм не рухнет. Он только приобретет новые формы для эксплуатации простого человека. И эти формы будут более жестокие и кровавее.

– Александр Николаевич, а если вдруг вы бы появились в том мире? Серьезно вас спрашиваю.

– Серьезно отвечаю. Написал бы именно такую книгу. А в этом мире, какой смысл мне жить? Нет смысла.

– Если бы вы знали, что после вашего поступка, вашей книги, после вас начнется движение против этой системы. Именно вы первым выступили против системы капитализма.

– А чего они добьются? - спросил Радищев.

Голос таежного человека не ответил.

– Вот так-то, - сказал Радищев. – Устал я.

И тут он услышал, как кто-то говорил:

– Александр Николаевич, Александр Николаевич, что с вами? Проснитесь!

Радищев неожиданно проснулся. Перед ним стоял бывший студент Горбунов.

– Проснулись? Что с вами? Вы весь тряслись. Я испугался. Что с вами? Страшный сон увидели?

– Страшнее такого сна ничего нет на этом свете. Мы одни здесь?

– Одни.

– Давно здесь? Никого здесь не было?

– Никого здесь не было.

– Как у тебя дела? - спросил Александр Николаевич, рассматривая свою кузницу.

– Уезжаю в Иркутск. Вы постарались. Огромное спасибо вам. Меня освободили. Думаю продолжить учебу.

– Это правильно. Тебе надо обязательно учиться.

Александр Николаевич пошел в дом. Ему было плохо от увиденного во сне. А Горбунов отправился к месту своего временного жилья.

Александр Николаевич вошел в дом. К нему подбежала Елизавета Васильевна. Она была встревожена.

– Что случилось? Ты так бледен. Сейчас я тебе чайку свежего приготовлю с твоими любимыми травами и медом.

Александр Николаевич пил чай и всё думал о страшном сне. Что это значило? Где это происходило? А если такая страна где-то есть? Значит, это его страна? Россия? Страшно. Значит, и в будущем будут сплошные взяточники. Странно только то, что кто Радищеву переводил всё на русский язык? И как в том мире все представители власти и её руководители много о непонятном говорят и обещают. Страшная страна. Ему бы не хотелось жить в такой стране. Во сне ему показали будущее его родины, его России. Нет, такого не может быть! Просто, это обыкновенный сон. А если это, правда? Тогда его борьба против капиталистической системы, где свободно продают крепостного крестьянина, напрасна? Капитализм вечен? Тут действительно затоскуешь. Нет, это был сон. Об этом не надо думать. И не надо ни с кем советоваться. Скажут, Радищев, с ума сошел. Надо радоваться. Он свободен! Надо срочно отсюда уезжать. Уезжать, и тогда он не будет видеть страшные сны. Виновата ртуть. Но, тогда почему так странно говорил таежный человек? А вдруг этот дед показал ему будущее его России! Ведь в этом сне все люди говорили на русском языке. Да, это его Россия. И зачем отгонять от себя мысли, что это неведомая ему страна? Зачем обманывать самого себя? Это есть будущая Россия. Бедная Россия. Тогда ради чего всё это? Зачем? Ничего не изменится. Станет ещё хуже. Ну, приедет он в Россию. Возможно, дадут ему какую-нибудь должность по юридическим вопросам? Возможно, он что-то напишет. Напечатают. И что? Что изменится? Начнется опять гонение. А там, глядишь, и новая ссылка в Сибирь. Ради чего? Зачем? А не лучше ли будет просто ему умереть. Своим поступком со своей книгой

«Путешествие из Петербурга в Москву», и будущим поступком в написании новой книги страшнее и откровеннее, ничего не изменится. Тогда какой смысл жить?

Он тряхнул головой, отгоняя дурные мысли, и посмотрел на Елизавету Васильевну, на копошащихся со своими вещами детей, готовящихся в дорогу, и пришел в ужас от того, как он мог так подумать? И ещё он понял, что эта мысль теперь уж не будет его покидать. Будущее его туманно, и впереди этого будущего просвета нет.

– Бедная Россия, - только и прошептал он, и горькие слезы выкатились из глаз.

Елизавета Васильевна заметила это, и прижала его голову к своей груди.

– Я тоже от радости плакала, - сказала она. – Успокойся. Мы едем домой.

– Мы едем домой, - повторил он. – Мы едем домой.

Наступило 20 февраля 1797 года.

Чуть рассвело, а у теперь уже бывшего дома Радищева собралось всё население Илимска. Сюда приехали многие жители из других деревень. Священники прочитали подорожную молитву. Народ провожал своего любимого доктора, и просто хорошего и доброго человека. К Радищеву быстрым шагом подошел рядовой солдат высокого роста. Радищев узнал его. Это был солдат Пашков. По поручению губернатора Иркутска Нагеля с Радищевым был приставлен рядовой солдат, чтобы он последовал с ним до его места пребывания в России. (Архивные данные об этом упоминают).

– Садись в первую кибитку, солдат. Постараюсь, чтобы в гвардию попал.

– Я завсегда мечтал о гвардии.

И тут из толпы выскочил маленького роста при форме киренский чиновник Обрезков.

– Господин Александр Николаевич, не гневитесь на меня! Служба. Это всё они виноваты! Я не виноват! Простите меня, негодника!

Он грохнулся на колени. В толпе кто-то хихикнул.

– Пощадите, Александр Николаевич! Пощадите. Я не хотел брать с вас взятку! Умоляю! Пощадите! Простите меня!

– А ну встать! – крикнул Александр Николаевич. – Всех вас я давно простил. Такая здесь у вас служба. Встать! А то рассержусь!

Обрезков встал и быстро скрылся в толпе.

Все уселись по трем кибиткам. Александр Николаевич садился последним. Он низко поклонился народу.

– Спасибо вам, люди добрые! Мы жили все в дружбе. Прощайте.

Он покидал Илимск, где прожил пять лет. В морозной дымке он не увидел гор, дальних домов. Он видел только людей. Из глаз некоторых крестьян текли слезы. И от этого защемило сердце. Он уезжал в цивилизованный мир, а они останутся в этом глухом, медвежьем, и неудобном краю.

Тут из толпы выбежал Иван Черемных. На дугу он привязал колокольчик.

– Зачем ты это сделал, Иван Иннокентьевич?

– Пусть звонит. Пусть все знают, что едет великий гражданин Илима.

Ты посмотри, как он научился говорить, подумал Александр Николаевич. Он подошел к Ивану и обнял его.

Он влез в кибитку и укрылся медвежьей шубой, которую принесли ему местные охотники, и погрузился в мысли о предстоящей встрече с родными и друзьями.

Александр Николаевич вспомнил странный сон. Не надо было ему ходить к ручью, где он обнаружил залежи ртути. Вот теперь и снятся ему вот такие страшные сны о страшной неведомой ему стране России в будущем с улыбающимися, но страшными людьми. Не дай Бог жить в такой стране. А вдруг это правда, думал Александр Николаевич. Будущее России? Тогда какой смысл борьбы за переустройства его страны? Какой смысл, если ничего не изменится. Конечно, мир изменится. Вот этих дорог не будет, а будут такие дороги, какие он увидел в том сне. Почему-то он в первую очередь вспомнил те дороги, и сравнил вот с этими дорогами. Он увидел прекрасный мир в том сне. Но он увидел и людей. И по его телу пробежал холодок. Значит,

внутренний мир тех людей, их психология останутся прежними. Внутренний мир человека никогда не менялся. Только тот человек станет изощреннее в плутовстве, воровстве, хитрости. В его облике есть культура, интеллигентность. В основном они будут образованными людьми. Во сне это ему показали. Но в действительности они хамоваты и беспардонные. Такие понятия, как совесть и сострадания у этих людей к ближнему своему отсутствуют. Сон показал ему, что человек внутренне не изменился. И вдруг Александру Николаевичу от этого стало страшно и обидно. Тогда какой смысл в его борьбе? Будто внутренний голос в нем сказал, что он ошибся. И эта его ошибка стоила ему суда над ним, и ссылку в Илимск. Значит, всё зря? Страшно. Что его ждет в будущем?

Радищев задумался. В его уши ворвался едва слышный голос таежного человека:

– Я всегда и всячески помогал первым поселенцам на Илеме. И как могу и сейчас помогаю. Только люди этого не замечают. И буду помогать людям Илима в будущем. Но мне, как и тебе также становится страшно от всего виденного. Я ведь обыкновенный простой дух Илима, только и всего. Порой природа бывает недовольная, что творит на земле человек. Ведь есть дух Байкала, есть дух Енисея, Лены, Ангары. У всего есть дух. Человек этого не понимает. А если все духи объединятся против не благодарного человека? Тогда я не завидую людям земли. Только такие люди, как ты благодарны к природе. И тогда мы, вот такие духи, можем появляться перед человеком и вести с ними разговоры. Мне с тобой было весьма интересно беседовать. Когда ещё появится на Илеме такой человек, то мне неизвестно. Даже если и уже знаю, но не скажу по той причине, что вам это не интересно. Когда это будет? А пока, дорогой, Александр Николаевич, прощай.

Над головой Радищева весело звенел колокольчик, извещающий миру, что из ссылки возвращается великий гражданин России. Но на душе у этого Человека с большой буквы не было веселья.

Не доезжая до Тобольска Елизавета Васильевна Рубановская умерла от простуды.

Через пять лет, 12 сентября 1802 года, не видя ничего хорошего в дальнейшей своей жизни, Александр Николаевич Радищев принял яд.

«Если добродетели твоей убежища на земле не останется, если, доведена до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, тогда вспомни, что ты человек, вспомняи величество твое, восхити венец блаженства, его же отъяти у тебя тщится – умри».
А. Н. Радищев.

«Видно, что человек этот был очень несчастлив»

Эти слова после смерти Радищева сказал известный в те времена лейб-медик Виллие.

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я Свободу
И милосердие воспел.

Эти строки, написанные А. С. Пушкиным, цезура не пропустила.

«Он едет по большой дороге, он сочувствует страданиям масс, он говорит с ямщиками, дворовыми, с рекрутами, и во всяком слове его мы находим с ненавистью к насилию громкий протест против крепостного состояния». А. И. Герцен.

Основные даты биографии А.Н. Радищева

1749 год. 31 августа. Рождение А.Н. Радищева.

1762 год. 25 ноября. Зачисление А.Н. Радищева в пажи.

1765 год. Отъезд из Петербурга для ученья в Лейпцигском университете.

1770 год. 7 июня. Смерть Ф.В. Ушакова, ближайшего друга А. Н. Радищева.

1771 год. Ноябрь. Возвращение в Петербург. Назначение протоколита в сенат.

1772 год. Знакомство с Н.И. Новиковым.

1773 год. Издание книги Мабли «Размышления о греческой истории», переведенной А.Н. Радищевым.

Назначение Радищева обер-аудитором в штаб главноначальствующего в Петербурге.

1775 год. Выход А.Н. Радищева в отставку. Женитьба на Анне Васильевне Рубановской.

1777 год. Назначение на должность ассессора коммерц-коллегии.

1780 год. Назначение помощником управляющего Петербургской таможенной. Участие в разработке нового таможенного тарифа.

1782 год. Написано «Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске».

1783 год. Закончена ода «Вольность».

Смерть Анны Васильевны Радищевой.

1785 год. Начало работы над отдельными главами книги «Путешествие из Петербурга в Москву».

1778 год. Закончено «Путешествие из Петербурга в Москву».

1789 год. 22 июля. Получено разрешение цензуры на печатание «Путешествия из Петербурга в Москву».

1789 год. Издание книги «Житие Федора Васильевича Ушакова».

1789 год. Декабрь. В домашней типографии Радищева напечатано «Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске».

1790 год. Апрель. Назначение на должность управляющего Петербургской таможенной».

1790 год. Май. Закончено печатание «Путешествие из Петербурга в Москву».

1790 год. 30 июня. Арест А.Н. Радищева.

1790 год. 24 июля. А.Н. Радищев приговорен Санкт-Петербургской Уголовной палатой к смертной казни.

1790 год. 4 сентября. Замена смертной казни ссылкой в Илимск на десять лет.

1790 год. Декабрь. Приезд А.Н. Радищева в Тобольск.

1791 год. Март. Приезд к А.Н. Радищеву в Тобольск Е.В. Рубановской и двух младших детей.

1792 год. 4 января. Приезд А.Н. Радищева в Илимск.

1792 год. Начало работы над рукописью «О человеке, о его смертности и бессмертии».

1792 год. Радищев пишет «Письмо о китайском торге».

1796 год. 23 ноября. Указ Павла I об освобождении Радищева из Илимска с предписанием жить безвыездно «в своих деревнях».

1797 год. 7 апреля. Смерть Е.В. Рубановской в Тобольске.

1797 год. Приезд в село Немцово.

1798 –1801 год. Работа над рукописью «Описание моего владения».

1798 год. Поездка в Верхнее Аблязово.

1799 год. Работа над поэмой «Бова».

1800-1801 годы. Стихотворение «Осьмнадцатое столетие». Работа над «Песнью исторической».

1801 год. Март. Радищев получает амнистию, и право жить повсеместно.

1801 год. 6 августа. Назначение членом Комиссии составление законов.

1801 год. Составление докладной записки «О законоположении».

1802 год. Составление проекта «Гражданского уложения».

1802 год. 12 сентября. Смерть А.Н. Радищева.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Часть первая: 1792. Первый год ссылки	6
Часть вторая: 1793 год. Второй год ссылки	55
Часть третья: 1794 год. Третий год ссылки	144
Часть четвертая: 1795 год. Четвертый год ссылки	235
Часть пятая: 1796 год. Пятый год ссылки	322
Часть шестая: 1797 год. Конец ссылке. Великий гражданин России	398

Юрий Стрелов

«Он хуже Пугачёва»

Отпечатано в типографии «Оттиск».

Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.

Подписано в печать 04.09.2013 г. Формат 60/84/16.

Усл. печ. л. 18,9. Уч.-изд. л. 20,62.

Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Тираж 300 экз. Заказ № 215.

664025 г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26. Тел.: 34-32-34, 241-242.

E-mail: ottisk@irmail.ru